

АДОЛЬФ АРЦИШЕВСКИЙ

НАПЕРЕКОР И ВОПРЕКИ!

Но - следуя заветам...

**К 30-летию Независимости
Республики Казахстан**

НАПЕРЕКОР И ВОПРЕКИ! НО – СЛЕДУЯ ЗАВЕТАМ...

Ассамблея народа Казахстана

Евро-Азиатский Еврейский Конгресс

Объединение юридических лиц Ассоциация «Мицва»
Республики Казахстан

Адольф Арцишевский

НАПЕРЕКОР И ВОПРЕКИ! НО – СЛЕДУЯ ЗАВЕТАМ...

Данный сборник издается в рамках общинного проекта
ОЮЛ Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан

«История. Память. Люди.»

Руководитель проекта: Александр Барон

Алматы
2021 г.

НАПЕРЕКОР И ВОПРЕКИ! НО – СЛЕДУЯ ЗАВЕТАМ...

УДК

ББК

Е

Е63 Адольф Арцишевский «Наперекор И Вопреки! Но – Следуя Заветам»/ Адольф Арцишевский – Алматы, 2021г. - стр.

Типография «VESTA»

ISBN

В книгу

УДК
ББК

ISBN

© Объединение юридических лиц Ассоциация «Мицва»
Республики Казахстан, 2021 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Абрам Черкасский	7
Жорес Алфёров.....	11
Евгений Брусиловский.....	13
Наталия Сац.....	17
Юрий Померанцев	21
Михаил Усанович	27
Морис Симашко	31
Лев Темкин	37
Абрамсоны	40
Чернецкие	44
Абрам Ланцман	46
Артур Эйхенгрин	49
Мишель Нострадамус	55
Сигизмунд Фрейд	60
Михаил Зельцер	64
Александр Дивинский	68
Зихерман и Штенейнберг	73
Иосиф Барон	77
Александр Машкевич	81
Лия Шпарберг	95
Борис Абрамович.....	96
Леонид Гирш	98
Беньямин Бабицкий	99
Борис Дубров	100
Юрий Герт	102
Вульф Миркин	105
Давид Абрамишвили	108
Тамара Ильина	110
Игорь Гонопольский	113
Олег Эльштейн	117
Надежда Полонская	120
Владимир Проскурин	122
Игорь Мациевский	124
Лев Боксерман.....	125
Суламифь	127
Яков Бронштейн	131
Расим Михаэли	135
Евгений Рейн	138
Григорий Дахшлейгер	142
Або Лозинский	145
Семён Серовайский	149
Эмиль Росман	152
Александр Гербстман	156
Людмила Варшавская	159
Лазарь Лагин.....	161
Наш Хаим	154
Александр Барон	167

Неповторимость человеческого бытия

В конце 70-х прошлого века я возглавлял информационный центр в Казахском обществе дружбы, отвечал за выпуск бюллетеня «Советский Казахстан сегодня». И был удивлен вызову в Комитет госбезопасности, где меня строго спросили, как я посмел опубликовать статистические данные о количестве проживающих в Казахстане национальностей и откуда они у меня. Оказывается, это было большим секретом!

Следующим потрясением стали для меня строки из стихотворения Олжаса Сулейменова:

*Казахстан - ты огромен, пять Франций - без Лувров, Монмартров -
уместились в тебе, все Бастилии грешных столиц.
Ты огромною каторгой плывал на маленькой карте.
Мы на этой каторге - родились!*

В 1999 году случилась Первая перепись независимого Казахстана. В формат будущего фильма об этом историческом событии вошло интервью с Поэтом:

Как наш народ продолжится в следующем тысячелетии? Количественно, но и качественно. Что сохранит от тех обычаев, которые нам достались в наследство? А что нам досталось в наследство? Вот эта земля и обычаи народа. Культура его. Уважение к старшим. Нежность к младшим. Вот это если мы растеряем, то народа нет. Есть население. Нет этноса – всё! Кому-то это интересно – превратить нас в такое население. А нам – нет. Мы хотим быть кристаллической структурой, а неаморфным каким-то образованием. Мы хотим иметь восемь граней: «Сегіз қырлы, бір сырлы» – восьмигранным алмазом, как говорят о человеке, талантливым во всем. Каждый народ – это кристалл, сверкающий, с острыми режущими гранями и чистой воды.

Казахстан рассматривался как задворки великой советской страны, окраиной бывшей империи, при чем не густо населенной, которая требовала развития экономического. Когда надо было куда-то ссылать... избыток какого-то неудобного населения, они смотрели, где пустоты... ага! – вот пустоты – большие территории в Казахстане. Вот давайте сюда погоним чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев, курдов, греков... Это – с запада. С востока везли, когда Сахалин очищали от нежелательного элемента... привезли корейцев в 37 году...

«В том числе...» так я назвал этот фильм. В том числе в этой Переписи были и евреи.

Спустя четыре года возникла тема Съезда мировых религий в новой столице – Астане. Первой эту идею поддержала Маргарет Тэтчер, заявив: «Ни одна страна не смогла бы быть более подходящей для проведения подобного форума, чем Казахстан».

Астана в те дни стала своеобразным Вавилоном. Но если библейский Вавилон был наказан Богом за гордыню, то теперь Он мог бы только гордиться тем, что сотворенные им народы заговорили на одном языке – языке мира и согласия не для того, чтобы построить башню до небес и возвыситься, а для того, чтобы увидеть друг в друге брата, узнать родство душ, познать в ближнем не то, что отличает их, а то, что объединяет и роднит.

Слуги Господа Бога – представители самых разных конфессий, которые многие века утверждались на земле, претендуя на право быть единственно истинной религией, не признававшие иной веры, иного учения и иных религиозных обрядов – собрались у подножия Байтерека – казахского символа Древа Жизни, – чтобы заговорить о мире и Божественной силе, которая призывала все конфессии стремиться к любви и согласию, терпимости и пониманию между сынами человеческими. Первый президент Казахстана Н.Назарбаев в своем выступлении на Форуме отметил:

«То, что произошло сегодня, можно расценивать как событие мирового масштаба. Впервые в истории человечества на территории Азии, в стране, где превалирует му-

сульманство, состоялся съезд лидеров мировых и традиционных религий. Впервые за одним столом сидели представители христианства, ислама, буддизма, иудаизма».

Среди многих выступлений на съезде мне запомнились слова, произнесенные главным раввином Израиля Йоны Мецгер, обращенные к нашему президенту:

Вы идете по дороге нашего общего праотца Авраама, который первым пустил гостей в свой шатер. Вы превратили ваше государство в страну мира между народами и религиями.

Именно тогда, в 2003 году, монтируя фильм «Поговорим о главном», я впервые вплотную соприкоснулся с еврейской темой. Побывал в алматинском еврейском Центре и на кладбище, на котором был похоронен выдающийся раввин Хабада Леви-Ицхак Шнерсон (Ныне могила Любавичского Ребе – объект национального культурного наследия Казахстана, а также часть зарубежного наследия США).

Затем неожиданно для себя оказался в Израиле с режиссером Александром Головинским на проекте «Миры Мориса», озвучивая в качестве «автора» последнюю книгу Симашко «Четвертый Рим», писателя, которого, как он сам говорил: «еврея, пишущего на русском языке казахи выдвинули на Нобелевскую премию».

С благодарностью вспоминаю знакомство с послом Израиля Бен-Ционом Кармелем в середине 90-х годов, фактически первым поддержавшим мое обращение к этнографии казахского народа в документальном кино и организовавшим просмотр фильмов в своем доме в Алма-Ате.

Книга очерков моего давнего друга Адольфа Арцишевского всколыхнула память: я встретил на ее страницах многих дорогих для меня людей – Юрия Герта, Александра Лазаревича Жовтиса, Руфь Мееровну Тамарину, Людмилу Енисееву-Варшавскую ...

Ну и, конечно, вспомнились годы работы в издательстве «Жазушы» (1975-1979, т.е. сразу после окончания Литинститута), где я стал свидетелем редактирования Адольфом книги Олжаса Сулейменова «Азия» и последовавшего за этим наказания в виде увольнения с работы. Тогда родились строчки, которые подарил другу в ту нелегкую минуту:

Не верьте обидным словам,
Не верьте объявленной травле...
Налейте водицы в стакан
И веточку в воду поставьте.

Не верьте, что в сердце живет
Обида – такая чужая!..
Пусть веточка эта цветет,
И душу, и взгляд освежая

Не верьте в расстраченность сил
И чувство захлопнутой клетки...
Как цвет необычно красив
У этой надломленной ветки!

Забудьте, что жизнь коротка,
Вам лучшая доля досталась:
Нежнейшая ткань лепестка –
Такая весомая малость!

С тех самых пор мы практически пребываем в постоянном общении, делясь насущными проблемами и, конечно же, вместе отмечая мгновенья счастья и успеха. К сожалению, мы потеряли близких друзей – Виктора Бадикова, Юру Егорову, Виталия Старкова, Людю Енисееву, Тамару Мадзигон, Олега Постникова... Круг общения сузился

и только память о тех радостных встречах озаряет нас, еще ярче огранивая их светлые души. Именно память – это удивительная машина времени – помогает нам вернуться к истокам творчески богатой дружбы и именно в этом я вижу главную ценность книги очерков Адольфа Арцишевского. Сколько имён, сколько биографий, раскрывающихся в непридуманых деталях, которые ценны именно своей документальностью, свидетельствами очевидца, да и еще такого летописца, сочетающего в себе журналистскую скоропись с пронизательной зоркостью романиста.

«Ищу наследство» - так называлась первая книга Адольфа. Он до сих пор ищет и обретает наследство – Память всех, кто жил до него, живет рядом с ним и будут жить с ним.

Очерки Адольфа – это не только портреты современников, и не только об евреях, чья судьба неразрывно связана с Казахстаном. Это страницы истории нашей земли – многострадальной, но запомнившейся многим людям, волею судьбы оказавшихся на казахской земле и породнившихся с ней душой; землей, ставшей для них второй родиной, а главное посвятивших ей свой талант и благодарную память. Без таких свидетельств немыслима наша история и наше будущее.

Спасибо ему, успевающему не только быть свидетелем эпохи, но ее благодарным летописцем, как однажды признается сам: «человеком живым, встревоженным, ищущим трепетное слово, чтобы выразить неповторимость человеческого бытия».

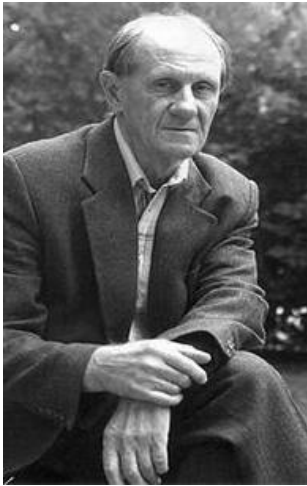
Бахыт Каирбеков
10.02.2021

Путь к себе. Книга книг и судьба человека

Всё в жизни не случайно. Для меня символично вот что. На рубеже тысячелетий, в переломный двухтысячный год, в пору невероятной житейской и душевной смуты закрыли газету «Наука Казахстана», где я был заместителем главного редактора. Я остался без работы и, в сущности, без куска хлеба. Но судьба распорядилась удивительным образом: меня пригласили редактировать газету «Шалом», как раз в те дни начинавшую свою жизнь при синагоге Алматы. Я человек далёкий от религиозных устремлений, но к тому времени я уже прочитал Книгу Книг, которая, кстати, была почти недоступна в советские годы, но для меня она всегда была высочайшей духовной ценностью. Читал я её с предельным тщанием, читал дней десять, вникая в каждую букву, в каждый знак препинания, вникая в нюансы и подробности. Чтение было не из лёгких, оно пронзало кровотоки, оно изменяло что-то важное во мне. Судьба уже тогда готовила меня к редакторству в «Шаломе».

А потом... потом были пять лет глубинного проникновения в иудаизм, пять лет каждодневного общения с прихожанами синагоги, невольное постижение характеров, судеб. И здесь в полной мере раскрылись и моя журналистская оснастка, и моё писательское начало.

Судьба же книги, которую вы держите в руках, удивительна. Первый абрис её явился миру ещё в 2003 году. Фолиант под названием «Земля надежды. Евреи Казахстана - Казахстану» был напечатан в единственном экземпляре и вручен в Париже Александру Антоновичу Машкевичу в дни его пятидесятилетнего юбилея. Сохранился редкий и бесценный документ - отзыв на этот подарочный экземпляр доктора филологии Виктора Владимировича Бадикова, ныне - увы! - покойного. Думаю, что привести его здесь более чем уместно. Вот он:

«Сама идея этой книги и непосредственное её воплощение (первый пробный экземпляр) - прежде всего уникальны. Не знаю, как за пределами нашей республики, но в самом Казахстане о её знаменитых евреях иногда писали в периодике (обычно клеветнически в советской и восторженно-покаянно - в постсоветской). Но всё это имело эпизодический характер, уходило в песок времени и продолжалось до тех пор, пока не появились в Алматы теперь широко известные газеты «Шалом» и «Давар». Честь и слава их спонсорам и создателям. Именно они не только привлекли к себе стойкий читательский интерес, но и стали основой книге, о которой идёт речь.

Газетные материалы, вошедшие в эту книгу, есть первый серьёзный акт духовного самосознания казахстанских евреев - в их исторических и творческих судьбах трагического советского времени. Здесь есть общность и частная отдельность биографий выдающихся учёных, писателей, музыкантов, художников (и не только выдающихся, но просто даровитых и талантливых). Но самое главное - в разнообразии, так сказать, разноликости материала, собранного под одной обложкой, открывается великое бескорыстие, подвижничество и жертвенность лучших сыновей Израиля, ставших побратимами мудрого и великодушно-доброего народа Казахстана.

Теперь интернациональная казахстанская аудитория получит совокупное, честное и беспристрастное свидетельство того весомого вклада, который внесли братья-евреи в духовную сокровищницу культуры РК.

Нет сомнения, что это только первый шаг на пути социального и духовного единения двух великих народов в нелёгкое новое время демократических поисков и преобразований.

Эта правда ждала своего времени слишком долго.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и мировой
литературы Казахского национального
педагогического университета им. Абая

В.В. Бадиков

14.10.2003

Абрам Черкасский. Гармония его контрастов

Алма-Ата 50-60 гг. XX столетия дала эпохе целый ряд первоклассных живописцев, очень разных по своим стилистическим исканиям, по своеобразному почерку, но единых в том неудержимом напоре творческой энергии, которая наполняет их полотна. Можно (и нужно!) говорить об особой школе живописи южной столицы Казахстана.

Сторонний взгляд её возникновения может озадачить: с чего бы это вдруг? Что послужило причиной столь мощного выброса художнической энергии? Но тут же вспоминаются такие самобытные живописцы Алма-Аты начала прошлого столетия, как Николай Хлудов и его ученик Абиляхан Кастеев. А изумительный театральный художник Всеволод Теляковский, силою небезызвестных обстоятельств попавший в 1935 г. в Казахстан и снискавший здесь подлинную славу художника-декоратора! Наконец, Леонид Леонтьев, который, начиная с 1939 г., в течение двадцати лет преподавал в Алма-Атинском художественном училище. Художник ленинградской школы он привнёс её высокоинтеллектуальный дух в наш южный город.

Все так. Но Хлудова в 1935 г. уже не стало. Теляковский не был педагогом. Кастеев мог считаться таковым лишь фигурально. Тишайший интеллигент Леонтьев не смог бы в одиночку дать столь мощный импульс будущим художникам. Но всё встанет на круги своя, если мы назовем ещё одно имя - Абрама Марковича Черкасского, истинного предтечу когорты современных живописцев, их педагога, который и сам был отмечен талантом свыше.

В Алма-Ату он попал в лихую годину 1941 г. Но прежде чем стать преподавателем нашего художественного училища 55-летний профессор живописи, известный художник Украины, лауреат престижных в те годы премий, около трёх лет махал кайлом в одной из шахт Карлага. Трудотерапия, почти по Маяковскому - помните папашу: "стихи попишет, землю попашет". С той лишь разницей, что трудотерапия осуществлялась за колючей проволокой и профессор живописи был отлучен от этой самой живописи на три года. Очевидно, уголь, добытый профессором, мастером кисти, был особенно ценен в строительстве соиндустрии и в укреплении оборонной мощи страны.

Мы должны принести низкий поклон Эве Львовне, мужественной подруге и верной жене Абрама Марковича. Уму непостижимо, но она сумела лично дойти до самого Кагановича, попасть к нему на прием, доказывая, что ее муж - не враг народа, а совсем наоборот. И доказала! И вызволила его из Карлага, увезла в Алма-Ату, узнав предварительно, что здесь есть художественное училище и что с преподавателями в нем - "напряжёнка".

Абрам Маркович Черкасский - народный художник Казахстана, заслуженный деятель искусств республики. Родился в 1886 г. в местечке Белая Церковь близ Киева. Учился в Киевском художественном училище (1901-1909). Закончил Петербургскую Академию художеств (1917). Его дипломная работа "На окраине еврейского местечка" приобретена Королевским музеем Дании.

Пять лет работал в Виннице - преподавал в училище, создал свою художественную студию. Писал городские окраины, знаменитую "Иерусалимку" (бывшее винницкое гетто). Переехав в Киев, вёл занятия живописи сначала в училище (1924-1926), затем в архитектурно-строительном и художественном институтах. Стал одним из ведущих художников Украины.

Репрессирован по доносу в конце 30-х годов.

С 1941 по 1958 гг. был преподавателем Алма-Атинского художественного училища.

Рассказывает народный художник Казахстана Гульфайрус ИСМАИЛОВА. Впервые я увидела Абрама Марковича, когда училась в седьмом классе. Это было году в 43-м. Мне Кастеев Абылхан-ага посоветовал: "Ты покажи свои работы нашему новому профессору". И вот стою я, робею, жду, когда он освободится. А профессор седой, представительный: "Девочка, тебе что?" - "Хочу вам показать свои рисунки." - "А ты давно рисуешь?" - "Всю жизнь"...

Училась я у него со второго курса. Помню, работаю на уроке, он внимательно смотрит мой рисунок, гладит меня по голове как ребенка: "Ой, Гулечка, тут надо бы вот что", - и подсказывает, где я ошиблась. А у него была аллергия на свинцовые белила, рука шершавая, но я терплю. Сейчас все работают белилами цинковыми, они не так опасны для здоровья. Но, понимаете, свинцовые белила дают фактуру. С годами они чуть желтеют, придавая картине особый колорит, как на полотнах старых мастеров.

Однажды он заходит в класс, я - р-раз! - и перехватила карандаш в правую руку. "А ты какой рукой рисуешь, Гуленька?" Я чуть не в слезы: "Левой". А он: "Хо-хо! Левшой был Леонардо да Винчи".

Я у них часто бывала в гостях. Дочерей у Эвы Львовны не было, она меня очень любила. А голод был страшный. Я лишь через порог ступлю, а он мне сразу наливает кофе: "Тебе сколько кусочков сахара?" Я молча два пальца показываю. А Эва Львовна говорит ему: "Я там сварила яйца. Дай Гуленьке одно - что-то она очень бледная". Сами недоедали, но обязательно меня покормят. Слышу, Эва Львовна что-то жарит на примусе. Ну, думаю, надо уйти, неудобно. "Гуля, не уходи, - говорит она. - Сейчас будут блины. Я и тебе блин испекла".

Он преподавал мне очень важные уроки. "Сердце твоё должно быть на кончике кисти, - говорил он. - Что ты любишь больше всего?" - "Пионы". Он прищурит глаз, посмотрит на мой мольберт, и в палитру мне из тюбика надавит золотистую охру. Французскую. Она прозрачная, нежная. Можно сказать, от сердца отрывал. Краски тоже были в огромном дефиците. "У каждой краски своя тональность, свой звук. Это как в музыке. Понимаешь?" - "Понимаю". У многих его картин были звучащие названия: "Вечерняя сюита", "Лунная соната", "Звонкая весна" - она у него голубая-голубая, и в ней уже есть запах свежести.

О своем учителе она может рассказывать часами. И не только она. Все, кто прошел школу Черкасского - искусствовед Лидия Хлопова, художники Арий Школьный, Иван Квачко (увы, многих уже нет в живых) - говорили о нём восторженно и трепетно. Хотя не скрывают - остёр был на язык учитель, жучил их своими подначками. Мог и обидеть, перечеркнуть рисунок ("Это не живопись - мыло!"), выгнать из класса. Он мог быть разным. И лишь равнодушным он быть не умел и не прощал равнодушия другим. Вообще его острый ум и острое слово шли впереди осторожности, и он частенько нарывался на неприятности. Мысль, эмоция у него были постоянно на взводе, он будоражил своим присутствием всех. И потому рядом с ним ощущалась всегда полнота бытия.

Но главное - он был живописец, постигший тайны мастерства великих гениев прошлого. Впрочем, слово "тайны" здесь неуместно, поскольку тайнами этими он щедро делился с учениками. У них в легенду вошла бутылка оливкового масла, хорошо выстоянного, специально для живописи, он берег её для особо хороших картин. Обычно он писал малярной олифой, ею сделана большая часть его картин. Но...

Он брал палитру, выдавливал краски, размешивал их и пояснял: "Косточка жжёная, краплак (он говорил *краплачок*), умбра натуральная (*умбрица*)"... Краски он называл ласкательно, прививая к ним священное отношение, до дрожи в коленях. "Если *это* вот с *этим* смешать, получится грязь - тут надо быть осторожным. Мешать надо только три краски - две цветные и третья - белила". А потом остановится, посмотрит на палитру и - с удивлением: "Иногда грязь - тоже живопись. Потрясающая живопись!.."

- Он был настолько восхищён самим рабочим процессом, что это восхищение не могло не передаваться нам, - говорит Гульфайрус Исмаилова. Однажды он попросил её *позировать* - ему надо было написать кисти рук, держащих ковер. Он имел обыкновение за работой негромко делиться своими открытиями. И вот, говорит она, я держала ковер, слушала его час, другой. А потом упала в обморок. Голодная. Он так перепугался: "Ой, деточка!.. Сейчас мы сделаем кофе, все будет хорошо". Но всё это не суть важно. Главное, он написал мои руки, я готова была смотреть на них до бесконечности. Благородные, холодноватые руки с ультрамариновыми тенями на фоне теплого ворсистого ковра. Они запомнились мне на всю жизнь. Я колорит потом так и строила.

Да и сам он был благороднейшей из благородных красок, ниспосланных судьбой голодным, полураздетым юнцом, озябшим на ветру неласковой эпохи. Но в его колорите не было фальшивых нот. В его палитре всё сочеталось на редкость гармонично и было так взаимосвязано между собой, что в синтезе давало мощную фактуру. Он часто говорил им: "Мир, нас окружающий, надо ласкать кистью - ведь это совершенное творение Бога, его щедрый и неповторимый дар". И ещё он говорил, снимая коросту с их сиротливых душ: "Когда вы за мольбертом, вы должны ощущать рядом с собой кого-либо из гениев -

только никому не говорите об этом!.. Рядом с вами должен быть, по крайней мере, Веласкес. Или Тициан. Иначе у вас ничего не получится".

- Мы многого не поймем в его судьбе, - свидетельствует искусствовед Елена Вандровская, - если не учтем такой малости, как его любовь к французским импрессионистам. Они, конечно же, оказали воздействие на его творческую суть. Отсюда в его полотнах эмоциональная напряженность, непосредственность в выражении переживаний, цветовая приподнятость, свобода живописной манеры.

Ну, а для ретивых чиновников от искусства тут было рукой подать до формализма, космополитизма и прочих жупелов, которые старательно изобретались куцыми, чадящими мозгами. Изобретались, естественно, для того, чтобы с этими жупелами бороться. А если к тому же человек был репрессирован, что не являлось тайной ни для кого, - неважно, за что репрессирован и как, но... Кому мы доверяем воспитание молодого поколения?! И т.д., и т.п. - ход мысли и действий тут был предельно ясен. Тем более что сам Черкасский умел давать отлуп обидчикам - даже потенциальным. И когда правил бал бульдозерный идеологический маразм, тоже не отмалчивался.

В этом отношении крайне интересен удивительный документ эпохи - *той* эпохи, хотя появился в свет он лишь в 1997 году - книжечка Лидии Хлоповой с очень нейтральным названием "Алматинское художественное училище". Написанная сжато и сухо, содержащая лишь скупую хронологию жизни училища, она дает богатую пищу уму и сердцу пронизательного читателя. О, какие бушевали страсти на собраниях-судилищах педагогического коллектива! Какие затевались интриги-проверки - против кого? А против этого "француза" Черкасского в первую очередь. Теперь, когда всё это кануло в лету, невольно думаешь - за кем же правота в конечном счете? А за великим и нетленным искусством, которому верой и правдой служил Абрам Маркович и как художник, и как педагог. И, если угодно, как гражданин-гуманист.

Он много работал и очень страдал от безвестности. Его полотна были неподражаемы. Но то, что осталось в Киеве после его ареста, было похищено фашистами и бесследно исчезло. Частичной компенсацией признания - пусть запоздалого, но все же! - стала его персональная выставка в Москве, которая прошла в 1960 году. То был долгожданный триумф художника. И слава Б-гу, что он его дождался.

Он умер на 82-м году жизни в ноябре 1967 года. Похоронен в Алматы на старом кладбище.

В день его погребения выпал первый снег, смилив природу и окрестности с изъянами, что выявила осень. Снег поглощал шаги, и тишина была абсолютной. Когда гроб поставили у могилы, сын перепоручил вдове тем, кто был рядом, и сказал речь о покойном отце. Что у него была сложная жизнь, но и сложный характер, который тоже во многом определял его чересполосную судьбу.

У разверстой могилы стояли ученики Абрама Марковича, и каждый из них невольно вглядывался в нежнейшее одеяние предзимнего дня, в этот первый снежок, что оплел кружевами кроны деревьев. И, глядя на эту нетленную красоту, каждый мысленно писал этюд, понимая, что снег в Алматы запечатлеть на холсте с неповторимой пронзительной силой умел лишь их учитель, да разве что один из его любимейших учеников Жанатай Шарденов.

А может, снега не было? У Шарденова не уточнишь, он уже в иных пределах. А те, кто ныне остался в живых, затрудняются сказать это наверняка. Но даже если тихий день поздней осени, в уже редкой золотой листве, покорившейся неизбежному, то ведь и в этом пейзаже редко кто мог превзойти Черкасского. Свидетельство тому его картина "Золотая осень", что представлена в экспозиции нашей художественной галереи среди тех уникальных полотен, что составляют её непреходящую ценность.

2002 г.

Жорес Алфёров: «У солнца есть одно неоспоримое преимущество - его нельзя приватизировать!»

Нобелевский лауреат инициировал прорывной российско-казахстанский проект по созданию солнечных батарей

Вице-президент Российской академии наук Жорес Алфёров и министр образования и науки Казахстана Жансеит Туймебаев подписали Соглашение о намерениях по созданию научно-образовательного информационного консорциума, который позволит реализовать совместные проекты с участием Национальной нанотехнологической лаборатории, казахстанских и российских университетов, НИИ и компаний. В перспективе - создание казахстанской «Кремниевой долины».

Он был молчалив и предельно замкнут. Журналисты, а их собралось более полусотни, жадно ловили каждый жест его и каждый взгляд, надеясь почти на невозможное - взять интервью. Но лишь после подписания Соглашения на брифинге в нём обнаружилась удивительная приветливость, предельная открытость и готовность ответить на любой вопрос. Ассистировал ему гендиректор Центра наук о земле, металлургии и обогащения МОН РК Нуралы Султанович Бектурганов.

- Жорес Иванович, как вы оцениваете возможности Казахстана в освоении нанотехнологий, если учитывать, что кадровый потенциал в республике, скажем так, скромный?

- Вообще говоря, в Казахстане есть целый ряд научных учреждений, сохранившихся ещё со старых времён, и существуют очень хорошие традиции интеллектуального сотрудничества на бывшем советском пространстве. Сейчас в Казахстане будет осуществляться один из прорывных проектов на основе работ, выполнявшихся в лаборатории Вячеслава Михайловича Андреева у нас в Петербургском Физико-техническом институте им. А.Ф.Иоффе, по созданию производства батарей, преобразующих концентрированную солнечную энергию на Земле с наиболее высоким КПД, достигнутым в мире. Это сотрудничество будет идти на основе взаимодействия с научными работниками вашего Физико-технического института и, как оно было всегда в старые добрые времена, будет, естественно, вестись подготовка специалистов в Москве и Петербурге.

Нанотехнологии развиваются давно. Просто сегодня этому направлению придан мощный импульс, поскольку с помощью высоких технологий действительно можно создать много новых и полезных вещей. Моя лаборатория, к примеру, занимается нанотехнологиями уже более сорока лет, так что опыт накоплен огромный. Уверен, что наше научное сотрудничество и организация новых прорывных проектов будет весьма плодотворным, ибо эти новые технологии вполне доступны Казахстану, их развитие всячески поддерживается на самом высоком уровне. Я до сих пор нахожусь под большим впечатлением моей встречи с Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым, которая состоялась месяц назад. Думаю, то внимание, которое уделяет сегодня ваш президент развитию наукоёмких технологий, безусловно, сослужит нам добрую службу для развития наших совместных исследований.

Естественно, и в России проблеме этой уделяется первостепенное значение. И в России делается всё возможное для перевода экономики с сырьевого направления на наукоёмкие производства. Конечно, кадровый потенциал в России намного выше, но наша платформа и наше научное сотрудничество внушают оптимизм.

- В одном из интервью в Петербурге вы сказали, что в нашей стране есть две структуры, которые нельзя реформировать: церковь и Академию наук? Поясните мысль

эту чуть подробнее, потому что над Российской академией постоянно висит некий Дамоклов меч, ну а наша Академия наук в новейшие времена пережила целый ряд реформ, которые вряд ли пошли ей на пользу.

- Я всего-навсего процитировал замечательно советского физика, выпускника Петербургского физтеха, академика Льва Андреевича Арцимовича, который действительно сказал, что в России церковь и Академию наук невозможно и не нужно реформировать. При этом Лев Андреевич имел в виду структуру, созданную Петром I. Когда у нас говорят о необходимости реформировать Академию - о том, что её надо преобразовать на западный манер, что это должно быть нечто вроде клуба именитых учёных, что ей надо придать статус общественной организации, почему-то забывают о наших славных трёхвековых традициях. Забывают о том, что Российская академия наук с самого начала имела и исследовательские лаборатории, и образовательные учреждения (университеты и гимназии). А в советское время наша Академия стала одной из мощных научных организаций в мире. Я считаю, что все эти нападки на Российскую Академию наук, все эти разговоры о квазиреформах, которые ведутся с 80-х годов прошлого столетия, несостоятельны. Причём, я говорил уже тогда в своих выступлениях, что наша Академия наук пользуется огромным авторитетом в глазах мирового научного сообщества, для которого это пример того, как нужно вести научные исследования. Да, сегодня наша Академия наук постарела, нужны новые, молодые силы, но чрезвычайно важно, что она сохранилась, как мощная научная организация. Именно Российская Академия может служить основой для развития научного сотрудничества с другими странами Содружества независимых государств.

- Скажите, пожалуйста, насколько интегрированы казахстанско-российские научные усилия в области нанотехнологий?

- Сегодня мы подписали, заметьте, не Меморандум, а Соглашение о намерениях, к нему могут присоединиться и другие организации. Соглашение это позволит реализовать совместные проекты с участием Национальной нанотехнологической лаборатории, российских и казахстанских университетов, НИИ и компаний с дальнейшей перспективой создания казахстанской «Кремниевой долины» как базы для развития индустрии информационных технологий. Разумеется, это будет способствовать превращению Алматы в один из ведущих научно-инновационных центров мира. Это соглашение, сегодня подписанное, наши взаимодействия, моё обращение к Нурсултану Абишевичу, наша встреча с ним, сегодняшней приезд в Алматы группы наших учёных - это и есть процесс создания и развития совместной программы исследований в данной области.

- То есть, как сказал в своё время Михаил Сергеевич Горбачёв, «процесс пошёл».

- Но при этом не нужно брать в качестве образца Михаила Сергеевича.

- Расскажите конкретнее и подробнее о первых шагах этого процесса?

- Я могу, прежде всего, сказать о нашем проекте создания производства высокотехнологичных батарей на основе полупроводниковых гетероструктур - дело, которым я занимаюсь с 1963 года. Вячеслав Михайлович Андреев в 1966 году стал моим аспирантом, и сегодня он признанный лидер этого направления во всем мире, лауреат Ленинской премии и многих международных премий. Этот проект важен сегодня не только с точки зрения развития нанотехнологий, но и с политической точки зрения. Мы являемся мировыми лидерами в этой области. Сегодня уже можно говорить о том, что глобальные изменения климата произошли. И даже для стран, богатых природными ресурсами, таких как Россия и Казахстан, чрезвычайно важно создавать технологии и энергетики завтрашнего дня. А это, прежде всего, возобновляемые источники энергии, и один из них - солнечная энергия, у которой есть замечательное преимущество (я сказал об этом, выступая недавно в парламенте Италии, и мне очень бурно аплодировали) - солнце невозможно приватизировать.

- Но почему именно солнце, а не атомная, к примеру, энергетика, которая уже достаточно освоена?

- Да потому что солнечная энергия практически неистощима в обозримом будущем. Нам, конечно, предстоит долгая дорога, прежде чем преобразование солнечной энергии

станет действительно доступным, экономически эффективным и выгодным, но мы этой дорогой должны идти. Что касается атомной энергетики, то в ближайшие десятилетия она поможет нам выполнять Киотские протоколы, поможет уменьшать загрязнение атмосферы. Причём и здесь Россия и страны СНГ имеют мощную научно-техническую базу.

Но, знаете, сегодня в американской Кремниевой долине впервые за минувшие десятилетия возникла острая нехватка кремния, дефицит его, ибо кремний используется для производства солнечных батарей в значительно большем объёме, чем в микроэлектронике. Поэтому очень важна разработка дешёвых методов получения «солнечного кремния» в промышленных масштабах. А Казахстан в этой сфере является лидером среди среднеазиатских республик. Я уверен: пока у нас есть высококвалифицированные кадры, пока есть талантливая научная среда, мы всегда можем вернуть себе лидерство в любой отрасли при соответствующей поддержке общества.

2007 г.

Евгений Брусиловский. Основоположник

Он родился в Ростове-на-Дону, окончил Ленинградскую консерваторию, почти всю жизнь прожил в Алма-Ате и похоронен в Москве. Как сказано о нём в БСЭ, он «один из основоположников казахского профессионального искусства». Пианист и композитор блистательных способностей, он в 1933 году был командирован на два года в Алма-Ату Ленинградским союзом композиторов, «чтобы помочь становлению музыкального искусства Казахстана», и прожил в нашей южной столице почти сорок лет. Он был покорён самобытностью казахской народной музыки и отдал ей весь жар своего композиторского мастерства. Он записал 250 казахских народных песен, на их основе им была создана первая казахская опера «Кыз-Жибек» в 1934 году, равно как и вторая «Жалбыр» (1935) и третья «Ер Таргын» (1936). Всего им написано 9 опер, 4 балета, 9 симфоний (в том числе и такой шедевр как 6 симфония «Курмангазы»). Сюиты, кантаты, сочинения для оркестра народных инструментов, многочисленные обработки народных песен и кюев, 500 песен и романсов. Наконец, он один из авторов (совместно с Муканом Тулебаевым и Латифом Хамиди) гимна Казахстана, написанного в 1945 году и звучащего недавнего времени.

Как очень точно сказал о Брусиловском глубокий знаток его творчества музыковед Анатолий Кельберг, даже если бы Брусиловский не написал ни одного музыкального произведения, он всё равно считался бы классиком. Почему? Потому что он оставил после себя тридцать учеников. Да каких! Многие давно уже сами стали классиками. Брусиловский пишет в своих мемуарах, как в 1936 году после декады Казахского искусства в Москве он с Жургеневым должен был подобрать группу талантливой казахской молодёжи для обучения в Москве, в консерватории. Учитывалась и музыкальная одарённость человека и, что было тоже немаловажно, его владение русским языком. И вот приходит парень, босой, русского языка почти не знает, но просит их: отправьте меня в Москву на учёбу. Решили так: слух у него великолепный, а знание языка - дело наживное. И вот прошёл год-другой, из Москвы приезжают два студента, оба не без столичного лоска. Один из них и говорит Евгению Григорьевичу: вы меня узнаете? Брусиловский пожимает плечами: первый раз вижу. Так ведь я тот самый парень, которого вы всё же не побоялись отправить в Москву. Это был Мукан Тулебаев.

Дальше была, конечно, огромная совместная работа, глубинное постижение композиторского мастерства под руководством маэстро. Он, будучи сам творцом, умел пере-

дать дух творчества своим учениками. Александр Зацепин вспоминает, как он наставлял их: не ждите вдохновения, а просто каждый божий день садитесь и работайте - вдохновение приходит во время работы.

Для нас очень важны свидетельства его учеников. Но прежде чем передать им слово, скажем ещё об одном таланте Брусиловского: он был прекрасный литератор, свидетельством чему являются его мемуары, находящиеся в архивах, пока неизданные и лишь фрагментами «просачивающиеся» в печать. (Чтобы читатель убедился в этом, мы помещаем ниже рассказ «О рояле»).

А теперь - ученики об Учителе.

Кенжебек Кумисбеков, композитор:

- Роль Евгения Григорьевича в истории развития казахской музыки, несомненно, огромна. Его переезд в Казахстан был сам по себе поступком подвижническим: оставив любимый город, он ринулся в неведомое. Для Казахстана же его приезд был благотворным. С первых дней он отдавал много сил и энергии, все свои знания, свой профессионализм и способности делу становления казахской профессиональной музыки и ее кадров. Имея квалифицированное музыкальное образование, высокую внутреннюю культуру, Брусиловский обладал огромной композиторской фантазией, импровизаторской способностью, что ярко проявлялось в обработках народных песен. Он записывал песни и кюи от знаменитых, талантливейших певцов и домбристов, пристально изучал народное музыкальное творчество казахов. Ему очень полюбили казахские народные песни, и он использовал эти прекрасные мелодии в своих оперных и симфонических произведениях.

Мне, как и очень многим, больше всего нравятся его оперы «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын», «Жалбыр», «Дударай». Десятилетиями эти произведения не сходят со сцен оперных театров. Евгений Григорьевич душой принадлежал казахскому народу, поэтому он сумел создать столь оригинальные сочинения.

Все, чего я достиг в жизни, чему научился, оказалось возможным благодаря моему незабвенному наставнику. Я всегда говорю: «Спасибо судьбе за встречу с таким человеком, как Евгений Григорьевич Брусиловский!». Знакомясь с нашими ученическими сочинениями, он не уставал повторять: «Помните всегда - самое главное заключается в том, что музыка должна волновать, радовать и вдохновлять слушателя!».

Базарбай Джуманиязов, композитор:

- Я оказался последним учеником Евгения Григорьевича, и я счастлив, что судьба свела меня с этим человеком. Он привил мне любовь к русской и зарубежной классике. На занятиях в композиторском классе он ориентировал нас на лучшие образцы музыкальной классики и вместе с тем старался выявить наше творческое «Я», прививая нам первые творческие навыки. Он был человеком, прекрасно знавшим и казахскую народную культуру, понимавшим и чувствовавшим всю особенность казахской народной музыки.

Евгений Григорьевич пользовался огромным авторитетом среди деятелей искусства. Он близко и тесно общался с Куляш Байсеитовой, Канатом Байсеитовым, Мухтаром Ауэзовым, Габитом Мусреповым, Беймбетом Майлиным и многими другими представителями национальной интеллигенции. Сам же Евгений Григорьевич обладал широким кругозором, был высокообразованным человеком, отличался пытливецостью ума.

Хочу особо подчеркнуть, что считаю Брусиловского классиком казахской музыки! Он основоположник всех жанров в казахской классической музыке. Своим творчеством он проложил пути для ее дальнейшего развития. В его собственных произведениях сочетаются высокие традиции русской композиторской школы со специфическими особенностями казахского музыкального фольклора и народно-профессионального искусства. Брусиловский увековечил себя своим творчеством, которое всегда с нами. Он заслуженно пользуется любовью и признанием народа. Понять, собрать и сокомпозировать такое большое количество песен может только мастер композиции с огромными знаниями пе-

сенного творчества народа, обладающего уникальной талантливостью. Мы же и в дальнейшем будем содействовать популяризации имени и творчества Евгения Григорьевича Брусиловского.

Сара Кузембаева, музыковед:

- В те далекие годы учебы Евгений Григорьевич представлялся нам, начинающим музыковедам, прообразом великих ученых-мыслителей античного мира - высокообразованный, предельно деликатный, разносторонне эрудированный - интеллигент в самом высоком значении этого слова. На занятиях Маэстро царил удивительная атмосфера творчества, создавалась особая аура духовности. Он щедро делился своими обширными познаниями в области истории и теории мировой и национальной культур. И сам, блестяще владея инструментом, играл наизусть отрывки из шедевров оперно-балетной, симфонической и фортепианной музыки, любил приводить на латыни мудрые мысли древности, декламировал стихи Хафиза и Омара Хайяма, «Слова назидания» Абая. Особенно поразительно воспринимались приводимые Евгением Григорьевичем аналогии, параллели, сравнения казахской музыки с подобными образцами других музыкальных культур. Однажды он сыграл импровизацию. В ее прекрасном звучании соединились народная лирическая песня «Баян аул» и фортепианный этюд Шопена. Контраст ритма, фактуры и мелодии stworили поразительно-возвышенный миг полифонии, многообразие чувств и мыслей!

Интересно проходили индивидуальные уроки и по композиции. Богатое интуитивное чутье Брусиловского открывало в каждом будущем композиторе изначально природные данные. На своих занятиях профессор тонко фиксировал характерные склонности учеников, тягу к определенному жанру, стилю. Самым главным правилом Учителя было неустанное стремление привить молодым любовь и интерес к родному фольклору. Работая над материалом студента, Мастер стремился содействовать самостоятельному мышлению и поиску, демонстрировал множество приемов и вариантов, подсказывал пути и методы дальнейшего творческого совершенствования. Каждый урок профессора приобретал характер первозданности, сотворчества и сотворения - Евгений Григорьевич представал перед нами своей многогранной образованностью и неповторимой способностью дерзать в искусстве.

История напоминает, что мы еще в большом долгу перед памятью Аксакала казахской музыки - Евгения Григорьевича Брусиловского. Его творческое наследие, неразрывно связанное с многотысячелетней казахской культурой, - наша духовная ценность, историческая данность, неотъемлемая часть нашей национальной классики. Прекрасная музыка Е. Г. Брусиловского воспитывает гордую и самоотверженную любовь к Родине, к родному народу, воспитывает нравственную чистоту и высокий строй чувств.

А вот письмо Габита Мусрепова, оно написано в канун отъезда Брусиловского из Алма-Аты в Москву: «Евгений! Только сейчас я понял, что ты уезжаешь от нас навсегда. Уезжает один из немногих честных людей, и все струны лопаются одна за другой. Один Мухтар, с кем можно будет так откровенно и так честно поговорить, как с тобой. Прими, милый, честный друг, эти строки, как последнее моё «прощай»... До счастливого свидания! Весь твой - Габит».

До последних дней своих Евгений Брусиловский работал над 9-й симфонией. Она осталась незавершённой, но те, кто изучал её партитуру, убеждены, что это завещание человека, бесконечно преданного казахской музыке. Жаль только, что симфония живёт пока лишь на бумаге. Хочется верить, что есть ещё люди, которым дорого творчество большого и мудрого композитора, что они сделают всё возможное, чтобы мы услышали этот реквием.

P.S. В Интернете среди материалов, посвящённых Брусиловскому, можно «выловить» краткую информацию «Хабара» от 24 января 2003 г. Она о встрече тогдашнего

премьер-министра Имангали Тасмагамбетова с главой регионального представительства ЮНЕСКО в Алматы госпожой Анжум Хак. В информации четыре фразы. Для нас представляет интерес последняя из них: «Казахстан надеется, что в календарь организации на 2004-2005 годы будут включены 100-летие учёного Алькея Маргулана, художника Абылхана Кастеева и композитора Евгения Брусиловского». Увы, что-то не сработало в сложном механизме договорённостей - композитор Брусиловский не был включён в почётный календарь ЮНЕСКО. Но сами-то мы, у себя дома, в родном Казахстане, хотя бы слушая утрами и на сон грядущий государственный гимн нашей страны, должны помнить о том бесценном вкладе, который внёс Евгений Брусиловский в сокровищницу нашей духовной культуры. Он умер в Москве почти четверть века назад, похоронен на Кунцевском кладбище. Но кто знает в Москве композитора Брусиловского, что говорит его имя российскому слуху и сердцу? Да, наше посольство сумело достойно проводить его в последний путь и даже надгробие соорудило на его могиле. Да, в Алматы улица Руднева переименована и носит теперь имя Брусиловского. Но, положив руку на сердце, давайте спросим себя, все ли мы сделали для увековечения памяти композитора? Справедливости ради надо было бы перезахоронить его у нас, в южной столице, в которой прошла практически вся его творческая жизнь, - в столице, которая помнит его по сей день. Чайковскому благодарными потомками поставлен памятник рядом с Большим концертным залом Московской консерватории. Наверное, такой памятник Брусиловскому был бы вполне уместен либо у Театра оперы и балета, который создан далеко не в последнюю очередь стараниями *классика казахской* музыки, либо рядом с Консерваторией, одним из организаторов и ведущих педагогов которой он был. Давайте уважать самих себя и свою память о нашей недавней и такой хрупкой истории.

Евгений Брусиловский

О рояле

Дорогой друг! Если ты не забыл, мы познакомились пятого сентября 1933 года в квартире А. К. Жубанова по улице Фурманова 96. Мне было 27 лет, а ты был уже молодой и судя по царапинам и легким ранениям, прошёл уже достаточно тернистый путь. От меня тебе, конечно, еще больше досталось. Но ты мужественно и терпеливо нёс свой крест почти 40 лет. Из квартиры Жубанова тебя перевезли в гостиницу Джетысу, ко мне в комнату № 40, где с твоей помощью я изучал казахскую народную музыку. Руки у меня были сильные, народная музыка темпераментная и тебе приходилось трудно, ибо каюсь, тебя я не жалел. Зато приходили первые удачи и радости. Через год из гостиницы «Джетысу», что на углу ул. Гоголя и пр. Ленина, тебя перевезли в мою новую хату. Везли тебя на грубой телеге и ты, бедняга, вздрагивал и сумбурно гудел на каждой ухабе. Тогда в одноэтажной Алма-Ате еще не было водопровода, не было электричества и не было никакого асфальта и в помине. Пешеходные тропы изобиловали камнями и буераками, а проезжая дорога обещала вытрясти душу из любого смельчака решившегося проехать по ней. Но ничего - в полуобморочном состоянии тебя снова привезли к дому № 96 по улице Фурманова и втащили в мою каркасно-камышитовую хату, стоящую в глубине двора. Пришлось вызвать доктора, который тебя кое-как подлечил и настроил, но раны остались. Тут мы с тобой хорошо поработали. Не жалея сил, при свете керосиновой лампы, мы быстро сделали «Кыз Жибек». Ты, в процессе творчества, потерял несколько струн на почве моего вдохновения, но спектакль получился приличный. Потом мы, без особых потерь, сделали «Жалбыр». А дальше пошла легкая жизнь - мы сочиняли песни и танцы для Куляш, Жамал, Шары и многих других исполнителей. Тебе это было необременительно. Пока я ездил в 1936 году в Москву на декаду ты хорошо отдохнул от моих побоев и был готов к дальнейшим испытаниям. Они настали зло и сурово, к зиме 1936-37 гг. Мы с тобой, если ты помнишь, сочиняли оперу «Ер Таргын». Работа была очень важная и очень срочная. Но у меня не было саксаула и в хате было весьма холодно. Вся Алма-Ата тогда отапливалась саксаулом и достать его было очень трудно. Сам я

еще обогревался дополнительной одеждой и спиртоводочной продукцией, хотя всё равно руки ужасно мерзли. Но к тебе эти методы обогрева применить было невозможно и прикоснуться к белой кости заиндевевших клавиш было страшно. Вы, рояли, в переводе с французского-«Королевские» (роуял). Вы царствовали в великосветских салонах Парижа XIX века и великий поляк Шопен признавал только рояль для своего гениального творчества. Но то был Париж и XIX век. А тут в двадцатом веке в Алма-Ате, не было изысканного салона. Да и я явно не Шопен. Здесь была хата, в которой коченел ты. Вы аристократы в разношёрстной семье музыкальных инструментов. За вами надо ухаживать, чистить, следить за температурой, не дай бог вас простудить и ваш нежный, благородный организм навсегда потеряет певучесть тона. Необходимо было принимать срочные меры для спасения твоего здоровья. Ночью я брал топор и рубил соседние заборы, топил печку, а потом снова принимался за «Ер Таргын». И всё-таки голос твой так и остался немного простуженным, а после «Ер Таргына» ты было совсем захирел. Ослабели колки, лопнула дека, износился фильц, ты перестал держать строй. Начиналась старость. К этому времени мы с тобой переехали на новую квартиру, в доме № 126 по Коммунистическому проспекту. Здесь были все условия для сбережения твоего увядающего организма. Время от времени ты хворал, но мы продолжали работать. Мы много сочиняли. К нам приходили ученики. Приходили тоненький юноша Кужамьяров и варварски стучал по твоим клавишам, не испытывая к тебе уважения, приходил певучий Байкадамов и тоже стучал сопровождая своё отчаянное пение, потом зачастил с клавиром оперы Тулебаев, предпочитавший вообще к тебе не прикасаться; заходил как обычно мрачный Жубанов и многие, многие другие приходили к тебе за советом и помощью. Так в трудах и заботах пролетели десятки лет. Тяжело раненый, изнемогая после всех хирургических и косметических операций, ты дал понять, что пора уже кончать, пора на покой. Да и мне, тоже, уже настало время прощаться. Я хотел оставить тебя доживать твою трудную жизнь на старом пепелище. Но твоя новая хозяйка оказалась жесткой и безжалостной фурией и оставить тебя в её руках я не мог. Это было бы позорное предательство. И вот ты совершил свой, вероятно, последний переезд в школу № 94 по проспекту Гагарина 135. В этой школе есть люди умеющие уважать заслуженную старость. Здесь тебя в обиду не дадут. Прощай мой старый, добрый друг и прими от меня земной поклон. Прощай.

2003 г.

Наталия Сац. Театр в подарок

7 ноября 1945 года в Алматы произошло знаменательное событие - был открыт первый в Казахстане Театр юного зрителя. К сожалению, здания, в котором размещался театр, сейчас уже нет, лет 15 назад его снесли, хотя оно во многом определяло лицо города, его неповторимый облик. К тому же здание представляло и немалую историческую ценность. Здесь, во время войны, были сняты такие шедевры, как «Иван Грозный»; здание это было колыбелью нашего казахстанского кинематографа. Но, очевидно, так было судьбе угодно: здание снесли.

А находилось оно в самом центре города, на пересечении нынешних проспектов Абылай-хана и Кабанбай-батыра. Детвора, заполнившая в тот незабываемый вечер зрительный зал, с восторгом смотрела сказку "Красная шапочка" по пьесе Евгения Шварца. В ту послевоенную осень эта сказка, вдруг ожившая на сцене нового театра, и сам театр, похожий на сказку, казались чудом. А сотворила его своим талантом, своей невообразимой энергией и святой приверженностью детям великая женщина - Наталия Ильинична Сац.

Она принадлежала к той категории людей, о которых говорят: "человек удивительной судьбы". Причем, в данном случае в этих словах нет и тени преувеличения. Она прожила большую жизнь, и не только в смысле почтенного возраста (1903-1993), а исходя из значимости ее деяний – исходя из того, как много она успела сделать, несмотря на все испытания, ниспосланные ей судьбой. Дочь знаменитого музыканта и композитора Ильи Саца, она, что говорится, с младенческих ногтей осознала свою приверженность театру и служила ему верно и преданно до последнего вздоха.

В ее жизни было все: счастливое детство и раннее сиротство (ей было 9 лет, когда не стало отца); известность и признание, пришедшие еще в отрочестве (уже в 17 лет она была директором и художественным руководителем Московского театра для детей); чудесные путешествия в дальние страны, где ей уготована была любимая работа (она ставила спектакли в Берлине и Буэнос-Айресе); счастливое замужество и материнство (она была женой наркома торговли И. Я. Вейцера, репрессированного и погибшего в застенках НКВД)... А затем - годы опалы. Тюрьма, ссылка, утрата мужа, долгая разлука с детьми. На долю ей выпало горя с лихвой - по силам ли такое хрупким женским плечам? Но как легендарная птица Феникс она восстала из пепла, сохранив живую душу. Чтобы не просто жить дальше, а - служить Делу, служить людям, служить самому дорогому и прекрасному, что даровал Всевышний человеку, - служить детям.

В Алматы она попала почти случайно. Причем, в очень сложный период своей жизни. После шести лет тюрьмы и ссылки, уже свободная, как говорит она сама в книге "Новеллы моей жизни", но еще не обретшая крыльев. Вообще, рассказывая о её жизни, чувствуешь себя неловко, потому что никто, лучше её самой, это сделать не сумеет. Надо просто открыть её изумительную книгу и читать. Читать, не отрываясь, да и невозможно оторваться - повествование увлекает, захватывает своим драматизмом и предельной искренностью. У неё было талантливое перо беллетриста, зоркий, всё подмечающий глаз. И сердце, открытое горестям мира, умеющее их переплавить в золотое слово, способное вызвать в душе читателя *катарсис* - очищающее и возвышающее душу потрясение. Не служи она так истово театру, ей уготована была судьба писателя. Впрочем, талантливый человек везде и во всём талантлив.

Читаешь её книгу, и на глаза наворачиваются слёзы. "Над вымыслом слезами обольюсь?.." Какой уж тут вымысел! Тут сама жизнь, во всей её неприглядности, но и высокой яростной красоте.

В Алматы в 1943 году находились в эвакуации Галина Уланова, Юрий Завадский, Сергей Эйзенштейн, Самуил Маршак, Николай Черкасов... И после унижительных лет изоляции Наталия Ильинична вновь попадает в круг близких ей по духу людей. А главное - она снова служит театру. Событием стала постановка ею оперы Пуччини "Чио-чио-сан" на казахском языке с Куляш Байсеитовой в главной роли. Крылатой стала фраза Эйзенштейна, который, придя на премьеру спектакля, попросил в кассе билет на "Чио-чио-САЦ". То была не просто демонстрация вокала оперными певцами - то было истинно драматическое действие, исполненное психологической глубины и жизненной трагедии. Но что ещё важнее для Наталии Ильиничны, она организует серию дневных музыкальных концертов для школьников. Эти встречи детей с мастерами искусства формируют их духовный мир, приобщают их к восприятию серьёзной музыки и взрослого театра.

Ну и, наконец, чуть ли не с первого дня пребывания в Алматы она начинает хлопотать о создании здесь театра для детей. Возможно ли это - в 1943 году? Война в разгаре - до театров ли? Так что слово "хлопотать" не совсем точно отражает суть её действий. "Сейчас моя голова - орудие для пробивания стен, - пишет она в своей книге, - и не всегда ей удастся ту или иную стену пробить, подчас трещит сама. Главное в новом деле - умение увлечь других тем, чем увлечена сама, объединить людей вокруг своей цели". У неё был этот редкий дар - объединять людей вокруг своей цели. А главная цель её жизни - создание театров для детей. Вот они - плоды её усилий:

1918 год - создание первого Детского театра Московского Совета;

1920-й - первый Государственный детский театр Наркомпроса;

- 1921 - Московский театр для детей;
- 1936 - Центральный детский театр;
- 1945 - Театр для детей и юношества Казахстана в Алматы;
- 1964 - Детский музыкальный театр в Москве.

До последних своих дней она была Президентом советского Центра Международной ассоциации детских театров (АССИТЕЖ). По её инициативе и примеру театры для детей создаются во многих странах мира. Она, выдающаяся представительница театральной династии, удостоивается высших наград - становится Героем Социалистического труда, народной артисткой СССР, Лауреатом Госпремий. Разумеется, она один из крупнейших педагогов века, и звание "профессор" вполне естественно стоит рядом с её именем.

Но вернёмся к незабываемым годам её пребывания в Алматы.

У меня в руках тоненькая книжечка, но по значимости событий, описанных в ней, по накалу чувств и впечатлений она, что говорится, томов премногих тяжелей. "Глазами сердца" Галины Юрьевны Рутковской. Фрагменты эти целиком и полностью посвящены героине нашего очерка. О событиях тех далеких лет - премьеры "Чио-чио-сан", дневные концерты для детей, строительство алматинского ТЮЗа - рассказывает очевидец и непосредственный их участник. Галина Юрьевна работала у Сац сначала в литературной, потом в педагогической части, и все перипетии строительства и становления нового театра знала изнутри. Вот как она описывает одну из первых своих встреч с Н.И. Сац в конце сентября 1944 года:

"Каждое воскресенье, под духовой оркестр, молодёжь города освобождала от мусора, поломанных декораций, досок, балок "жалкие" останки интерьерных съёмок «Мосфильма» и «Ленфильма». Орудием труда у нас были тачки, носилки, ведра, мешки и другой подсобный инвентарь, чтобы вынести из помещения весь этот хлам, загружая им открытые машины. А снаружи здание было окружено строительными лесами, по которым "летала" высокая, стройная, черноволосая, в распахнутом пальто женщина-прораб. Так я её назвала. Она размахивала руками, громким голосом отчитывая стоящих рядом с ней рабочих.

- Это не прораб. Это Наталия Сац, - уточнил оказавшийся рядом невысокого роста человек, как оказалось - архитектор театра Н.А. Простаков, который будет реконструировать эти "греческие" раскопки. Воскресники продолжались до конца 1944 года. Только теперь мы разгружали машины с разного рода и вида строительными материалами".

Галина Юрьевна была на открытии театра 7 ноября 1945 года: "То, что я увидела, - это восьмое чудо света! Настоящий Дворец Искусства, созданный железной логикой убеждать в достижении поставленной цели, титаническая сила воли человека, прошедшего все круги дантова ада, не предавшего мечту - до конца дней своих служить "делу детской радости" - театрам для детей. Так вот для какой красоты мы разгребали мусор, таскали доски и кирпичи?!" Как пишет сама Наталия Ильинична, эта её "влюбленность могла не заразить разве только булыжник".

А вот как описывает сама Наталия Ильинична свои "хождения по мукам" в поисках медвежьей шкуры, потому что медведь и в фойе детского театра, и на сцене должен выглядеть, как настоящий: "Вспоминаю, как совершила первый "налет" на управляющего Казахмехторгом, как потом пересчитала ступеньки его лестницы, но не прекратила своих "налетов", ласковых разъяснений, мольбы: "Детям всегда кажется, что медведь добрый в его такой мягкой шкуре...", как вытащила-таки управляющего на нашу стройку, и вдруг похожий на байроновского пирата казахский товарищ засиял улыбкой и сам привёз мне четыре медвежьих шкуры и одну лисью! Не забыть позвать его со всей семьёй на открытие - у него, кажется много детей... Сколько сказок, правдивых, и всё же сказок, могла бы я рассказать о каждом метре бархата, гвозде, стуле, обо всех так послушно и уютно окружающих меня сейчас вещах, мне таких близких и знакомых."

Но кроме гвоздей и бархата нужен был и такой строительный материал, как актёры. Без него театра не построишь. О, она умела открывать таланты: "Юра Померанцев, - пишет она, - так и остался моим любимым учеником, по праву занявшем в нашем театре

первое место... Страстью к перевоплощениям, обаятельной некрасивостью, вернее, полным отсутствием желания красоваться, показать "себя", стремлением уходить целиком в глубину образа, эмоциональным теплом, чувством юмора Юра напоминал мне Черкасова. Радовала и его большая музыкальность. Сколько в совместной работе с ним мы создали интересных, совсем не похожих один на другой образов!"

И о нём же, чуть раньше, рассказывая о премьере "Красной Шапочки": "Волк, конечно, тоже появляется. Он очень злой, точит зубы на точильном станке. Как хорошо, что, едва успев приехать в Алма-Ату, я высмотрела в опере "Риголетто", в хоре гостей герцога, Юру Померанцева. Сейчас в нашей "Красной Шапочке" он очень удачно играет злобного, худого и вечно голодного Волка, не скрывая в то же время своё ироническое к нему отношение, и он очень смешон, когда слышит непонятно откуда звучащее пение птиц".

Вспоминает народный артист Казахстана, лауреат Госпремии Юрий Борисович Померанцев:

Накануне премьеры "Красной Шапочки" мы с Наталией Ильиничной пошли на центральный рынок, высмотрели и купили у точильщика ножей точильный станок. Дальше представьте себе: открывается занавес, и вы видите, как в лесном сумрачном ущелье Волк крутит точильный круг и точит зубы: "Зубы, зубы я точу - съесть девчонку я хочу!" И вот я незаметно вытаскиваю спрятанный в рукаве напильник, приставляю его к точильному кругу. От него в зал летят искры, у зрителей в страхе сжимается сердце. Эффект достигнут, и на прямой, бескомпромиссный вопрос Красной Шапочки: "Бабушка, а зачем тебе такие большие зубы?" - ребенок получает не менее прямой и, так сказать, зримый ответ.

Человеком она была самоотверженным. Помню, я простудился, затемпературил, потерял голос. А спектакль отменять нельзя! Так она сама влезла в волчью шкуру и блистательно сыграла роль Волка. Дети и не заметили, что Волка играет женщина.

Авторитет Наталии Ильиничны в театре был непререкаем. А женщина она была яркая, эксцентричная, ходила в пятнистой леопардовой шубе. И когда она переступала порог ТЮЗа, по театру как бы само собой разносилось: *о н а* здесь. И все невольно подтягивались, становились собраннее, строже. Сейчас, 60 лет спустя, я горжусь, что путевку на драматическую сцену я получил от самой Наталии Ильиничны.

Рассказывает заместитель главного администратора Русского театра драмы им. Лермонтова Наталья Феликсовна Бычук:

- Я пришла работать в ТЮЗ, когда Наталия Ильинична уже уехала в Москву, но ещё долгие годы театр жил атмосферой, созданной ею. Театр действительно походил на сказку - и внешним своим убранством, и ожиданием чуда, которое сопутствовало зрителю. Светло-розовое здание, резная парадная дверь, а по бокам в сводчатых нишах - мраморный Пушкин с лирой и Джембул с домброй. У гардероба - большой лохматый медведь на задних лапах. Фойе разрисованы сюжетами из сказок Пушкина, персонажами из пьес Мольера и Шекспира. А на втором этаже - чудо из чудес - золотой зал.

А какие она устраивала новогодние ёлки! Это было целое увлекательное представление-путешествие по всему театру. Был концертный зал с гобеленами. Была детская комната для самых маленьких. И были грандиозные спектакли. К примеру, "Снежная королева" в постановке Виктора Сергеевича Розова - это она, Сац, открыла в нём будущего драматурга. На спектаклях звучала живая музыка, в оркестровой яме перед сценой "работал" настоящий камерный оркестр. Наталия Ильинична подарила нашему городу уникальный театр. Она подарила его нам, тогда ещё только-только вступающим в жизнь. Она подарила его всем грядущим поколениям.

Кстати, в театре, который создала Наталия Ильинична, была совмещённая, казахско-русская труппа. Это потом, десятилетия спустя, она дала жизнь Казахскому театру юного зрителя им. Габита Мусрепова и Русскому театру для детей и юношества, который по праву носит имя его основательницы Наталии Ильиничны Сац.

2001 г.

Юрий Померанцев: **"СЧАСТЬЕ - ЭТО КОГДА ТЫ НУЖЕН"**

Несколько малоизвестных фактов из жизни патриарха казахстанской сцены

Юрий Борисович Померанцев – Герой Труда РК, народный артист Казахстана, Лауреат государственной премии республики, актер театра и кино. Большая часть его творческой жизни (почти полвека!) связана с Русским театром драмы им. М.Ю. Лермонтова. Зловещий Князев ("Расточитель" Н. Лескова), интеллигентнейший профессор Преображенский ("Собачье сердце" М. Булгакова), сама изворотливость Расплюев ("Свадьба Кречинского" А. Сухово-Кобылина), жизнелюб Соломон ("Цена" А. Миллера), эксцентричный князь ("Дядюшкин сон" М. Достоевского)... Это лишь те из его ролей последних двух десятилетий, что сразу же, безо всяких усилий, пришли на память. А еще были романтический Дон Кихот, "Испанский священник", Сиплый из "Оптимистической трагедии", генерал Власов из фильма-эпопеи "Освобождение", "Наш милый доктор", наконец. Была огромная жизнь в искусстве.

А еще раньше была война, был минометный полк, тяжелое ранение... А еще раньше был недоброй памяти год 1938-й, Караганда, репрессии, арест отца...

Собственно, наша беседа началась именно с этой трагической ноты:

- Родился я в Киеве, рос в Москве. Потом мы переехали в Караганду. Отец, Борис Абрамович Померанцев, финансист по образованию, с 1936 года был начальником финансовой службы треста "Карагандауголь". По несчастью, в Караганде побывал Пятаков и, естественно, встретился со всеми хозяйственниками треста. А вскоре его объявили врагом народа. И начались повальные аресты. Мне было тогда 15 лет, я помню все в подробностях, как это было. Была арестована *вся* Караганда - весь командный состав, все специалисты, даже рабочие - буквально через одного.

В тот день отец возвращался из командировки. Из Москвы. Мама поехала встречать его на вокзал. А я пошел в кино, смотреть фильм "Парень из тайги". Когда я вернулся домой, мама была одна. Может, поезд опаздывает? "Папу арестовали", - сказала мама и заплакала.

Отца арестовали по привычной схеме. Когда он выходил из вагона, его подозвали, посадили в машину, и на этом все кончилось. Ни свиданий, ни писем. В том же году его расстреляли.

Когда была реабилитация, мне дали бумажку, в которой было написано, что отец невиновен, что он реабилитирован. И еще там была такая глупая фраза, что, если хотите, мы можем возместить вам сумму ущерба. Кто бы мог ее определить? Я задал лишь один вопрос следователю: за что же отца расстреляли? Он усмехнулся моей наивности и ответил что-то вроде: за переход китайской границы с вооруженным отрядом. Словом, еще одна глупость, которая стоила жизни миллионам людей.

- Как вам удалось уцелеть после ареста отца?

- Меня даже из комсомола не исключили! Наверное, все дело в том, что мы с мамой тотчас уехали в Москву, и органы нас попросту потеряли из виду. Впрочем, мама из Москвы перебралась в Днепрпетровск. Может быть, ей как раз и не разрешили жить в Москве?.. А я обитал то у родственников папы - они жили на Петровке, то у родственников мамы на Сretenке. Здесь я окончил десятый класс.

Дальше все было, как показывают в кино, тоже классическая схема. Выпускной бал, романтическая ночь на Красной площади, мечты о будущей жизни, грандиозные планы.

А наутро - война. И я в колонне новобранцев целый месяц топал до Казани. Пешком - все 900 километров. Там были знаменитые Журавлевские казармы. Здесь мною приоб-

реталась такая профессия, как минометчик. И вот в один прекрасный момент, когда была пройдена определенная подготовка (а уже стояла зима), нас отправили на фронт. И попали мы в страшнейшую мясорубку на Северо-Западный фронт близ Старой Русы. Там от батальона в 900 человек в живых оставалось несколько счастливых.

Я находился в специальном лыжном батальоне, который передвигался рейдами. При мне был небольшой ротный миномет, но... понимаете ли, случилась такая мелочь: у меня украли ремень от шинели, а без него никак нельзя. Потому что на него навешивалось все, что нужно. И когда мы заняли какое-то село, командир сказал: найди, где хочешь. У меня до сих пор в памяти тот убитый немец. Лежал он навзничь. И когда я дернул его, тело безвольно подалось, как оно бывает в фильмах. Не помню уж, как я снял с него этот самый ремень. И был спасен, потому что дальше можно было навесить 2-3 гранаты, подсумки и прочее.

Вскоре я был ранен, причем очень тяжело. Разрывная пуля прошла рядом с сердцем. Кость руки перебита, поврежден лучевой нерв. Рука уцелела, но была недвижима и скрючена. Я долго лечился в госпиталях Ярославля и Нижнего Новгорода, совершенно не представляя, что со мной будет дальше.

И тут я узнаю, что мама переехала в Алма-Ату. Здесь работал ее родной брат, профессор пения Александр Тимофеевич Курганов. В оперном театре ему выделили комнату, где он жил и занимался со всеми ведущими солистами оперного театра. Это был большой певец, выступал с Шаляпиным. Вообще-то фамилия у него, как и мамы, Окунев, а Курганов - театральным псевдонимом.

Я тотчас по приезде поступил в геологоразведочный институт, о котором мечтал со школьной скамьи. Но мечты - мечтами, а жизнь - жизнью. И вскоре я понял, что это дело напрочь не мое. Естественно, как боец, я был недееспособен еще очень долгое время.

- А воинское звание какое у вас было?

- Еврейтор.

- Ев... еврей... извините - какое?

- Еврейтор. (А дальше, как говорят на TV,- рекламная пауза. Мы оба, интервьюер и интервьюируемый, хохотали от души, и я признался, что хотел как можно деликатнее задать этот вопрос под занавес, потому что вышеозначенная хохма ходит по Алматы давно.) Это не хохма. Когда в Еврейском центре составляли документы к 55-летию Победы на участников войны, я принес им свою воинскую книжку. Все смотрели в нее и укачивались со смеху. Писарь, зная, что чин у меня *еврейтор*, а по национальности я *еврей*, написал, что говорится, черным по белому: "еврей". И так вот с этой редкой национальностью я и проживаю по сей день.

Да, а тогда было не до смеха. Из института я ушел. Куда податься? И Александр Матвеевич привел меня в театр к хормейстеру, а хормейстером был старик Трауберг, дядя знаменитого кинорежиссера - того самого, который с Козинцевым снимал трилогию о Максиме. Старик меня прослушал, особого интереса я у него не вызвал, но в хор он меня взял. И, можете себе представить, как хорист я прослужил 3 года. Причем, проявлял немалое рвение. Мне дали мимическую роль Ивана Грозного в "Царской невесте". Я выходил под музыку, опираясь на трость, вперял свой взор в Марфу. Она потом пела арию: "О, как страшен его взгляд" и так далее. В общем, это была довольно выразительная картинка. В "Евгении Онегине" в сцене, где Онегин спрашивает Гремина: "Скажи, которая Татьяна?", мне было поручено пропеть соло: "Которая? Туда взгляните", а уж дальше хор пел все остальное.

В "Тоске" я пел тюремщика. В последнем акте перед казнью Каварадосси, я выходил и произносил одно слово: "Пора-а-а". Но вся трудность состояла в том, что нужно было спеть это на терцию ниже, чем пели до меня в предыдущей сцене. Я судорожно высчитывал такты, в совершенно определенное мгновение выходил с фонарем и произносил свое сакраментальное "пора-а-а". И уходил. Без фонаря. Фонарь оставлял на сцене, чтоб лучше было видно, как Каварадосси поет свою арию.

Ну вот, а в это время вернулась из ссылки Наталья Ильинична Сац и "засекла" меня в хоре, я напомнил ей молодого Черкасова, и она пригласила меня в ТЮЗ на роль Волка, и я навсегда остался ее любимым учеником.

- Но вернемся к "еврейтору". Это вам мешало в жизни - то, что вы еврей? Ведь сюда приплюсовывалось и то, что отец ваш был репрессирован?

- Было такое дело, было. Когда в 1953 году я, как Д'Артаньян запасшись рекомендательными письмами, поехал искать счастья из Алматы в Москву, по сути дела мне родную, я попал в очень непростую ситуацию. Я обошел режиссеров многих столичных театров, но меня нигде не принимали. Я был и у Бабочкина, который возглавлял тогда театр им. Пушкина, и в ТЮЗе у Центнеровича, в театре Сатиры, на Малой Бронной (он назывался тогда "Драматический театр"). Оставался последний шанс - театр Советской армии. Там работала моя тетка, народная артистка республики, да к тому же парторг: "Хорошо, Юра, я попытаюсь устроить тебя в наш театр". Я избрал два отрывка - я играл Штубе в "Разломе" и Жавера в "Отверженных". Я показал эти два фрагмента, и удача мне улыбнулась. Что со мной было! Я ходил по Москве и всем говорил об этом. Причем, обязательно напоминал: "Да, если вы будете в Алма-Ате, скажите там, что вы встретили меня. Я уже в театре Советской армии". Я пришел к завтруппой, и он мне дал небольшой эпизодик, чтобы я ввелся в спектакль, помню даже название пьесы - "На той стороне". Пришло утверждение из Политуправления - моя кандидатура одобрена! Ждали последней подписи начальника театра генерала Паша, но это уже было как бы формальностью. И вот я в его кабинете. До меня у него побывали 3 человека, они выходили окрыленные. Свершилось. Вошел и я.

- Так вы, значит, окончили студию Художественного театра?

- Нет-нет, я...

- А-а!..- он посмотрел в мои бумаги. И сделал колоссальную паузу. Вот эта пауза сказала мне все. Я не помню его внешности, но помню ощущение кабинета. Уткнувшийся в мои бумаги взгляд. И нависшую паузу. Дальше пошли какие-то малозначащие вопросы. И он сказал мне: "Н-ну, идите".

У меня все похолодело. Я вышел. И еще ничего не сообразив толком, почувял неладное. А вечером был звонок заведующего труппой моей тете: "Произошло неприятное. Я же не знал, что ваш племянник еврей. Это так осложняет все дело". И мне стал ясен и этот уткнувшийся в мои бумаги взгляд начальника театра, и пауза, нависшая в его кабинете. Генерал Паша был яростным антисемитом.

В театре было два еврея из актеров - Зельдин и Сагал. Если вы видели фильм о Горьком, то, конечно же, запомнили Цыганка. Это и есть Сагал. С Зельдиным тоже ничего нельзя было сделать, он играл "Учителя танцев", по которому вся Москва с ума сходила. А поставил спектакль Канцель. Был еще один режиссер - Тункель. Конечно, труппа была огромной, больше ста человек. И тем не менее.

Вот представьте себе: в воинскую часть приезжает бригада артистов. Их встречает на вокзале какой-нибудь генерал - все же приехали не откуда-нибудь, а из театра Советской армии! К тому же - народные артисты. Смотрит генерал на прибывших: что такое? Администратор - еврей, режиссер - Канцель, актер - Сагал. Лицо генерала становится красным. Выходит, в театре Советской армии кроме евреев никого нет?!

Надо знать Москву того времени. Шел 1953-й год. Сталин уже умер, но дело врачей не было закрыто. И с космополитами еще не разобрались. Во МХАТе было два еврея - Прудкин и Петкер. Тоже на сто с лишним человек труппы. Кстати, Прудкин одно время был даже парторгом. Малый театр евреев не имел - их никогда не принимали в труппу. Была, правда, Быстрицкая, и все! Но это много позже...

- Я прошу прощения, что задеваю большую мозоль. А в Алматы у вас сложности по этому пункту были?

- Никогда. В Москве я получил, грубо говоря, удар в рожу. А в Казахстане, будучи евреем, и это записано в паспорте, я стал заслуженным артистом, затем народным, я получил Государственную премию. Наконец, в один прекрасный день я стал депутатом Верховного Совета. А ведь все это связано с анкетами (о, это страшное слово - анкета!), которые проходили через ЦК, Верховный Совет, КГБ - не знаю, как сейчас, но тогда надо было пройти через это тройное сито. Единственный раз анкета помешала мне, когда я вознамерился было вступить в партию, но это было еще до поездки в Москву. Второй раз я подобной попытки не дела, мне первая запомнилась на всю оставшуюся жизнь. Так что в Казахстане мое еврейство нигде и никогда не являлось препятствием.

- *Вы актер Русского театра драмы. А еврейские корни - в душе, в сердце - давали о себе знать?*

- Если говорить о моих родителях, то это была как бы русская семья. А вот когда я жил в Москве на Петровке у деда моего Померанцева Абрама Вульфовича, там с этим было все нормально. Там была маца из Американского посольства, красное вино по праздникам, приходили евреи в ермолках. Когда я репетировал "Цену" Миллера, я часто вспоминал дедушку. Его характерное словечко "любчик" даже вставил в одну из сцен. Его повадку, интонации, запах того времени я привнес в роль Соломона. Кстати, мамин отец, я совсем его плохо помню, был раввином.

- *Более полувека назад появилось государство Израиль. Как вы к нему относитесь? Вы бы хотели туда уехать?*

- Я испытываю уважение и благодарность к еврейской организации, которая помогает своим соотечественникам. Я вижу, как они относятся к старикам, к участникам войны, инвалидам. На меня произвело большое впечатление, когда в День Победы собрали всех, приехал посол и от имени государства Израиль вручил нам, участникам Великой Отечественной, медали. Это дорого и важно.

А в Израиль я никогда не поехал бы, и вот почему. Я артист, и я должен быть здесь, в Алма-Ате, где мой театр, где я пока нужен. Где пока мне дают роли и публика относится ко мне хорошо. Все, что связано с театром, я ни в какой другой стране мира не найду.

Счастливый ли я человек? Для себя я сформулировал абсолютно твердо: счастье - это когда ты нужен.

2001 г.

Абсолютный слух

Он из когорты великих актеров. Таких как Бабочкин, Игорь Ильинский, Эраст Гарин, Смоктуновский, другие корифеи мхатовцы. Как Нурмухан Жантурин, Шакен Айманов. Фильм «Наши милый доктор» с Померанцевым в главной роли стал классикой. И хотя основные актерские свершения Юрия Борисовича связаны с театральной сценой, но невозможно забыть на редкость убедительно-зловещую фигуру его генерала Власова из кино-эпопеи «Освобождение».

Честь и хвала театру имени Лермонтова, который давно и прозорливо понял уникальность актерского дарования Померанцева и стал прицельно ставить спектакли на этого актера. Так появились само воплощенное зло Фирс Князев из «Расточителя» Лескова, интеллигентнейший профессор Преображенский («Собачье сердце» Булгакова), изворотливый хамелеон Расплюев («Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина), эксцентричный князь («Дядюшкин сон» Достоевского)... Образы абсолютно несхожие, но явленные нам столь ярко, с такой глубиной постижения этих характеров и судеб, что забыть их не представляется возможным даже за давностью лет. Спектакль «Цена» Артура Миллера шел лет 20 назад, но если вам посчастливилось его увидеть, то и сегодня персонаж Померанцева Грегори Соломон предстанет в вашей памяти как живой. Оценщик мебели, ее скупщик он

не просто стар, он суперстар, сам являясь неким редкостным антиквариатом. Интрига могла развиваться ни шатко, ни валко, но стоило появиться на сцене Юрию Померанцеву, и магия таланта захватывала зрителя, и уже до конца спектакля зритель с неослабевающим интересом ловил каждый жест Соломона, каждую реплику, каждую интонацию.

Он возникал в глубине сцены как оживший призрак, как живое ископаемое, вызывая переполох у присутствующих. А затем его безмолвный проход к креслу в центре сцены, своеобразный спектакль в спектакле. Он длился несколько минут, являя нам целый каскад блистательных находок. Сесть в кресло для него событие. И мы, уже поверив в его крайнюю немощь, чуть позже с удивлением обнаруживаем в этом тщедушном теле вулкан энергии, которой могут позавидовать люди, вдвое моложе его. Да, все так - на встревоженный вопрос героини: «Вам воды?» - он переспрашивает с недоумением: «Воды?.. Вот крови в меня подлить не помешало бы». При этом цепко ощупывает мебель - сначала взглядом. Потом, как бы походя, оглаживая рукой: «Я у вас много времени не отниму... Я покупаю».

Он скажет это десять раз. Он вымоет руки, он устроится в кресле, «что говорится жить». Он начнет завтракать («Соли у вас, конечно, нет»), съест яйцо, насладится запахом сигары - именно запахом, он сто лет не курит.

Зрительный зал буквально купался в этом фонтане уморительных ситуаций. Соломон собьет всех с толку, и они забудут про мебель. Один из героев начнет исповедоваться старику в том, что карьера полицейского у него не состоялась, что отношения с братом не сложились, что единственный свет в окошке - его любимая жена. А тут еще катавасия с мебелью: «Но, наконец, скажите - сколько это стоит?».

А как Соломон расстается с деньгами! Это же целое действо. Но не надо думать, что перед нами скупой, злобный старикашка - обычно так его играют в театре. Все глубже и серьезнее. Он прожил большую и многотрудную жизнь, и каждое мгновение может быть последним. Но под холодным пеплом немощи таятся жар жизнелюбия. И в отличие от этих, молодых, закомплексованных, подвергающих сомнению каждый свой шаг, он рассуждениям о жизни предпочитает саму жизнь. Они не знают, как жить, он - знает. И сбивая цену на мебель, торгуясь, он выторговывает у судьбы, по крайней мере, еще год жизни, походя преподнося всем нам уроки оптимизма. Так понял эту роль и так сыграл ее артист Померанцев. Однажды увидев это забыть невозможно.

Вообще, накал страстей в спектакле «Цена» порой достигал запредельных норм. В какой-то момент герои сцепились в яростном диспуте меж собою. И в самый разгар их баталии возникала оглушительная пауза. Это когда попавший в стычку между ними Соломон вдруг почувствовал, что вожденная мебель уплывает из рук. И организм его сработал сверхточно: с ним приключился сердечный микроприступ. Разумеется, с ощупыванием пульса, с извлечением из его удивительного портфеля вначале апельсина, потом шоколадки - там могло быть все что угодно!.. Общая забота о старом человеке на какой-то миг всех примирила. А надо всем этим как бы немощная, но мудрая и торжествующая улыбка нашего гуру - Померанцева.

В Интернете выложен удивительный фильм Александра Головинского «Играем Чехова». Он доступен, посмотрите его. Вы прикоснетесь к потаенному, к сокровенному. Вы увидите, как большой артист в сомнениях и муках постигает характер человека, в которого он должен перевоплотиться в те полтора-два часа, что будет длиться спектакль. Пошагово, от первой читки до прогона на сцене и генеральной передан весь репетиционный процесс над спектаклем «Иванов» по Чехову, где Померанцев играет Матвея Шабельского. Как скрупулезно, по мгновениям он строит свою роль, подвергая сомнению каждый жест свой, каждую интонацию. Вовлекая в свои сомнения режиссера, пытаясь добиться консенсуса с партнерами.

Партнеры признаются перед камерой:

- Он для всего театра высокая планка, которой надо соответствовать. Причем, он недоверчив к себе, в этом залог его молодости...

- С ним рядом как бы уходят все сложности. Все понятно, прозрачно. Но потом понимаешь, что эта прозрачность доступна только ему...

- Да, за его плечами колоссальный актерский опыт. Но он остается ребенком в отношении к своей профессии...

А поверх этих слов мы видим, как его роль обретает зримую плоть, как она растет, как появляются тончайшие нюансы во взаимоотношениях персонажей. Что крайне ценно в этом фильме, мы видим не просто мэтра - мы видим ищущего человека.

В какой-то миг на лице его проблеск радости, он нащупал под ногами ту самую основу, твердь. Неустойчивую, зыбкую, про которую сказано: «и дышат почва и судьба». И следом сокрушенное признание: «Меня не покидает ощущение моей бездарности. После сегодняшней репетиции уйду в панике, не знаю, что делать дальше». А мы уже ощущаем тот воздух, который разлит над спектаклем, мы ощущаем ту магию, что рождает вторую реальность на сцене. И актер произносит как заклинание: «Жду первого прогона со священным трепетом. Тут что-то начинает проясняться».

И вновь - упреки режиссера и упреки режиссеру. Но день премьеры неумолимо надвигается. И в какой-то момент режиссер говорит, комментируя исполнение роли Померанцевым: «Я правильно трактую Померанцева. А то, что мы портим нервы друг другу, так мы к этому привыкли». И признание главрежа после премьеры: «Та ажурность, тот свет, тот рисунок, что появились на сцене, говорят о том, что перед нами - мэтр»...

Для Юрия Борисовича слова Осипа Мандельштама «Мне на плечи бросается вековолкодав» не просто обжигающий поэтический оборот. Его отец, москвич, был командирован в 1936 году в Казахстан, работал начальником финансовой службы треста «Карагандауголь». В 1937-м был арестован и расстрелян. Сам Юрий Борисович, десятиклассник-выпускник, в июне 41-го был задействован в армию. Минометчик, он в первом же бою попал в жуткую мясорубку.

Тяжелое ранение. Год скитаний по госпиталям. Потом глубокий тыл, Алматы, попытки приноровиться к мирной жизни, научиться просто жить. И для начала обрести профессию.

Еще школьником он написал письмо великому мхатовцу Василию Качалову, задав ему единственный судьбоносный вопрос: как поступить в школу студию МХАТа? Самое удивительное: Качалов ему ответил. И это письмо-ответ как величайшую драгоценность ефрейтор Померанцев носил на фронте в нагрудном кармане вместе с документами.

Потом, уже после ранения и госпиталей, очутившись в Алматы и начиная жить сначала, он устроился на работу в оперный театр. Он был статистом в хоре, но ему поручали очень важные роли. Например, Ивана Грозного в «Царской невесте». Безмолвствующего, но - вот именно Грозного. Не зря же Марфа, лишь взглянув на него, заходила в ужасе, очень убедительно исполняя после этого свою арию и демонстрируя всю палитру вокала: «О, как страшен его взгляд», - ну и так далее. Здесь, в хоре статистов, его высмотрела Наталия Сац и зазвала к себе в будущий ТЮЗ.

Он был придумщик и выдумщик и таковым остался до наших дней. ТЮЗ открылся в ноябре 1945-го «Красной Шапочкой», и Померанцев играл одну из главных ролей - Волка. Для вящей убедительности он приволок с базара и поставил на сцене точильный станок для ножей. И после страшных слов: «Зубы, зубы я точу - съесть девчонку я хочу», - он начинал точить зубы. В зал летели всамделишные искры, дети верещали от страха и восторга. Они догадывались, что агашка Волк вроде бы шутит, но точильный станок работал всерьез, искры сыпались, и Красную шапочку надо было спасать.

А десять лет спустя уже на сцене нашего драмтеатра была роль Сиплого («Оптимистическая трагедия»), и в этом имени-прозвище «Сиплый» была не метафора, он и впрямь сипел, продутый ветрами гражданской войны, и уже одним голосом своим нес смертельную угрозу. Но Померанцеву-Сиплому этого было мало. Он вдруг начинал петь, страшно фальшивя, комический эффект был потрясающий, зритель готов был зайти в жутком

хохоте. Но искусственному человеку было ясно: так виртуозно фальшивить мог лишь тот, кто обладает абсолютным слухом. И не только музыкальным.

Вот это редкое качество - абсолютный слух - он несет через всю свою сценическую жизнь.

Ему уже 97. Но в глазах его, как в далекие годы дебютов, все тот же неутоленный голод по новым ролям.

2020 г.

“Concerto Grosso” академика Усановича

Профессор внимательно слушал студента, вникая в потуги неискушенной юношеской мысли пробиться к истинам, в общем-то, давно известным. Но лишь пробившись к ним, причем, самостоятельно, методом проб и ошибок, лишь испытав минуты и часы сомнений, когда обида подступает к горлу от того, что ожидаемый и, казалось бы, самоочевидный результат ускользает из рук, лишь пережив ликующую радость маленьких личных открытий и осознав, что и где ты сделал не так, - лишь пройдя через это, можно было посягнуть на то, что за гранью ведомого. Да, да, за гранью ведомого, где привычные закономерности дают сбой и «не работают», и вдруг приходишь к мысли, что незыблемые постулаты дали трещину, требуют оговорок, уточнений, а быть может, и вовсе их пересмотра и отмены.

От перенапряжения у студента выступил пот на лбу, он вытер его тыльной стороной ладони. И Михаил Ильич расписался в зачетке, отпустив с Б-гом юное дарование. Как нынче модно говорить, верной дорогой идёте, товарищ. Пусть дальше набивает шишки, обретая опыт.

Профессор откинулся на спинку стула. Сегодня, кажется, всё. За окном лаборатории в державном покое царила летняя листва. Ах, эти экзамены!.. Начало июня стояло над землёй, кроны деревьев ещё не обрели той усталости, что приходит от зноя и проливных гроз июля, от лунных августовских ночей, таящих в себе прохладу осени, ещё не заматерели в зрелости. Листва была молодой и свежей, в нерастраченных силах. Листву августа художнику будет велено писать маслом, а сейчас, в начале июня, уместна лишь прозрачно-лёгкая акварель.

В лаборатории шла несуетная, погруженная в рабочие шумы жизнь. Негромко гудел вытяжной шкаф. Но сквозь шорохи, гул, плеск листвы за окном настойчиво пробивалась мелодия.

Откуда-то, Б-г весть, из какого репродуктора, лилась «Чакона» Баха - финал ре-минорной партиты для скрипки соло. Качество звука было скверным, но даже хрипы и треск эфирных разрядов не могли повредить строй мелодии, её величавую страсть. И потом - Михаил Ильич и здесь оставался естествоиспытателем, отделяя зёрна от плевел, отсекая помехи и погрешности от чистого гармонического ряда, что, возникнув однажды, уже не подвержен эрозии шума, потому что мелодия звучит не только извне, но и в твоём сознании, в твоей памяти, звучит давно, всю жизнь - вот уже более 80 лет. Он провёл сухой твёрдой ладонью по лицу, по всем этим морщинам и неровностям, огладил усы и бороде, без которых он уже и не мог представить самого себя. И невзначай ушёл памятью в далёкую пору детства, в родной и уютный Житомир с почти домашней и ласковой речкой Тетерев, что хранит свою прозрачную ясность до декабря, позванивая волной о закраины льда у берегов. И однажды зимним утром вдруг обнаруживалось, что река покрыта скользким сверкающим панцирем, и, сторожко ступая, опасаясь потрескивания под ногами, можно сделать шагок-другой от берега, следя глазами студёную глубину под ногами и явно рискуя, но то-то и оно, что запретный плод сладок. Он, как и положено прилежному мальчику в Житомире, с шести лет, что ни день, шёл в музыкальную школу, терзал

безответную скрипку. Это не значит, что он станет музыкантом, но это значит, что какие-то важные струны души уже в детстве были задействованы. И всю жизнь потом рука твоя машинально будет тянуться к клавиатуре рояля, если он появится в пределах досягаемости, и сердце отзовется чистой нотой, когда ухом уловишь такты из «Бранденбургского концерта» или вот из этой многозвучной партиты.

А ведь после окончания гимназии (да еще с золотой медалью!) перед ним всерьез встал выбор: музыка или наука? Помнится, не он один мучился подобной дилеммой. Борис Пастернак на разрыв аорты метался: стихи или фортепиано? Но поэзия хотя бы музыке сродни. А тут две полярных стихии - ума и сердца. Он сделал выбор в пользу научных абстракций, хотя и здесь всё было непросто, его равно влекли к себе и физика, и химия. Студент естественного факультета Киевского университета он стал разрабатывать новое направление в науке - физическую химию. И здесь прошла его жизнь, и здесь, надо думать, он кое-чего добился.

Михаил Ильич Усанович (1894-1981) - доктор технических наук, профессор, академик АН КазССР, заслуженный деятель науки Узбекистана и Казахстана, награждён тремя орденами Трудового Красного Знамени. Ученик и сподвижник Вернадского, выдающийся учёный с мировым именем, он является автором всемирно признанной теории кислот и оснований. Его имя занесено в книгу «Биографии великих химиков», в которой даны сведения о крупнейших химиках мира - от Парацельса до наших дней. Блестящий теоретик и экспериментатор, он в течение 37 лет (с 1944 по 1981 гг.) заведовал кафедрой физической химии КазГУ и здесь же все эти годы был руководителем по исследованию неводных растворов, включая расплавленные соли и металлы. М.И. Усанович разработал количественную теорию растворов. Показал, что так называемая аномальная электропроводность не исключение, а правило, доказал ошибочность применения закона Оствальда к большинству растворов.

Вдова академика доктор химических наук, профессор Татьяна Несторовна Сумарокова рассказывает, что Михаил Ильич ещё в раннем детстве проявлял удивительные способности - в четыре года он научил грамоте свою няню. Дом Усановичей в Житомире был своеобразным культурным центром. Здесь находилось любимое всеми кафе, здесь отец ученого без малого сто лет назад открыл первый синематограф. После революции дом был, конечно, экспроприирован (он сохранился и поныне, сейчас в нем расположена музыкальная школа). Более полувека спустя Михаил Ильич побывал в родном городе. Трехэтажный дом Усановичей стал на этаж меньше - когда асфальтировали улицу, её уровень настолько подняли, что первый, полуподвальный этаж исчез под землёю. Михаил Ильич минут пять постоял у порога отчего дома, но так его и не переступил...

Мы опускаем здесь годы молодости ученого, они были бурными и тревожными, как и сама эпоха, и остаётся лишь благодарить судьбу, что вопреки всем злым ветрам он остался жив и невредим. В Алма-Ату он попал на исходе войны, когда ему было уже 50 лет, и годы его творческой зрелости связаны с наукой Казахстана.

В холле научно-исследовательского Института проблем горения можно увидеть красочное панно. На нём рядом с основоположниками науки о горении Семеновым и Зельдовичем помещён и портрет академика Усановича. Он не был специалистом в этой

области физической химии, да и сам институт появился на свет через десять лет после смерти Михаила Ильича, но имя его вполне закономерно значится среди основоположников института. Его непосредственные организаторы и бессменные руководители доктора химических наук, профессора Г. И. Ксандопуло и З.А. Мансуров как учёные-исследователи выросли под опекой Михаила Ильича. С его благословения и при его добром отеческом участии они создали на кафедре физической химии новое перспективное направление, исследующее процессы горения, связанные со всем многообразием человеческих устремлений - от металлургии до космонавтики.

- Михаил Ильич читал нам, студентам химфака, два спецкурса, - вспоминает Зулхаир Аймухаметович Мансуров, ныне первый проректор КазГУ (или как его теперь называют - КазНУ). - Я бы назвал его лекции философскими. Читал он неторопливо, конспектами не пользовался, приглашая аудиторию к размышлению. Каждый постулат он рассматривал всесторонне, во всех его аспектах, любил порассуждать, приводил массу примеров. Мы слушали его, затаив дыхание. При этом вся его крупная фигура, и неспешный глуховатый голос, и извечная папироса в руках излучали доброе тепло. К студентам он относился по-отечески. Он обязательно учитывал их неудачные ответы: «Значит, что-то я не так им объяснил». И уже впредь старался преподать этот материал более внятно и подробно. То есть в неудачах студентов винил самого себя... Никогда не забуду: в 1973 году я защищал кандидатскую диссертацию по проблемам горения. Естественно, волновался, отвечая на вопросы маститых ученых. Так вот, ко мне подошёл Михаил Ильич и шепнул на ухо: «Не волнуйся. Лучше тебя *эту* проблему не знает никто».

- К моменту защиты моей диссертации, - рассказывает почётный директор НИИ проблем горения Георгий Иванович Ксандопуло, - у нас в Казахстане по профилю моей работы специалистов не было. Ситуация сложилась щекотливая: руководитель нужен был хотя бы формальности ради. Я и пришел к Михаилу Ильичу: так, мол, и так. Он говорит: давайте проведем семинар, послушаем ваши результаты, а дальше решим, как быть. Послушал, дал добро: доводите всё до ума, будем рекомендовать к защите. И как бы дал согласие быть моим научным руководителем. Дело дошло до защиты, и защита прошла успешно. А под конец Михаил Ильич встаёт и говорит: «Я должен сделать заявление - к этой диссертации я никакого отношения не имею», - то есть, чужие лавры мне не нужны. Тем не менее, отметил все сильные стороны работы и после удачной защиты предложил: «Давайте работать вместе». Чуть позже он сам пошёл к декану химфака Беремжанову с предложением организовать новую лабораторию для нас, из которой потом, собственно, и вырос наш Институт.

Рассказывает кандидат химических наук, доцент В. А. МИРКИН:

- Михаил Ильич был руководителем моей дипломной работы. Руководство было своеобразное: он давал полную волю дипломнику, отправлял его в свободно плавание, приучая с первых же шагов к самостоятельности. Поэтому все достижения и все огрехи были на совести дипломника. Это был воистину мудрый наставник.

Он много курил, порой даже во время лекций. Однажды, году в 70-м, у него признали предынсультное состояние, и курить он тут же бросил. Представляете, какую надо было иметь силу воли! Кстати, тогда же отпустил бороду, которую потом носил уже до конца своих дней.

Он был высокого роста и даже когда ему было далеко за 80, он сохранил осанку, до самой кончины был удивительно свеж умом, не проявляя никаких признаков склероза. Типичный долгожитель! Мы думали, отметим его 90-летие, и даже столетие.

Ему был присущ блестящий, острый ум, он молниеносно реагировал на реплику собеседника, и на дискуссиях и конференциях это производило неизгладимое впечатление. Хотя эпитет «молниеносный» к нему вроде бы и не подходит, он подолгу, порой годами, размышлял над своими принципиально важными исследованиями, не торопился с выводами. Но реакция на инакую мысль была действительно мгновенной, всегда поражало:

как это он успел схватить... При этом жаловался, что мы недостаточно используем его интеллектуальный потенциал.

Михаил Ильич был человеком широко и глубоко образованным. Читал по памяти Горация (на латыни), Державина, Пушкина, проявляя тонкое знание поэзии, и не только классической. Он, например, любил стихи Эренбурга, поэта не столь уж и популярного. У него была страсть к путешествиям. Он прекрасно плавал. Любил шутку, анекдот. Он свободно владел французским языком (по-английски читал), украинским, знал латынь. Ему довелось поехать в Германию, чтобы выступить перед коллегами с результатами своих научных изысканий, и он выучил немецкий, причем, настолько хорошо, что стал решать кроссворды на немецком языке. Я видел его решающим кроссворды, но никогда не видел, чтобы он при этом заглядывал в словарь. Он все делал основательно и глубоко. И когда у нас проводились конференции, на которых присутствовали гости из зарубежья, Михаил Ильич поражал всех знанием языков.

При всём при том, он любил смотреть хоккей - заядлый болельщик! Был мастером застолья, блестяще и остроумно комментировал тосты, сам показывал в этом деле высший пилотаж... Говорят, он не мог сдерживать слёз, когда слушал 2-й квартет Бородина. Музыка он любил и знал так, как может знать только он. Много читал. По натуре он был то, что называется, кабинетный ученый. Работал большей частью дома, здесь же и принимал коллег по научным вопросам, выходил лишь на лекции или решать какие-то технические вопросы на кафедре.

Распорядок дня у него был жёсткий, работали он и его супруга по ночам, писали статьи, держали корректуру, отвечали на письма коллег.

Ушёл из жизни он быстро, в течение месяца. Ему сделали операцию, она прошла успешно, его на следующий же день выписали из реанимации, и чувствовал он себя неплохо. Но - эмболия, закупорка лёгочной артерии... Он скончался в несколько минут. Не знаю, можно ли было ему помочь в условиях той медицины? Он лежал в обычной палате, все забегали, засуетились, но сделать ничего не успели. Он погиб, хотя по состоянию духа и тела мог бы жить ещё годы и годы.

На втором этаже дома, где он жил (угол Жибек Жолы и Валиханова) в его рабочем кабинете, всё осталось, как было при нём. Вдоль стен - книжные стеллажи от пола до потолка. В центре комнаты - четыре сдвинутых вплотную 2-тумбовых стола, образующих единое рабочее пространство, на котором не тесно мыслям, рукописям и книгам. Ночами почти до утра здесь, как и четверть века назад, горит свет. Вдова учёного разбирает архив мужа - письма, фотографии, журнальные и газетные публикации, рукописи; готовит к печати новое издание его трудов. К оконному свету тянутся ветви лип. При Михаиле Ильиче они макушками своими едва доставали до второго этажа, сейчас их кроны взметнулись вровень с крышей. В июне, в канун дня его рождения, они начинают цвести, и тонкий запах липового цвета плывёт над округой. Он и умер в канун своего дня рождения. И каждый год, пока у неё доставало сил, она шла в этот день к его могиле, и запах цветущей липы плыл над округой...

2001 г

Феномен Шамиса-Симашко

Морис Давидович Симашко (1924-2000) - один из выдающихся мастеров слова XX века. Народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии республики, автор всемирно известных романов (они переведены более чем на 50 языков мира). Казахстанским ПЕН-клубом он был выдвинут на Нобелевскую премию. За год до кончины он уехал в Израиль, успел там написать новый роман, но связей с Алматы не прерывал. Он любил южную столицу Казахстана, где прошла большая часть его жизни, где он написал свои главные книги. Здесь остались его друзья, читатели его книг и почитатели таланта. Название его последней книги весьма символично - «Четвёртый Рим».

Но прежде чем говорить о новой книге писателя, скажем несколько слов о нем самом. Ветеран Великой Отечественной - он был военным летчиком. О войне его повесть "Гу-га!" (по ней снят одноименный фильм Одесской киностудией) – одно из живых свидетельств недавней истории, пронзительных по лиризму и леденящих душу той бесчеловечной жестокостью, с какой тоталитаризм пытался уничтожить личность. А ведущая его тема – деспотизм в различных аспектах, особенно его восточный вариант. "Повести Черных и Красных песков", "Маздак", "Хроника царя Кавада", "Искушение Дабира", "Колокол", "Комиссар Джангильдин", "Семирамида", "Падение Ханабада"... Его книги переведены на английский, французский, немецкий, японский, португальский, венгерский, польский, хинди, бенгали... Романы и повести Симашко поражают своей безусловной талантливостью, новизной взгляда, скрупулезным проникновением в реалии далеких эпох. Впрочем, и близких тоже - порой очень даже близких.

Родом он из Одессы, которую также невозможно себе представить без евреев, как Неаполь без итальянцев, а Марсель без французов. Это город, пропитанный морем, солнцем, запахами рыбопродуктов и еврейской кухни. Ну и, конечно же, неповторимой речью одесситов, ее не услышишь нигде больше в мире. Морис Давидович помнит об Одессе всегда, но пишет и говорит о ней редко, недосуг - он углубленно исследует прошлые эпохи, чтобы найти в них ответы на животрепещущие вопросы современности. Но дух Одессы, атмосферу ее тотального жизнелюбия он как бы олицетворяет самим собой: интонациями голоса, речью, неумным темпераментом, неистоцимым юмором - тем, что французы называют **жовиальностью** и чему нет точного перевода на русский язык.

Окончил Одесский учительский институт (1946) и КазГУ (1950). Работал учителем в Одесской области и в г. Мары (Туркмения), был собкором ТАСС, "Советской культуры", "Учительской газеты". Заведовал отделом журнала "Простор", издательства "Жазушы", был литконсультантом Союза писателей Казахстана.

Уже одно его присутствие заряжает оптимизмом. Причем это оптимизм деятельный, Морис Давидович всегда готов разделить с тобой твою проблему, незамедлительно прийти на помощь. Не могу забыть случая, который едва не перечеркнул мою писательскую судьбу. Тогдашний собкор "Литературки", страдающий творческой недостаточностью, к тому же антисемит и завистник, хотя человек, безусловно, глубоко несчастный (увы, уже покойник – пусть Всевышний простит ему все его прегрешения), написал разгромную рецензию на мою первую книжку. Он сам же сказал мне об этом, бальзамируя очередной рюмкой свою писательскую немочь в "Каламгере" (было в Алматы когда-то живое и веселое кафе с таким названием): "Читай в очередном номере газеты. Я там **все** о тебе сказал". Подобная рецензия-донос в центральной, московской, прессе была равнозначна убийству... Но газета еще не вышла из печати, пуля находилась в пути. Я кинулся искать спасения.

По счастью, первым, кого я встретил в коридоре Союза писателей, был Морис Давидович. Он тут же бросил все свои дела и принялся звонить в Москву. Уж он-то знал, чем это грозит начинающему писателю. И не только начинающему. Сам он буквально с боем отстаивал право на жизнь каждой своей книге.

Полдня мы с ним пытались прорваться сквозь частые гудки межгорода, полдня жизнь моя, мой завтрашний день висели на волоске. Морис всячески ободрял меня, взывал к чувству юмора: "Старик, войди и в его положение: должен же и он есть свой густой хлеб". Слово "хлеб" он произносил смачно, через букву "э", и я невольно чувствовал дружеское, надежное плечо той самой Одессы, которая не предаст и не выдаст, поможет устоять и выстоять и вопреки всему спасет.

А он, не отрывая пальца от наборного диска телефона, пытался вывести меня из предынфарктного состояния. Рассказывал рецепты еврейских сладостей, которыми в детстве его баловала мама. Потом вдруг вспомнил, как папа будущего академика Лысенко (*Морис сказал: "акадэмика"*) бил своего великовозрастного сына по загривку, по шее.

- Отец мой, микробиолог, учился тогда в аспирантуре и вел научную работу на Южноукраинской виноградарской станции. Ты был в Одессе, нет? Ну, это на Сухом Лимане за городом. Там виноградные плантации и опытные поля. А с отцом вместе учился тот самый будущий академик, Трофим Денисович, который потом стал главным негодяем в нашей науке и наделал очень много зла. Сейчас школьники, слава Богу, если и знают это имя, то лишь понаслышке, а в сороковые-пятидесятые годы во всех школьных учебниках описывались его драцкие опыты про то, как можно превратить рожь в пшеницу, а помидоры скрестить с картофелем и получать баснословные урожаи неизвестно чего. Даже я в детстве на опытной станции сажал что-то по методу этого академика-полудурка.

А между тем отец у него был очень хороший народный агроном, самородок, он внедрил новые сорта картофеля, к нему прислушивались и его уважали овощеводы и ученые.

И вот врезалось мне в память, как бородатый старик бьет по загривку большого взрослого дядю, и этот взрослый дядя - его сын. Мне было пять лет, и я, помню, страшно удивился. Видно, тот что-то сделал не так на опытном поле, что-то сделал во вред растениям и науке, и это так рассердило его бородатого папу, что он тут же и принял меры народной педагогики. А ведь мало старик его бил, мало. Сколько же бед натворил потом этот недобиток, сколько людей погубил доносами... Так что, старик, у твоего оппонента были известные предшественники.

И он подмигивал мне ободряюще:

- Не падай духом. Жизнь, старик, это борьба.

Мы пытались дозвониться до Москвы, а мимо окон Союза писателей шли демонстранты, хотя до ближайшего праздника было дней десять. Но демонстрации готовились загодя, их репетиции шли прилюдно, задействованы в них были десятки тысяч вроде бы разумных, но, по-моему, очень несчастных людей. Окна Союза писателей выходили на проспект Коммунистический (бывшая Старокладбищенская улица), рядом была площадь Революции, и в канун праздников мы целыми днями вынуждены были слушать команды, доносящиеся из матюгальников, а мимо окон в сотый раз шла измочаленная колонна с каким-нибудь диким сооружением на грузовике в кумаче и бронзовой краске со вполне бессмысленными лозунгами, на созерцание которых мы были обречены, как нам казалось, до конца наших дней. Дух той эпохи Симашко хорошо передал в романе "Падение Ханабада".

Симашко автор пьесы "На крайнем юге", поставленной в 1948-1950 гг в ряде театров Средней Азии. Совместно с А.Алимжановым им написана пьеса "Степной комиссар" (поставлена в театре им. Лермонтова в 1977 г.) По произведениям и сценариям Симашко поставлены фильмы "Случай в Дашкале" (1961), "В черных песках" (1967), "Фраги – разлученный со счастьем", а также "Султан Бейбарс" и "Гу-га" (80-е-90-е гг).

Рассказывает член ПЕН-Клуба, кандидат филологических наук, доцент Виктор Бадиков:

- В Симашко есть магнетизм человеческого обаяния, без которого писатель в жизни становится скучным, в нем присутствует, по словам Щедрина, "интимный тон жизни". То, что он пережил, хватило бы на несколько жизней, а он остался незлобивым и открытым миру. Помимо реалий исторических, причем, весьма убедительных, в его повествованиях живут люди, которым я как читатель хочу сопереживать. Это признак большого искусства. Его читают степняк и европеец, мусульманин и иудей. Меня всегда поражало в Морисе Давидовиче болевое начало, оно пульсировало в нем постоянно: боль еврейского народа. Будучи интернационалистом, он всегда подчеркивал: я - еврей, чем очень гордился.

Я писал об этом в своей статье по поводу романа "Падение Ханабада". Роман веселый, едкий и актуальный, таких книг нам не хватало всегда. Там было много горькой правды о жизни восточных республик. Причем, правда эта сказана главным героем, который носит еврейскую фамилию - Тираспольский. Статья называлась "Национальное и интернациональное в творчестве Симашко", она так и не была напечатана. Тогда нельзя было писать открытым текстом, что Симашко - еврей, равно как и герой его романа. Но вот что удивительно: хотя интернациональный элемент всегда доминировал в его творчестве, он умел увидеть изнутри жизнь другого народа - увидеть любовно и дружески. При этом он умел сказать "больную" правду о другом народе, оставаясь другом этого народа, но не пассивным, не лакейским другом. У него есть некое двойное зрение, которое позволяет ему сказать о том, что общечеловеческая правда выше обстоятельств, хотя от этой правды, как правило, стараются отвести глаза, она у нас была под большим запретом, и надо было обладать мужеством, чтобы быть ее носителем.

Да, Симашко и при советском антисемитизме всегда подчеркивал, что он еврей, что он сохраняет верность своим национальным корням. При этом он оставался носителем большой, общечеловеческой культуры, которая у него начинается именно с еврейских корней, с национальных истоков и глубин. Ведь все русские писатели-евреи - Пастернак, Мандельштам, Бабель, равно как и Симашко - они не меньше русских по национальности писателей выражали дух русского народа. Не потому что они переменили национальность, а потому что привнесли в русскую культуру большой и очень значительный потенциал духовности, без которого русская культура будет неполной.

"Морис Симашко - русский писатель, который ни на кого не похож. Это не классическая проза, в ряду которой Пушкин, Достоевский или Толстой. В нем нет общего и с такими "просоветскими" или чисто "советскими" романистами, как Горький или, скажем, Шолохов. В нем легче увидеть изотериста Ремизова или Булгакова, который (под воздействием Фрейда) даже в ярком свете искал признаки надвигающейся тени". (Газета "Фигаро". Из статьи французского критика Алена Боске по поводу выхода в издательстве "Галлимар" романа "Семирамида").

Рассказывает лауреат Государственной премии Казахстана, доктор филологических наук, профессор Шериаздан Елеукенов:

- Да, он одесит. Но, лишь воздвигнув, как говорят казахи, свой шанырак в Алматы, он окончательно формирует из себя писателя Симашко. Выступая в последние годы убедительным защитником нашего молодого государства, Морис Симашко продолжает приумножать духовную сокровищницу нашей культуры, что в свое время было главным смыслом жизни таких казахстанцев, как Александр Затаевич, Евгений Брусиловский, Исаак Иткинд, Александр Жовтис. Родившись евреями, они жили жизнью Казахстана и почитаемы ныне нашим народом, потому что составляет национальную гордость казахов.

Симашко первым создал романы об Ибрае Алтынсарине, Алибие Джангильдине. Он показал себя знатоком не только Ближнего Востока, но и туранских степей, сделав блестящий перевод эпического романа Ильяс Есенберлина "Кочевники", второй книги Габита Мусрепова "Пробужденный край". Будучи изданы миллионными тиражами на русском языке, эти книги переводились затем с русского на многие другие языки мира. Пользуясь своим высоким авторитетом за рубежом, Морис Симашко рекомендовал там к изданию целый ряд книг талантливых казахских авторов молодого и среднего поколений, широко пропагандируя казахскую историю и культуру.

Последний год был годом завершения работы над новой книгой, жанр которой затруднялся определить и сам автор. Роман? Эссе? Мемуары? Ни то, ни другое, ни третье. Наверное, здесь уместно говорить о некоем синтезе жанров, их сплаве. Как сказал Морис Давидович в интервью одной из израильских газет, "биография сложит лишь канвой, смотровой площадкой, с которой видится время. Прежде всего это попытка человека, занимающегося проблемами истории, разобраться в трагедии XX века на материале Евразии".

Мы ещё будем читать и перечитывать его книги. Сквозь строки звучит живой голос Мориса, его искристое мудрое слово согревает наши сердца, вселяя веру в будущее, давая нам силы жить дальше - во что бы то ни стало жить... Он был очень самобытный и очень талантливый человек. Он любил жизнь во всех её проявлениях. Он завещал любить её нам. Последуем его завету.

2001 г

Миры Мориса Симашко Книга «Четвертый Рим». Вторая жизнь

Бахыт Каирбеков и Александр Головинский сняли фильм об одном из создателей Международного Казахского ПЕН-клуба, номинанте Нобелевской премии Морисе Симашко (1924-2000). Всех, кому посчастливилось знать этого человека, поражали и его уникальный писательский дар, и его умение делать зримыми реалии далеких веков, приближать их вплотную к эпохе, свидетелями и сотворцами которой являемся мы.

Нас поражала его интеллектуальная отвага, он не отводил глаза в сторону от мерзостей духовной жизни, которые нам навязывали в качестве неукоснительных идеологем. И эта отвага его будоражила совесть мыслящего человека, пробуждала дремлющие зачатки гражданственных чувств и побуждала ощущать ответственность каждого за все происходящее в мире. А сверх того он был редкостным жизнелюбом и умел заражать жизнелюбием окружающих.

Вообще-то фильм снял кинорежиссер Александр Головинский, ему принадлежит пальма первенства в этом, как нынче говорят, проекте. Он годы вынашивал замысел, сумел в наше непростое время раздобыть на съемки фильма деньги и сделал все возможное, чтобы фильм стал реальностью. Но мы не случайно рядом с Головинским ставим имя поэта Бахыта Каирбекова. Он выступил здесь в несколько необычной для себя роли, он не просто ведущий киноповествования, он alter ego героя фильма. Сказано об этом без всяких там ухищрений чуть ли не с первых кадров: «В этом фильме я буду говорить от имени своего старшего друга Мориса Давидовича Симашко. А последняя его книга «Четвертый Рим» поведет нас в путешествие по его жизни».

Портретного сходства, естественно, никакого, да оно и не требовалось в данном случае. Тут первостепенным было созвучие душ, а оно обнаружилось с первых же слов, произнесенных с экрана. Сама интонация, раздумчиво-уважительная, не вызвала ни малейшего отторжения. Напротив, заставила нас поверить ведущему и с готовностью следовать за ним.

Странное дело! Фильм длится почти час. Ведущий увлекает нас за собой, не форсируя голос, а все также неспешно, как это было в первых кадрах, почти монотонно, однако же прозорливо вникая в каждое слово, ведет свой скрупулезный рассказ об одном из самобытнейших писателей, явившихся к нам на изломе времен.

Учтем при этом: фильм хотя и не документальный, а художественный, но не игровой, игровых моментов, которые служат обычно манком для зрителя, не обнаружено. Однако на протяжении часа, что длится кинокартина, интерес к ней не ослабевает ни на мгновение. И в этом заслуга ведущего, но в этом и заслуга режиссера, сумевшего разглядеть, почуять, вызвать к жизни то уникальное человеческое обаяние, о котором, пожалуй, не знал и сам сотоварищ по кино-цеху Бахыт Каирбеков, кстати, тоже опытный сценарист и режиссер, снявший десятки фильмов о неповторимом облике Казахстана, о ритуалах и верованиях кочевников. Причем, фильмы эти запоминаются трепетной поэтичностью, неповторимостью авторской интонации, акварельным колоритом, где визуальный ряд органично сочетается со стихотворной строкой. Быть может, здесь корни того почти колдовского начала, которое сопутствует просмотру фильма «Миры Мориса Симашко».

В какой-то момент пытаешься разгадать: отчего так завораживают слова ведущего? И приходит понимание: да ведь почти весь фильм ведущий читает текст книги «Четвертый Рим» Мориса Симашко! Временами читает слово в слово, и ты не можешь не испытывать магического воздействия большого писателя. Опять же едва ли можно упрекнуть Симашко в стилистической гастрономии, в метафорических и прочих изысках. Да и читает Каирбеков тексты Симашко без аффектации, без пережима, обыденно и просто. Но историзм Симашко столь убедителен и глубок, а слово столь плотно насыщено энергетикой, что читатель, слушатель, зритель погружен всей сутью своей в миры, созданные Морисом Симашко. Миры, которые, казалось бы, ушли в далекое прошлое, но вдруг обнаруживают обжигающее созвучие с днем нынешним. Писатель как бы вычислил движение времени по спирали, извечный круговорот подвижек социума в его кафкианском, почти абсурдистском стремлении к губительному самоповтору: «Дерево познания добра и зла плодоносило. Попытки мичуринцев всех времен и народов выращивать лишь сладкие плоды оставляли в истории горькую оскомину. Особые пути всегда отвергались временем. Все было и есть неизменно. Неизменно...» Симашко предупреждает: законы истории неизблемы опять-таки для всех времен и народов, и когда над ней совершают насилие, повторяются одни и те же сюжеты.

Если отвлечься от фигуры Симашко, от исторических параллелей в его книгах, что стегают сознание читателя как плеть, то это фильм о писательском труде. О мироощущении, которое писатель мучительным методом проб и ошибок открывает для себя и делает это мироощущение всеобщим достоянием. Если отвлечься от фигуры Симашко... Но сделать это невозможно, не только его книги, его творчество, сама жизнь Мориса Давидовича вызывают жгучий интерес. И Бахыт Каирбеков, оставляя неспешные следы на барханах Туркмении, где разворачивалось некогда действие исторических новелл, повестей и романа Мориса Симашко, с готовностью идет нам навстречу, помогая понять, какими непростыми путями шла душа писателя, вынашивая замыслы книг. Фильм интересен еще и тем, что в нем происходит как бы визуализация мысли. И всем существом своим ты ощущаешь, как под воздействием кинокартины и твоя мысль (именно твоя!) пытается обрести (и обретает!) доселе неведомые тебе истины.

Монологи Бахыта, его раздумья о судьбе эпох и народов есть душа этого фильма и, как ни странно, движитель сюжета. Естественно, автором раздумий является Морис Симашко. Но ведь не менее важны для фильма и те редкие вкрапления текста, что произносит сам режиссер, Александр Головинский. Текст, казалось бы, сугубо служебный, необходимый, чтобы перейти от монолога к скупым пояснениям биографии писателя. Но эти редкие вкрапления крайне значимы, они сообщают динамику фильму, являясь сюжетобразующими узлами...

Он научился считывать гул иных времен и мысли своих героев. При всем при том Морис Симашко был человеком открытого темперамента и открытой души. Ему был необ-

ходим диалог с близкими по духу людьми. И люди эти возникают по ходу действия фильма. Люди очень разные, но роднит их всех напряженная работа интеллекта и совести. Мудрец Герольд Бельгер, Леонид Гирш - танкист, настоящий полковник, ближайший друг Мориса, стараниями Леонида Юзефовича увидела свет книга «Четвертый Рим». Светлана Ананьева - она защитила докторскую по творчеству Симашко. Драматург Калтай Мухамеджанов, прозаик Давид Маркиш, поэт и романист Амантай Ахетов, критик Сергей Багоцкий, кинокритик Олег Борецкий, член-корреспондент НАН РК Уалихан Калижанов...

Есть в фильме момент, когда Бахыт Каирбеков вдруг как бы прерывает исповедальный монолог Мориса Симашко и говорит от имени номада, от собственного имени.

- В 1999 году Нобелевскую премию в области литературы присуждают немецкому писателю Гюнтеру Грассу, - говорит он. - Его оппонентом-соискателем был никто иной как Морис Симашко. Но не это самое главное. Самое удивительно то, что его рекомендовали в нобелеаты казахи. Еврея, пишущего в Казахстане на русском языке. Это с одной стороны удивительно, а с другой вполне естественно.

Ну а концовка фильма - на грани гениальности, она как бы продиктована с небес. Дочь Мориса, его ближайшие друзья, Бахыт стоят у могилы Симашко, у черной мраморной плиты. За минувший час мы свыклись с голосом Бахыта, с его уже немолодой, уже не юношески стройной фигурой. После всего увиденного на экране и услышанного, мы и впрямь воспринимаем его как alter ego Мориса. А потому от самого этого стояния Бахыта у могилы Симашко невольно бегут мурашки по коже. А Бахыт вдруг разворачивается и уходит. Ему озадаченно смотрят вслед. Он идет меж могил, мы видим его слегка сутулую спину, а его закадровый голос объясняет нам:

- Оставил я свое «я» там, в Казахстане, в Азии. Там остались зримые и видимые только мне призраки. Тысячи призраков из моих книг. Они уже послужили мне на славу, теперь им служить людям. Дай Бог, много лет, многим людям, что хотят знать историю и не повторять своих вечных ошибок. А я... я пойду дальше. Ведь нет края у человека ищущего, это я понял за свою короткую длинную жизнь. И нет смерти. Есть усталость тела. И перемена. И вечное движение

Он отошел в сторону и неподалеку устало сел на травянистый взгорок.

И тут последний комментарий вновь дает режиссер фильма:

- Он подустал. Тут, на Земле. Просто присел на траву в этом чудесном курортном местечке Бат-Ям, где ему стало ужасно скучно. Замер. И ушел. А там, куда он ушел, ему, возможно, предстоят новые романы, еще увлекательнее прежних...

На каменном парапете набережной лежит его последняя книга. И вольный ветер листает ее страницы.

- Мне бы хотелось особо сказать о сценаристе Сергее Русакове, бывшем аматинце, а ныне москвиче, - говорит Александр Головинский. - Он проделал огромную работу, раз десять правил и переписывал сценарий, отбиваясь от моих замечаний и претензий. Я очень большой придира, и хотя мы с ним оба опирались на эссе Мориса Симашко «Четвертый Рим», ему стоило большого труда (на это ушел почти год!), чтобы я принял его работу, которую, кстати, солидно подсократил во время съемок. А увидели мы этот фильм глазами талантливого оператора Сергея Косманёва, с которым я работаю уже пять лет и с которым мы сняли «Трагедию триумфатора» о Мухтаре Ауэзове, «Великое безумие пчел» о Нурпеисове и «Миры Мориса Симашко»... И о Бахыте Каирбекове. Пригласить его на роль ведущего мне предложила мой постоянный редактор и моя жена Евгения Головинская. «Что ты размышляешь? - сказала она мне. - Зовем Бахыта. Он именно тот человек, кто сможет говорить в фильме от имени Мориса. Тем более что именно Морис давал Бахыту рекомендацию в Союз писателей». И она, как всегда, оказалась права...

...Фильм цельный, фильм талантливый. Фильм, побуждающий к напряженной интеллектуальной работе. Смотришь его, и возникает неодолимое желание перечитать книгу Симашко. Или всенепременно прочитать ее, если она не читана. И вот что озадачивает: хочется вновь и вновь смотреть это кино, открывая для себя всё новые и новые подробности.

Поминальная молитва

Он был актер от Б-га. Ему были подвластны все сценические жанры - от гротеска и буффонады до тончайшей психологической драмы. Родившись в Хабаровском крае, он выглядел одесситом с типичной еврейской внешностью, но при этом с потрясающим проникновением мог создать на сцене типично русский народный характер. К примеру, Михаила Пряслина из "Дома" Федора Абрамова. Он с высоким трагедийным накалом исполнил роль Сальери в "Амадее", а параллельно на сцене жили не уместающийся ни в какие комедийные рамки Демаджисти ("Бедный Пьеро") или преисполненный гамлетовских начал забулдыга-пьяница из камеры предварительного заключения (комедия-гротеск "Эффект Редькина"). Он был зловеще убедителен и в роли провокатора Буддо ("Факультет ненужных вещей"), и в ипостаси истового и бескомпромиссного правдолюбца ("Последний посетитель").

Лев Александрович Темкин, народный артист Казахстана, вписавший яркую страницу в историю русского театра драмы им. Лермонтова. В исполнении Темкина эпизодические роли становились событием. Многие его работы попросту хрестоматийны, на них можно было учить молодую актерскую поросль филигранной отделке характера, которому однозначность чужда. Вспомните роль Герцога в шекспировском спектакле "Мера за меру". Роль небольшая и почти резонерская, но в его исполнении этот неподкупный судья, гарант добра и справедливости, произнося последнюю фразу финала, вдруг обнаруживает зловещую корысть.

Но среди всех актерских постижений Темкина следует назвать одну из последних его главных ролей, в которой словно бы сконцентрировалось все его сценическое мастерство, к которой он как бы готовился всю жизнь. Тевье из "Поминальной молитвы" Григория Горина, написанной по мотивам повести Шолом-Алейхема "Тевье-молочник". Режиссер-постановщик спектакля народный артист республики, лауреат Госпремии Р.С. Андриасян вспоминает, что по прочтении пьесы Темкин сказал: "Сыграть бы эту роль и умереть". Фраза, увы, оказалась пророческой.

Мнение о спектакле было единодушным, впечатление о нем можно выразить одним словом: потрясение. Темкин работал в нем два года, и все эти два года спектакль шел при аншлагах, билеты на него раскупались до конца сезона.

Но и после того, как исполнителя главной роли не стало, спектакль как бы продолжал нести в себе энергетику его незаурядной личности, его поразительного таланта. Создатели спектакля сумели сохранить ту удивительную атмосферу пронзительной человечности и теплоты, которые были органично присущи неповторимой личности актера. И спектаклю еще годы и годы сопутствовал зрительский успех.

Убедительное подтверждение этому - не имеющие аналогов трехдневные гастроли академического театра в Семипалатинске, которые прошли в конце марта 1994 года. Автор сам был участником тех незабываемых гастролей. Вот мои, так сказать, свидетельские показания, запротокколированные по горячим следам событий.

...То были редкие минуты, когда зрительный зал дышит в унисон со сценой. Когда он внимает каждому слову актера, готовый отозваться хохотом, взорваться аплодисментами. Или, глотая неожиданные слезы, оцепенеть, сочувствуя боли и горю, переживая чье-то унижение как свое... Семипалатинцы смотрели спектакль "Поминальная молитва", семипалатинцы принимали гостей - Академический русский театр драмы им. Лермонтова. То были три дня праздника, иначе и не назовешь атмосферу, царившую в зрительном зале и на сцене. Четыре раза за это время прошел спектакль. И все четыре раза - аншлаг. Цветы. Овации. Потрясенные лица. Слова благодарности - мастерству лермонтовцев, мастер-

ству замечательного, ироничного и мудрого писателя-классика, выразителя духовных чаяний еврейского народа.

Это не дежурные комплименты - это констатация фактов.

Но с чего бы это вдруг театр - пусть даже академический! - который, тем не менее, едва сводит концы с концами, едет за тысячу километров, чтобы показать единственный спектакль? Что подвигло его на это? А попросту говоря - откуда деньги?

- Все началось с того, что мы решили отметить не совсем круглую дату, но тем не менее довольно весомую - 135-летие со дня рождения Шолом-Алейхема. Мы - это Еврейский культурный центр Семипалатинска, объединяющий около четырехсот человек, - рассказывает редактор городской газеты "Голос народа", он же председатель Еврейского культурного центра Леонид Резников. (Напомним, речь идет о событиях 1994 года).

Что можно сделать в подобном случае? Собраться в одной из аудиторий пединститута, заслушать доклад о жизни и творчестве юбиляра. Попросить актеров облдрамтеатра им. Достоевского прочесть отрывки из произведений писателя-классика. А может они сыграют какую-нибудь сценку, положим, из "Тевье-молочника"?.. И тут директор театра Яков Горельников возьми да и скажи им: "Ребята, а ведь лермонтовцы три года назад поставили спектакль "Поминальная молитва". Что если?.."

Идея была бредовая, на грани фантастики. Но нет крепостей, которых бы не брали одержимые идеей энтузиасты.

Когда представители Еврейского культурного центра зашли со своим предложением к главе администрации г-ну Чернову, тому стало дурно: неужто евреи пришли просить денег?! Его успокоили. Его убедили, что подобная акция - не бред, а вполне реальное дело. Да, будут затраты. Но, Б-г ты мой, если бы все в этой жизни решалось деньгами!.. Зато мы оторвем людей от мрачной повседневности - забрезжит свет, пусть не в конце тоннеля, но мы хоть на несколько дней поселим в душах горожан надежду.

"Вождю", как его здесь любовно называли в кулуарах, мысль понравилась. Понравилась настолько, что он тут же выделил на это дело 10 тысяч тенге. Идею поддержал и Республиканский Центробанк в лице директора Семипалатинского филиала. Да и сам глава Центробанка оказался завзятым театралом. Словом, проезд сорока человек, а это не только артисты, но и работники вспомогательных цехов, их проживание в гостинице, суточные, бензин, чтобы доставить декорации в город на Иртыше, - все было оплачено.

Мы не случайно акцентируем на этом внимание: то были первые в истории театра им. Лермонтова негосударственные гастроли. И то была первая столь крупная акция, которую удалось осуществить областному Еврейскому центру, только-только начинавшему жить.

- Впервые у нас состоялись гастроли на деньги общественной организации, по ее инициативе, - вспоминает художественный руководитель театра Рубен Андриасян. - Я все время говорю одно и то же: общество должно осознать, что оно хозяин положения. Богатых людей сегодня много, хозяев мало. А хозяин - это человек, думающий о культуре, о духовной атмосфере завтрашнего общества, в котором будут жить его дети, и он сегодня вкладывает в эту сферу деньги. Пока таких людей единицы, но это уже хозяева. К их числу относятся и спонсор наших гастролей - Еврейский культурный центр Семипалатинска.

Не будем сужать рамки тех, теперь уже вроде бы давних, событий. Да, театр приехал по инициативе Еврейского культурного центра, но евреи в прямом смысле этого слова подарили праздник всему городу. Автор этих строк опоздал к началу первого акта. В темноте я не видел лиц зрителей, но по их реакции мне показалось, что в зале одни евреи. Зритель со всей искренностью, на которую способно человеческое сердце, сопереживал перипетиям судьбы затерянной где-то на просторах бескрайней России Анатовки - Тевье, Голды, Мотла, Перчика, Менахема-Мендла, Лейзера-Вольфа. В антракте я сделал открытие: да, в зале действительно много евреев, но аудитория, по преимуществу, как это принято говорить, интернациональная. И стало ясно, что мир Шолома-Алейхема есть обще-

человеческое достояние. И стало ясно, что боль его героев, боль еврейского народа понятна каждому человеку, какой бы национальности он ни был.

Это не просто и не только мое мнение. Я подходил с расспросами о спектакле ко многим людям, мне совершенно незнакомым, и в их отзывах неизменно присутствовали и благодарность, и превосходные степени ("театр показал высший уровень мастерства"), и попытка осмыслить наше общее житье-бытье.

И еще я подумал: Лев Александрович Темкин ушел из жизни за год до описываемых событий, но все происходящее было как бы освящено его незримым присутствием, его талантом, согрето его живым дыханием и человеческим теплом.

Но вернемся к исходной точке событий. Вот что сказал, в частности, тогдашний руководитель аппарата главы обладминистрации Олег Попов:

- У нас уже немало национальных культурных центров. В них любят поговорить. А вот чтобы практически кто-то что-то организовал для людей - такое случилось впервые. И сделал это наш Еврейский культурный центр.

И в заключение добавим еще несколько штрихов к истории создания этого уникального спектакля. Как вообще возникла идея поставить этот спектакль? Рассказывает Р.С. Андриасян:

- Более десяти лет назад с обретением суверенизации странами СНГ очень остро встала проблема: как один народ живет внутри другого народа? Какие возможны параметры сосуществования? И мы естественно обратились к истории народа, который тысячелетия существовал в этой ситуации, ибо ситуация эта вдруг стала насущной для всех для нас. Когда мы начали работать над пьесой, меня поразила, как она всех "задела". Нас благодарили уже за то, что впервые со сцены так громко и с достоинством было произнесено слово "еврей".

Кое-кого раздражало, что в спектакле "хорошие" русские, ведь от них евреи натерпелись за столетия унижений. Но ближайший друг Тевье Степан в субботу, когда еврей работать не может, присматривал за скотиной соседа. Тот же самый урядник пытается по возможности смягчить участь евреев, насколько это было в его власти. Люди всегда оставались людьми, независимо от нацпринадлежности и вероисповедания. На вопрос, кто ты такой, Тевье ответил: "Я русский человек еврейского происхождения, иудейской веры".

То, что главную роль будет играть Темкин, и только Темкин, было ясно с самого начала. Спектакль, как говорят в театре, ставился на него. Я достаточно близко знал его и понимал, что роль будет сыграна сердцем, кровью.

Конечно, реалии еврейской жизни - костюмы, утварь, еврейский быт, обычаи - бережно были сохранены в спектакле. Театр вещь конкретная, в театре без этого не обойтись. Я впервые побывал в синагоге - еще в той, бывшей синагоге, что находилась в маленьком домике на окраине Алматы. Нас очень приветливо встретили, я сразу же понял, что делаю на сцене что-то не то, не так. Мы присутствовали на чтении Торы, и это произвело на меня большое впечатление. Я встретился здесь с очень доброжелательными людьми, которые хотели нам помочь и были заинтересованы в нашей работе. Я даже пообщался с прихожанами на своем родном языке - там были грузинские евреи, великолепно владевшие армянским языком.

Кантор (к сожалению, он тоже уже скончался) специально для нас записал поминальную молитву, которая звучала в спектакле. Сам раввин, уважаемые люди из синагоги пришли на генеральную репетицию, внимательно просмотрели спектакль на предмет его, так сказать, кашерности. Все замечания нами были с благодарностью учтены и очень помогли в работе.

Кстати, Льва Темкина хоронили под звуки поминальной молитвы, которая звучала в спектакле. Хоронили со сцены, на которой он сыграл одну из лучших своих ролей - многострадального и мудрого еврея Тевье из Анатовки, монологи которого, затаив дыхание, слушал зрительный зал, слушали город, республика, слушала сама эпоха.

1998 г.

Еврейская рапсодия

Абрамсоны, мать и сын. Живут в Караганде. Сын, Константин Михайлович, инженер одной из фирм. Мать, Сима Абрамовна, в прошлом крупный административный работник, сейчас на пенсии. Он, как и положено еврейскому сыну, трогательно любит свою еврейскую маму, заботится о ней. Она ревниво следит за его успехами, и его жизнь - неотъемлемая и, быть может, самая важная часть ее жизни. А ещё есть еврейская родня, с нею тоже очень тёплые отношения, хотя и там порой бывает нелегко. И всё это вместе называется жизнь, непростая и трудная, исполненная счастья, горьких потерь, суровых испытаний. Жизнь неповторимая, единственная. И потому так дороги и так

нужны воспоминания о том, что было: о радости и горе, о тех, кто рядом с тобою сейчас, и о тех, кто остался лишь на фотографиях и в памяти.

Рассказывает Константин Абрамсон

Наша одиссея

Мой дед Абрам Нухимович Гуревич работал электросварщиком вплоть до войны на судостроительном заводе в городе Николаев. И было у него четверо детей. Сын Наум Абрамович, он старший, в 14 лет тоже пришел на этот же завод, стал слесарем, и проработал здесь до 70 лет. Воевал. После войны вернулся на свой же завод. Кроме того, у деда было три дочери. Одна умерла до войны. А вот Сима Абрамовна (моя мама) и Татьяна Абрамовна здравствуют и поныне. Татьяна и Наум живут в Израиле, мама - в Караганде. Наум Абрамович всегда был основательный, грузный, как оно и должно быть у человека тяжелого физического труда. Он любил свой завод, был очень привязан к городу Николаеву. Уезжать не хотел, но - ради внуков на что не пойдешь? Как фронтовик он умел принимать ответственные решения.

А дед к началу войны был уже непризывного возраста, но работал, не чураясь никакого труда, - и до поступления на завод, и после, уже в эвакуации. Кем он только не был? Конюхом, грузчиком. Когда в 1941 году мы приехали в Актюбинск, нам дали комнату на окраине города в полуразрушенном доме. Дед дом этот восстановил, причем зимой. А весной, это я уже очень хорошо помню, потому что оно стало почти легендой, дед на свалке рядом с домом вскопал огород, посадил картошку. И картошка уродилась на славу, дала совершенно невиданный урожай. Держали мы и корову - на удивление всем горожанам. Дед в пригородном хозяйстве был конюхом, ухаживал даже за верблюдами. Вообще, подчеркиваю, он не чурался никакого труда. Мне запомнилось, как уже в конце войны он работал стекольщиком. И никогда не забуду, как он меня взял с собой стеклить типографию газеты «Актюбинская правда». Для меня было полным потрясением, когда мне дали газету, на которой стояло *завтрашнее* число. У меня это с трудом укладывалось в голове. И я, кстати, был страшно горд, что *такую* газету держу в руках. А дед подшучивал надо мной: у нас, говорит, с тобой будет артель. Я пошлю тебя вдоль этой улицы, ты побьешь окна, а я завтра пойду следом и буду вставлять стекла. Представляешь, сколько мы заработаем!.. Шутки шутками, но человек он был очень добросовестный и к любой работе относился очень серьезно.

Бабушка трудилась по домашнему хозяйству. Они с дедом находились в молчаливой конфронтации. Мы знаем, всё начинается со школы, а бабушке попался учитель шибко грамотный, он воспитал весь их класс в духе атеизма. Дед религиозность свою не афишировал, но придерживался определенных правил и ходил в молельный дом. Синагоги в Актюбинске не было, но старики соблюдали, как я теперь понимаю, традицию, и в этом отношении дедушка был непреклонен.

Человеком он был очень грамотным, я бы даже сказал - начитанным, насколько это позволяли тогдашние драконовы обстоятельства. Во всяком случае, он читал еврейскую газету, которая издавалась в Москве, чтобы быть по возможности в курсе всех реалий еврейской жизни того времени. Интересовался политикой. Я, глядя на деда, с пяти лет начал читать газеты. От деда я узнал, что евреи мечтали создать автономию - где бы вы думали? В Крыму. Дед так и говорил: «Вот бы Лазарь Моисеевич Каганович попросил бы Иосифа Виссарионовича об этом». Оказывается, когда в 1930 году Сталин проводил индустриализацию, ему в значительной мере помогли в этом деле богатые евреи Америки. И был определенный уговор, что в ответ на эту помощь он создаст нормальные условия для евреев Советского Союза. Да и во время войны Михоэлс ездил в США и собрал значительные деньги в фонд помощи Красной Армии, причем и там были некие договорённости. Но уже к концу войны наметилось противостояние СССР и США, и Сталин эти договорённости повернул против евреев. Ах, вот они какие: хотят создать плацдарм ненавистных буржуев в Крыму, под боком у Москвы! Да они агенты американского империализма!.. Сталин всегда выискивал мнимых врагов, а тут всё было ему на руку: вот он враг номер один - евреи...

Но я отвлекся. Я слышал, что мать моего деда погибла 17 сентября 1941 года в село Ефингарь (это в 60 километрах от Николаева), где их согнали в гетто и расстреляли. Дед каждый год ездил 17 сентября в Ефингарь, даже при эксгумации присутствовал, и принимал участие во всех поминовениях. Перед войной это было достаточно богатое село. Закон подлости проявился ещё и в том, что молодёжь училась в городе и летом на каникулы приезжала домой, в родное село. Здесь их настигла война, здесь они все погибли.

Нас что спасло? Случай. Отец мой был военным. А мама как раз 17 июня приехала из Одессы, где мы жили, в гости к родителям в Николаев. А Николаев бомбили уже на второй день войны. Отец звонит маме из Тирасполя, где он занимался делами по эвакуации: срочно выезжай в Одессу. Она: не могу, у Кости скарлатина. А это было тогда смертельно опасно, и надо было выждать 37 дней карантина. Радио, газеты, объявления на столбах предупреждают: коммунисты, офицеры и евреи - срочно эвакуируйтесь, в Николаев вот-вот войдут немцы. А вся родня из-за моей болезни не может сдвинуться с места. И вот уже в последнюю минуту отец на мотоцикле с отступающими едет через Николаев, причем в аккурат мимо нашего дома и вдруг видит: моя тетя держит меня полторагодовалого за руку: «А ты что здесь делаешь?! Почему вы не уехали?..» Он сумел затолкать в вагон с архивами НКВД дедушку, бабушку, меня, мою маму и тетю, которая сейчас в Израиле, - и отправил на Северный Кавказ. Через 10 дней после этого моего отца, сержанта Абрамсона Михаила Ефимовича, ранило на переправе близ Каховки, и сутки спустя он умер... А еще через 50 лет мы узнали, что там же, в то же самое время, погиб и муж Татьяны Абрамовны, маминой сестры, радист-стрелок морской авиации. Его самолет был сбит у той же переправы...

Кстати, у Татьяны Абрамовны тоже интересная судьба. Муж ее погиб в августе 41-го, а через несколько месяцев её призвали в армию, и она была бортмехаником в полку, где служил легендарный Покрышкин. С этим полком она вошла в Германию, а войну закончила на Дальнем Востоке, в Маньчжурии. Тоже ветеран войны. Сейчас живет в Кирьят Гате. И там же дядя Ньюма, Наум Абрамович, тоже фронтовик. Помню, 9 мая 45-го, когда объявили: «Победа!» - я первым делом спросил: «А сегодня дядя Ньюма придет?..» Дядя Ньюма пришел два года спустя. Очень мужественный у него был вид. На лице - шрамы, и весь он в орденах и медалях. Пробыл он в Актюбинске совсем недолго, но буквально через несколько недель женился. Причем, как и положено - на еврейке, вся родня восхищалась его женой. А у неё отец был репрессирован, сами понимаете, что это значило в те времена. Вдобавок ко всему мать оказалась дворянских кровей из Югославии и могла работать преподавателем только в санатории для малоподвижных детей. Дочь, не в пример маме, была очень энергичной, всё у нее в руках горело. Они были знакомы с дядей Ньюмой всего неделю, но, очевидно, так подходили друг другу, что тут же состоялась

и свадьба. Они сразу же уехали в Николаев, дядя Ньюма не мог жить без своего завода и... Это наше еврейское счастье: в Николаеве начался голод. Я помню, каждую неделю мы отправляли им посылки с продуктами. И всё равно это было счастье, они прожили в мире и согласии всю жизнь.

Рассказывает Сима Абрамовна

Наше еврейское счастье

Костин отец был кадровым военным, погиб он очень молодым. Я одна из первых вдов, получивших похоронку с фронта. Кости было полтора годика. Мы приехали тогда в Будённовск. Работы никакой, а вокруг - виноградники. И я помню, мы ходили покупать виноград, а Костя, как увидит военного, кидается к нему: «Папа!». Сердце переворачивалось... А мой отец и здесь хлопотал, чтобы мы ехали дальше, вглубь страны. Сталинград, Сызрань, Оренбург, пока, наконец, не добрались до Актюбинска. Отец сумел сохранить всем нам жизнь

В свое время по настоянию мамы он сумел выйти из колхоза и вывез нас в Николаев из села Ефингарь, где прошло наше детство. Всё же город мог детям дать много больше. А что могла дать деревня? Работа на поле с утра и до ночи. Вот недавно я прочитала публикации 1952 года - выступления, в которых осуждаются, так называемые, враги-вредители. Выступавшие обрушиваются на евреев: мол, они и на фронте-то не воевали, и у станка не стояли, и тяжелого крестьянского труда не знают. Но на фронте погибли мой муж и наш зять, на заводе работали отец и брат, а трудом на земле мне самой пришлось заниматься с детства. Кстати, мой папа не только квалифицированный рабочий, он был опытным земледельцем и животноводом. Вот вам и евреи, ничего не умеющие и не знающие, что такое труд. Нас, малышей, чуть свет будили, и мы шли в поле на посадку картошки, не разгибая спины, вкалывали допоздна. Папа вел лошадь, брат стоял за плугом, а мы, девочки, следом прикапывали картошку. Боролись мы и с сусликами, тоже работа не из легких. А еще до колхозов у нас были две лошади и корова, мы сами себя обеспечивали хлебом. Летом делали кизяк. Вы знаете, что такое кизяк? Кирпичи из навоза и соломы для топки печей. Смесь надо было топтать ногами, потом её разрезали на бруски и сушили. В общем, есть что вспомнить.

Отец уехал в город первым, стал учеником электросварщика на заводе. С одним евреем нашел в центре города старый сарай, и на его месте они выстроили каменный дом. Помню, как мама со старшей моей сестрой штукатурили стены. Представляете, у нас появился дом в центре города Николаева!

Там я поступила в школу, между прочим, - еврейскую. Ах, как я любила учиться!..

Но так сложилась жизнь, что моя старшая сестра заболела туберкулёзом. Мама каждую весну уезжала с больной в Ялту. Материальное положение усложнилось, учиться дальше мы не могли. И мы пошли работать. Во дворе у нас жил директор хлопкоочистительного завода дядя Сеня. И вот директор этот уговорил маму, чтобы я пошла на завод. Я в ответ: хочу учиться дальше! Но как учиться, говорит он, если вы на одном хлебе и селедке! Месяца два я была ученицей бухгалтера, потом бухгалтером, потом зав. расчетным отделом завода. А рабочих было до тысячи человек! Считала я на счётах с деревянными костяшками, и как считала! Рабочие наблюдали за мной и восхищались: смотрите, умница, как быстро считает...

Мама пропала в Крыму у больной нашей сестры. Мама умела шить, а в Крыму был очень дорогой рынок. Мама шила людям по соседству - ситцевый халатик, сарафанчик - неплохо зарабатывала и кормила семью.

И всё-таки сестра умерла. Это была трагедия...

Мы кое-как сводили концы с концами, хотя все работали: папа, брат и я. Раз в неделю мама покупала мясо. Разумеется, кашерное. Если купит курицу на праздник, то обязательно находит резника.

А в Ефингаре попрежнему жила папина мама, моя бабушка Хая. Она была очень религиозной. Мы выросли уже не те, советская власть всячески отучала нас от обычаев еврейского народа. Но - наша мудрая мама. Её стараниями ещё там, в Ефингаре, все праздники у нас в доме соблюдались. И Песах, и Рош Ашана, и Суккот, и Ханука, и Пурим. Всё это ради нас и бабушки.

А бабушку расстреляли немцы. Бабушке было 76 лет.

Её папу звали Хаим. Я знаю, что он спал на русской печи, но в той печи пекли мацу.

Бабушка ещё до революции торговала всякой мелочью: хлеб, керосин... Она и папу нашего в 10 лет пристроила к делу. Да, он посещал хедер, но работал у богатых торговцев мальчишкой на побегушках - не удивляйтесь, это должность такая, постепенно он стал приказчиком. Он и в хедере помогал раввину по дому: нянчил его малых детей. На свои заработанные деньги он первым в деревне купил велосипед. И в соседнем селе Ново-Полтавка нашел себе невесту, девушку по имени Перл, она была старшей в большой еврейской семье. Что вы хотите? Девять детей. Было это в 1913 году.

Папа умел всё по крестьянскому хозяйству. Когда уже в 1941-м мы приехали в Будённовск, папа пошёл скирдовать сено. Над ним сначала посмеивались, но он им сделал такую скирдочку, что все сбежались смотреть!..

В 1951-м папа с мамой всё же вернулись в Николаев. Вместе они прожили 37 лет. Мама умерла в 1953-м, папа прожил 92 года. Хоронили их по еврейскому обычаю.

Requiem

Есть такой фильм «Иди и смотри». Он о зверствах фашистов. Смотреть его страшно, а не смотреть нельзя.

Только в одном Николаеве было расстреляно 25 тысяч евреев. В селе Ефингарь расстреляли 670 человек. А сколько вокруг было еврейских деревень? И везде, везде - расстрелы. Массовые.

О том, что вся наша близкая родня - 17 человек - погибли, мы узнали в 1943 году. Написала нам об этом секретарь сельсовета из деревни Пески Рива Немировская. Она чудом спаслась, выбравшись из-под горы трупов. Ночью добралась до околицы села, постучалась в крайний дом, там жили украинцы, они впустили ее и два года прятали от немцев в подполе. Потом, после 1943-го, она несколько лет разыскивала уцелевших родственников и общала им о погибших.

В тот день, рассказывает она, немцы велели всем евреям одеться во всё лучшее, взять с собой всё ценное и всем, до единого человека, явиться к песчаному карьеру за селом. Везли даже немощных на тачках, шли с грудными младенцами. Там ценные вещи были сложены в отдельный короб, всех раздели до исподнего, загнали в ров и расстреляли, засыпав песком. Несколько дней из-под земли слышались стоны. Земля шевелилась, дышала.

А перед этим раввина и нашего дядю Йосю Иткина (он был очень религиозным) привязали к хвосту лошадей, и гнали коней по улице, пока привязанные продавали призраки жизни.

Нам, живым, нельзя забывать об этом. В память о тех, кто погиб. Надо знать это всё, надо знать.

2004 г.

Кашерный бешбармак в Кирьят Гате

В нашей панельной «хрущобке» Чернецкие жили на первом этаже. Было им за пятьдесят. Она - медсестра, он - электросварщик, шофер и костоправ - автолюбители знают, что это такое. Во дворе чуть ли не каждую неделю появлялся некий драндулет, битый-перебитый, ему один путь - на свалку. Но Чернецкий что-то в нем паял, пилил, латал, и через двое-трое суток бездыханное авто вдруг подавало признаки жизни, а потом, попыхивая сереньким дымком, благополучно

съезжало со двора, вливаясь в стремительный поток на автотрассе.

Семья у них была большая: две дочери, зятья и куча внуков, число которых росло год от году. Чернецкие были то, что называется, душой двора: день рождения ли, праздник какой, они собирали соседей за своим дастарханом, их дом лучился щедростью и теплом. По слухам у Эдуарда Чернецкого в Израиле жили мама и сестра. Мама была уже старенькой, скучала по внукам и правнукам, зазывала сына и сноху на Землю Обетованную. И хотя для нас, друзей-соседей, это было шоком, когда они в одночасье поднялись на крыло и уехали, но, в общем-то, все было ожидаемо и закономерно.

О чем грустишь, моя береза?..

Поселились они в Кирьят Гате. Какое-то время о них не было ни слуху, ни духу. Обживались. А полгода спустя в нашу многоэтажку зачастили звонки по межгороду. Эдик звонил то к одному соседу, то к другому: как вы там без меня? А мы здесь, в Кирьят Гате, встретили праздник Рош Ашана: яблоки с медом, рыба голова, морковь, гранаты, финики... У нас тут все нормально. За городом в степи - грибные места, а грибы здесь - величиной с мою голову. Один сорвешь - на всю сковороду хватает. Море - минут сорок езды. Продукты отличные. Зятья осваивают иврит и уже почти устроились на работу. Внуки? Ну, внуки - они будто здесь родились.

И после паузы: как там моя березка под окном - растет? А куст сирени - цветов было много?.. Приезжайте к нам в гости, мы будем так вам рады...

Он старался говорить с бодрячком, но голос подводил, в нем проскальзывали нотки грусти. Да, там, в Кирьят Гате было хорошо, сытно и тепло, но душа рвалась сюда, в Алматы, в родную многоэтажку, где прожито треть века, где под окном знакомы каждая травинка, каждый кустик.

Потом звонки стали реже, грусть вроде бы поубавилась. И вот нынче летом, три-четыре года спустя, они вдруг приехали к нам. На побывку.

А подковал бы наш левша блоху в Израиле?

Израильтяне выглядели отлично. Настроение бодрое, рассказов и впечатлений - целый вагон. Соседи наперебой зазывали их к себе. Автор этих строк тоже накрыл стол в честь гостей. А на краешек стола примостил диктофон, чтобы не упустить какую важную подробность из их житей-бытья в благословенном Кирьят Гате. И теперь вот можно вслушиваться в их голоса сквозь чуткий шорох магнитофонной ленты, стараясь увязать в единое целое калейдоскоп событий и фактов.

Что поражает наших по приезду в Израиль прежде всего? Более высокий уровень жизни. Отсутствие зимы как таковой: холода ограничиваются здесь двух или трехмесячной полосой дождей. Снег здесь - событие чрезвычайное и экзотическое. А в Мертвом море можно купаться круглый год.

Ну, Эдик - завзятый грибник, рыбак и кулинар. Грибов такой засолки или жарки как у него в округе не сыщешь. А какой отменный шашлык у него получается из кашерной баранины! Главное, он знает теперь, где и когда можно купить индюшатины - почти вдвое дешевле, чем в магазине. И вообще в смысле снабжения он - дока, он поставщик продуктов в дом и экспедитор.

Что поразило их еще? Сплошная компьютеризация. К врачу приходишь, например, он извлекает из базы данных все сведения о твоих болячках и анализах, о том, когда и какие лекарства тебе назначались, и, уже исходя из этого, дает рекомендации и выписывает рецепты.

Конечно, речь зашла о его мастерстве технаря-костоправа, о том, как он вызволял из небытия автомобили, располагая при этом минимумом оборудования. Две-три чурки, чтобы приподнять раму, столбик и веревки да трос, чтобы раму эту выправить, если ее повело, покорежило при дорожно-транспортном происшествии. А как в Израиле - это его умение востребовано?

Он лишь засмеялся в ответ.

- Как-то один мой сосед (из наших, русских евреев) решил отремонтировать свою колымагу. Поставил он ее во дворе и, как водится, разобрал на все составные части. Ему там работы на три-четыре дня. Но тут подъезжает полицейский, с минуту за ним наблюдает и выдает свой вердикт: «Через час буду ехать мимо, чтобы этого безобразия здесь не было. Иначе - штраф».

Дальше Эдик нам пояснил: для ремонта машин есть высококласные мастерские с высокоточными приборами. Загоняешь туда свое авто со всеми его поломками и через сутки получаешь его, будто новенькое. Год будет работать, как часики. Вот что такое Израиль. Мы тут до сих пор восхищаемся нашим левшой, что подковал английскую блоху (правда, она после этого прыгать не смогла). Там, в Израиле, его умение ни к чему. Там техника на грани фантастики. Конечно, за это надо заплатить, но сумма, по меркам Израиля, вполне приемлемая.

Какого цвета небо в Кирьят Гате?

Главное, пока ты молод, определиться с работой. Тогда ты можешь смело смотреть в будущее. Но это не только в Израиле - так везде. И еще: не надо бояться никакой работы. Зачастую бывает так: здесь, в СНГ, человек, имея диплом инженера или врача, работал по специальности и помыслить другого не мог. Приехав в Израиль, он должен, во-первых, подтвердить свой диплом, а во-вторых, освоить иврит. Да, сделать это очень непросто, на это порой уходят годы. Надо, что говорится, попотеть. Подтвердишь диплом - будешь работать по специальности и, естественно, хорошо зарабатывать. Ну, а если не хочешь прилагать усилий, зарабатывай физическим трудом. Кого-то возмущает такая постановка вопроса, кое-кто не выдерживает и возвращается восвояси, назад. Так ведь никто никого не неволит.

Об этом мы говорили с Чернецкими в тот долгий вечер нашей встречи. И, конечно, о делах семейных: мужа у дочерей толковые, сейчас вот в кредит оформляют квартиры, так что дочери с семьями живут отдельно от нас. Но на праздники, особенно в Рош Ашана, Хануку, Пурим, собираемся, как прежде, одной большой семьей.

Он с увлечением рассказывал, что там, в Кирьят Гате, подружился с ребятами из ремонтной бригады, они просят его порой подсобить. И отдыхают вместе. Он как-то купил кашерной баранины, сделал шашлык и кауырдак в казанке. Все были в восторге. И кто-то с тоской вдруг спросил:

- А бешбармак ты можешь приготовить?

- Это мы запросто, - ответил Эдик. - Вот съезжу в Алматы, повидаться с друзьями-приятелями. А вернусь - закатым пир горой.

...Над Алматой тихо гасло вечернее летнее небо. На Западе - там, где Иерусалим, - догорал закат. А Чернецкие все рассказывали наперебой о своем житье-бытье в Кирьят Гате, что стал для них родным за эти годы.

Потом Эдик вышел во двор. Долго оглядывал куст сирени под окнами бывшей своей квартиры. Подошел к березке, она поднялась уже выше четвертого этажа. Погладил белую кожицу ее ствола. И сказал:

- Пора домой. Билеты у нас на послезавтра. Приезжайте в гости. Или жить – насовсем.

2006 г.

Война и мирь Абрама Ландсмана

В центре города Хайфы в районе Мерказ Кармель на улице Шимшон живет бывшая алматинка Вера Владимировна Гороховская. Живет одна вопреки почтенному возрасту, хотя через день-другой к ней, что говорится, на огонек заглядывают две ее дочери, Фрида и Фаина, тоже бывшие алматинки. Приходят не одни - с детьми и внуками. Правда, у Фриды сын живет в Канаде, и бабушка своего канадского правнука пока что видела лишь на фотографии. Но - «какие мои годы! Подумаешь, 80 лет...» Ей не привыкать встречаться со своими внуками в других странах - такое время. Трижды ездила в Прагу, когда ее младшая дочь Лина жила там с детьми, Максом и Майей. Ездила одна, без сопровождающих, налегке, и - ничего, дорога была лишь на пользу, взбодрила новыми впечатлениями. Майечка, слава Б-гу, живет теперь в Израиле, учится в Тельавивском университете, и бабушке не надо ездить далеко, чтобы ее повидать. Зато внучка Таня здесь рядом, в Хайфе, а внучка Юля - в Реховоте, на Шабат может приезжать и приезжает.

Порой, собравшись вместе, идут на кладбище Хайфы. Здесь похоронен глава семейства - муж, отец, дедушка, а теперь вот уже и прадед по совместительству Абрам Кадишевич Ландсман. Он умер почти шесть лет назад, в 1997 году, когда ему было 82 года. До последнего дня он работал над книгой воспоминаний «История моего рода». Написать книгу он надумал давно, когда они жили еще в Алматы. Но книга требовала несуетного обдумывания, а жизнь шла столь стремительно и столь властно требовала незамедлительного участия в ней, что не было такой возможности - с головой уйти в прошлое, чтоб не спеша разматывать клубок памяти, фиксируя с возможной полнотой дела давно минувших лет, вызывая из небытия лица родных и близких, дабы остались они в памяти потомков.

Уже здесь, в Хайфе, перенеся тяжелейшую операцию и оклемавшись от нее, он, человек непоседливый, моторный, вдруг весь ушел в себя, жизнь сиюминутная как бы посторонилась. И, взяв за точку отсчета события столетней давности, когда его самого еще и не было на свете, он шаг за шагом прошел след в след жизнь отца и мамы рядом с ним. И все перипетии судьбы, все голоса и лица возникли также ясно и четко, как реалии нынешнего дня.

«Я, Ландсман Абрам Константинович, родился в 1915 году в большой еврейской семье, где было 5 мальчиков и 3 девочки. Сегодня из этой большой семьи только я один остался в живых. Я, может быть, никогда не стал бы искать корней рода Ландсманов - не такой уж он знаменитый, но меня на это подвигли многочисленные вопросы младших поколений... Меня часто спрашивали: откуда появился наш род, где наши корни, и я отвечал: «Не знаю!» Но сейчас, когда из первого поколения Ландсманов остался я один, я решил кое-что вспомнить и записать для ныне живущих и будущих потомков нашего рода... Прежде всего я вспоминаю рассказы родителей о том, как и откуда они приехали в город Верный, как складывалась их жизнь на новом месте. Я вспоминаю о братьях и сестрах, потому что рассказать о них теперь могу только я, больше никому...»

Книжка издана здесь же, в Хайфе, в 1997 году. Издана бережно и с любовью, ее приятно взять в руки. И порой, когда стихает шум дня и за окном на бархатистом небе теплятся звезды, Вера Владимировна подолгу листает ее. И хотя она знает ее почти наизусть, но дело не в этом, а в том, что она как бы слышит голос мужа, зачитывающего ей только что написанную страницу. И строки его воспоминаний пробуждают в ней воспоминания ее. *«Когда меня 17 июня 1941 года взяли на Великую отечественную войну, я попал в Панфиловскую дивизию. Нас расположили в Алма-Ате в так называемой крепости, построенной еще в прошлом столетии. Была дана команда привезти из карьера песок и были посланы три брички. В одной из них был я. Когда мы набрали песок и ехали обратно, поначалу все шло хорошо. Но когда мы свернули с Комсомольской на проспект Сталина (позже - Коммунистический), брички покатились вниз и лошади, как их не удержишь, побежали очень быстро. Я всеми силами стал натягивать вожжи, и одна из них оборвалась. Бричка стала неуправляемой. Я мог только кричать: «Берегись!» О себе я в это время не думал, только боялся кого-нибудь не задавить. А лошади от улицы Гоголя до Ташкентской бежали как бешенные. Остановила их только строящаяся трамвайная линия... Я отделался небольшими ссадинами на коленке и на лбу. И очень был рад, что никого не задавил. А ведь могло произойти, кто знает что».*

Судьба их тогда несла по жизни, как те неуправляемые лошади с оборванными вожжами. Но вопреки всему он и она сумели и обуздать обезумевшую от военной беды судьбу, и укротить ее, и вырвать на верную дорогу. Они познакомились перед самой войной, ему шел уже 26 год, он был человеком солидным (насколько можно быть солидным человеком в 25 лет!), и дело шло к свадьбе. Но... не успели. Он ей сказал только одно: «Жди. Я вернусь». И она, тая тревогу и отчаяние, ждала. О, какие письма он писал ей с фронта!.. Она навсегда запомнила эти солдатские треугольники и его почерк, единственный, родной, неповторимый почерк. Возможно, на сторонний взгляд ничего особого в тех письмах не было, но они помогли им выжить в то страшное лихолетье. Она очень дорожила ими и долгие годы берегла эту пачку пожелтевших от времени листков. Но во время переезда в Израиль письма пропали, и для них обоих то была очень горькая потеря.

«В середине марта 1943 года началось интенсивное наступление. Днем фашисты еще отстреливались, а ночью уходили на новые позиции. Наши лошади еле везли тяжелые брички с минометами, лошади были голодными. Мы шли по тем местам, где немцы уничтожили весь корм. И тогда командир роты Феоктистов решил в одном селе оставить 10 ящиков с минами, два миномета и ездового солдата для охраны: вернемся за ними, когда немцы остановятся. А немцы, хоть и огрызаются, но удирают без оглядки. Прошло три дня, мы стали беспокоиться о солдате и минометах. Комроты Феоктистов велел мне взять легкие санки и ехать на выручку солдату и минометам. Едем обратно, по дороге встречаем раненых, идущих в тыл. Вдруг вижу солдата из нашей роты с перебинтованной рукой. Оказалось, едва я уехал, рота подошла к логу с речушкой и сделала привал. Перекусили и от усталости заснули, а дежурное охранение не выставили. Оказалось, немцы с другого берега речки все видели и сразу начали наступление с трех сторон. Комроты Феоктистова убило. Минометы и вооружение немцы забрали. А меня судьба еще раз оставила в живых».

Вера Владимировна смотрит в окно, в темноту южной ночи. С моря тянет прохладой, и кажется, что созвездия, омытые морем, сразу же из-за причала поднимаются ввысь. Абрам бывало удивлялся, какие тут крупные звезды. Они так низко склоняются к земле, что, казалось, если пройти до околицы города, можно без труда дотянуться до ближайшей звезды.

«Когда 3 ноября 1943 года меня тяжело ранило осколком снаряда в левую половину грудной клетки, я истекал кровью. Кровь шла изо рта и раны в предлежной области. Помогло то, что медсанбат находился в 300 метрах, и меня на плащ-палатке понесли солдаты, часто сменяясь... Когда принесли в медсанбат, там в передней комнате лежало очень много раненых, но меня, минуя других, понесли сразу к врачам. «Куда? Почему

без очереди?», мат перемат. Однако меня положили на операционный стол, вынули осколок, зашили рану, перевязали - это меня и спасло».

Войны он хлебнул с лихвой. Ведь он прихватил еще Финскую кампанию. Великую Отечественную начал связным у генерала Панфилова. А в ноябре 1943 года война для него закончилась. Ранение было тяжелым, и он надолго «прописался» в госпиталях. Рана заживала долго и трудно. Преодолевая боль, он писал письма - те самые треугольники, которые с нетерпением ждали в Алма-Ате. А когда приходили ответы, боль утихала сама.

После госпиталя он приехал домой, и 1 мая 1944 года они поженились. Они прожили в мире и согласии 53 года. По профессии он был часовой мастер, хороший мастер. Он стал начальником цеха фирмы «Металлобытремонт», ему подчинялись все ювелиры, часовых дел мастера. И еще он был великолепным тамадой и заводилой во всех компаниях. Да, он умел оживлять часовые механизмы, но... он мечтал стать музыкантом. Не судьба... А вот дочери - о, дочери! Фрида, старшая, окончила консерваторию, стала флейтисткой, а Фаина и Лина - скрипачки. Впрочем, он и сам играл на скрипке и мандолине. Артистичная натура. А каким он слыл рассказчиком! У него была прекрасная память. Книгу он писал уже на закате своих дней, писал два года. Перед этим у него была сложнейшая операция, но он знал, что не имеет права уйти из жизни, пока не завершит свой труд. У него сохранился большой фото-архив, и он очень переживал, что часть бесценных фотодокументов затерялась при переезде.

Сохранилась видеозапись, где он за полгода до смерти дает интервью известному кинорежиссеру Игорю Гонопольскому, - рассказывает о своей работе над книгой. Это надо видеть и слышать! Он буквально живописует Алма-Ату, какой она была сто с лишним лет назад, когда звалась еще городом Верным. Он рассказывает о Верненской синагоге, о ее раввине Соломоне Ройтбарте. Наконец, о своем отце Кадыше Файвишевиче. О том, как отец, будучи служилым солдатом царской армии, попал в Верный и был ошеломлен дешевизной овощей и фруктов: арбузы и дыни продавали возами, овощи и фрукты - корзинами. В его родном Ковно (Каунасе) в далекой северной Литве о подобном и помыслить не могли. И сапожник Кадыш решает после окончания службы приехать сюда жить навсегда. Но когда он предложил жене, с которой прожил 20 лет (детей у них не было), поехать с ним в благодатный край, она категорически отказалась. Он обратился к раввину и их развели. А дальше - вновь женитьба и долгий путь через всю империю, чтобы заново начать свою жизнь. Отец, трудясь в поте лица, строил благополучие семьи, поднимал на ноги детей, а на старости лет, когда ему было 77 лет, Советская власть отняла у него все нажитое, объявив его кулаком. Отец так и не мог понять: за что, почему? Через полгода он умер. Он умер, пожалуй, не от старости - от обиды на то, что новая власть перечеркнула его жизнь, надругалась над его усилиями жить согласно заветам отцов, жить по Б-гу. Жизнь продолжалась, но для него лично наступил конец света.

- Я удивляюсь, как, будучи безграмотным, он вел свое дело. Он закупал кожи, раскраивал их для пошива обуви и продавал сапожникам. Он знал цифры, он мог записывать их, все остальное держал в голове: кто ему должен, кому должен он. Вся книжка исписана цифрами, ни одного слова... Вы спрашиваете, как он читал молитвы? Он помнил их все наизусть. Иврита он не знал, говорил на идиш (иврита не знал никто, кроме раввина). Так что можете себе представить, как их учили в хедере, если он, не зная языка, на всю жизнь заучил все молитвы, был хазаном и мог вести за собой молящихся.

Рассказывает дочь Абрама Ланцмана, Лина Мельцер: *Стоял август, мы были как раз в Израиле, и отец очень захотел съездить с нами в Иерусалим. Он, конечно, бывал до этого в Иерусалиме, а тут вдруг снова захотел, и удержать его было невозможно. Мы в один голос: папа, ну куда ты торопишься? Вот жара спадет, тогда мы с тобой и съездим. А он - ни в какую: хочу сейчас, и только сейчас... Он был очень мобильный человек. Он прошел в Иерусалиме все, как положено, побывал везде. А под конец подошел к Стене Плача, вознес молитву Всевышнему. Да, он был когда-то коммунистом, 50 лет партийного стажа. Но он был человеком думающим. И когда он увидел, насколько пар-*

тия себя дискредитировала, он не мог оставаться в ней. А однажды побывав в Израиле, понял, что в мире есть вечные ценности, которые нельзя предавать забвению, к которым надо вернуться.

То была его последняя поездка в Иерусалим. Ничто не предвещало беды. Он как бы ждал, когда все разъедутся. И через две недели умер...

2004 г.

Доктор Аспирин **О том, как нацисты украли у создателя «лекарства века»** **Артура Эйхенгрин его открытие**

Собственно, речь пойдет о лекарстве, без которого сегодня немыслима домашняя аптечка. Население нашей планеты ежегодно потребляет примерно 17 миллиардов таблеток этого препарата. В США его, к примеру, требуется до 20 тонн. В аптеках он отпускается без рецепта, стоит копейки, а суммарный доход от его сбыта исчисляется сотнями миллионов долларов.

Популярность того или иного лекарства определяется просто: присутствует ли его название в нашей повседневной разговорной речи? И есть ли место названию его не только в узкоспециальных медицинских словарях, не только в энциклопедиях, но - и это главное - в толковых словарях живого современного языка? Так вот, слово «аспирин» (а именно о нем идет речь) почти для всех земель является как бы исконным словом того языка, на котором человек говорит. В том числе, разумеется, и русского, и, надо думать, иврита.

Фантастическая популярность препарата объясняется широчайшим спектром его действия. Головная и зубная боль, артрит, невралгия и ревматизм - вообще любое лихорадочное состояние, ибо он оказывает противовоспалительное и жаропонижающее действие.

Столетний юбилей этого лекарства первый и главный его производитель немецкая фирма «Байер» отпраздновала с величайшей помпой. Даже выстроила себе новое здание в виде гигантской фирменной коробки этого препарата - аспирина. Хотя именно во время этого юбилея разразился скандал: фирму принародно обвинили в том, что она приписывает создание аспирина человеку, имеющему к открытию косвенное отношение, а главного виновника торжества, человека, действительно создавшего аспирин, замалчивает. Не хотелось бы на этом акцентировать внимание, но история эта с самого начала имеет некий антисемитский душок, поскольку создатель лекарства - еврей.

К тому же история эта поражает своими контрастами. У исследователя, обогатившего человечество новым знанием, создавшем уникальное лекарство, открыто и грубо отнимаются лавры первооткрывателя. Причем, сам выдающийся ученый, которого обобрали, как бы пренебрегая грабежом, продолжает свои изыскания дальше, даруя людям новые открытия; а те, кто совершил разбой среди бела дня, бьет в литавры, славословя самих себя, любимых, взамен правды придумывая красивые мифы. Ну, а если ко всему этому подмешан вирус нацизма, тогда естественна поправка на расизм, ибо лишь представитель арийской расы способен к взлетам интеллекта, но никак не еврей.

У истоков мифа

Для начала мы расскажем версию создания аспирина, ставшую расхожей и крепко-накрепко вколотенную в массовое сознание, ибо ложь (даже явная ложь!) от частого ее повторения обретает некую убедительность и со временем может вполне сойти за правду. Нам крайне важно восстановить справедливость и, сопоставив мифы с фактами, сказать все же «who is who?» в этой истории, определив истинные роли, истинную значимость каждого в событиях, а главное - вернуть нашей памяти имя и облик исследователя, одарившего человечество самым популярным лекарством в мире.

Итак, в течение ста лет бытовала расхожая версия того, как был создан аспирин. Она в высшей степени мелодраматична и вполне сгодилась бы для «закваски» одной из мыльных опер. Дело было якобы так. У одного из сотрудников фирмы «Байер» по имени Феликс Гофман (он занимался анилиновыми красителями) отец страдал артритом (воспалением суставов). И вот юный преуспевающий химик Феликс Хофман, испытывая самые нежные чувства к своему престарелому отцу, страдающему ревматическими болями, преисполнен решимости эти боли облегчить. Все применяемые отцом лекарства были или бессильны, или, что еще хуже, оказывали самые непредсказуемые побочные действия. Любящий сын денно и ночно пропадает в своей фармацевтической лаборатории (созданной, кстати, как некая побочная, второстепенная структура в фирме «Байер», для которой приоритетными были совсем иные направления). Молодой человек, как вы сами понимаете, потерял покой и сон, сутками проводя опыты, штудировав энциклопедии и справочники, перебирая всевозможные препараты и самые фантастические их сочетания. Нет, нет и нет - не находилось среди них столь нужного ему чудодейственного средства, которого так ждал исстрадавшийся, измученный болями отец. Но, поскольку издавна известно, что вода камень точит, усилия благородного юноши были вознаграждены. Чудо свершилось! 10 августа 1897 года он получил долгожданную ацетилсалициловую кислоту, изготовил из нее чудодейственный порошок, ревматические боли отступили, и многострадальный отец впервые за долгие мучительные годы почувствовал облегчение. Конечно, по законам «мыльной оперы» здесь должен присутствовать некий злодей, строящий каверзы юноше в его благородной работе. Мы пока умолчим об этом, хотя, как свидетельствуют факты, в работе над открытием были препятствия, и немалые, - были те, кто всячески противостоял созданию препарата.

А два года спустя, в 1899-м, новый препарат, обретя свое крылатое название «аспирин», начал победное шествие по планете.

Во всей этой истории удивляет лишь одно: сам Феликс Хофман никогда и нигде не обмолвился ни словом о своем открытии, хотя обрел всемирную известность. Обет молчания он хранил до самой своей кончины в 1946 году, так и унеся с собой тайну открытия аспирина. В чем же дело?

«Немецкий паралич - самый прогрессивный в мире»

Не может не удивлять и еще одно обстоятельство: столь широко рекламируемая сентиментальная легенда, не чуждая и романтических порывов, появилась почему-то не при рождении лекарства в 1897-99 годах (что было бы вполне естественным и закономерным), а более чем треть века спустя, в 1934 году (кстати, годом раньше пришел к власти Гитлер). На это несоответствие обратил внимание уже во времена совсем недавние шотландский исследователь, историк фармакологии из Глазго, доктор Уолтер Снайдер. Мало того, подняв все доступные ему документы, он обнаружил имя еще одного «открывателя аспирина» - доктора Дрора. Дело в том, что в 1941 году в Мюнхене нацистами была устроена выставка достижений Германии в области химии. Разумеется, выставка была помпезная и кичливая. Тем более, что гитлеровцы проводили политику «германизации» всего, что было изобретено в рейхе за долгие годы не арийцами. Тут уж Геббельс расстарался вовсю. В те годы в рейхе появились чудовищные по своей нелепости шовинистические наименования наук. К примеру, «немецкая физика», не имеющая - по-нацистски! - ничего общего с «еврейской физикой». Так что наше знаменитое изречение: «Советский паралич - самый прогрессивный в мире» - можно считать заимствованием из немецкого. Кстати, открывало экспозицию выставки весьма примечательное объявление: «Евреям вход воспрещен». В центральном холле красовался сосуд с белыми кристаллами и россыпью таблеток, а рядом - табличка «Аспирин. Открыт Дрором и Хофманом».

Итак, доктор Дрор - еще одна загадка, «подброшенная» нам геббельсовской пропагандой. Чуть ниже мы скажем и о докторе Дроре, и о его своеобразном соучастии в судь-

бе аспирина - соучастию, едва не перечеркнувшем все усилия истинного создателя лекарства.

Но главная сенсация нас ждет впереди.

Шило в мешке не утаишь

В одном из медицинских журналов за 1949 год Уолтер Снайдер обнаружил статью некоего доктора Артура Эйхенгрин, напрочь перечеркивавшую официальную байеровскую трактовку изобретения аспирина. Автор статьи, некогда крупный немецкий промышленник и знаменитый изобретатель, недавний узник нацистского концлагеря Терезиенштадт, весьма доказательно опровергал ту самую историю с Феликсом Хофманом. В своей публикации обнищавший к тому времени бывший миллионер подробнейшим образом описывал, как отбирал для будущего аспирина ингредиенты, передавал их для составления композиции препарата одному из своих помощников, сотруднику лаборатории фирмы «Байер», где он тогда работал. Поведал о полной драматизма истории клинической апробации лекарства. Руководство фирмы, не очень веря в чудодейственную силу новинки и её экономическую эффективность, категорически отказалось проводить клинические опыты. Более того, эксперты фирмы настаивали на том, что этот препарат опасен для человеческой жизни. И тогда доктор Эйхенгрин пошел по пути великого Пастера. Вначале он испытал препарат на себе. Потом тайком начал передавать его друзьям-врачам. Эффект превзошел все ожидания. Сенсация стала достоянием всей Германии. Замалчивать изобретение уже было невозможно. Его выпуск на рынок требовали не только врачи, но и, что самое главное, сотни тысяч страждущих. Сбыт был обеспечен. Вот тогда-то фирма «Байер» дала добро на производство препарата.

И все же тогда, в 1949 году, после опубликования статьи сенсация не состоялась. Германия ещё лежала в руинах, а у общества были более насущные задачи, нежели отставание чьего-либо приоритета в научных открытиях. Мир только приходил в себя после чудовищной мировой бойни, имя которой была Вторая мировая война. Тем паче, что фирма «Байер», используя благоприятнейшую конъюнктуру, начала вновь выходить в мировые лидеры. Так что замять нарастающий скандал ей не составило особого труда. А самое главное - через две недели после той сенсационной публикации, 23 декабря 1949 года, доктор Артур Эйхенгрин в возрасте 82 лет скончался.

Однако шило в мешке не утаишь. Полвека спустя истина вновь потребовала лже-свидетелей к ответу.

Аспириновый скандал

В наших руках интереснейшая статья Александра Шлаена, расставляющая все по своим местам. Начнем с того, что вначале сенсация об авторстве Артура Эйхенгрин прозвучала на международной научной медицинской конференции. Затем в декабре 2000 года д-р Снайдер опубликовал об этом статью в «Бритиш медикал джорнал». Научный мир пребывал в шоковом состоянии. Фирме «Байер» отмалчиваться было уже не с руки. И её пресс-служба не замедлила выступить с заявлением, припомнив, кстати, хоть и косвенно, статью самого доктора Эйхенгрин, опубликованную, как мы знаем, еще за столетия до этого скандала: «Сенсация выстраивается на ряде предположений, не подкреплённых никакими документами периода изобретения лекарства. Эйхенгрин был видным ученым, он разрабатывал многие препараты, но никогда не участвовал в создании аспирина. Поэтому его не вычеркивали из истории фармакологии, но сам он попытался лишиться раз вписать в неё свое имя». Фирма перешла в наступление. Не говоря уж о множестве публикаций, дискредитирующих открытие Уолтера Снайдера, по заказу «Байер» на канале «Дискавери» для Англии и США пустили фильм, отстаивающий доброе имя компании. Но вот что не менее примечательно: могущественный концерн с мировым именем и немереными капиталами

все же не рискнул возбудить судебное дело «о защите чести и достоинства» против д-ра Снайдера, посмевшего посягнуть на респектабельнейшее имя фирмы.

Так кто же вы, д-р Эйхенгрин?

То, что доктор Эйхенгрин был выдающимся ученым и изобретателем, оспаривать было просто невозможно. Его имя прочно вошло в историю мировой науки. Так, скажем, в 1901 году именно он изобрел невоспламеняющуюся киноплёнку. Затем проявитель и дезинсекталь. Вслед за этим антифриз, искусственный шелк и множество невозгорающих материалов. Именно из изобретенного им материала в Германии делали оболочки дирижаблей в годы Первой мировой войны. Его негорючей краской окрашивали самолетные крылья, а изобретенным Эйхенгрином пластиком стеклили иллюминаторы самолетов. Да и нынче, каждый, кто усаживается на пластиковый стул, вправе вспомнить д-ра Эйхенгрина. Этим мы тоже обязаны ему. Немало на его счету, помимо аспирина, и других не менее значимых лекарств. К примеру, протагрол. Всего же в его активе 47 изобретений, созданных как во время работы на фирме «Байер», так и после ухода оттуда на собственном предприятии. Если же попытаться подытожить весь комплекс его разработок, то все они были призваны или улучшать человеческую жизнь или продлевать её.

И совершенно естественно, что к столь именитому изобретателю историки медицины стали вновь проявлять пристальный интерес. Тем паче, что нашлись его потомки, живущие в Германии и Израиле. Они прекрасно понимали, что не имеют никаких правовых оснований претендовать на вознаграждения не только за аспирин, но и за другие его изобретения. Да и не это их заботило. Главным было - имя их славного предка и его подобающее место в истории.

А теперь - начнем все сначала

Артур Эйхенгрин родился в 1867 году в состоятельной еврейской семье, жившей в ту пору в германском городе Аахене. В 23 года стал доктором химии. Слава о нем, как о талантливом и изобретательном химике дошла и до фирмы «Байер». В 1897 году в связи с тем, что там открыли отдел разработки лекарственных препаратов, его пригласили на работу. В апреле того же года он предложил работавшему в этой лаборатории, но на менее значимой должности, доктору Феликсу Хофману синтезировать некоторые вещества. Но при этом о конечной цели своих опытов его не информировал. Хофман работал строго согласно указаниям Эйхенгрина, фиксируя технические описания синтеза ацетилсалициловой кислоты. И не более.

Через некоторое время Эйхенгрин пришел к выводу, что полученный им препарат может быть эффективным при лечении ревматизма. Остановка была только за клиническими испытаниями. Для этого требовалось разрешение заведующего лабораторией профессора Дрора.

Дальше - внимание!

Профессор Дрор, как он есть

Именно это оказалось камнем преткновения. Увы, но профессор видел в молодом докторе несомненного конкурента, что накладывало определенный отпечаток на их взаимоотношения. Будучи человеком корыстолюбивым и очень ловким, профессор Дрор в свое время оставил академическую науку, ушел из университета, так как зарплата его там не устраивала, и перешел в медицинскую промышленность. Мало того, возглавив в фирме «Байер» лабораторию, Дрор добился того, чтобы ему выплачивали проценты с продаж каждого лекарства, произведенного в его лаборатории. **Проблема аспирина его не занимала.** В то время он разрабатывал другой препарат, который считал панацеей будущего при лечении от туберкулеза. И был это ... героин. Кстати, именно Дрору мир обязан этим названием. Профессор был уверен, что хоть это и опаснейший наркотик, но он не будет

вызывать привыкания, а разбудит скрытые резервы человеческого организма в преодолении тяжелейшего недуга.

Что же касается аспирина, то, как он утверждал, новый препарат способен навредить сердечной деятельности. Вплоть до летального исхода. А посему был категорически против клинических испытаний. Совершенно очевидно, это обрекало аспирин на забвение.

Риск - благородное дело

Доктор же Эйхенгрин был твердо убежден в достоинствах своего открытия. И, будучи по характеру человеком смелым и независимым, не только не хотел смириться с поражением, но и отважился на опаснейший шаг. Вопреки условиям договора с фирмой, категорически запрещающим проводить опыты в частном порядке без разрешения руководства, все же решился на эксперимент. Начал с себя, дабы проверить воздействие лекарства на свое сердце. Постепенно увеличивая дозу с 0,5 до 5 граммов в день, принимал аспирин утром и вечером в течение двух недель. И не обнаружил даже малейших отрицательных последствий. Пульс был в норме. Не учащался и не замедлялся. Наполнение было превосходным.

Тогда-то он пошел дальше. В письме своему помощнику Феликсу Хофману подробнее изложил результаты проведенного им эксперимента. И приложил 100 граммов изготовленного им аспирина с просьбой раздать препарат врачам для проверки. Ну а так как профессор Дрор был категорически против клинических испытаний, было решено передать новинку друзьям-врачам и держать все это в строжайшем секрете. Через некоторое время Хофман сообщил, что ни один врач не только не уведомил его о негативных последствиях, но все они попросили прислать дополнительные дозы лекарства. Ведь эффективность его оказалась просто поразительной. Более того, во время того тайного эксперимента лекарство проявило себя с совершенно неожиданной стороны. А было это так. К одному стоматологу пришел пациент, жаловавшийся на сильную зубную боль и высокую температуру. Естественно, для начала врач решил сбить жар. Под рукой у него не оказалось антифрина - жаропонижающего, которым тогда сбивали температуру. И он дал больному солидную дозу аспирина. А когда в очередной раз протянул тому градусник, услышал поразившие его слова: «Доктор, зубная боль тоже прошла!» Так обнаружилось еще одно свойство эйхенгриновского препарата -болеутоляющее.

Во избежание скандала

Среди практикующих врачей начал распространяться слух, что у фирмы «Байер» имеется некое новое чудодейственное лекарство, совершающее переворот в фармакологии, но по непонятной причине не выпускаемое ею на рынок. Это могло вызвать громкий скандал. Руководство фирмы затребовало у Эйхенгрин и Хофмана подробнейшие отчеты. Результаты испытаний для совета директоров были настолько ошеломляющими, а предполагаемый экономический эффект столь впечатляющий, что им даже простили нарушение условий договора. Сопrotивление профессора Дрора было преодолено.

Но, в соответствии с договором, профессору все же стали отчислять процент от продаж аспирина, выпуску которого в свет он так противился. Ведь лекарство было получено в его лаборатории. Этого оказалось достаточным. Эйхенгрин же не получил ни пфеннига. Он мог рассчитывать на доход только в том случае, если бы удалось запатентовать препарат. Но поскольку его изготовление являлось простым химическим процессом, сделать это, по существовавшим в Германии того времени правилам, было невозможно. Правда, это открытие все же сказалось на карьере Артура Эйхенгрин. Вскоре он стал руководителем отдела исследований лекарственных препаратов и фотохимикатов. Феликс Хофман же был переведен в отдел сбыта. И это тоже своеобразный показатель того, «кто есть кто». Остается только добавить, что за время работы на фирме «Байер» доктор Эйхенгрин сделал 18 уникальных открытий, на которые фирма получила патенты.

В 1908 году он ушел с фирмы, открыл в Берлине собственную фабрику по производству пластмассовых изделий. Разбогател. Теперь у него были загородная вилла, коллек-

ция произведений искусства. Но и разбогатев, он продолжал работать. Пытливая мысль исследователя не знает покоя.

Обыкновенный фашизм

В 1933 году к власти пришел Гитлер. И именитому ученому-изобретателю вскоре пришлось переоформить свою компанию на имя арийца-компаньона, а в 1938 году он был вынужден продать свою долю в компании. Естественно, как еврею, лишенному всех прав, значительно ниже её действительной стоимости. Но и эти деньги ему не достались. Они пошли на оплату «эмиграционного налога». Так назвали нацисты своеобразный выкуп, которым обложили всех евреев рейха за право на эмиграцию из Германии. Именно «за право» - отнюдь не за саму эмиграцию, которой могли воспользоваться только немногие. По крайней мере, Артур Эйхенгрин этого сделать не смог. Когда он решил уехать в Англию, где жили его родственники, из страны его не выпустили. Вскоре нацисты конфисковали его загородную виллу, яхту, собрание произведений искусства, автомобиль. Вслед за этим в приказном порядке вынудили сменить роскошный дом на крошечную квартиру подле городского сада, куда ему как еврею вход был категорически запрещен.

Когда же в 1941 году Эйхенгрину стало известно, что его любимое детище - аспирин - представлено на выставке, посвященной достижениям Германии в химии, с именами других авторов открытия, понял - участь его предрешена. Нацисты просто присвоили его изобретение только потому, что он еврей.

Чтобы окончательно не деградировать от вынужденного безделья, Эйхенгрин устроил у себя дома маленькую лабораторию, где продолжал творить. Не исключено, все бы и обошлось. Но он посмел нарушить одно из предписаний нацистов. Дело в том, что в соответствии с нацистским законодательством, каждый еврей - житель рейха в своем паспорте имел второе, дополнительное «расовое» имя - Исраэль. Оставаясь все же человеком независимым, он осмелился на своей почтовой бумаге напечатать не «Артур Исраэль Эйхенгрин», а полученное при рождении «Артур Эйхенгрин». Этого оказалось вполне достаточным, чтобы 77-летнего ученого с мировым именем в 1944 году вначале приговорили к четырем месяцам тюремного заключения, а затем отправили в концлагерь Терезиенштадт. И это вопреки всем его заслугам перед страной, перед наукой, перед человечеством. Вопреки его более чем почтенному возрасту...

Судя по всему, фирма «Байер» не оставила его и там без своего внимания. По крайней мере, он жил не в общем бараке, а, учитывая его заслуги, в отдельной комнате. У фирмы были немалые возможности. Это объяснялось тем, что у неё был договор с нацистским руководством о проведении испытаний своих лекарственных препаратов на заключенных. По крайней мере, в концлагерях Освенцим и Бжизинка (теперь это уже установлено документально) такие работы в 1941-1944 годах производились. Узников заражали какой-либо болезнью. Потом вводили им в различных дозах и разными способами испытуемые препараты. Если же лечение приводило к летальному исходу, то незамедлительно к делу подключались патологоанатомы. Производилось вскрытие. Уточнялось, что стало причиной смерти. Какие изменения происходили во внутренних органах под воздействием испытуемых лекарств. Остается только добавить, что за каждого подопытного узника администрация концлагеря получала от фирмы... 170 марок. Такова была стоимость человеческой жизни...

Долгое время компания «Байер» опровергала материалы Нюрнбергского трибунала, констатировавшего в своем приговоре эту бесчеловечность. И лишь недавно была вынуждена не только признаться, что использовала узников концлагерей Освенцим и Бжизинка как подопытный материал, но согласилась выплатить компенсацию пострадавшим в размере двух миллиардов долларов.

Момент истины

...Артур Эйхенгрин все же выжил.

После освобождения из концлагеря вернулся в Берлин. Бывший миллионер на месте своего дома застал лишь развалины. На первых порах жил исключительно за счет посылок, которые присылали ему дети и внуки из Англии, Голландии и Израиля. И все же, вопреки преклонному возрасту, начал новую жизнь. Мало того, устроил дома лабораторию, в которой возобновил свои научные изыскания. Появились небольшие деньги. Он купил подержанный «Фиат». Переехал жить в Баварию.

Но он никак не мог забыть той пресловутой химической выставки в Мюнхене в 1941 году. Не мог забыть украденное у него авторство открытия аспирина. Он был убежден - истина все же восторжествует. И незадолго до смерти написал и опубликовал статью, в которой поведал миру правду об истинной истории создания аспирина.

Увы, потребовалось ещё пятьдесят лет, чтобы его имя все же заняло подобающее место в истории фармакологии. Место, которое ему принадлежит по праву.

2010 г.

Мишель Нострадамус

В средние века астрология почиталась за очень серьезную науку и астрологические знания были непременным атрибутом университетского образования. Да что там говорить! Такой величайший авторитет в науке, как сэр Исаак Ньютон, который со школьных лет у нас связан с яблоком, падающим на землю, ибо то наглядный пример действия закона всемирного тяготения, - так вот, даже Исаак Ньютон, открывший этот закон, являющийся краеугольным камнем всей последующей физики, даже он всерьез был занят астрологическими штудиями и считал их много важнее всех прочих своих открытий.

Хотя, пожалуй, первым, кто приходит на ум, когда мы говорим об оккультных науках, это Мишель Нострадамус, живший в XVI веке, но благодаря своим пророчествам и предсказаниям знаменитый и по сою пору - поэт, историк, философ и врач. Да, да, мы не оговорились - именно врач, причем в послужном его списке слово «врач» следовало бы поставить первым, ибо врачом он был и по образованию, и по роду своих занятий: врачебной практикой он зарабатывал на хлеб свой насущный. Причем, врачом он был достаточно известным и многоопытным, если не сказать - знаменитым: как никак - лейб-медик Его Величества короля Франции Карла IX, того самого Карла IX, который под влиянием коварной Екатерины Медичи санкционировал Варфоломеевскую ночь в 1572 году. Но к тому времени Мишель Нострадамус уже почил в бозе, уже начал свое триумфальное шествие сквозь века, пророча грядущие войны, эпидемии, стихийные бедствия и прочие катаклизмы, на которые всегда была столь щедря история человечества.

Вообще, Нострадамуса называют астрологом, что не вполне соответствует действительности. Астрологию он привлекал лишь для солидности, поскольку в те поры она имела весомый авторитет и репутацию точной науки. По сути же дела, он являлся, говоря нынешними терминами, аналитиком, поскольку был весьма искусен в знании истории человечества и уже тогда, в догегелевские времена, усвоил, что развитие государств и народов идет по восходящей спирали, а посему в определенные времена возникают сходные ситуации, которые прозорливому (а может, напротив, страдающему слепотой) человечеству надо бы предвидеть.

Давайте же в эти январские дни, располагающие к романтизму и мечтательности, поговорим о Нострадамусе - провидце, враче и человеке. Тем более, что в декабре сего

года мы отметили 500-летие со дня рождения этой, без преувеличения, легендарной личности. Что мы знаем о нем? И что можем знать?

Этюды о врачевателях и фармацевтах

Тайна за семью печатями?

Прежде всего - Нострадамус в ипостаси врача. Разумеется, тщетно искать его имя в 35-томной «Большой медицинской энциклопедии», равно как и в законопослушных, выдержанных в духе марксизма-ленинизма энциклопедических словарях советской эпохи. Да что там советской, если даже в «Современной универсальной Российской большой энциклопедии Кирилла и Мефодия» на семи лазерных дисках о Мишеле Нострадамусе - сверхлапидарное упоминание (ну, право слово, как справка из домоуправления, то бишь КСК): жил-был, приписан к такому-то веку и государству, к такой-то профессии. Впрочем, и эта справка взята из «Советского энциклопедического словаря» уже последних лет существования СССР, когда о Нострадамусе хотя бы нехотя, но все же стали говорить. При советской власти он был фигурой не совсем уместной: о нем в серьезном обществе упоминать было как бы неприлично.

Вот она - эта энциклопедическая справка: «Нострадамус Мишель Нотрдам (латинизир. Nostradamus Michel de Notredame) (1503-1566) - французский врач и астролог, лейб-медик Карла IX, получил известность как автор «Столетий» (1-е изд. 1555; написаны рифмованными четверостишиями - катренами), содержащих «предсказания» грядущих событий европейской истории».

Все. Как сказал классик: «А дальше тишина». Но в том-то и дело, что дальше, как сказал уже другой классик, «шум и ярость». Поскольку Нострадамуса мы все поминаем нынче чуть ли не каждый день, восхищаясь его прозорливостью, либо напротив - клеймя как шарлатана. В сущности, это не имеет значения. В науке есть такой термин «индекс упоминания» - насколько часто в тех или иных статьях и докладах делаются ссылки на труды того или иного автора, насколько часто упоминается его имя. Это один из критериев оценки значимости и актуальности научной работы, ее новизны, оригинальности. По этому показателю Нострадамус мог бы дать фору многим именитым и очень солидным ученым мужам. Книг по толкованию его пророчеств написано огромное количество, а вот о самом Нострадамусе написано до обидного мало, а если и написано, то опять-таки с уклоном в астрологию. А нам бы хотелось узнать о нем побольше, как о человеке. Есть, правда, один источник, внушающий доверия: «Rosen E. Nostradamus. Dictionary of Scientific Biography», - но нам он недоступен.

То есть, врач-то он врач, и об этой ипостаси, достаточно яркой и серьезной, мы в свой черед скажем. Но, на все лады склоняя его имя, мы, в принципе, мало что знаем о нем, о его облике, о его жизни.

Удивляет вот что: Гжегож Федоровский написал прекрасную книгу «Шеренга великих медиков», в ней есть два крайне любопытных раздела - «Неврачи в медицине» (Аристотель, Леонардо, Левенгук, Пастер и т. д.) и «Врачи вне медицины» (классические примеры: Коперник, Рабле, Шиллер, Чехов), но и здесь, к сожалению, места для Нострадамуса не нашлось. А жаль. Хотя ведь книга Г. Федоровского издана в 1972 г. Да, издана в Варшаве, но и на ней, конечно же, лежит печать советских идеологов.

И вот, когда автор этих заметок пребывал почти в полном унынии, ему удалось выйти на след книги Максима Генина «Нострадамус (пророк европейской истории), Париж - Рига, 1938 г.» Жанр книги определен как «историческое исследование». Разумеется, она посвящена опять-таки расшифровке пророчеств Нострадамуса, на этот раз относительно Наполеона (будь он неладен!). Расшифровка любопытная, но что ценно для нас - там между строк все же проглядывают кое-какие сведения из биографии самого Нострадамуса. Так что мы их, как драгоценные крупички, изыдем из повествования, чтобы реконструировать жизнеописание юбиляра. Точно так же, как мы изыдем эти крупички из остальных источников, до которых нам удалось дотянуться. Тем более, что СМИ не оста-

вили без внимания юбилей столь парадоксальной личности и так или иначе откликнулись на событие.

Жизнеописание. Акт первый

24 декабря 1503 года около полудня в провансальском городе Сен-Реми в семье нотариуса Жака Нострадамуса (он был наречен именно Жаком несколько лет спустя при переходе из еврейства в католичество) родился сын Мишель. Оба дедушки Мишеля были врачами, причем один из них состоял советником короля Ренэ, и Мишель как бы унаследовал эту фамильную профессию. Семья и со стороны матери и со стороны отца состояла из людей ученых, уважаемых и властями, и простыми жителями городка. Мальчик рос в интеллектуальной среде и очень рано проявил незаурядные способности. Он едва вошел в отроческую пору, а его уже послали учиться в город Авиньон, который наряду с Монпелье славился своими университетскими традициями. Мишель своей понятливостью приводил учителей в замешательство и восторг, его память была настолько точна и быстра, что он цитировал наизусть целые главы тотчас же после их прочтения.

К 19 годам он успешно окончил Авиньонский университет, проявив выдающиеся способности в естественных науках, в частности, в астрономии. Уже тогда в 1522 году юный Нострадамус поднял вопрос о вращении планет и Земли вокруг Солнца. Заметим при этом, что книга Коперника о гелиоцентрической картине мира вышла лишь в 1543 г., т.е. двадцатью годами позже. Быть может, уже тогда в занятиях «небесными науками» сказался провидческий дар Нострадамуса.

Но, окончив Авиньонский университет, он продолжает образование - теперь уже в университете Монпелье. В течение трех лет он изучает медицину, ведя аскетический образ жизни, не участвуя в обычных студенческих увеселениях. От книг и лекций его оторвала чума, охватившая весь Прованс и докатившаяся до Монпелье. И вот в 1525 г. 22-х летний Нострадамус, оставив студенческие штудии, вступает в неравную схватку с чумой. То был враг страшный и, казалось, неодолимый. Чума являлась в те времена страшным бичом. Люди, заразившиеся этой болезнью, отказывались от всякой надежды на выздоровление, шили сами себе белый саван и как бы при жизни присутствовали на собственных похоронах.

Но чума, опустошавшая город Монпелье и соседние местности, нашла в лице Нострадамуса смертельного врага. Причем этот неравный бой шел в течение четырех лет! Вы только представьте себе ту отвагу и стойкость, которые проявил молодой и пока никому не известный врач в этой экстраординарной ситуации. Но кроме отваги ему была присуща фантастическая интуиция. Он впервые применяет антисептики и настаивает на строгом соблюдении гигиены.

И совершилось невозможное: чума отступила!

Профессора старого медицинского факультета Монпелье, узнав об успехах Нострадамуса в борьбе с чумой, пригласили его в университет, чтобы вручить ему докторский диплом. Впрочем, другие источники говорят иное: да, он вернулся в Монпелье, но методы его борьбы с чумой были подвергнуты профессурой сомнению. Иначе чем же еще объяснить, что ему пришлось держать труднейшие экзамены на степень доктора медицины. И лишь присутствие на этих публичных экзаменах многих жителей города, их горячая поддержка молодого врача да плюс еще блистательные знания обеспечили ему и здесь нелегкую победу.

Триумф и трагедия

Он начинает чтение лекций, но дух сомнения терзает и его. Вскоре он бросает это занятие, не желая, по его же собственным словам, учить тому, чего не знает сам в достаточной мере. Он уезжает из Монпелье, чтобы посетить провансальские деревни, бывшие свидетелями успешных методов его лечения. Путешествие это превратилось в настоящий триумф. Спасенные им больные встречали Нострадамуса у ворот своих домов. Юноши и

девушки шли впереди него и разбрасывали на его пути цветы. Знатные люди посещаемых им местностей наперебой приглашали его остановиться в их доме и провести какое-то время в их семье. По словам провансальских хроник, никакой король, принц или граф не удостоивались такой чести со стороны жителей юга Франции.

Врач, слава которого опережала его продвижение по стране, посетил Бордо, Тулузу, Ла-Рошель и обосновался в Ажане. Он женился, стал счастливым отцом двух детей. Жизнь щедро одарила его талантом, удачей, благополучием, семейными радостями. Но злой рок в одночасье все отнял. На всю его семью обрушилась болезнь, природу которой он не знал и разгадать не смог. Погибла жена, умерли дети. То была катастрофа. Он терзался, что не смог их спасти. На него было страшно смотреть. Несчастье оказало на Мишеля Нострадамуса ужасное влияние, заставило его пересмотреть всю прошедшую жизнь.

Не будь столь трагичны события, можно было процитировать нашего незабвенного классика: «Им овладело беспокойство, охота к перемене мест...» Нострадамус в течение семи лет (ему уже около сорока) странствует по юго-западу Европы. Кстати, это наименее известный период его жизни. Очевидно, именно в эти годы проявились его ясновидческие способности. Известно, что однажды, встретив молодого монаха в бедном селении, где тот жил в нищете, Нострадамус, подчиняясь неясному порыву, поклонился ему до земли. Окружающие недоумевали, а Нострадамус сказал: «Я преклоняю колени перед его Святым Высочеством». Монаха звали Феличе Перетти; в историю он вошел под именем папы римского Сикста V, которым был избран сорок лет спустя после той памятной встречи с провидцем.

Изредка в одном из городов Нострадамус, что говорится, бросал якорь. И тотчас обростал книгами. В те годы, вопреки скитаниям, он собрал чрезвычайно ценную оккультно-астрологическую библиотеку. Лет через двадцать библиотека вызвала весьма пристальный и нездоровый интерес инквизиции. И Нострадамус вынужден был собственноручно сжечь библиотеку, чтобы не попасть на костер самому.

Жизнеописание. Акт второй

В 1546 в Эксе вновь вспыхнула чума. Комитет города единодушно пригласил на борьбу с ней Нострадамуса. При этом Нострадамус вновь применил свой испытанный метод борьбы с давно уже знакомым врагом: антисептики и соблюдение гигиены. Он испытал действие дезинфицирующего порошка, описанию которого посвятил несколько глав в одной из своих медицинских книг. Заглавие книги витиевато и напоминает до боли знакомые каждому из нас тексты рекламных пауз на TV: «Превосходная и очень полезная брошюра о многих отменных рецептах, разделенная на две части. Первая часть учит нас способу готовить разную помаду и духи для украшения лица. Вторая часть нас учит приготавливать варенья различных сортов из меда, сахара и вина. Составлена мэтром Мишелем Нострадамусом - доктором медицины из Салона в Провансе. Лион 1572 г.»

Очевидно, без части, трактующей разные способы приготовления варенья, медицинская книга XVI в. не была бы куплена, даже если ее и написал сам Нострадамус.

А вот цитаты из этой книги:

«Как приготовить порошок, вычистить и обелить зубы, как бы красны и черны они не были, а также способ придать дыханию приятный запах. Другой способ, еще более совершенный, для очищения зубов, даже тех, которые сильно попорчены гнилью... Способ приготовить род мыла, делающего белыми и мягкими руки и обладающего сладким и вкусным запахом... Способ приготовить род дистиллированной воды, чтобы наилучшим образом украсить и обелить лицо...»

А вот рекомендации Нострадамуса как бы из наших дней: «Способ сделать волосы белокурыми или цвета золота, а также чтобы уничтожить слишком большую полноту тела».

В наш просвещенный век гигиенические заботы Нострадамуса кажутся наивными, но стоит вспомнить, что в руководстве учтивости, изданном 220 лет назад, запрещается

пользоваться водой для умывания, «ибо это делает лицо зимою более чувствительным к холоду, а летом к жаре».

О народной гигиене XVI в. можно судить по тому, что даже король Людовик XIV страдал бессонницей из-за клопов. Лувр представлял собой отвратительное зрелище. Посетители отправляли свои естественные надобности повсюду: на дворе, на лестницах, на балконах. Делалось это на виду у всех и без всякого стеснения. Нечистоты выбрасывались из окон домов, оставляя на стенах и карнизах никак не ласкающие взгляд следы.

Теперь понятно, почему, применяя методы элементарной антисептики и гигиены, Нострадамусу удавалось свернуть шею чуме. Кстати, вслед за Эксом он был приглашен в Прованс, где тоже одержал триумфальные победы в борьбе с эпидемиями. Полученное вознаграждение он пожертвовал осиротевшим детям и жителям пострадавших областей.

Приют для усталого путника

В 1547 г. Нострадамус поселился в городе Салон и 11 ноября того же года женился вторично на богатой вдове Анне Понсар. Он купил красивую гостиницу, которая существует в Салоне и поныне на ул. Нострадамуса, дом 2. Правда, затем на год выезжал в Италию, где встречался с собирателями трав и фармацевтами. Но в 1550 г. вернулся домой и зажил семейной жизнью. Она складывалась удачно. От второго брака у него родились три сына и три дочери.

Сам Нострадамус называл себя «врачом-астрофилом», то бишь любителем звезд, - он использовал медицинскую астрологию для облегчения постановки диагноза. Наконец-то он мог всей душой отдаться своим теоретическим трудам. Он пишет ряд книг по медицине и философии, издает астрологический журнал с прогнозами урожаев и прочего на год грядущий. Журнал пользуется огромным успехом. А 1 марта 1555 г. вышли в свет первые 4 «Центурии» его пророчеств со знаменитым предисловием - письмом сыну Цезарю (между прочим, большинство изображений прорицателя - копии с картины, нарисованной сыном Нострадамуса). Издание имело небывалый успех. Заинтригованная Екатерина Медичи вызвала Нострадамуса в Париж, чтобы он проконсультировал царственных детей Франции - будущих Франциска II, Карла IX и Генриха III. А три года спустя издатель Пьер Риго выпустил в свет оставшуюся часть книги пророчеств. Со всех сторон Франции и из заграницы к нему устремились толпы жаждущих получить совета в сложных вопросах судьбы. В октябре 1564 г. (за 2 года до смерти) Карл IX назначил Нострадамуса придворным лейб-медиком и астрологом. Хотя, повторяем, астрологию в своих трудах он использовал лишь для придания им солидности, ведь тогда «гадание по звездам» преподавали как очень серьезную науку даже в медицинском университете.

Несмотря на кажущееся благополучие в этот период своей жизни, Нострадамус был внутренне очень одинок. Днем он исполнял свои врачебные обязанности, а ночью уединялся в кабинете под самой крышей, куда доступ запрещен был всем - за исключением любимого и единственного ученика Жана Шавиньи. Отношение обывателей к Нострадамусу было двойственным: они уважали его как врача и побаивались из-за «общения с духами». Но слава его все росла, посетителей становилось все больше. Например, в 1562 г. каноники церкви Оранжа явились к нему с просьбой о помощи в розыске воров, совершивших кощунственную кражу в церкви. И что вы думаете? Нострадамус нашел виновных.

А чтобы характеристика нашего героя была более полной, добавим, что был он ростом чуть ниже среднего и обладал крепким телосложением. До последнего года жизни его щеки покрывал румянец. Что еще? Большой открытый лоб, прямой и ровный нос, серые глаза. Мягкий взгляд, в гневе загоравшийся пламенем. Со строгого лица его не сходила улыбка, так что вместе с серьезностью в нем проявлялось много человеколюбия. Несмотря на старость, Нострадамус до последнего дня жизни был полон энергии, много смеялся, едко шутил, любил и хвалил свободную искренность выражений. Его отличала удивительная память. И хотя по характеру он был молчаливым, много думающим и мало говорящим, но когда того требовали обстоятельства, он умел прекрасно говорить. Он был

терпелив в работе, но склонен к гневу. Спал не больше 4-5 часов в сутки. Охотно соблюдал пост, когда надо, предавался молитве и вообще вел жизнь, достойную христианина. Был милосерден к больным, не имевшим возможности отблагодарить его за врачебную помощь. Выходя из дому, почти всегда надевал докторский берет и плащ.

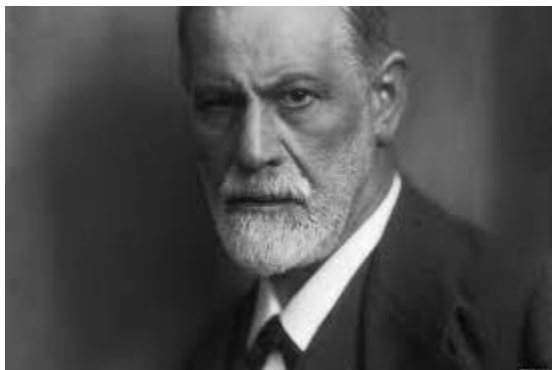
Умер он 2 июля 1566 г. в возрасте 63 лет (дату своей смерти он предсказал с точностью до одного дня). Он много страдал от ревматизма и подагры и скончался от острой почечной недостаточности. Тело его было погребено в древнем храме францисканцев. Над могилой была помещена следующая эпитафия, высеченная по латыни:

«Здесь покоятся кости Михаила Нострадамуса, почти божественное перо которого, по общему мнению, было признано достойным сообщать и начертать людям о влиянии звезд на будущие события, которые должны произойти на всем земном шаре. Он умер в Салоне в Провансе, в год благодати 1566, 2 июля, имея 63 года от роду... О, потомок, не трогай этот прах и не завидуй покою здесь лежащего».

Увы, потомки не вняли этой просьбе. И хотя могила его долгие годы была объектом почитания, но в 1791 г. революционный батальон марсельцев разрушил гробницу Нострадамуса и пытался развеять его останки. Мэру салона удалось спасти портреты Мишеля, его сына Цезаря и их останки, которые затем были замурованы в стену древней часовни Сен-Рока - в настоящее время это часовня Девы Марии.

2006 г.

ЗИГМУНД ФРЕЙД

Лет 40 назад ваш покорный слуга написал рассказ под названием «Страхи» - о тех фобиях, что зримо и незримо сопровождают нашу жизнь, равно как и жизнь всего человечества. Рассказ построен на фактах личной биографии, то была попытка обнажить сокровенный нерв, таящийся в глубинах сознания (и даже подсознания), услышать голос одинокой души, беззащитно стоящей перед вечностью и одолаваемой неласковыми реалиями сиюминутного бытия.

Редакторы читали рассказ неотрывно, временами лишь вздрагивая и озираясь испуганно. И не то чтобы его отвергали с порога, а задвигали в самый дальний, потаённый ящик. Тема была непривычная и как бы полузапретная. Рассказ лет десять мытарили, пока я не видоизменил название, сняв угрозу, сокрытую в нём, - «Ненужные страхи», после чего рассказ, хоть и со скрипом, но пошёл в печать. Тогда же по наитию судьбы попал мне в руки портрет Зигмунда Фрейда - событие редкое, поскольку официальным нашим материализмом Фрейд был предан анафеме: имел неосторожность быть автором «антинаучной, реакционной психологической теории». Ну, чуть ли не фашист, тем более, что сам Бенито Муссолини относился к нему с симпатией и принимал участие в его судьбе. А вот Гитлер велел сжечь его книги, так что возникал некий конфуз: то ли мы с Гитлером заодно, то ли надо как-то реабилитировать Фрейда. Впрочем, в нашей тогдашней науке многое было на грани конфуза, но мы умели вопреки всему держать лицо.

Тот чудом попавший мне в руки портрет Фрейда (он помещён на этой странице) с тех пор стоит на одной из книжных полок моей библиотеки, как некий раритет, как символ вызова эпохе и обстоятельствам, всегда готовым стереть нас в пыль. И вроде время поменялось, и книги Фрейда издаются: на краешке стола лежит двухтомник его «Я» и «Оно», а сверху - пухлый фолиант-исследование о психоанализе, но само имя Фрейда по-прежнему воспринимается тревожаще и неоднозначно. Да и страховне убавилось, их

концентрация лишь возросла и уже открыто выплеснулась на страницы газет и журналов. «Комсомолка» даёт разворот о фобиях мужчин и женщин; «Известия» печатают полосу «Тема с изнанки»: обнажённые полушария мозга, что твой грецкий орех без скорлупы, и к ним примётана суровой ниткой заплата. Речь идёт о круглосуточном телефоне неотложной психологической помощи, о том, что каждый второй москвич чего-то боится, и вот вам «Семь наших главных страхов» и т.п. И вдруг подумалось: а ведь нынешний 2016-й – год 160-летия Зигмунда Фрейда, и событие это, наверняка, пройдет под сурдинку, не очень замеченным.

У истоков Эдипова комплекса

Как это ни парадоксально, своими родовыми корнями Зигмунд Фрейд принадлежит необъятным и оттого загадочным просторам Российской империи, а если быть точнее – «ридной неньке» Украине. Но ни Россия, ни Украина не выражают пылкого желания внедряться в эту сферу. Возможно, потому что большая часть жизни Фрейда связана с Австрией, Веной. А может и потому, что он имел счастье родиться в еврейской семье, ну а ползучий антисемитизм, как повилика, не имея корней, частенько паразитирует на менталитете двух братских, «не разлей вода», народов.

Родители Зигмунда Фрейда – полное имя Сигизмунд Шломо Фрейд (Фройд) – Якоб Фрейд, торговец шерстью, и Амалия Натансон. Якоб родился в Ивано-Франковской области, Амалия в городе Броды на Львовщине, где, предположительно, до сих пор могут проживать её родственники. Ну а сам Зигмунд Шломо появился на свет в Чехии в городке Пршибор, куда Фрейдов занесло однажды их переменчивое еврейское счастье. Очевидно, у Якоба была ещё та деловая хватка, семья кое-как сводила концы с концами и переезжала с места на место в поисках лучшей доли, пока не осела в Вене.

В семье было восемь детей, но Зигмунд выделялся способностями, острым умом, страстью к чтению. Отец смотрел на него печальными глазами и думал о том, что надо мальчику дать образование. Он должен стать – кем? Ну не музыкантом же! Вот их у меня в семье 8 человек, и 7 из них готовы музицировать с утра до ночи. От этой музыки голова идёт кругом. А что вы хотите? Еврейский ребёнок, можно сказать, рождается со скрипкой в руках. Нет-нет, Шломо поступит на юрфак или... или на медицинский факультет, станет хорошим зубным врачом. А собственно, куда ещё может поступить бедный еврейский мальчик? У него выбор ограничен. Ну не позволит же Якоб своему талантливому сыну стать торговцем шерстью. Да никогда! После меня пусть шерстью торгует серый волк...

Мать в Зигмунде души не чаяла. Во-первых, так, сказала она: ему нужна отдельная комната. А во-вторых, когда он читает, чтоб никакой музыки в доме – слышите вы или нет? И, в-третьих, надо выделить ему керосиновую лампу. Что значит: «а мы?!» А вы учите уроки при свечах. В доме всем заправляла мать, её волей держалась семья, это Зигмунд усвоил с младенческих лет.

Отец всем видом своим являл покорность Богу и судьбе. Однажды на улице незнакомец смахнул с головы отца меховую шапку: «Еврей, убирайся с тротуара!». Шапка упала в грязь. «И что же ты сделал?» – пресекающим от возмущения голосом спросил сын. «Сошёл с тротуара и поднял шапку», – в глазах отца таилась извечная грусть иудея. И Зигмунд понял, что, не имея за плечами сильной отцовской фигуры, он должен всего добиться сам. Как пишут биографы Фрейда, сильная привязанность сына к матери могла бы многое объяснить проницательному уму, но в то время такой проницательностью не обладал никто. Позже Фрейд теоретически выразил влияние материнских амбиций на его эмоциональное развитие: «Человек, в детстве безгранично любимый матерью, на всю жизнь сохраняет в себе чувство победителя, ту веру в успех, которая зачастую действительно стимулирует успех».

Его университеты

Гимназию он окончил с отличием (а вы как думали!) и поступил на медицинский фа-

культет знаменитого Венского университета. По собственному признанию Фрейда, занимался он «весьма небрежно», так как многие предметы его мало интересовали, зато с «юношеским рвением» набрасывался на то, что ему было любопытно, но часто не имело прямого отношения к будущей специальности. Например, он с упоением изучал историю, политику, философию. Что это - разбросанность? Как сказать. Те университетские штудии в дальнейшем сказались на его концепциях развития культуры. Он не спешил, он искал свой путь. Именно поэтому он почти девять лет учился в университете, окончив его на три года позже положенного срока.

Сказать по правде, медицина его не привлекала, врачом - в традиционном понятии - он так и не стал. Скорее всего, он выбрал медицину методом исключения: для венского еврея выбор лежал между бизнесом и промышленностью, юриспруденцией и медициной. Но, учитывая его интеллектуальный склад, какой из него мог быть бизнесмен или промышленник?.. Природа человека, таинственные токи его души - вот что было основой основ его устремлений. Достижения естественных наук к тому времени произвели революцию в умах, заложив фундамент современного знания об организме и живой природе. Теория Дарвина и закон сохранения энергии - на них опирался Фрейд, когда перешёл к изучению человеческого поведения. Организм он представлял как своего рода аппарат, заряженный энергией, которая разряжается либо в нормальных, либо в патологических реакциях. Причём, в отличие от физических аппаратов, организм есть продукт эволюции всего человеческого рода и жизни отдельного индивида. Эти принципы распространялись и на психику.

Всё так, всё так - и всё куда сложнее. Во-первых, классификация психических расстройств отличалась неопределённостью, т.к. не было устоявшейся теории этого рода заболеваний. Во-вторых, уже применялось гипнотическое внушение как метод лечения. Далее, коллега Фрейда венский психиатр Йозеф Брейер, занимавшийся изучением проблем лечения истерии, натолкнул его на мысль, что душевные расстройства напрямую связаны с глубинными переживаниями, испытанными психикой больного. А сновидения - что делать с ними? Большинство учёных считало их либо набором механических воспоминаний о прошедшем дне, либо бессмысленным набором фантастических образов. А что если это зашифрованное сообщение? Анализируя ассоциации, возникающие у больных в связи с той или иной деталью сновидения, Фрейд делал вывод об этиологии расстройства. Осознавая происхождение своего заболевания, пациенты, как правило, излечивались.

Но это будет позже. А пока...

Диагноз: любовь

Пока выпускник университета шесть лет работает в физиологической лаборатории Брюкке, готовясь стать учёным. Но - уввы! - наукой могли заниматься богатые, за неё платили гроши. А Зигмунд неожиданно собрался жениться, нужны были средства, чтобы содержать семью. Выход был один: идти в больницу, стать практикующим врачом. И он идёт в психиатрическую клинику профессора Мейнерта, где каждодневно имеет дело со всем многообразием психических заболеваний, что даёт ему бесценный материал для будущей теории психоанализа.

До 30 лет Фрейд оставался девственником: он боялся женщин. Над ним посмеивались, он уже в 22 года отпустил для солидности бороду и твёрдо решил, что в жизни прекрасно обойдётся без женщин. И вдруг 7 мая 1883 года эта уверенность была повержена в прах.

Он спешил в типографию, держа под мышкой очередную статью. С ним поравнялась проезжающая мимо коляска, он ещё успел подумать: надо бы вернуться, а не то обдаст грязью. И тотчас же был заляпан с ног до головы, рукопись упала в лужу. Экипаж остановился, оттуда выглянуло милое существо. Фрейд, готовый разразиться руганью, замер: на лице девушки было такое искреннее отчаяние, что он забыл обо всём на свете. Более того, он почувствовал отчаянное волнение. Что это с ним?

Экипаж укатил прочь, статья была извлечена из лужи, а он пытался понять природу тех

противоречивых чувств, которые нахлынули на него. Минуту-другую анализировал их и поставил неожиданный диагноз: это любовь. Но коляска исчезла из виду.

А на следующий день ему принесли письмо от незнакомки, внизу стояла подпись: Марта Бейрнайс. У доктора просили прощения и приглашали его на бал. Он помчался без раздумий. Там его поджидало ещё одно потрясение: к нему подошли две совершенно одинаковые девушки, и он лишь растерянно переводил глаза с одной на другую, не в силах понять, которая из них была в карете. А они, к его совершенному смущению, обе рассмеялись: «Мы сёстры. Это - Марта, а это - Минна». А уже через месяц состоялась помолвка. Однако, женившись на Марте, Зигмунд не забывал и о её сестре. Жена безумно ревновала. После одного из бурных скандалов сорокалетний Фрейд поклялся больше не встречаться с Минной, а в письме к другу пишет, что отказывается от половой жизни вообще. Правда, к тому времени у Фрейда уже было пятеро детей. И ещё: после смерти Фрейда было обнаружено полторы тысячи писем к Минне, но содержание их было засекречено до 2000 года. Возможно, тайна переписки уже перестала быть таковой. Мы об этом никакими сведениями не располагаем.

Вселенная Фрейда

Среди психологов прошлого столетия доктору Фрейду принадлежит особое место. Его главный труд «Толкование сновидений» увидел свет в 1899 году, она посвящена анализу неврозов с помощью изучения сновидений пациента. Это программный труд о методах исследований Фрейда и о его взглядах на структуру «Я» человека. С тех пор в психологии всходили, сменяя друг друга, различные научные авторитеты. Но ни один из них не вызывал и не вызывает и поныне такой негаснущий интерес, как Фрейд и его учение, ибо его работы, изменившие облик психологии в XX веке, осветили коренные устройства внутреннего мира личности, её побуждений и переживаний, конфликтов между её волевыми и чувством долга, причин душевных надломов, иллюзорных представлений человека о самом себе и окружающих. Мировую психологию сегодня невозможно представить без учения Фрейда, оказавшего глубочайшее влияние на различные подходы к психике человека - самого сложного явления в известной нам вселенной. Основатель психоанализа, он оставил неизгладимый отпечаток на лице западного мира, осветив небо науки новым солнцем подсознания.

В 1921 году Лондонский университет объявил о начале цикла лекций о пяти великих учёных: физике Эйнштейне, каббалисте Бен-Маймониде, философе Спинозе, мистике Фило. Фрейд был в этом списке пятым. Его выдвинули на Нобелевскую премию за открытия в области психиатрии, но получил премию коллега Фрейда за метод лечения паралича путём резкого повышения температуры. Фрейд заявил, что Лондонский университет оказал ему большую честь, поставив рядом с Эйнштейном, а сама премия его не волнует. «Причем этому парню было намного легче, - добавил Фрейд, - за ним стоял длинный список предшественников, начиная с Ньютона, в то время как мне пришлось в одиночку пробираться сквозь джунгли. Нет ничего удивительного в том, что мой путь не слишком лёгок, и я ненамного продвинулся вперёд».

Сумерки XX века

В 1933 году, когда в Германии пришли к власти фашисты, среди сожжённых идеологами «нового порядка» книг оказались и книги Фрейда. Узнав об этом, он воскликнул: «Какого прогресса мы достигли! В средние века они сожгли бы меня, в наши дни они удовлетворились тем, что сожгли мои книги». Он не подозревал, что пройдёт несколько лет и в печах Освенцима и Майданека погибнут миллионы евреев и других жертв нацизма, и среди них - четыре сестры Фрейда. Его самого, всемирно известного учёного, ждала бы после захвата Австрии фашистами та же участь. Всё решил звонок Бенито Муссолини, он лично попросил Гитлера позволить Фрейду уехать. Генрих Гиммлер предложил вари-

ант выкупа. Бывшая пациентка Фрейда и верная ученица - внучка Наполеона Мария Бонапарт отдала за учителя почти всё, что у неё было, два великолепных дворца и перевезла его в Париж, а затем в Лондон. Перед отъездом он должен был дать расписку, что гестапо обращалось с ним вежливо и заботливо и что у него нет оснований жаловаться. Ставя свою подпись, Фрейд спросил: нельзя ли к этому добавить, что он может каждому сердечно рекомендовать гестапо?

В Париже и в Лондоне Фрейда встретили восторженно, но дни его были сочтены. Еще в начале 20-х годов на него обрушилась тяжёлая болезнь, вызванная тем, что он был злостным курильщиком сигар. Все эти годы, мучась от болей, он продолжал напряжённо работать. Боли стали невыносимыми. По его просьбе его лечащий врач сделал два укола, положившие конец страданиям. Это произошло в Лондоне 21 сентября 1939 года.

2011 г.

Счастливым человеком из Алжира

Михаил Ефимович Зельцер - доктор медицинских наук, профессор, преподаватель Республиканского института усовершенствования врачей, крупнейший эндокринолог Казахстана.

В течение двадцати лет, в семидесятые-восемидесятые, был главным эндокринологом республики. 23 сентября ему исполняется 75 - из них более полувека он живёт и работает в Казахстане. Первые шаги на медицинском поприще он делал в сельской больнице Приуралья, что в 150 километрах от ближайшей железнодорожной станции. Он по натуре трудоголик и никогда не чурался никакой работы. Но сверх того он ещё и романтик, поэт в душе (пять лет назад вышла его книга стихов «Непрофессиональные раздумья»; со дня на день выйдет ещё одна книга «Всплески памяти на дневниковых страницах» - это кроме монографий и брошюр по вопросам эндокринологии). Он всегда и везде, куда бы его не забросила судьба, истово и вдохновенно служил медицине нашего с вами Отечества, страны величавых гор и бескрайних степных просторов. Этой стране, её людям он щедро отдавал и отдаёт свой талант врача, стараясь всеми доступными ему средствами отодвинуть от человека боль и болезнь, стараясь сделать всё, чтобы здоровье не покидало нас с вами.

А родился Михаил Ефимович в Ленинграде, в 1930 году. Его отец Ефим Маркович Зельцер - крупный партийный работник, юрист по образованию. Мать - Бройна Соломоновна Лурье, историк. Оба были репрессированы в 1937-м. Да и сам Михаил Ефимович, не смотря на молодые лета, два года провёл в лагере ссыльных. И вообще он - живая история минувшего столетия, воплотившаяся в судьбе одного человека. Хотелось сказать: «в судьбе одного отдельно взятого человека» - да нет, не отдельно взятого, а вместе со всеми, кому выпала доля в том веке жить.

Когда он услышал название очерка, ироничное и горестное, - «Счастливым человеком из АЛЖИРа» - он опешил от неожиданности. «Сердце сжалось, когда прочёл это», - сказал он. Потом понял: всё правильно, всё так и есть. Не зря же Осип Мандельштам, трагический провидец XX века, автор не только крамольных стихов про кремлёвского горца, но и до боли сердечной пронзительной лирики, сказал убийственно точные слова о том времени: «Мне на плечи кидается век-волкодав».

Чудовищное везение

- Я долгое время думал, что невезучий, - говорит Михаил Ефимович. - Теперь я так не думаю. Я бы мог погибнуть в блокадном Ленинграде. От голода - о нём лучше не вспоминать. Под бомбёжкой - бомба упала во двор прямо перед нашими окнами. И не

взорвалась. Я мог бы уйти под лёд на Ладожском озере в феврале 1942-го, когда нас эвакуировали. Повезло - уцелел. А дальше - два эвакуогоспиталя, это целая эпоха, где смерть косила всех подряд. Я выжил, хотя под Свердловском похоронил свою бабушку.

А в 1944-м мне чудовищно повезло. Мама была уже вольнонаёмная, но из лагеря выехать не имела права. А поскольку лагерь был женский (АЛЖИР - Акмолинский лагерь жён изменников родины), разрешили приехать детям. Я был во второй партии детей, которых дозволено было туда привезти. Я не видел маму целых семь лет, я боялся, что мы не узнаем друг друга. Мы узнали в первое же мгновение, но я был потрясён тем, что мама, моя защита и опора, мой самый сильный, самый надёжный, самый большой в мире человек, - моя мама стала вдруг совсем маленькой, почти с меня, мальчишку, ростом. А я был счастлив, как никогда в жизни.

Учительница первая моя

Об АЛЖИРЕ у меня двойственные воспоминания. С одной стороны - это концентрационный лагерь. С вышками, контрольной полосой, огромными волкодавами, от них все шарахаются, когда выходят на ночную вахту. А с другой стороны - это женщины, которые не видели своих детей по пять-семь лет. Причём, привезли в лагерь лишь малую часть детей, и бедные женщины делали для нас всё, что могли в этих бесчеловечных условиях. Я никогда в жизни не ощущал такого пронзительного, такого беспредельного человеческого тепла и участия.

Там, в лагере, у нас была удивительная школа, и преподавали в ней уникальные люди. Помню, уроки литературы и немецкого языка вела Зинаида Наумовна Гинзбург. Она долгое время была в секретариате Луначарского, потом - директором опытной школы при Наркомпросе в Москве. О чём шла речь на уроках, не помню. Но в памяти осталась атмосфера духовной чистоты и поразительной доверительности. Школа для нас была как семья. Там, в АЛЖИРе, я проучился почти два года, закончил восьмой класс. И когда в 1946-м маму освободили и мы вернулись в Ленинград, я долго не мог привыкнуть к той дистанции, что непременно разделяла ученика и учителя, к той субординации, которая считалась обязательной. Там, в зоне, школа была островком свободы, где ребёнок всем существом своим ощущал доброту. Здесь, на воле, школа напоминала казарму. И всё-таки - ничего с собой поделатать не могу – школу и учителей помню светло, по-доброму. И каждый раз, попадая в Ленинград (теперь уж Петербург!), непременно заглядываю во двор «Колизея», где неизбежно стоит наша школа.

Подвиг разведчика

Школа находилась сразу же за кинотеатром "Колизей". Это было очень удобно. Можно удрать с последнего урока как раз к началу очередного сеанса кинофильма "Подвиг разведчика" и почти два часа, затаив дыхание, забыв обо всем на свете, снова и снова следить за артистом Кадочниковым. Как он в красивой эсэсовской форме, красиво и смело рискуя жизнью, то и дело оставляет фашистов в дураках. Хотя ведь понимаешь, что никакие они не дураки, что всё было иначе. Но фильм хотя бы притупляет чувство голода. А оно неистребимо. Особенно, если тебе 17 лет, пять лет назад ты пережил блокаду, и мысли о еде тебя будут преследовать десятилетиями.

Но вдруг в какой-нибудь страшный момент, когда зал не смеет шелохнуться, впишись глазами в экран, Михаил замечал, что плачет. Он плакал, таясь от всего белого света, таясь от самого себя, но в темноте по крайней мере это незаметно. Сильнее голода и горше тех кошмаров, что одолевают по ночам, был страх: вдруг мама снова исчезнет? Вдруг её заберут, и опять будут долгие годы разлуки, когда маму можно увидеть только во сне. И так проходит год, два, три. А потом ты в ужасе вскакиваешь среди ночи, тебе должна была присниться мама, но не приснилась, потому что ты забыл её лицо.

Нет, пусть "Подвиг разведчика" в этот раз идет без меня, решает он. И с урока я сбежать не буду. Тем более что это математика, а с Михал Николаичем шутки плохи. Он, как обычно, пулей влетит в класс. Сверкнув очками, сердито бросит: "С-садитесь!" И начнет разнос:

- Я п-поражаюсь! - он делает упор на "о". - Я по-рражаюсь! Вам уже 17 лет!.. П-по-думать только...

Не в силах преодолеть возмущение, резко раскрывает журнал и выберет главную жертву:

- Зельцер, к доске. Под-думать только!.. - и как бы определяя меру наказания: - Проекция прямой на плоскость.

Тут важно, чтобы мел не крошился и рука была твердой. А главное, даже стоя у доски во время этой экзекуции, помнить, что Михал Николаич по сути добрый человек, он просто очень переживает за каждого из нас и промах ученика воспринимает как личную неудачу. На этот раз рука испытуемого бестрепетно выводит на доске чертеж, и объяснения, кажется, безошибочны.

- Я п-поражаюсь, - говорит Михал Николаич, но уже не возмущаясь, а скорее в недоумении. Смотри-ка, а из парня выйдет толк. Вопреки блокаде, голоду, бомбежкам и смертям. Вопреки долговому сиротству при живой матери, которую законопатили в АЛ-ЖИР, а потом и мальчонка туда же попал... Он идет к своей парте. Тщедушная фигурка юноши, его впалые щеки и притерпевшиеся скорбные глаза пробуждают неизбывную горечь, и учитель, как бы беседуя с вечностью и бесчеловечным веком, чуть слышно шепчет:

- Я поражаюсь...

Вторая волна и начало большого плавания

А в 1949-м была вторая волна арестов, и маму снова забрали. Я только-только стал студентом, поступил в 1-й Ленинградский медицинский институт имени академика Павлова. Мои студенческие годы прошли под знаком беды. Три года мама сидела в ленинградском так называемом «большом доме». Потом снова - Карлаг. И когда закончил институт, я, к удивлению распределительной комиссии, попросился - куда бы вы думали? Естественно, в Казахстан, поближе к маме.

И вот приехал я в село Кулагино Гурьевской области, это в 150 километрах от железной дороги. Здесь находилась районная больница. Это были два сарая на 25 коек. Кстати, в тот же день сюда, окончив Чимкентское фельдшерское училище, приехала и моя будущая жена. Приехала и сразу же слегла с воспалением лёгких. Она была моей первой пациенткой. Я, конечно, её вылечил - на свою голову. Хотя ни разу в жизни об этом не пожалел. Теперь вот близится у нас с ней золотая свадьба.

А в Кулагино за три года работы мы с ней занимались всем: хирургией, гинекологией, массой инфекций всякого рода. В общем, это была хорошая школа жизни и бесценная профессиональная школа.

Муки и радости

Из автобиографической книги

«Всплески памяти»

Понемногу привыкаю к работе. Больных много. Очень распространены хронические инфекции: бруцеллез, туберкулез, сифилис. Радиус обслуживания нашей больницы - 150 км. Добираемся после вызова по рации до отдаленных участков на чём придется: и на нашем стареньком грузовике, и на лошадях, и на верблюдах. Километров 5 в сторону от дороги Гурьев-Уральск, проходящей через Кулагино, тянется степь, а потом - пески, барханы. Во время дождя по пескам ехать легко, а степь раскисает, грязь. Машина буксует, толкаем, подкладываем доски. Мучения, а не езда.

Однажды, возвращаясь с «отгона» с тяжелобольным мальчиком лет 7, застряли километрах в 3-4 от Кулагино. Едва не выбились с шофером из сил, пытаясь вытолкнуть наш «газик». Делать было нечего, пришлось взвалить мальчика на спину. Принес его в больницу без сознания.

Отхаживали его всей больницей. Какая была радость, когда через 2 дня малыш начал реагировать на уколы, а потом и отвечать на вопросы. Потом и лечили и учили русскому языку. Кто-то принес букварь, показывали картинки и по слогам нараспев повторяли: «бо-тин-ки!». «Патинки», - отвечал малыш, и все хохотали. Мальчик, к счастью поправился, и мы стали большими друзьями.

Бывали, конечно, и неудачи, привыкать к которым тяжело. Долго не мог прийти в себя, после того как неожиданно умер мой пациент с инфарктом миокарда. Мне казалось, что ему стало заметно лучше, а ночью он скончался...

Постепенно накапливался опыт. И когда через год я остался на несколько месяцев единственным врачом в больнице, «гром не грянул», все шло своим чередом.

Один я остался потому, что из отпуска не вернулись на работу главврач с женой. До 3 лет - минимального срока отработки в месте назначения после института им оставался еще год. По тем временам такое грозило «сроком» в лагерях. Но моим сослуживцам повезло: незадолго до этого Советский Союз вступил в какую-то международную организацию, запрещавшую подневольный труд, и преследовать их не стали.

Месяца два работал и за главврача, и за терапевта, и за хирурга, и за гинеколога. Очень помогала моя первая пациентка, благодаря ей объем оказываемой женщинам помощи, несмотря на отсутствие врача-гинеколога, практически не уменьшился. Несколько раз объявил ей благодарность, не покрывив при этом душой.

Оперировали часто, несмотря на своеобразные кулагинские условия. Помню, как однажды уже вечером, когда света не было, доставили в больницу после тяжелой травмы кисти и предплечья молодого парня, оперировали его при свете 4 больших керосиновых ламп.

Кровь, необходимую для переливания, получали из областного центра. По радиации связывались с «санитарной авиацией» и ждали: прилетит или не прилетит. Зависело от этого очень многое...

Ещё из книги «Всплески памяти»

Мама моя после очередной «отсидки» поселилась в Южном Казахстане, на ст. Тюлькубас. Я приехал к ней и больше года проработал в Ванновской районной больнице. Это была крупная больница, как говорили, построенная еще во времена земской медицины. В ней были большие отделения: терапевтическое, хирургическое, инфекционное, гинекологическое, родильное. Работал рентгеновский кабинет, лаборатория. Даже сопоставить с тем, что было в Кулагино, трудно. Во время ночных дежурств по больнице можно было вызвать при необходимости хирурга или акушера-гинеколога. Но я к этому прибегал редко, Кулагино приучило к самостоятельности.

Да, здесь было гораздо интереснее, но меня очень тянуло к научно-медицинской работе.

В 1958 году я женился. Жена моя училась в Алма-Атинском медицинском институте, и я перебрался в Алма-Ату. Очень надеялся попасть здесь в терапевтическую клинику, но ничего не получалось. На работу в больницы меня не брали, в приеме в ординатуру отказывали. Почти 2 года я проработал дежурным врачом городской станции «скорой помощи».

После дежурств пытался ходить на профессорские обходы в терапевтические клиники, не пропускал ни одного заседания городского общества терапевтов. На одном из заседаний впервые увидел профессора Н.Д.Беклемишева. Он произвел

большое впечатление: блестящая речь, глубокая эрудиция. Прочитал его не задолго до этого вышедшую книгу о бруцеллезе, и впечатление еще больше усилилось.

Рутинная работа на «скорой помощи» стала тяготить, я не прекращал попыток попасть в ординатуру.

Зов судьбы

- *Казахстан - трагическая страница вашего детства. Здесь мама дважды была в ссылке, вы сами попали в АЛЖИР. И всё-таки потом вся ваша жизнь была связана именно с Казахстаном?*

- Это судьба. У моего старшего брата хранится хрустальный графин. Сверху - бронзовый ободок, и на нём выгравировано: «Ефиму Марковичу Зельцеру от делегации Казахстана». И год, по-моему, 1922-й. Как я потом выяснил, отец бывал в Казахстане. Тогда планировалось строительство новой Алма-Аты, а Ленинград славился своей градостроительной и архитектурной школой, и, понятное дело, взял шефство над Алма-Атой. Вообще, Казахстан и город на Неве всегда поддерживали друг друга. Хорошо помню (мне было тогда 11 лет): на улицах блокадного Ленинграда висела листовка, подписанная Ворошиловым «Враг у ворот», а рядом - стихи Джамбула «Ленинградцы, дети мои!» Вы даже не представляете, какая это была мощная поддержка для всех для нас, блокадников.

Ну, а потом - в Казахстане я встретил свою первую пациентку, мою будущую жену. Здесь, в Институте краевой патологии, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую, потом докторскую, стал профессором, организовал кафедру эндокринологии.

- *Можно ли говорить о казахстанской школе эндокринолога Зельцера?*

- Думаю, можно. Я подготовил четырёх докторов наук, более 20 кандидатов. Почти все врачи-эндокринологи учились у меня - по крайней мере, большая их часть.

Нет, что ни говори, я человек везучий. Хотя, конечно, жизнь била меня нещадно. Но, смотрите, ведь уцелел! И даже собираюсь отмечать свое 75-летие.

7 июня 2005 года

Из книги «Всплески памяти»

Вернулся из Греции, ездил на Европейский конгресс по ожирению. Оно стало одной из центральных проблем медицины: распространяется повсеместно эпидемически, резко сокращает длительность жизни, провоцирует развитие других болезней.

На конгрессе оживленно обсуждали наследственные и приобретенные механизмы возникновения и развития ожирения, способы борьбы с этим современным бедствием человечества, много внимания было уделено разработке различных диет, способствующих уменьшению отложений жира.

Другие времена, другие проблемы...

Жизнь продолжается.

А мы, пользуясь случаем, от всей души поздравляем юбиляра с 90-летием.

1999-2020 гг.

Таинственные точки Александра Дивинского

Судьба отпустила этому человеку, в общем-то, недолгие годы: он ушёл из жизни, что говорится, в расцвете сил. Но не зря же Александр Сергеевич Пушкин утверждал, что для большого многого не надо - он успеет осуществиться сполна и за краткие сроки бытия, приняв с благодарностью и радости, и горести, что ему предначертаны были. Причём, удивительно вот что: все, кому он дарил время жизни своей, тепло и дружбу, вспоминают о нём светло и трепетно, с нежностью даже, столь нечастой в скупых на проявления чувств мужских взаимоотношениях. Нет, он не был ангелом во плоти - наверное, в его характере были и негативные стороны, но странным образом - тени уходили прочь, ибо он обладал неисчерпимым жизнелюбием, излучая свет мудрости и щедрое желание делиться сокровенным с другими.

Всё вышесказанное могло бы выглядеть бездоказательной декларацией, если бы не одно обстоятельство: Александр Борисович Дивинский (это о нём идёт речь, 1937-1985) успел написать книгу, пронизанную и сокровенным знанием, и светом мудрости, и щедростью, с какой он делится с нами всем опытом жизни своей. Книга издана четырнадцать лет назад, уже после его кончины, книгу мгновенно раскупили, она тотчас же стала библиографической редкостью, хотя посвящена была, казалось бы, узкому кругу специалистов - «Размышления об иглорефлексотерапии». Почувствуйте разницу: не учебник, не практическое руководство и не методическое пособие, а - размышления, в которых, как сказано в аннотации, «раскрываются взгляды древних и современные представления о физических методах воздействия на человеческий организм с оздоровительной целью (иглотерапия, специальные виды массажа, прижигание). Освещаются вопросы использования этих методов и их значение с точки зрения современной науки».

Но - чуть подробнее. И для начала - слово автору книги.

О чём эта книга

Вагнер

Но мир! Но жизнь! Ведь человек дорос,
Чтоб знать ответ на все свои загадки.

Фауст

Что значит знать?
Вот друг мой, в чём вопрос.
На этот счёт у нас не всё в порядке.
И.В. Гёте «Фауст».

То, о чём пойдёт речь в этой книге, существует тысячелетиями, но до сегодняшнего дня не имеет названия. Мы не знаем, сколько тысячелетий существует наш Предмет. С равной достоверностью его возраст можно исчислять и двумя, и ста тысячелетиями. Можно утверждать, наш Предмет как метод (а это метод) возник раньше, чем возникло человечество. Метод этот оброс таким количеством легенд, мнений, сплетен и суеверий, что, несмотря на его почтенный возраст, многие наши именитые современники предположили: не самозванец ли он? И Герой превратился в Подсудимого, которого оправдали не за отсутствием состава преступления, а за недоказанностью вины. Можно ли его оправдать? Есть ли у него будущее? В наше время Подсудимый вынырнул из «низов», где долго прозябал, еле тлея, на полуполюгальном положении, и триумфально прошеество-

вал, вернее, пронёсся тайфуном по всему миру, несмотря на негодование академических шاپочек и плотно закрытые двери физиологических лабораторий. Мы говорим о... Ну вот опять. Названия, принятого во всём мире, нет. В нашей стране этот метод был признан около 30 лет назад (книга издана в 1991 г. - *примеч. редакции*) и обрёл название рефлексотерапии. Теперь по рефлексотерапии во всём мире издаются книги, сотни периодических журналов. За последнее время прошло около тридцати международных конгрессов, но до сих пор скептики вопрошают: есть ли будущее у метода? Будем всё же снисходительны к ним, ведь даже самые ярые его сторонники оперируют весьма расплывчатыми категориями, излагая мысли непонятно на каком языке, ибо ни один язык не может достоверно претендовать на эту терминологию.

Это книга не руководство по иглотерапии. В ней предпринята попытка анализа иглотерапии как метода с разных сторон: историко-географической, медико-биологической, физико-математической и т.д. Сегодня чрезвычайно важно понять, что медицина без смежных областей знания - механики, физики, математики, электроники, не говоря уже о биологии, химии и других, развиваться не может. Поэтому, если книга побудит различных специалистов к размышлениям и научным исследованиям тех сложных и трудных проблем, которые затронуты в книге, вызовет интерес и даст повод к широкой дискуссии, то автор будет считать свою задачу выполненной.

Кое-что о чемоданах Менделеева

Он был блестящий нейрохирург, сделал более ста операций на позвоночнике. Причём, все они прошли без осложнений, принеся порой безнадежно больным исцеление. Человек он был творческий: у него есть целый ряд изобретений (запатентованных), связанных именно с проведением этих уникальных операций. Например, он придумал трансплантат человеческой кости (в виде чечевицы), который вживлялся в позвоночник. Работа необычайно тонкая. Когда межпозвоночный диск «стирается», подвергшись некрозу (а такое нередко происходит, особенно у спортсменов, занимающихся тяжёлой атлетикой), изношенный диск убирают и взамен ставят трансплантат. После такой операции больные, которые испытывали невыносимые боли и практически были обречены на инвалидную коляску, уже на второй-третий день могли ходить. При этом отпадала необходимость ставить специальные металлические штыри и крепления, что являлось серьёзным шагом вперёд. В Казахстане, пожалуй, он единственный производил подобные операции.

Помимо этого Александр Борисович Дивинский со студенческих лет (а он окончил наш Алматинский мединститут) всерьёз интересовался рефлексотерапией. Вот что рассказывает об этом его близкий друг, экс-чемпион Советского Союза по тяжёлой атлетике (1958 г.), бывший преподаватель Алматинского института физкультуры, ныне проживающий в Бостоне (США), Вячеслав Калинин:

- Александр Борисович собрал практически все публикации по рефлексотерапии, все книги, которые хотя бы изредка, но всё же выходили «на просторах родины чудесной», а главное - за её пределами. Книги на разных языках - в том числе на китайском, представляете? Он исхитрился переводить их на русский язык, тщательно изучал, и, естественно, знания эти не лежали в его душе мёртвым грузом. Рукописи машинописные, ксерокопии. Говорю это вполне компетентно, поскольку все они прошли через мои руки. Слышали, наверное: Менделеев увлекался изготовлением чемоданов, и, надо сказать, чемоданы он делал превосходные. А моим хобби было переплётное дело, я возвращал вторую молодость старым, вконец рассыпавшимся книгам. Так вот, все публикации и книги о рефлексотерапии я самолично переплёл для Александра Борисовича и поставил ему на книжную полку.

Возвращение к жизни

Однажды в комнате для массажа института физкультуры я увидел человека в белом халате. Травмы у спортсменов - обычное дело, так вот - он лечил их иглоками. У меня тоже была болячка, штангу поднял неудачно. Он посмотрел её, тут же провёл сеанс иглоукалы-

вания: «Приходите завтра». Через 5-6 дней болячки как не бывало. Тогда я обратился к нему с делом жизненно-важным: меня донимала язва двенадцатиперстной. На сборы я ездил с тёркой: мне нужен был свежий сок моркови, капусты, картофеля, этим спасался. «Попробуем вылечить», - сказал он мне. «Иголками?» Он лишь улыбнулся в ответ.

Он провёл два курса иглотерапии, и ведь вылечил! Уже лет 35 как я не знаю этой беды.

Помню, уже к концу лечения приехал я к нему на приём в железнодорожную больницу, где он практиковал. А у него - срочная операция. Сажу, жду. Рядом ещё один пациент его поджидает. Слово за слово, разговорились. Оказалось, что он полиграфист. И вот на него упал 900-килограммовый рулон бумаги. Человека покалечило донельзя, в двух местах - перелом позвоночника. И начались его мытарства, стали его перекидывать из одной больницы в другую. К Дивинскому он попал в состоянии безнадежном: цветущий мужик девяносто килограммов весом усох до сорока. Живые мощи. Дивинский посмотрел его. Я берусь, говорит, делать операцию. Жизнь я вам гарантирую, но вы навсегда будете привязаны к инвалидной коляске. Если согласны, моргните.

Тот даже говорить не мог...

- Когда везли меня на операцию, медсёстры плакали. Я был обречён.

Но тут из операционной выглянули и передали нам, что следом будет ещё одна операция, так что ждать не имеет смысла.

Мой собеседник, опершись на тросточку, поднялся. Я с удивлением смотрел на него. Полноте, это что же - тот самый обречённый? «Ну что, поехали?» - сказал он. На чём поехали, чуть было не вырвалось у меня, - на инвалидной коляске?.. «У меня «Москвиченок», - сказал он. - Я вас подвезу». И уже садясь в машину, признался: «Я как бы родился заново. И ведь не только меня он вернул к жизни. Таких прооперированных у него - десятки»...

На острие иглы

А сколько он лечил иголками!.. В этом деле Александр Борисович был гениальный человек. Вы обратите внимание, как работает типичный иглотерапевт. Нащупывает нужную точку, попадает в центр, куда надо, доходит до нерва, и ты ощущаешь как бы удар током. Приятного мало. Да что там говорить - больно. Когда Александр Борисович делал иголки - боли никакой. А ставил он их большое количество. Обычно их ставят пять-шесть-девять иголок, а он - двадцать-тридцать! Причём, вроде поверхностно, у него была своя методика. Он вроде бы и не доходил до той самой вожаделенной точки, и удара током не следовало, нет! А эффект был потрясающий. Он как бы возбуждал поверхность, окружающую искомую точку, «доставал» её опосредованно, заставляя её напрягаться и «работать» более активно. У него была своя уникальная методика иглоукалывания.

И вновь - отрывок из его книги. Глава называется «Эти таинственные точки». Ей предпосланы эпиграфы - из Эразма Роттердамского: «Мы в такие вторгаемся чертоги...», - и из Альберта Эйнштейна: «Творения интеллекта переживают шумную суету поколений и на протяжении веков озаряют мир светом и теплом». Он не допускает недомолвок, не уходит от сложностей рассматриваемого предмета, напротив - старается исследовать его во всей полноте. Рефлексотерапия, говорит он, несомненно является блистательным творением человеческого разума, и в первую очередь нас поражает высокая степень сложности этого предмета, создающая порой непреодолимые трудности в её понимании.

Возможно, самый тяжёлый для осмысления момент в рефлексотерапии - это каналы и точки. Ничего подобного в классической анатомии и физиологии никогда не было. Нет и сейчас. Драматична судьба этих понятий. Тысячелетия существует иглорефлексотерапия. Две сотни лет продолжается её шествие в мире, осенённом знаменем науки. Но по-прежнему периодически встаёт вопрос о необходимости доказать и даже реабилитировать точечную рефлексотерапию, как будто она нуждается в оправдании. Становятся в эту позу чаще всего учёные, которые ею не занимаются и потому требуют, чтобы им что-то доказали. Сказывается ещё и привычка. Никто не требует объяснений действия гор-

чичника, круговых банок. Для студентов готов ответ - эффект рефлекторный, как будто это что-то объясняет...

Простота исполнения, отсутствие аппаратуры и оборудования, безразличие к обстановке в сочетании с совершенно непонятными и «несерьёзными» методами диагностики, оперирование понятиями, которые нельзя увидеть и пощупать, вызывали типовую реакцию: этого не может быть, потому что не может быть никогда...

Итак, по утверждению классиков иглотерапии, на теле человека и животных существует 360 точек, а если учесть их симметричность, то 720. Количество их соответствует количеству дней в году и градусов в круге. Эти точки были открыты около 5000 лет назад. Во всяком случае, описаны. И ничем эффективно не подтверждены, кроме благоприятного лечебного эффекта. Кроме того, существует ещё приблизительно 150 точек, расположенных вне каналов тела. Эти внеканальные точки называются хорошими, полезными, иногда - античными, мерцающими и прочими ненаучными названиями. Ни на какую тему не ломалось столько копия и не существовало столько полярных мнений. Но, как говорил Монтень, бесполезно рассказывать дорогу тому, кто никуда не идёт...

Дорогу осилит идущий

Рассказывает Александр Барон, врач, ученик А.Б. Дивинского:

- Познакомился я с Александром Борисовичем в 1974 году. Что меня поразило в нём с первой же встречи? Потрясающая живость ума и фантастическая скорость реакции. Огромный интеллект. Судьба нас через какое-то время очень сблизила, и все наши встречи вначале были продиктованы моим большим интересом к иглоукалыванию. А он был одним из первых специалистов по иглотерапии в Казахстане, не считая тех нескольких людей, которые приехали из Китая. Где он почерпнул это умение? У него было много источников и очень много контактов, но, я думаю, что он был той самой уникальной личностью, которая смогла из всего, что приходило к ней, создать целостную картину данного предмета. Наши занятия продолжались много лет. Он был учителем не только в медицине. Его философские воззрения, его знания в вопросах теологии всегда приводили меня в восторг, они давали очень много для моего развития. Он был первый человек, от которого я услышал о Каббале, он дал ей прикладное применение, увидев в её законах прямое отношение к иглотерапии. В этом ничего странного не было, ибо иглотерапия в своей философской основе использует законы космогонии.

Александр Борисович был человеком открытым для любого разговора. Поражала его абсолютная энциклопедичность, не было области знаний, в которой он был бы несведущ. Заходил ли разговор о поэзии любой эпохи, о том, какой была мода при дворе того или иного французского короля, об истории инков, о том, что сейчас происходит в Австралии, о самураях... Всё, всё для него - открытая книга. Блестящий собеседник, замечательный, добрый друг, который мог ценить все человеческие порывы. Мне кажется, он открыл для меня всю красоту и всё многообразие мира.

Астрочеловек и река времени

К сожалению, рукопись его главной книги «Размышления об иглорефлексотерапии» (Алма-Ата, «Казахстан», 1991) обрывается на полуслове, об этом пишет в послесловии её редактор С.Х. Амирова. Автор книги очень рано ушел из жизни. Рукопись осталась незаконченной, и это больно осознавать, зная, какой она была задумана. Предполагалось ясно и просто объяснить сложные и запутанные правила лечения, ибо автор сделал много настоящих открытий в этой области, много осмыслил и понял. В последнее время он пытался сформировать с помощью математического аппарата понятие им закономерности и доказать, что они едины для всей природы. Но так случилось... Книга содержит много интересных и неординарных мыслей, некоторым они покажутся спорными, ибо там, где идут кропотливая работа и напряжённые раздумья, ошибки неизбежны. Надо только помнить, что исходя из этих философских взглядов и размышляя именно так, автор помог встать на ноги очень многим.

Книга могла быть несравненно лучше, если бы он сумел довести её до конца. Ведь в сущности перед нами черновик в первом приближении. Писал его смертельно усталый и смертельно больной человек по ночам, после 16 часов работы с людьми. И полагал, что впереди у него ещё есть время...

И в заключение - ещё несколько слов об авторе. Александр Борисович иглотерапии посвятил 27 лет своей жизни, хотя по специальности был нейрохирург и достиг в этой области больших успехов. То были годы напряжённой работы и днём и ночью. Он был сильным человеком и не позволял себе отдыхать. Он автор многих печатных работ и нескольких изобретений. Но главная его заслуга - исцелённые люди, которым часто уже никто не мог или не хотел помочь. Он обладал массой способностей, знания его в различных областях были поразительны. Ему было свойственно понимание целостности мира, любовь ко всему живому, желание помочь и облегчить участь человека, поражённого недугом.

А книга его... Что ж, это намёк на тропинку, по которой можно идти мыслящему человеку, чтобы увидеть свет в конце тоннеля. Люди, знающие и обладающие более острым умом, расширят эту тропинку до настоящей дороги.

2009 г.

Двое. Семён Зихерман и Мария Штейнберг

Они прожили вместе более полувека. И сейчас, когда его не стало, она, вспоминая прожитые с ним годы, воспринимает их как один большой день, который промчался настолько стремительно, что, перебирая в памяти те или иные волнующие подробности бытия, с удивлением обнаруживаешь, что между этими подробностями пролегли десятки лет.

Война случилась ещё до того, как они встретились, за пределами полувекового совместного проживания, но война была для них, безусловно, тем связующим фактором, который, как ни странно, сроднил, быть может, сильнее всего на свете. Там над судьбами

тех, кто ею был опалён, витала общая, понятная всем, боль, там были утраты людей, таких родных и близких, что и десятилетия спустя сердце отказывалось верить в их гибель, отзываясь стенокардией на горестные воспоминания.

Теперь, когда его не стало, она в сокровенные минуты, отнесясь от настойчивых голосов и обстоятельств, перебирает фотографии, поблекшие за далью лет, но ставшие неотъемлемой частью их жизни. И глядя на эти немые свидетельства минувшего, на которых ты головокружительно молод и даже легкомыслен, осознаёшь огромность жизни и её неповторимость и как бы впрямь слышишь гул времени, едва уловимый шорох крыльев пролетающих над тобою мгновений.

Как молоды мы были...

Среди фотографий - два листка белоснежной бумаги, отпечатанные, судя по всему, на заре компьютерной эры. Строки - внятные, чёткие - несут в себе штрихи жизни Семёна Залмановича Зихермана, ветерана войны, военврача, кандидата медицинских наук. Написано это было, наверное, ещё к полувековому юбилею Победы для праздничного стенда в мединституте. Чуть выше текста отсканирована фотография. На ней он в гимнастёрке с лейтенантскими погонами. Филигранно-чёткий полупрофиль, взгляд отведён чуть в сто-

рону, в перспективу собственной судьбы. Гимнастёрка застёгнута наглухо, в соответствии с тем суровым временем, но кромка белого подворотничка оттеняет нерастраченную пока ещё молодость и возможность скорого счастья. Даже в годы войны человек жил надеждой на лучшее.

Она в который уже раз перечитывает вполголоса текст, несущий на себе печать праздника, хотя речь в нём идёт по большей части о суровых военных реалиях. О том, с каким радостным волнением он, студент выпускного курса, ждал окончания учёбы в институте, какие грандиозные планы строил на будущее, не беря в расчёт войну, которой никто не ждал. Но война разразилась как гром среди ясного неба и в одночасье переменяла всё. Уже через две недели после получения диплома выпускник Казанского стоматологического института был призван в армию и прикомандирован в лагерь для военнопленных «Елабуга» в должности зубного врача...

Стоп. Она прерывает чтение. В тексте этого нет, но в жизни была одна подробность, о ней нет-нет, а и вспоминал Семён. Их, студентов-выпускников, на призывном пункте выстроилась к военному целая очередь. Пред ним стоял парень-татарин. И вот он говорит Семёну: мол, я отлучусь на минуту, пойду перекурю. И только он отошёл, как их сразу кликнули в кабинет. Видно, в порядке очередности Семёну и выпало ехать в Елабугу. А тот парень-татарин, что вошёл теперь уже следом, тоже в порядке очередности был послан на передовую, где и погиб через три месяца. Семён и жалел того парня, и понимал: от судьбы не уйдёшь. Да и не располагала война к сантиментам. Там события взяли в такой оборот, что лишь успевай, поворачивайся...

Королева инвалидов

У неё тоже была своя фронтовая одиссея. А как вы думали? Ведь Мария Яковлевна Штейнберг - хирург-военврач. Всю войну работала в госпиталях.

- Для меня война - это осажденная Одесса, - вспоминает она. - Мне было 18 лет - я только что закончила школу и поступила в мединститут. И вот, представляете: наш дом разбомбили! Мы потом жили в подвале, и я работала в госпитале. Причем, работала почти до сдачи Одессы - нам удалось эвакуироваться за неделю до того, как Одессу пришлось сдать. Нам очень помог один главный инженер телефонной станции. Если бы не он, не знаю, что было бы!

По дороге наш состав бомбили: было 36 вагонов, осталось 12. До сих пор с трудом верю, что мы уцелели. Нам говорили, что мы едем в Ташкент, но Ташкент нас не взял. Нас направили в Сибирь. Но мы были раздеты, а стоял уже ноябрь месяц. Это что же нам в Сибири - замерзнуть? И вот стоим мы километрах в шести от Алматы первой, ждем непонятно чего. Вижу, загорелся зелёный сигнал светофора. Я думаю: ах, так! Выбрасываю из вагона все вещи, высаживаю прямо на обочину рельсов маму с бабушкой. Помню, там был лог, нам ещё добрые люди помогли спуститься вниз, а потом перейти на другую сторону лога. А поезд укатил в сибирские морозы. Вот так! С нами вместе еще одна семья успела сойти с поезда.

Я отправилась пешком на Алмату первую, достала подводу. В общем, приехали мы на станцию, расположились в скверике напротив вокзала. Шел дождь - представляете! А я уже знала, что наш Одесский мединститут эвакуирован в Алмату. Для меня это было крайне важно: как-никак, я все-таки студентка-первокурсница, я же поступила в институт! Приехала я на Алмату вторую, разыскала общежитие мединститута, нашла своих соклассников - они поступали вместе со мной!.. Дальше всё понятно, да? Я закончила институт, лечебный факультет. Я всё успела - у меня уже был маленький ребенок. Меня хотели, было, послать в Семипалатинск, но куда я с двухмесячным дитём? И я пошла работать в военный госпиталь, в хирургию - это в центре города на теперешнем проспекте Абылай-хана. Это, знаете ли, было золотое время для нас, молодых, потому что там рабо-

тали профессора Сызганов, Брякин, Райс, Фрумин - было у кого учиться! Я у них прошла всю практику, кончила хирургическую ординатуру. И стала работать хирургом в больнице скорой помощи у профессора Брякина. Я не стояла на месте, я повышала свою квалификацию, пока не стала хирургом высшей категории.

Но это уже после войны. А в осажденной Одессе я работала в госпитале, куда поступали раненые первого этапа, мы им оказывали неотложную помощь: останавливали кровотечение, делали перевязку и отправляли в тыл. Так вот потом, в Алмате, я как бы лечила дальше тех самых раненых, которых отправляли в тыл. Они лежали у нас по нескольку месяцев, до полного выздоровления. Мы были им не только врачами, но и друзьями, старались поддержать их морально, поднять им дух. Многие потом вернулись на фронт. Ну а те, что получили инвалидность, долечивались у нас.

И потом, много позже, уже став опытным врачом, я, не щадя сил и энергии, работала с инвалидами, участниками Великой Отечественной. Они у меня были все на учете, я вела на них отдельную картотеку, знала все их нужды: кому какое надо лечение и лекарства, кому получать квартиру, кому изменить группу инвалидности. Приезжала комиссия из Москвы, проверяла нашу работу, и нас назвали поликлиникой передового опыта. А меня сделали председателем городской врачебно-окружной комиссии по организации работы с инвалидами-фронтовиками. Меня в шутку называли «королевой инвалидов». Я и мужа заставила вести картотеку участников войны. Это не просто карточки, говорила я ему, это «ЖЗЛ», на них запечатлена жизнь наших замечательных людей, наших фронтовиков-ветеранов. Я имела право так сказать, я знала о них всё - «от» и «до».

Потом я была в военкомате хирургом-экспертом по городу Алмате, работала с призывниками. Так получилось, что я, человек сугубо гражданской профессии, всю жизнь была связана с армией.

На пенсию я пошла в 55 лет, но после этого еще 20 лет было отдано врачебному труду. Лишь в 75 лет я уволилась с работы. Можно сказать, что как врач я и поныне не теряю связь с военкоматом.

Когда я была в туристической поездке во Франции, я посчитала своим долгом почтить память французов-антифашистов, и возложила цветы к мемориалу участников Сопротивления. Там, в Версале, возлагая цветы, я вспоминала все свои прожитые годы. Я думала о том, что жизнь прожита не зря, и если бы вернулась молодость, я бы с удвоенной энергией принялась хлопотать о здоровье редееющей гвардии фронтовиков - ветеранов войны...

Да, что это я всё про себя да про себя! Вы бы послушали, как Семён рассказывает про войну. А ему было, что вспомнить.

Фельдмаршальский китель для Паулюса

Семён был прикомандирован к лагерю для военнопленных «Елабуга» в должности зубного врача. Впрочем, зубоврачеванием заниматься ему почти не довелось - среди пленных были свои хорошие зубные врачи. Но тут сказалось прекрасное знание Семёном немецкого языка, а потому ему пришлось выполнять разнообразные задания начальника лагеря: работать на «сортировке» пленных, бороться с эпидемией сыпного тифа, быть сопровождающим военнопленных при их перемещениях из одного лагеря в другой. Перемещения эти были непростыми, связанными с дальними переездами по железной дороге, а это сплошные бомбёжки, страшная неразбериха, попасть в вагон даже с билетом на руках было не так-то просто. Пленные же оказались почти сплошь дистрофиками, хотя рацион питания у них был такой, что нашим солдатам это и не снилось - там и белый хлеб, и колбаса. Семён, бывало, на свой страх и риск даст проводнику буханку белого хлеба, тот теряет дар речи и старается предоставить лучшие места в вагоне. Главное было не до-

пустить потерь в дороге, доставить всех пленных живыми в новый пункт назначения. Семёну это всегда удавалось.

За время войны ему довелось служить в трёх таких лагерях. Запомнился последний, в Красногорске, что в Подмосковье. А запомнился он тем, что после разгрома фашистов под Сталинградом, сюда попал командный состав, генералы - причём не только немцы, но румыны, и венгры.

Его удивляли тупая любовь и внимание немецких генералов к собственной персоне, своему чину. По логике вещей, после такого позорного поражения, которое потерпела армия Паулюса под Сталинградом, командующий разгромленной армии должен был бы пребывать в унынии, ощущать свою вину хотя бы перед теми сотнями тысяч солдат, что навсегда остались в земле Сталинграда. Ан нет! Тут ещё и Гитлер разыграл комедию: несмотря на то, что армия Паулюса находилась в окружении, фюрер присваивает ему звание фельдмаршала, дабы воодушевить генерал-полковника на ратные подвиги. Находясь в плену, Паулюс больше всего обескуражен был тем, что у него нет фельдмаршальского мундира! Окольными путями, через Турцию, он сумел передать своей жене, находившейся в Греции, просьбу: переслать ему новый мундир. И что вы думаете? В день своего рождения он щеголял в обнове, а жалкие остатки его армии выстроились перед ним в шеренгу, готовясь, как видно, церемониальным шагом приветствовать своего горе-полководца...

Парадоксы войны

Она откладывает в сторону листки бумаги и вновь перебирает фотографии. Вот он в форме врача Тихоокеанского флота на Дальнем Востоке - ему и там довелось служить целых пять лет, с 1950-го по 55-й. А вот фотография, сделанная чуть раньше, сразу же после войны, в Подмосковье, где, собственно, они и встретились. И тотчас после знакомства стали жизненно необходимы друг другу и уже друг без друга представить своих судеб не могли...

А это что? Среди фотографий - ещё два листа бумаги, исписанных его спешным почерком. Ах, да! Помнится, он писал свои заметки военврача в медицинский журнал, но, видно, так и не отправил их. О, там описан удивительный случай, не имевший, наверное, аналогов в истории второй мировой войны. Вы можете себе представить еврея в форме солдата вермахта? Бред какой-то, не правда ли. Но не торопитесь с выводами - в жизни чего только не бывает. Там, в Красногорске, среди военнопленных Семён встретил группу венгерских евреев. Гитлеровские молодчики, вопреки здравому смыслу, сумели даже их приспособить к своей войне, напялив на них немецкую форму и поставив - нет, не под ружье, это уж слишком! - поставив их на возведение оборонительных сооружений. И вот эти бедолаги вынуждены были носить ненавистную им форму и какое-то время делать опять же ненавистную им работу. Ну и, конечно, они разделили вместе со своими немецкими сослуживцами все прелести плена. Но вы уже, наверное, поняли, что лагерь для немецких военнопленных весьма и весьма отличался от лагеря наших пленённых солдат в Германии. Ну разве там возможен был бы случай, описанный Семёном Залмановичем Зихерманом в его письме.

Однажды, пишет он, проходя мимо дверей клуба, я услышал знакомые с детства мелодии и голос кантора. Я зашёл в клуб и онемел от удивления: шло праздничное богослужение, точь-в-точь как в синагоге. Все стоя молились, были накрыты талесами, многие держали в руках молитвенники! Хазан во весь голос (понимаете, во весь голос!) вёл службу.

Потрясённый увиденным и услышанным, Семён вышел из клуба, пытаюсь найти объяснение этому из ряда вон выходящему событию. На другой день он встретил начальника медицинской службы лагеря майора Наталью Моисеевну Радуцкую-Магнитову. Она кипела гневом: оперативники устроили ей разнос - это она разрешила евреям провести бого-

служение в клубе. Она, что говорится, «отшила» оперативников по всем статьям. Лагерное начальство, играя на религиозных чувствах немцев, разрешило католикам и протестантам проводить молитвенные собрания, им даже купили хорошее вино для причастия (за казённый счёт!). А евреи - чем хуже они? Кто дал право - даже здесь, в лагере, - ущемлять их по национальному признаку? В конце концов, они не стреляли в советских солдат.

Оперативники вынуждены были ретироваться под натиском доводов этой пожилой, но весьма решительной дамы.

А дальше всё развивалось логично и закономерно. Вскоре полковник Свобода, будущий президент Чехословакии, организовал из числа пленных чехов и словаков дивизию для борьбы с гитлеровцами, венгерские евреи присоединились к ней (а их было несколько сот человек) и все ушли на фронт, неся возмездие фашистам...

Золотые руки стоматолога

Она откладывает в сторону неотправленное письмо. У него была ясная память и просто дар литератора. Сколько же было энергии в этом человеке! В свои 85 лет он делал зарядку, совершал длительные пробежки, регулярно посещал бассейн. А какие у него были руки! Вообще, у врача-стоматолога должны быть умелые, ловкие руки, но ведь они были у него умелыми и ловкими во всём, к чему бы ни прикасались. Он и плотник отменный, он и электрик, водопроводчик, сантехник. Он мог побелить, наклеить обои и грамотно вбить в каменную стену гвоздь. Да что там говорить! Золотые руки.

Он родился в Риге, а лет с десяти жил в Казани. Его родители - простые люди, без образования, в своё время занимались мелким кустарничеством, чтобы заработать на кусок хлеба, но их всё время держали за кулаков. Человек копейку заработает, её надо у него отнять - тут Советская власть была очень последовательна. Можно подумать, что голодранец и лодырь - это и есть примерный гражданин. Да ещё чтобы у него Б-га не было в душе... Отец шил шапки, мать делала плиссированные юбки, Семён был у них на подхвате: вырезал из ватмана формы для плиссировки, лихо строчил на швейной машинке.

В институт его не приняли - как же, сын кустаря, социально чуждого элемента! Тогда он уехал в Бишкек, два года мотался там по полям и горным кручам в какой-то экспедиции, заработал стаж, вернулся в Казань и поступил в мединститут. Вообще-то, он хотел стать химиком, но чуть припозднился в дороге, приём документов на химфак был уже завершён. Что делать, как быть? И вот, мучась этим вопросом, едет он в трамвае, а какая-то добрая женщина читает газету, и он краем глаза видит объявление, что в мединституте идёт приём на стоматологию. Вот я и поступлю туда, чтобы не терять время, решил он, и решил правильно - стоматология стала его судьбой. Будучи выпускником, он даже начал писать кандидатскую диссертацию, но - война...

А диссертацию он защитил уже после войны, и был прекрасным практиком, и был хорошим педагогом. Его давно нет в живых, а ей, жене стоматолога, до сих пор звонят люди: где наш Семён Залманович - где наши золотые руки?..

2005 г.

Йосиф Барон. Где же вы теперь, друзья-однополчане?..

В канун Дня Победы отмечал свой день рождения ветеран Великой Отечественной войны и ветеран труда Йосиф Самойлович Барон, личность во многом легендарная, ибо без него невозможно себе представить историю нашей южной столицы. Он был одним из тех, кто с первого колышка возводил под Алма-Атой Институт ядерной физики и сам ядерный реактор. Юрист по образованию, Йосиф Самойлович был зам. директора по общим вопросам (а в 60-х годах - зам. главного инженера) этого уникального строящегося объекта. А что такое «общие вопросы»? Это вся рутинная, текущая работа, вести которую должен человек бывалый, знающий, инициативный, с несгибаемой волей и безмерным терпением. «Мы полтора года добивались выделения участка под строительство института, - вспоминает он. - Сколько

инстанций прошли, сколько затратили сил!..» И еще Йосиф Самойлович вспоминает, как он «выбывал» - брал, что говорится, с боем - наисложнейшее оборудование для реактора, для лабораторий, обслуживающих его.

Но все это - в конце 50-х и в 60-х годах минувшего столетия. А еще раньше, как мы помним, в «роковых сороковых» была война, и прежде чем случиться всей дальнейшей жизни надо было отстоять у злой нечисти право на эту жизнь. Право на то, чтобы видеть небо и солнце над головой, слышать смех детей, шелест листвы и просто дышать. Йосиф Самойлович Барон был среди тех, кто отстоял для нас с вами это право.

«Главное в нашем деле - конь»

Писатель Морис Симашко рассказывал, что в начале войны под Ашхабадом в летном училище, курсантом которого он был, висели изречения Суворова «Пуля дура, а штык молодец» и Буденного «Главное в нашем деле - конь». Все просто: до войны там находились казармы кавалерийского полка. Так вот, то, о чем мы рассказываем, никакого отношения к тому анекдотичному случаю не имело. Подобные плакаты действительно висели, и в том был свой прямой резон, в казармах Второго конного корпуса (комкор Криворучко - настоящий, бравый казак-рубака!), что дислоцировался в Новоград-Волынской Житомирской области. Именно там еще в начале 30-х годов проходил действительную службу, осваивая азы военной науки, Йосиф Барон. Как он попал в кавалерию? О, это дело случая. Председатель призывной комиссии его, городского парня, спросил:

- Ты хоть на лошади ездил?

- Ездил. На карусели.

- Ничего, научишься.

И скажу я вам, вспоминает Йосиф Самойлович, городские ребята меньше падали с лошадей, чем деревенские. Конечно, сельские парни с детства ездили верхом, но на каких лошадях? А тут - что ни конь, то огонь! У нас было два «партизана» - два старых коня, участника гражданской войны. Они находились, так сказать, на заслуженном отдыхе, но каждый из нас знал, что даже рядом с ними надо быть настороже. Перед сигналом «Кончай уборку!» их надо было быстренько отвязать, иначе сорвутся с привязи. Потому что они усвоили, что после этого задают корм, а значит, надо по-скорому бежать в свой станок, в чужой - ни-ни! - не зайдут.

Как сейчас, помню своего коня. Кличка - Каспиец. Гнедой с белой звездочкой во лбу. Красавец! Высокий, статный, сильный конь. Но, сказать по правде, шашкой я рубал плоховато, меня уже тогда определили в политруки. Как определили? По образованию. Я, как-никак, рабфак закончил. Хотя, если строго следовать фактам, вначале я закончил пять классов еврейской школы. Это - фундамент, основа основ. Дальше - все остальное.

Как начинаются войны

Война застала меня в родном городе Дунаевцы Каменец-Подольской области. Я работал цензором, курировал всю печатную продукцию города. Война, конечно, ошеломила, но особой неожиданностью для нас не была. Правда, мы не предполагали, что немцы так быстро дойдут до наших мест: в Дунаевцы они вошли уже на четвертый день. Но до этого недели за две-три все бурлило, в воздухе пахло грозой. Меня, помню, вызвали в военкомат: «Надо отвести отряд добровольцев в Самбор (это у самой границы!), ты назначаешься комиссаром. А вот и командир, знакомьтесь». Мы с капитаном откозыряли друг другу. И еще, помню, сказали нам: «Врача мы вам дать не можем, дадим фельдшера с опытом». Отряд - мягко сказано. Там колонна целая, мы сразу же стали на роты разбивать людей. В общем, мы успели доставить их к месту назначения, сразу же вернулись и лишь поэтому остались живы, а они там все полегли. Ну, тут у нас не было хитрого умысла, чистая случайность. Нам предстояло еще долго-долго отступать, сдерживая натиск превосходящих сил противника, как говорилось в сводках.

В первый же день меня назначили заместителем начальника военкомата города по мобилизации. А что такое мобилизация? Слезы, плач, крик. Женщин - врачей, медсестер - отправляли на фронт ночью, но все равно крик стоял до седьмого неба. Кстати, из призывников нашей области сделали санбат. Его отправили куда-то на север. И что интересно: они земляков своих не видели до... до моего ранения. Но это будет года через два. А за эти два года война, что говорится, дала нам прикурить.

По путям-дорогам фронтовым

Я попал политруком роты в 13-ю стрелковую дивизию генерала Родимцева на Центральный фронт. В Волгограде есть улица им. 13-й стрелковой дивизии, а параллельно с ней - улица генерала Родимцева. Но до Сталинграда мне дойти не довелось, хотя очень стремился туда попасть: в одночасье покидая Дунаевцы, мы сговорились с мамой, отцом и сестрой там встретиться. Все равно что иголку в стог сена найти...

...Случилось это под Курском. Был приказ: отбить хуторок у немцев. Нам хуторок тот нужен был, как журавлю колокольчик. Но приказы не обсуждают, тем более на фронте, - их выполняют. Во время атаки у меня за спиной разорвался снаряд. Парень рядом со мной был убит, меня хлестануло осколками в ногу. Я тогда еще не знал, что это мой последний бой. Я не знал тогда и того, что поврежден нерв, и у меня впереди бесконечная череда операций и госпиталей. В ту минуту я мыслил конкретно: слава Б-гу, у меня есть два перевязочных пакета.

Неподалеку я увидел стожок прошлогодней соломы, ползком добрался до него, сделал выемку, влез в нее. Потом разорвал штанину и бинты из двух пакетов намотал на ногу. Они мгновенно пропитались кровью. Из своего укрытия я видел, что дела мои плохи: своих в поле зрения никого, а вот немцы приближаются. Оружие было при мне, и я решил, что живым немцам не дамся.

Но удача в тот день была на моей стороне. Мне на счастье откуда-то взялся наш взвод. Немцев он отогнал. Я выполз из соломы, тут и ребята ко мне подбежали. Положили на плащ-палатку, понесли. И вынесли прямехонько на генерала Родимцева. А он дня за три до этого у меня в роте побывал, так что он меня еще помнил: «Что, политрук, досталось?» С ним была врач, он говорит: «А ну посмотрите, что у него там». А что тут смотреть? Она поверх моих двух бинтов намотала третий, положили меня на подводу, что снаряды перевозила, - вот и вся неотложная помощь.

Возница довез меня до поворота, дальше ему со снарядами в одну сторону, мне - в другую. «Ну, злізай». - «Як же я злізу?» Он лишь головой покачал: «Дывись, хлопцю: вон там собирають ранених. Мне туда нет пути». И уехал. А я на четвереньках километра два полз к тому месту. Дополз, а мне там старухи какие-то говорят: да, тут целый день соби-

рали раненых, но уже уехали и сказали, что больше не приедут. Все, думаю, прибыли - финиш.

И вдруг вижу - идет полуторка, причем, нашей дивизии. В общем, я мотался на той полуторке с осколками в ноге почти сутки, пока мы выбрались к санчасти.

Хождение по мукам

Первую неотложную операцию мне делали в лесу, в палатке, где-то рядом с селом, названия которого я и не помню. Было это в конце октября, но осень стояла теплая, даже порой было жарко. А может, у меня просто был жар?.. Операцию делали без наркоза. К хирургу - а хирург пацан, студент пятого курса - подошла старшая медсестра и говорит: «У нас наркоз кончился». Он смотрит - осколок глубоко сидит, но деваться некуда: будем, говорит, делать операцию без наркоза. Такое тогда было сплошь да рядом.

А дальше... дальше было далеко не увлекательное путешествие по военно-полевым госпиталям. И вот однажды меня на носилках (ходить сам я уже не мог) подносят к столу старшей медсестры и, как обычно, вопросы по формуляру: фамилия, год рождения, где родился... На последний вопрос отвечаю: в Дунаевцах Каменец-Подольской области. Она вдруг как вскинется: «Где?!» Ее как ветром с места сдуло: «Таня! Николай Петрович! Вы только посмотрите, кто к нам прибыл? Дунаевчанин!» - «Да ты что!..» И сразу же ко мне с расспросами: вы такого-то знали? Да я в Дунаевцах всех знаю и меня знают все. «Б-же мой! - это уже Николай Петрович, нач.госпиталя. - Ко мне в отделение». Вы не можете себе представить, какое это было счастье!..

Ну, а когда чуть позже меня стали отправлять в тыл, я сам взмолился: «Николай Петрович! Оставьте меня у себя». А он: «Не могу. Я у себя оставляю только легко раненых. Вы не смотрите, что нога вроде цела и на месте. Вы тяжело раненый, вам месяцами предстоит лечиться. Там, в тылу, только в тылу. Потом предстоит заново научиться ходить. И научиться жить, война ведь кончится однажды. И у нас с вами дальше будет большая-пребольшая жизнь»...

В День Победы

9 мая Иосиф Самойлович Барон, как из года в год в этот день, наденет парадный костюм при орденах и медалях и пойдет в парк имени гвардейцев-панфиловцев. Он добредет до вечного огня и рядом с такими же как и он ветеранами-фронтовиками будет смотреть на струистое пламя, вспоминая прожитую жизнь.

Потом он вернется домой и будет поджидать в гости сына. В этот день они поднимут с сыном горькую чарку вина - за нашу общую победу над врагом. За тех, кто вернулся с поля боя, и за тех, кому не суждено было вернуться. За самых близких и родных - за тех, кто рядом, и за тех, кто безвременно ушел в мир иной, оставив в сердце неутраченную боль. Они поднимут тост за именинника, за эту жизнь, такую непростую, но единственную, дарованную Б-гом каждому из нас.

А потом... Потом произошло неизбежное - то, что итожит жизнь каждого из нас. И в газете «Шалом» появился некролог. Вот он слово в слово.

Печаль моя светла...

Еврейская община города понесла невосполнимую утрату. На 94-м году жизни скончался замечательный человек, участник Великой Отечественной войны, ветеран труда, крупный специалист в сооружении уникальных объектов Иосиф Самойлович Барон.

Каждый год 9 мая в День Победы он надевал парадный костюм при орденах и медалях и шёл в Парк имени 28-ми гвардейцев панфиловцев к вечному огню. И даже когда ему, Иосифу Самойловичу Барону, было за девяносто, и силы были уже не те, он не изменял этой традиции. И стараясь ступать по возможности более твёрдым шагом, он до-

бредал до вечного огня и рядом с такими же, как он сам, фронтовиками-ветеранами смотрел на струистое пламя, вспоминая прожитую жизнь.

А жизнь была неохватно большой, в неё уместилось так много событий, что она уже напоминала многосерийный фильм, и о ней нужно было вспоминать частями, чтобы не упустить какие-то важные подробности. Вначале там была теперь уже далёкая пора детства и молодости, она случилась ещё до войны, и его родной городок Дунаевцы Каменец-Подольской области был безмятежно тих и светел, его ещё не коснулись зловещие отблески июня 41-го года. Вопреки своей молодости Иосиф Самойлович занимал ответственную должность - был цензором, курировал всю печатную продукцию города. И потом всю жизнь ему доставалась такая работа, когда приходилось на себя брать ответственность, и он от этого никогда не уклонялся. В первый же день войны его назначили заместителем начальника военкомата города по мобилизации, и здесь надо было проявлять и твёрдость характера, и гибкость, и мудрость. Потом он стал политруком роты в легендарной гвардейской стрелковой дивизии генерала Родимцева, а это опять же ответственность за людей, которые идут в бой, идут, быть может, на смерть. И он шёл рядом с ними, и это длилось два года, пока во время одной из атак у него за спиной не разорвался снаряд, он получил тяжёлое ранение, и начались мытарства по госпиталям. И здесь уже надо было принимать ответственность за собственную жизнь, бороться за неё, чтобы она не прервалась до срока. Ранение было очень тяжёлым, и предстояло не только залечить рану, но и, по сути дела, научиться ходить заново. А потом научиться заново жизнь уже в мирной жизни. Приобрести профессию. Создать семью. Вырастить сына.

Историю Алматы невозможно представить себе без этого человека. Достаточно сказать, что он был одним из тех, кто с первого колышка возводил под Алма-Атой Институт ядерной физики и сам ядерный реактор. Три года назад «Шалом» уже писал об этом. О том, что юрист по образованию, Иосиф Самойлович занимал ответственный пост заместителя директора по общим вопросам (а в 60-х годах был заместителем главного инженера) этого уникального строящегося объекта. Надо ли объяснять, что такое «общие вопросы»? Это вся текущая, рутинная работа, вести которую должен был человек очень ответственный, и в то же время бывалый, знающий, инициативный, с несгибаемой волей и безмерным терпением. Он часто вспоминал о том, как ему доводилось «выбивать», т.е. брать, что говорится, с боем наисложнейшее оборудование для реактора, для лабораторий, обслуживающих его...

Нельзя не сказать и о том, что Иосиф Самойлович вырастил достойную смену. Его сын Александр Барон - один из тех, кто стоял у истоков возрождения еврейской жизни в Алматы. Он является членом Ассамблеи народов Казахстана, представляя в ней нашу еврейскую общину. Он возглавляет Ассоциацию еврейских общин республики. Евроазиатский еврейский конгресс, Еврейский конгресс Казахстана, раввинат республики и редакция газеты «Шалом» выражают ему искренние соболезнования в связи с тяжёлой, невозполнимой утратой - кончиной отца.

Последние годы давал знать о себе преклонный возраст, Иосифа Самойловича одолевали хвори, но он не поддавался им, являя собой пример стойкости, жизнелюбия и удивительной приветливости. Он нёс в себе светлую мудрость и доброту, которые притягивали к нему людей. Он прожил большую, достойную жизнь.

Похоронен Иосиф Самойлович Барон группой «Хевра Кадиша» по еврейскому закону. Да пребудет душа его в Ганн Эдене.

2005-2007 гг.

Вместе на этом пути

При Алматинской синагоге в начале двухтысячных выходила газета с оптимистичным названием «Шалом». Мне выпало редкое и трудное везение - в течение пяти лет я был ее редактором. И единственным, по существу, сотрудником. Ну разве что ещё техред, он верстал газету, доводил её до печатного станка. Разумеется, всё это под неусыпным доглядом наших раввинов - Ешаи и Эльхонана Когенов. Вышло 100 номеров. Причем, из номера в номер газету открывала колонка «Вместе на этом пути» за подписью Александра Машкевича. Собственно, без него выход газеты был бы едва ли возможен. Он финансировал её издание, он буквально пестовал её, и это была ещё одна сторона его бесценной меценатской деятельности.

В 2004 году Александр Антонович отмечал своё пятидесятилетие. Отмечал в Париже в «Буддо-баре», а потом в Лидо на Елисейских полях. Раввины возложили на меня почётную миссию: передать поздравление от их имени - вручить подарок, приветственный адрес и спецвыпуск «Шалома», посвященный юбилею. Собственно говоря, всё в том номере «Шалома», от первого словечка до последнего, пришлось писать мне. Обычная газетная практика. Я постарался быть предельно полифоничным, я взял интервью у сподвижников Александра Антоновича, у людей, хорошо его знающих. Я вложил в эти интервью всю свою душу, я постарался передать всю глубину мыслей и чувств поздравляющих, их интонации, их дыхание.

Прошли годы и годы, а тексты эти не утратили новизны. И было бы несправедливо, если бы они канули в лету.

Пусть они ещё раз прозвучат на страницах этой книги.

Золотой юбилей Александра Машкевича

*Главный раввин Казахстана р. Ешая Коген:
«Человек, идущий путями Всевышнего»*

В Талмуде сказано, что тремя путями можно узнать человека: кто он такой? *Де косо, бе косо, убека осо.* То есть по его карману, по его стакану и по его гневу. Александр Машкевич - человек, который не жалеет деньги, добытые нелегки трудом, жертвуя их на добрые дела. Он выделяет огромные суммы денег на строительство синагог и на содержание их, на важные акции хэседа - причем, не только в Алматы и не только в Казахстане. Ведь филиалы Евроазиатского еврейского конгресса, возглавляемого Александром Антоновичем, есть в двадцати восьми странах мира...

Если следовать Талмуду, то дальше проверять этого человека не надо. Последние семь лет, которые я лично знаю Александра Антоновича и которые мы идем с ним рука об руку, шаг за шагом, я вижу не только щедрость, с какой он помогает людям. Он не подразделяет людей по ранжиру, он одинаково внимателен к любому человеку. Потому что он знает: его богатства - дар от Б-га, и гордиться, что ты отмечен этим даром свыше, нельзя.

Я видел много раз, как он обращается к Б-гу. По-моему, нет дня в его жизни, который бы он ни начал с молитвы к Всевышнему. Он никогда, ни при каких обстоятельствах не забывает, кто истинный Хозяин Мира. А про человека, каждодневно и ежечасно помнящего о том, Кто Хозяин Мира, Сам Хозяин Мира не забудет никогда - Он будет помнить о нем тоже ежечасно и каждодневно.

Что пожелать Александру Антоновичу на его *Йовель Шаним* - первый пятидесятилетний юбилей? А пожелать ему хочется, чтобы он справил еще два таких *Йовель Шаним*

- еще два таких же пятидесятилетних юбилея. Чтобы он радовал нас своими успехами и добрыми делами.

Дай Б-г ему удачи во всех его начинаниях! Пусть хранит его Г-сподь во все дни его жизни, пусть Он хранит его на всех благих путях, которые ему предначертано в жизни пройти!

Крепкого здоровья Вам, Александр Антонович, и долгих лет жизни!

Искренне Ваш -

р. Ешая КОГЕН,

главный раввин Казахстана.

Доктор педагогических наук, профессор Григорий УМАНОВ:

«Меня потрясает его неумная энергия!»

Александра Антоновича я знаю со времени защиты им кандидатской диссертации по теории педагогики в Бишкеке, тогда это был город Фрунзе. Дело в том, что Александр Антонович выполнял свою кандидатскую работу под руководством моего большого старшего друга профессора Азиза Эминовича Измайлова. У него защищалось достаточно большое число кандидатов наук, и вот одним из таких молодых талантливых ученых был Александр Антонович. Я читал его автореферат, его публикации. Это были очень серьезные научно-педагогические работы, они запомнились мне своей основательностью и глубоким анализом рассматриваемых проблем.

Потом обстоятельства сложились так, что много лет мы не общались, повода не была. Вторая наша встреча состоялась уже перед созданием Еврейского конгресса Казахстана, создание которого инициировали главный раввин Казахстана р. Ешая Коген и Александр Машкевич. Александр Антонович попросил меня возглавить первое учредительное заседание конгресса, я председательствовал на нем. И уже после этого наше сотрудничество стало достаточно тесным и постоянным.

Учредительное собрание проходило в Алматы, в гостинице «Анкара», оно было очень многолюдным. На нем присутствовали представители правительства, администрации Президента, министры, видные общественные деятели. То было более чем значимое событие, это был первый столь представительный форум, когда еврейская общественность Казахстана заявила о себе столь весомо и серьезно.

Что меня прельстило при этом, почему я согласился председательствовать на первом заседании Конгресса, это прежде всего то, что Александр Антонович сразу поставил задачу не изолироваться от той общественной жизни, которой живет республика. Мы не можем существовать в некоем отдельном пространстве, мы казахстанские граждане со всеми вытекающими отсюда последствиями - с учетом тех конкретных требований, которые нам предъявляет жизнь. Кстати, то первое учредительное заседание я вел на трех языках: казахском, русском и на идиш (иврита я, к сожалению, не знаю).

Но вернемся к личности Александра Антоновича. Меня потрясает - другого слова я просто не нахожу в данном случае - его неумная энергия. Я не знаю Александра Антоновича как бизнесмена, наши с ним жизненные судьбы никак не пересекались в этом плане. Но я знаю его как крупнейшего общественного деятеля - в Казахстане во всяком случае. Человека, который многое делает в установлении самых дружелюбных, доброжелательных отношений еврейской диаспоры со всеми другими народами, населяющими Казахстан. Я могу утверждать, что Александр Антонович совершенно чужд какой-то национальной ограниченности, что, к сожалению, порой бытует среди представителей самых разных наций.

Я рад тому, что он делает сейчас в возрождении еврейской духовности в республике Казахстан, в строительстве наших синагог, в публикациях, которые с его помощью организуются, - в частности, это наша всеми нами любимая газета «Шалом». Первостраничная колонка «Вместе на этом пути», которую из номера в номер ведет Александр Анто-

нович, всегда и всеми встречается с большим интересом. Разумеется, эту газету внимательно читают все евреи. Но и не только. Я знаю многих казахов, которым эта газета крайне интересна: они хотят знать, чем живет еврейская община Казахстана, какие значимые события произошли в ее жизни.

Каждое посещение синагоги Александром Антоновичем становится событием, люди рады видеть его, общаться с ним. Они очень часто высказывают ему свои просьбы, пожелания. Я знаю, что двери в его кабинет не закрываются. Люди идут к нему с самыми разными проблемами, в разрешении которых Александр Антонович принимает посильное участие. К слову сказать, за эти годы и у нас с ним сложились, прямо скажем, очень теплые, дружеские взаимоотношения.

Сейчас Александр Антонович написал двухтомник «Евреи и Казахстан», он со дня на день выйдет из печати. Книги эти - наглядная демонстрация личности автора, интернационалиста, человека, горячо переживающего за судьбы как своего народа, так и за судьбы тех народов, с которыми судьба свела Александра Антоновича за эти годы.

Я знаю многих людей из его окружения. Там и казахи, и узбеки, и русские, и уйгуры, и дунгане. Конечно же, и евреи в том числе. Мне кажется, его заслуга в том, что, оставаясь евреем, чувствуя свои еврейские корни, оставаясь очень религиозным человеком (я часто молился с ним в синагоге, я вижу, как он истово молится), он в то же время открыт всему миру, доброжелателен по отношению к любому, как говорят наши мудрецы, пришельцу. Мне это в нем очень импонирует.

Повторяю, мы общаемся с ним не в сфере бизнеса, бизнес не моя стихия. Но я знаю, что значительные суммы, которые он зарабатывает, идут на благие дела. Я знаю, с каким уважением к его деятельности относятся как наш Президент, Нурсултан Абишевич Назарбаев, так и многие крупные общественные деятели Казахстана, для которых имя Машкевич многое значит.

И совсем не случайно Еврейский конгресс Казахстана стал как бы той изначальной платформой, на базе которой возник Евроазиатский еврейский конгресс. И опять-таки далеко не случайно то, что Евроазиатский еврейский конгресс возглавил Александр Антонович Машкевич. Дело в том, что Александр Антонович достаточно энергично работает на благо еврейского народа в целом ряде других стран, пытаясь консолидировать еврейскую общественность, еврейские диаспоры многих стран мира. И он мудро поступил, инициировав создание и этого конгресса, что служит на пользу общему делу.

Кстати говоря, я усматриваю тут еще одну немаловажную деталь. Ведь через Евроазиатский еврейский конгресс организуются и осуществляются деловые, научные, культурные, религиозные контакты еврейской общественности Казахстана с евреями других стран. Это во-первых. Во-вторых, осуществляются подобные контакты и общественности самого Казахстана (независимо от национального фактора) с другими странами. Это, по моему, дорога далеко не однокорейная, по ней осуществляется движение, по крайней мере, в два ряда. То есть, с одной стороны, мы имеем возможность тесно общаться с евреями, скажем, Венгрии или Японии. С другой стороны, мой Казахстан, гражданином которого я являюсь, имеет возможность выхода культурного, духовного, экономического, наконец, в пределы других стран мира. В этом смысле Евроазиатский еврейский конгресс очень важен. Достаточно сказать о съезде лидеров мировых религий, прошедшего в Астане. То, что он был проведен по инициативе нашего Президента Нурсултана Абишевича Назарбаева, у нас в Казахстане, и проведен, безусловно, не без участия Евроазиатского еврейского конгресса, говорит о многом. В связи с этим я должен обратить внимание на то, что антисемитизм в Казахстане никогда не имел глубоких корней, казахи всегда были генетически интернациональными людьми.

Суммируя все вышесказанное, можно отметить, что любая сфера приложения сил Александром Антоновичем Машкевичем идет на пользу и евреям, и народу Казахстана, и всей мировой общественности. Так что дай Б-г нашему Александру Антоновичу еще

многих лет жизни и многих свершений! Пусть ему хватит сил сделать все, что он задумал. Он еще молод, подумаешь там - пятьдесят лет! У него еще многое впереди.

Необходимо сказать вот о чем: богатство - это ведь, кроме всего прочего, серьезное испытание, ниспосланное человеку Б-гом. Александр Антонович достойно выдержал его. Объясняется это несколькими причинами. Во-первых, он вырос в высоко культурной интеллигентной семье. Во-вторых, большую роль играет его религиозность, которая является основой нравственности. Я восторгаюсь тем, как он истово возносит молитву Всевышнему, это сказывается на всей его жизни. Я восторгаюсь, как трогательно он дружит с главным раввин Казахстана р. Ешаей Когеном. Для меня лично р. Ешая пример настоящего еврея в Казахстане.

Хочу сказать вот о чем. Я был в Павлодаре на заводе, к которому он имеет самое прямое отношение. Он же дает заработок сотням людей! Они прекрасно зарабатывают, они получают квартиры. В самые тяжелые годы перестройки, когда заводы закрывались, предприятия, которые курировал Александр Антонович, работали, люди находили там заработок - для начала, быть может, скромный, потом лучше, выше, но в любом случае - они не были выброшены на улицу. Я говорил в Павлодаре с людьми, работающими на его заводе. Для них фамилия Машкевич подобно имени отца родного. Он дает нам, говорят они, нормально жить и зарабатывать. Мы можем, говорят они, устроить ребенка в детсад - на других предприятиях забыли, что это такое. Это лишь один пример, но, думаю, весьма красноречивый.

Я думал еще и над таким парадоксом: педагог становится крупным бизнесменом. Сфера его интересов простирается от теории педагогики до производства алюминия и насущных проблем экономики. Б-г дал ему такое широкое видение мира, и Александр Антонович, что говорится, не зарывает свои таланты в землю. А скажите мне вот что: при такой-то занятости в бизнесе, зачем ему еще все эти хлопоты по созданию еврейского конгресса? Ведь они отнимают массу времени. Но в том-то и дело, что это человек неуёмной энергии, у него широчайший круг общественных интересов. Иначе он не может жить.

Александр АБРАМОВ, вице-президент ТОО «Казинтерстрой»:

«Он строит дом для Б-га»

Александр Антоновичу хронически не хватает времени.

Компания наша молодая, ей всего полтора года, и одним из инициаторов ее создания был Александр Антонович Машкевич. Объектов у нас не так-то много, но один из наиболее важных (и, кстати, один из первых) - синагога в Астане. Сейчас ведутся отделочные работы. Песах евреи Астаны будут отмечать уже в новой синагоге, хотя окончательно она будет сдана только после того, как ее оборудуют всем необходимым. Произойдет это летом, в июне-июле.

Кроме того, мы строим много жилья. Это прежде всего жилой комплекс «Арман», который находится прямо на въезде в нашу северную столицу. Готовятся интересные проекты в Алматы.

В частности, гольф-курорт с гольф-полем, это вверх по Аль-Фараби за учебным центром «Бобек». Объект очень оригинальной, такого в Центральной Азии не было и нет. Я почему подробно говорю об этом? Потому что инициатором всего этого строительства является Александр Антонович Машкевич.

С Александром Антоновичем я знаком всего два года. А познакомил нас его лучший друг и партнер Фатах Каюмович Шадыев во время моей деловой поездки в Ташкент. Тогда-то Александр Антонович, все тщательно проанализировав, предложил нам создать нашу компанию. Нас связывают с Александром Антоновичем чисто деловые отношения. И тут я должен сказать вот о чем. Сегодня занятия бизнесом подразумевают в первую очередь порядочность. Непорядочный человек в нынешних условиях не может быть бизнесменом. И это главное, что я вынес уже из первого знакомства с Машкевичем: это ис-

ключительно порядочный человек. Впрочем, последующее наше общение лишь подтвердило то мое первоначальное мнение.

Вообще меня многое в нем поражает. Когда я, приступая к сооружению объекта, просматривал строительно-техническую документацию по синагоге, я обратил внимание, что она носит имя Рахель. Имя популярное в еврейском народе и святое. Но я даже не предполагал, что синагога названа так в честь мамы Александра Антоновича. А когда узнал, был поражен трогательной сыновней любовью этого человека. И понял, почему он с такой заинтересованностью, с таким тщанием относится к этому строительству. Вникает во все частности, обсуждает варианты, принимает участие в комплектации всем необходимым.

А с какой гордостью он показывает строящуюся синагогу гостям! И потому получаешь истинное удовольствие, непосредственно участвуя в этом столь важном для него деле. Не будет преувеличением сказать, что мы работаем на этом объекте с воодушевлением.

Надо сказать, что возведение синагоги - дело довольно сложное, и с точки зрения самой архитектуры, и с точки зрения тех сооружений, которые находятся внутри синагоги. В частности, миква. Мы ведь ее три раза переделывали. Сооружается она по чертежам, которые предоставлены нам израильскими архитекторами, но все это уже здесь, на месте, приводится в соответствие в связи с мнением наших местных раввинов. Для тех, кто не знает, должен пояснить, что вода, которая набирается в микву, должна быть по преимуществу дождевая, берется она с крыши синагоги. Это значит должны быть водосборники. А учитывая то, что Астана - место с очень жестким климатом, ставятся всевозможные системы подогрева в водоводах и сливах, чтобы вода не замерзала. Да и сама миква и с точки зрения конструкции, и с точки зрения отделки должна отвечать весьма жестким требованиям. Например, облицовывать ее мы должны специальным материалом, в котором не может быть раковин, или как говорят строители, емкостей. То есть поверхность кафельной плитки должны быть идеально гладкой, по возможности, выпуклой, что мы неукоснительно соблюдаем. Конечно, весь рабочий день в строящейся синагоге присутствует раввин Астаны р. Юда Кубалкин, все согласовывается с ним. Да и в Алматы я с некоторых пор невольно зачастил в синагогу, потому что в процессе строительства возникает масса вопросов, ответить на которые могут лишь главный раввин Казахстана р. Ешая Коген, а в отсутствие его - р. Эльханан. Они с любовью относятся к этому сооружению и буквально вкладывают в него свою душу.

Сама синагога имеет общую площадь две с половиной тысячи квадратных метров. Это огромное здание высотой 18 метров, рядом стоят семиэтажки, так вот - синагога поднялась на уровне седьмого этажа. Купол ее сделан в виде шестиконечной звезды, и на самом куполе стоит шестиконечная звезда. Величественным будет центральный молельный зал. Начиная от пола и кончая потолком (а он вознесся на десять метров), - это произведение искусства, иначе не скажешь. Огромная красивая люстра высотой два с половиной метра и в диаметре метр шестьдесят. Много лепки, ведущим мотивом которой является шестиконечная звезда. Лепка делается вручную нашими лучшими мастерами. На стенах - двенадцать карт, символизирующих двенадцать колен Израилевых. Кроме того - огромная кухня, большой обеденный зал, вмещающий более ста пятидесяти человек. Компьютерный класс, комнаты для гостей. Раввин будет жить в самой синагоге, что, я считаю, тоже очень правильно.

Александр Антонович много ездит, и каждый раз, возвращаясь из дальних странствий в Астану, спускаясь с трапа самолета, он на вопрос: «Куда едем?» - неизменно отвечает: «В синагогу».

Кстати, на строительстве синагоги работают люди самых разных национальностей. Невольно вспоминается крылатое выражение недавних времен: Казахстан - лаборатория дружбы народов. Независимо от национальности люди с удивительным самозабвением трудятся на строительстве синагоги, гордясь и радуясь, что им доверили строить такой объект. «Мы строим Дом Б-га», - уважительно говорят они. Я вижу, как у Александра Антоновича при этом горят глаза, и чувствую, как во мне поднимается волна энтузиазма.

Ему присущ этот магнетизм: он всех вокруг наполняет энергией, заряжает хорошим настроением, оптимизмом. Рядом с ним возникает обостренное желание жить, работать. Причем, делать свою работу по высшему разряду.

Человек он волевой и целеустремленный, он непременно добивается поставленной цели. При этом он, конечно, очень интеллигентен - этим все сказано.

Я обратил внимание: когда заходишь к нему в кабинет, он окидывает тебя внимательным взглядом и непременно говорит что-нибудь вроде: «Ты сегодня отлично выглядишь». Эти слова подобны камертону: они воодушевляют тебя. И весь дальнейший разговор проходит в оптимистичном ключе. С ним - легко.

Через объекты, которые мы делаем, которые строим, я знаю, что Александр Антонович Машкевич является председателем Ассоциации конного спорта Республики Казахстан. В частности, один из объектов, который мы сооружаем сейчас в Алматы, это конно-спортивный комплекс типа ипподрома в Бутаковском ущелье. Куратором этого объекта как раз и является Александр Антонович Машкевич. Знаю, что он с увлечением занимается верховой ездой. И, конечно, если на него со стороны посмотреть, становится самоочевидным, что он спортсмен. Он любит спорт и занимается спортом. А потому всегда прекрасно выглядит, всегда подтянут, бодр. Это и конный спорт, и теннис, и горные лыжи. И везде он успевает. Словом, это человек, на которого можно равняться во всех отношениях.

Ко всему прочему он прекрасный семьянин. А самые близкие друзья Александра Антоновича, насколько я знаю, друзья, с которыми он давно идет по жизни, это Фатах Каюмович Шадиев и Алиджан Рахманович Ибрагимов, его ближайшие партнеры.

Очень много хочется ему пожелать в дни юбилея. Он в самом деле очень неординарный человек, и я, наверное, повторюсь, если пожелаю ему крепкого здоровья, потому что он ведет весьма интенсивный образ жизни. Бесконечные перелеты, порой бессонные ночи. Помню, однажды, когда мы садились в самолет, а он перед этим трое суток не спал, кто-то вынужден был поддержать его под руку, потому что у него уже сил не было подниматься по трапу. Хочется пожелать ему, чтобы он всегда оставался таким же энергичным, шел так же непреклонно к поставленной цели, как он это делает и сейчас. Конечно, хочется пожелать здоровья всем его близким. И, наконец, хочется пожелать, чтобы наше партнерство крепло и чтобы мы шли вместе долго и далеко.

Д-р Михаэль ЗАЙДМАН, генеральный директор Центра израильской медицины:
**«Машкевич - это перпетуум-мобиле, это энергия
и целеустремленность»**

Александра Антоновича знаю пять лет по совместным бизнес-проектам.

Всегда сдержан. Очень пунктуален. Хорошо образован. Думаю, что он обладает так называемым шестым чутьем, которое касается именно бизнеса. Мыслит в масштабах, а бы сказал, страны, а порой и в масштабах мировых. Может быть, это пришло со временем, с опытом, а может, это ему даровано Б-гом.

У него есть определенное чутье на людей. И те, кто рядом с ним, это истинные его соратники. Вообще у него очень большая чувствительность к людям, находящимся рядом с ним, здесь случайному человеку нет места. У него естественное чутье на подбор людей, нужных делу. Поэтому, я думаю, у него хорошая, профессиональная команда.

Что касается рутинных дел, то, после создания инфраструктуры, он не успокоился и, я считаю, большим его достоинством является редкая работоспособность. Это человек, который работает, по сути дела, двадцать часов в сутки, и при необходимости он может несколько суток не спать. Это человек, ежечасно, ежесекундно анализирующий все, что связано с работой. Причем, он постоянно движется вперед в деле расширения своего бизнеса, неустанно продумывая те или иные направления развития. То есть, если говорить о сфере бизнеса, Александр Антонович - это своеобразный перпетуум-мобиле, это бесконечная энергия и целеустремленность.

Думаю, что все вокруг прямо или косвенно увлечены его энергией, задействованы ею. Потому что Александр Антонович являет собою пример лидера, который не только говорит, но и делает, подтверждая теорию своими действиями. То есть он привержен не только и не столько словам, сколько делу. Это, знаете ли, психологически очень сильно влияет на окружение. Есть руководители, которые, отдав указания, как бы самоустраиваются от дальнейшего хода событий. У него этого нет и быть не может.

По-моему, Александр Антонович очень логичен в своих умозаключениях и поступках. В его логике одним из главных постулатов является то, что кратчайший путь к успеху всегда прост. И Александр Антонович всегда выбирает кратчайшие пути для получения позитивного результата.

И еще: очень важным параметром его успеха является порядочность в деле.

Что касается нашей совместной работы, то для меня всегда достаточным было его слово для того, чтобы приступить к тем или иным действиям. Потому что я знал: за его словом стоит то, что в Израиле называют «Мазало браха». Вы знаете, в истории еврейского народа далеко не всегда подписывали контракты - порой достаточно было пожатия руки. При этом шли обычно к раввину, чтобы закрепить это пожатие рук. И раввин говорил всегда эту знаменательную фразу: «Мазало браха», - то есть, если перевести дословно, «удачи и благословения». Даже на сегодняшний день, например, в бриллиантовом бизнесе не существует контрактов: там люди делают на сотни миллионов долларов сделки, ограничиваясь при этом всего лишь пожатием рук и словами «Мазало браха». Мне кажется, Александр Антонович Машкевич тоже относится к плеяде именно таких бизнесменов, для которых пожатие руки является и контрактом, и взятой на себя ответственностью. Хотя в бизнесе нынешнего дня это присуще далеко не всем, далеко не каждому. Ибо далеко не каждый способен держать слово и нести за него ответственность.

Это то, что касается бизнесмена Машкевича. Могу лишь добавить: я рад, что на своем жизненном пути повстречал такого человека, как он, у которого есть чему поучиться, у которого есть что перенять. Работать с ним вместе это, конечно же, удовольствие.

Теперь то, что касается человека Машкевича. Начнем с того, что он ведет огромную благотворительную деятельность. Не мне говорить об этом, потому что я не знаю всего объема его благотворительности. Но в данной сфере он задействован широко и разнообразно, причем задействован по своему духовному призванию. Это еврейство в его самом глубоком смысле. Ведь он кроме всего прочего является президентом Евроазиатского еврейского конгресса, безусловно, самым достойным образом защищая интересы евреев, помогая им. И высокий статус еврейской общины Казахстана в глазах мирового сообщества достигнут в значительной степени благодаря тому, что членом этой общины является Александр Антонович Машкевич. Еврейская община Казахстана активно живет и развивается, она достойно представлена в республике на всех уровнях, в том числе на уровне Президента страны, она деятельно участвует в общественной жизни Казахстана, к ее голосу внимательно прислушиваются в правительстве Государства Израиль, ее мнение ценит духовная элита Израиля и всего мира.

Особо хочу подчеркнуть дружбу Александра Антоновича с главным раввином Казахстана р. Ешаей Когеном. Они вместе, рука об руку, подняли авторитет еврейской общины республики на мировом уровне. В частности, еврейская община Казахстана в из лице принимает участие в работе Всемирного еврейского конгресса.

Именно в Казахстане два года назад начался процесс духовного согласия, причем у истоков этого важного процесса стояла еврейская община республики во главе с Александром Антоновичем Машкевичем. Он был инициатором визита в Казахстан и главного раввина Израиля, и раввинов 28 стран Евроазиатского региона, благодаря чему и был начат диалог духовных лидеров евреев и мусульман. Результатом всех этих усилий был прошедший в Казахстане съезд лидеров мировых религий. И сам факт диалога, осуждающего насилие, террор и вероломство, диалога о путях поисков мира и согласия стал реальностью благодаря именно этим позитивным процессам.

Хочу подчеркнуть еще один важный аспект в деятельности Александра Антоновича. Признавая, что конечной нашей целью является освобождение евреев из голута и что с приходом Машиаха все евреи будут в Иерусалиме, мы, тем не менее, не можем не учитывать, что существование евреев в голуте - факт весьма существенный. Храня свою религию, свои обычаи, традиции, культуру, евреи и в рассеянии остаются евреями и, разумеется, им нужна самая действенная поддержка. В этом смысле евреи Евроазиатского региона ее обрели благодаря усилиям Александра Антоновича Машкевича. Вокруг него сплотились деятельные люди (к числу которых я отношу и себя), он сумел их зажечь своей идеей служения еврейству в голуте. Чего греха таить, до недавнего времени я как израильтянин относился к евреям вне Израиля с некоторой долей пренебрежения. Я нашел в себе силы уехать в Израиль 30 лет назад, стать гражданином своей страны, чем я и горжусь, и снисходительно относился к тем, у кого не достало сил это сделать по той или иной причине. Но мы не всегда вольны в своих поступках, и сегодня я не столь категоричен, а потому отношусь с уважением к евреям, имеющим мужество жить в голуте. И я стараюсь делать все возможное, чтобы облегчить их участь. Я вижу, как это происходит на уровне синагоги, я вижу, как это происходит на уровне становления еврейской общины в Астане и Павлодаре. Я вижу, как евреи начали относиться с гордостью к своей национальности. И все это опять же благодаря Александру Антоновичу, который разбудил все это во всех нас, в том числе и во мне, за что я ему искренне благодарен.

Думаю, если я пожелаю юбилюру здоровья, я скажу этим все. Остальное, что ему люди будут вокруг желать, приложится само собой. Как говорят у нас, евреев, - до 120!

Ханани бен МОШЕ, бизнесмен:

«Мы встретились конкурентами, а стали друзьями»

То было памятное знакомство: мы оказались конкурентами в одном из видов бизнеса и, понимая, что противостояние ни к чему хорошему не приведет, решили встретиться, чтобы расставить точки над «і». В конце концов, ни он, ни я от этого соперничества ничего не выигрывали, напротив - оно было для нас обоих убыточным. Но странное дело: мы встретились, чтобы выяснить отношения, однако с первой же минуты никакой враждебности между нами не было, и мы очень тепло расстались. А потом уже встретились в синагоге. Причем, встретились как старые добрые друзья, каковыми остаемся и по сей день.

Помнится, несколько лет назад на Йом Кипур раввин Эльханан рассказал нам о том, что предполагается создать Еврейский конгресс Казахстана, и спросил, кто, на мой взгляд, мог бы возглавить его. Я сразу же ответил:

- По-моему, альтернативы нет. Конечно, Машкевич!

А чуть позже мы пошли к Александру Антоновичу втроем: наш главный раввин Ешая Коген, раввин Эльханан и я. Судя по всему, разговор этот для Машкевича явился некоторой неожиданностью. Во всяком случае, в продолжение всей нашей беседы было видно, что он какое-то время колебался, раздумывал, брать ли на себя эту нелегкую ответственность - быть президентом Еврейского конгресса. Он все внимательно обдумал, взвесил. Да и наши доводы были, наверное, тоже достаточно весомыми. Словом, он согласился. Думается, это было верное решение. А дальнейшее мы знаем. Сейчас трудно переоценить значимость в нашей жизни Еврейского конгресса Казахстана. И все те благие дела, которые числятся за конгрессом, предопределены самой личностью его президента.

А недавно у нас с Александром Антоновичем появился совместный очень серьезный проект, и я надеюсь, что благодаря нашим взаимным партнерским усилиям он принесет свои позитивные результаты. И тут я должен особо отметить, что Александр Антонович умеет быть не просто партнером, но партнером надежным и верным. Он твердо держит слово. Я уж не говорю о том, что он может быть истинной опорой в любой сложной ситуации, он умеет противостоять негативным факторам. Вообще, я бы сказал так: в бизнесе Казахстана Машкевич - это *фигура*, значимая и очень серьезная.

Что еще ценно: он уважительно относится к партнеру, он очень отзывчив на идеи партнера, он умеет внимательно выслушать все твои доводы и соображения и, обогатив их своим опытом, дать им, что говорится, путевку в жизнь. У него есть то, что называется, хватка. Он охотно идет на контакт с человеком, ему важно понять, что этот человек несет в себе, насколько конструктивны его помыслы и желания. Здесь надо уточнить сказанное выше: у него не просто хватка - у него хватка доброжелательная... Он быстро думает, быстро принимает решения. И очень быстро реагирует на все, происходящее вокруг. Он быстро всё расставляет по своим местам. Он, как говорят, не тянет резину и не обманывает пустыми посулами и обещаниями. Я бы сказал так: дела с людьми он ведет корректно - исхожу, конечно, из своего личного опыта взаимоотношений с ним. Не надо думать, что он доступен для всех. Он возможно и рад был бы доступным быть для всех, но он попросту очень занятой человек.

На него можно положиться. И нужно полагаться, потому что с ним - Б-г. Обратите внимание: слова «Б-г» и «богатство» созвучны. Богатство - от Б-га. Богатство Всевышний не дает каждому. Это же своеобразное испытание человеку. А тому, кто испытание выдерживает, Б-г помогает хорошо и много. О Машкевиче не скажешь, что он свое богатство держит в своем кармане только для себя. Он никогда не забывает о людях. О тех, кто в силу экономических сложностей времени попал в стесненные обстоятельства и нуждается в его помощи. И он готов эту помощь оказывать.

Будем помнить и о непростой судьбе еврейского народа. Б-г, разбросав нас по всему миру, послал нам труднейшее испытание. И мы достойно выдерживаем его лишь в том случае, если помним, что мы - евреи. Встречаясь с евреем, я каждый раз затрудняюсь сказать, плохой это человек или хороший, да и не ставлю перед собой такой цели. Для меня это не суть важно. Для меня главное то, что он - еврей, что он человек трудной судьбы, что Б-г испытывает его также всерьез, как и весь мой народ.

А если глубже вникнуть в суть проблемы, то ведь все мы - посланники Б-га, мы должны донести до народов земли Его слово, Его заповеди, Его волю. С нас народы земли должны брать пример. Поэтому я не могу делить евреев на плохих и хороших, на бедных и богатых. Для меня самый плохой все равно хороший. Еврей богат уже тем, что он - еврей. И мне кажется, такой же точки зрения придерживается Александр Антонович. В этом корень его, если хотите, еврейства, в этом движитель его благих начинаний и дел.

И потом - начать в столице Казахстана строительство синагоги, одной из крупнейших синагог в мире! На это нужны не только крупные деньги, но и отвага, и авторитет в самых высоких правительственных кругах. Все это у Машкевича есть. Причем, строительство синагоги не только в Астане, но строительство синагог по всему Казахстану. У него есть авторитет и в международных кругах. Достаточно сказать, что он был одним из инициаторов проведения съезда духовных лидеров мировых религий в Астане. Все, порой очень сложные, вопросы он решает более чем удачно. Наши евреи могут гордиться тем, что есть такой как он человек, стоящий на страже их интересов. И, между прочим, очень регулярно посещающий синагогу. А синагога - лицо нашего народа. Это, быть может, единственное место, где ты сполна можешь почувствовать себя евреем, соблюдающим традиции и заветы отцов.

Я сказал лишь самую малую толику об Александре Машкевиче. Сфера приложения сил Александра Антоновича необычайно широка. И в этом, если хотите, его уникальность, универсализм, идущие и от основательной образованности, и от широкого кругозора, и от богатого опыта жизни. А сверх того - способности, чутье, энергия. Умение создать команду толковых людей. Конечно, он лидер по характеру. И, конечно, он экономист высочайшего класса. Хотя ведь можно привести примеры высокообразованных экономистов, у которых нет ни копейки в кармане. То есть там теория и практика не в ладу друг с другом. А вот здесь поразительная гармония этих двух начал.

Так вот начнешь разбирать - все вроде просто, все в человеке можно разложить по полочкам. А в сочетании всех этих многих начал получается уникальная человеческая

личность по имени Александр Машкевич. По нашей вере и по нашей Торе богатого человека надо уважать, потому что богатый человек благословен от Б-га. Мне бы хотелось, чтобы это непростое испытание богатством Александр Антонович достойно нес до конца своих дней. Расслабляться такой человек не может, не имеет права: стоит ему расслабиться хотя бы на миг, он может потерять все. Пусть преумножаются силы его. Пусть преумножается его богатство и не иссякает щедрость!

Шломо АЗАРОВ, глава представительства Всемирного еврейского агентства «Сохнут» в Казахстане и Кыргызстане:

«Служить примером для всех евреев»

Об Александре Антоновиче я слышал еще до того, как приехал работать в Казахстан. Слышал, как об известном бизнесмене и человеке, активно занимающемся еврейской общественной жизнью. В частности, это Евроазиатский еврейский конгресс, в который входит очень много видных, уважаемых людей, большое количество организаций и общин. А познакомились мы с ним на Рош Ашана в синагоге, куда он пришел на традиционную молитву. Я тогда еще подумал: как это важно, когда два еврея в незнакомой стране встречаются именно в синагоге, что, безусловно, отражает наш менталитет. Главное, что мне бросилось в глаза уже во время той первой встречи: как он искренне, истово молится, что могло служить примером для всех евреев.

Еще до встречи с ним я слышал о нем много добрых отзывов и, в частности, от раввина Ешаи Когена. Раввин Ешая рассказал мне, что когда-то в синагогу пришел очень скромный человек и тихонько, чтобы никто не видел, положил достаточно внушительную сумму в цдаку и попытался после этого незаметно уйти. То есть он от всего сердца хотел поделиться с членами общины тем, что у него есть, не ища от этого никаких выгод, не пытаясь получить что-то взамен. Конечно, это характеризует его как человека, который стремится помочь своим менее состоятельным соплеменникам, выполняя одну из главных заповедей Всевышнего. Думаю, искренне служа Б-гу, он и сумел достичь столь значимых успехов в бизнесе. Это очень важно, что у нас есть человек, который может реально помочь и синагоге и другим людям в решении насущных экономических проблем - помочь не только здесь, в Казахстане, но и во многих регионах мира, если иметь в виду возглавляемый им Евроазиатский еврейский конгресс.

Потом опять же в синагоге я встретился с ним в день поминовения его мамы. Я видел горюющего сына, который скорбит о безвременно ушедшем в мир иной, быть может, самом близком человеке. А мы знаем, что в еврейской традиции заповедь почитать родителей стоит наравне с заповедью почитать Б-га...

Казалось бы, я в Казахстане недавно, всего полтора года, но за это время произошел целый ряд крайне важных событий. Это и международная конференция мира и согласия, и приезд в Казахстан раввинов 28 стран мира, и визит к нам в республику группы американских бизнесменов - президентов еврейских общин США. Затем - визит главного раввина Израиля р. Йоны Мецгера, Наконец, съезд духовных лидеров мировых религий. И все это, заметим, в значительной степени инициировал Александр Машкевич. Несомненно, Евроазиатский конгресс, им возглавляемый, занимает серьезные позиции в еврейском мире, это организация, с которой все считаются - организация, проводящая огромное количество крупных и очень важных мероприятий. Ряд из них «Сохнут» проводил вместе с Конгрессом и планирует проводить в дальнейшем. Это укрепляет международную значимость Казахстана, дает позитивную информацию о Казахстане всему остальному миру. Должен сказать, что страна, которая приветствует на своей территории развитие еврейской жизни, выигрывает своей рейтинг в глазах мировой общественности.

Сфера интересов г-на Машкевича, как мы видим по его деятельности, чрезвычайно широка. Все это требует от него быстрой и адекватной реакции. В этом отношении он че-

ловец, конечно, уникальный. И, заметим, отзывчивый. Нисколько не сомневаюсь в том, что если еврейской общине понадобится решать какие-либо сложные вопросы, г-н Машкевич подставит свое надежное плечо и поможет решить эти проблемы на самом высоком уровне.

Мы, евреи, гордимся выдающимися представителями своего народа, в какой бы сфере не проявлялись их таланты, будь то наука, искусство или бизнес. Евреи Казахстана имеют полное право гордиться, что в их среде живет такой человек, как Александр Антонович Машкевич, известный во всем мире своими достижениями в бизнесе.

А пожелать ему я хочу наше традиционное - до 120! Чтобы годы эти были заполнены интересными делами и событиями. И чтобы была возможность жить и ради себя, и ради своего народа. Дай Б-г ему и дальше следовать своим путем, приобщая к еврейству все больше и больше наших соотечественников.

Фарид ЛЮХУДЗЯЕВ, директор ОАО «Евроазиатская финансово-промышленная компания»:

«Он умеет радоваться успехам других»

По молодости лет мы с Александром Антоновичем жили в одном городе, тогда он назывался Фрунзе. Город небольшой, все знали друг друга. Ну, а мама его, Рахель Фоминична, была одним из опытейших юристов города, очень сильным адвокатом, так что имя ее было у всех на слуху. Она была чудесным человеком. У такой мамы сын просто обязан был вырасти способным и талантливым. Папа его, Антон Азарьевич, тоже был личностью известной, он долгие годы возглавлял санэпидстанцию. Саша, конечно, гордился своими родителями, любил их и не мог не любить. И, сколько я его помню, с юных лет, еще когда он не пошел в бизнес, а занимался наукой, ему было свойственно вот что: за какое бы дело он ни брался, он должен быть добиться результата. Это осталось в нем на всю жизнь, это стало стилем его работы, свойством характера.

Человек он, безусловно, одаренный. И в любой области, решая те или иные проблемы, он дотошно вникает во все детали, чтобы владеть ситуацией полностью, чтобы нацелить на конкретные частности партнеров и подчиненных. То есть во всем он проявляет основательность и профессионализм. Человек он разносторонний, ему свойствен некий духовный универсализм. И каждый раз, наблюдая, как быстро и точно находит он верное решение, я не могу скрыть восхищения: наверное, всё это в нем от Б-га.

Тесные дружеские отношения связывают нас уже тридцать лет. Причем, определение «дружеские» не совсем подходит в данном случае. Точнее было бы сказать - братские. И вот что странно. Казалось бы, Александра Антоновича я знаю давно, знаю близко, как брата родного, но до сих пор не перестаю порой ему удивляться. Иногда мне кажется, что ведущая черта его характера - отсутствие зависти. Человек на редкость добропорядочный, отзывчивый миру, он умеет искренне радоваться чужому успеху. Этому же он научил и меня. Неважно, знает он этого человека или нет, но если он действительно умница и успех его заслужен, он вызывает искренне восхищение в Александре Антоновиче.

И, упаси Б-г, он никогда никого не оговаривает. Напротив, старается сказать о человеке доброе слово и помочь ему, если он нуждается в помощи.

Еще одному я научился у него - умению прощать людей. С годами мы становимся мудрее и терпимее к недостаткам окружающих. Он стойчески относится к поступкам некоторых людей, их проступкам, ищет им оправдание. Да, они поступили неправильно, но ситуация, мол, сложилась так, что иначе они поступить не могли. Он пытается войти в положение этих людей, понять их и по возможности обелить. Он всегда говорит: «Не будем категоричны, Фарид. Б-г им судья. Жизнь все расставит по своим местам».

Все его время жизни отдано работе, бизнесу. Он очень любит верховую езду, но, по моему, его любимые лошади скучают по нему в своих стойлах. Он любит горнолыжный спорт, теннис, гольф, но... на это ему катастрофически не хватает времени. Он все время

в разъездах. Европа, Ближний Восток, Америка, Африка, Азия, страны СНГ. Я всегда поражаюсь его выносливости, и дай Б-г ему здоровья и долгих лет жизни, потому что те нагрузки, которые он несет, нормальному человеку непосильны, обычному человеку и в голову не придет, что подобные нагрузки возможно выносить. Думаю, мало найдется летчиков, у которых было бы в активе столько летных часов.

Кроме всего прочего он ведь еще и президент Еврейского конгресса Казахстана и Евроазиатского еврейского конгресса. Это тоже отнимает много сил и времени. Будучи генеральным директором Еврейского конгресса Казахстана, я помню, как все это начиналось, как рождалась эта организация. Все мы недавно вышли из недр Советского Союза, где всячески афишировалась дружба народов, но при этом нивелировались национальные особенности каждого человека, подводились под общий знаменатель национальные культуры, традиции, языки и, по сути дела, уничтожалась неповторимость каждого народа. В том числе и еврейского. И Александр Антонович, как истинный сын народа Земли Обетованной, был крайне этим встревожен. Отчасти этим была продиктована необходимость создания Еврейского конгресса Казахстана. Говорят, что это политическая акция. Но Александр Антонович - не политик и политиком быть не собирается. С него достаточно того, что он бизнесмен. Но не помочь своему народу, еврейской диаспоре Казахстана в духовном возрождении он не мог. Он меньше всего думал о своем имидже, о своих интересах. Имя у него есть, любимое дело есть тоже. Но несмотря на это он решился на такой шаг, он возглавил Еврейский конгресс Казахстана, что, безусловно, объединило людей, подняло их в собственных глазах и в глазах всего мира. Ведь благодаря этому не только у нас в республике, но и во всем мире знают, что в Казахстане не просто существует еврейская диаспора, она живет полнокровной жизнью, живет равноправно со всеми другими народами, населяющими Казахстан.

А поскольку за что бы ни взялся Александр Антонович, он не может это делать впосилы, он и здесь начал работать с той же интенсивностью, которая ему свойственна. И, естественно, когда Еврейский конгресс Казахстана во всеуслышание заявил миру о себе, вполне логично и последовательно возникла необходимость создания ассоциации, объединяющей евреев сопредельных стран. Так появился Евроазиатский еврейский конгресс, который велением времени возглавил опять же Александр Антонович. Кстати, подобный конгресс был бы создан давно, если бы много раньше появилась фигура, подобная Машкевичу. Тут все взаимосвязано. Всему свое время. По-видимому, Всевышнему угодно было так, чтобы Александр Антонович прошел предварительную ступень в Казахстане, учредив здесь Еврейский конгресс, чтобы, обретя необходимый опыт, подняться на новый уровень.

Авторитет Александра Антоновича Машкевича высок и в международном сообществе, и здесь, в Казахстане, в правительственных кругах и на уровне Президента Республики. Но, зная своего друга, должен сказать, что он никогда не пользовался своим авторитетом, чтобы облегчить решение того или иного вопроса. Любую самую сложную задачу он предварительно анализирует со всех сторон и, лишь выработав конкретный план, конкретные практические предложения, ведущие кратчайшим путем к результату, он может обратиться с этим планом и этими предложениями в правительство и к Президенту. Ибо каждый его проект обоснован строгими расчетами, и оппоненты бывают бессильны ему возражать.

Что я могу пожелать юбиляру? Как и все, я желаю ему здоровья, оно необходимо при таком сверх напряженном режиме. Я желаю благополучия его родным и близким, ибо оно тоже является залогом его успехов. Я знаю, что многие люди молятся за его здоровье, желая ему удачи в делах и долгих лет жизни.

**Феликс Вулис, первый вице-президент «Евразийской промышленной ассоциации»:
«Ему альтернативы нет»**

Бывают знаменательные встречи. Лет десять назад я приехал по одному интересному проекту в Алматы, и здесь меня познакомили с Александром Антоновичем Машкевичем. И хотя уже на тот момент я жил в Америке, но неожиданно Алматы стал очень приятным для меня городом. Собственно тогда-то и началось наше сотрудничество с Александром Антоновичем. К сожалению, так сложилось, что оно имело перерыв с 1996-го по 2000-й год, но потом, слава Б-гу, возобновилось и продолжается поныне.

Вообще, когда столь интенсивно работаешь с человеком, невольно проникаешься его личностными качествами, и его жизнь становится как бы частью твоей. Например, я узнал, что он любящий сын, очень нежно относится к своим родителям. К сожалению, с мамой Сашиной я не был знаком (я не застал ее в живых), а вот с отцом имел честь познакомиться два года назад, когда отмечали серебряную свадьбу Александра Антоновича и его супруги. Машкевич-старший - прекрасный, обаятельный человек, эрудированный, интеллигентный. По профессии - врач. В свое время стоял во главе санэпидстанции во Фрунзе (ныне Бишкек). И сын его посреди своей невероятной занятости остается человеком на редкость душевным, почитание родителей для него и одна из важнейших заповедей, и просто свойство характера.

А человек он невероятно занятый. Прежде всего, Александр Антонович президент «Евразийской промышленной ассоциации» - объединения крупнейших предприятий Казахстана. Что значит возглавлять такую ассоциацию? Это значит правильно организовать производство, своевременно реагировать на конъюнктуру рынка, на всевозможные падения и всплески данного бизнеса, правильно вести переговоры с мировыми производителями таких же товаров, что производят члены Ассоциации и т.д. и т.п. Все это в совокупности и является той многомерной задачей, решать которую ему приходится каждодневно. То есть объем работы огромный, требующий неустанного к себе внимания. Даже мне, человеку достаточно сведущему в этом деле, непросто очертить весь круг обязанностей, входящих в рамки президента одной из крупнейших в мире компаний.

Если говорить об Александре Антоновиче как о бизнесмене, то прежде всего надо сказать вот что: это абсолютно порядочный партнер, что является самым главным качеством предпринимателя. Он искренне, так как оно и должны быть, настроен на конструктивную работу со своими партнерами и подчиненными. В этом он безукоризнен.

Во-вторых, он незаурядная личность в смысле часов своей работы: он может работать не просто двадцать четыре часа в сутки, а двадцать четыре с половиной. То есть если можно приписать суткам еще какое-то количество времени за счет тех или иных нюансов усовершенствования трудового процесса, он как раз готов использовать и этот дополнительный резерв времени. Причем, как бы напряженно он ни работал, по нему не видно, что он провел двадцать с лишним часов на работе. Как он приходит на работу с улыбкой на лице и с неограниченной энергией в голосе, в жестикуляции, в действиях, так все это остается неизменным и через девятнадцать-двадцать часов.

В-третьих, он практик по преимуществу. Решения он принимает как бы мгновенно. Но - именно «как бы»: при необходимости он вникает в глубину проблемы. Но если он видит решение данной проблемы на поверхности, он, естественно, тут это решение принимает. И главное - эти решения очень качественные. Да, очевидно, он тоже может ошибаться, как любой человек. Но если у иного человека подобная погрешность составляет процентов 30-40, то у него - процентов пять, не более того. То есть у него оптимальность принимаемых решений составляет, на мой взгляд, не менее 95 процентов, так что здесь погрешности могут и не приниматься во расчет.

Теперь немного о другом. Безусловно, Александр Антонович - крупная фигура в мире бизнеса вообще и очень яркая фигура в мире еврейского бизнеса. Так вот - о его ев-

рействе: в чем и как оно проявляется? Я тоже еврей по национальности, и так, как я понимаю еврейство, его ведущая черта - способность и потребность помогать ближнему, что является одним из лейтмотивов еврейской религии. В этом, я думаю, Александра Антоновича превзойти просто невозможно - настолько его сердце открыто для благотворительной деятельности. Особенно на почве религии. Для меня это феномен. Здесь для него нет границ, нет лимитов, нет ограничений во времени и усилиях. Все отходит на второй план, когда речь заходит о возможности и необходимости помочь евреям Казахстана или еврейскому мировому сообществу. То есть кроме всего прочего он, вопреки крайней занятости, готов участвовать в каких-то совещаниях, где решаются очень важные вопросы подобного рода, готов эти совещания организовывать и проводить. Вообще, в вопросах благотворительности он безукоризнен и полностью самоотвержен. А это я считаю одним из главных качеств истинного еврея.

И я думаю, далеко не случайно именно Александр Антонович Машкевич является Президентом Еврейского Конгресса Казахстана и по совместительству Президентом Евроазиатского еврейского конгресса. Вообще, конечно, трудно делать сравнительный анализ, как бы руководил этими общественными организациями другой человек, поскольку во главе их с момента учреждения стоит именно Машкевич. Но, мне кажется, ничего лучшего придумать было невозможно и не имело смысла придумывать. Мне трудно представить себе другую кандидатуру в должности президента Евроазиатского еврейского конгресса. Имели бы мы при ином раскладе тот практический эффект, который мы получаем благодаря тому обстоятельству, что конгресс этот возглавляет Александр Антонович, - человек огромного авторитета в мировом сообществе? Здесь же перед нами совокупность и возможностей, и желаний, и местоположения на карте мира всех тех, кто решает вопросы подобного уровня. Вот эта уникальная совокупность непосредственных и необходимых качеств, которыми должен обладать президент такого конгресса, чтобы работа его была по-настоящему действенной, и дает нам оптимальный результат, который мы имеем. Я, по крайней мере, не знаю другого человека, который обладал бы такими качествами. Для Казахстана это как бы знамение свыше.

Учтем при этом и тот фактор, что в сферу деятельности Александра Антоновича вовлечены многие страны мира и целые континенты, человек он очень мобильный, из самолета практически не выходит. В силу того, что Казахстан занимает особое географическое местоположение, это предусматривает необходимость постоянных, порой многочасовых, поездок.

При всем при том меня поражает вот что: его истовая любовь к спорту. И как только он на все находит время! Он обожает горнолыжный спорт, верховую езду, теннис... А самое главное - он любит друзей. Среди них это в первую очередь его партнеры, его единомышленники, с которыми он проводит большую часть своего времени. И, естественно, это его семья. Он для жены и дочерей в первую очередь, конечно, муж и отец, но все это основано на дружеских взаимоотношениях, что укрепляет семью, по-моему, много больше, чем диктат главы семьи.

В день юбилея хочу пожелать ему здоровья, чтобы его энергетический запас не иссякал, чтобы улыбка никогда не сходила с его уст. И чтобы он видел много-много счастья в своей семье, в своих детях и в своей работе.

Февраль 2004.

Лия Шпарберг. Однажды Ханука спасла мне жизнь

Три раза в неделю проходят занятия в женском клубе «Хохмат нашим ребенец Хая-Мушка» при Казахском еврейском центре «Хабад Любавич». Вот что рассказала одна из аккуратнейших слушательниц этих курсов Лилия Ефимовна Шпарберг:

- Еврейские праздники для меня святы. Стараюсь запомнить все, что нам говорят о них в синагоге. На Рош Ашана нам дали кашерные продукты, и я выпекла медовый кекс-леках. Я пригласила в тот день сестру, детей и внуков. На стол поставила все сладкое. Яблоки с медом, финики,

гранаты, морковь. Их ивритские названия созвучны с символами удачи и счастья. Приготовила курицу, шейки фаршированные. Как оно и положено, была рыба голова. Причем, рыбу я брала живую, согласно закону. С чешуей и плавниками - лишь такая рыба считается кашерной. Зажгла свечи, прочла молитву. Кстати, свечи зажгла от газовой горелки, огонек которой не гас со вчерашнего дня. Все было, как в детстве, в моей родной Одессе, у дедушки с бабушкой, они соблюдали обычаи, и я очень любила у них гостить.

Стараюсь я не отступать от традиций, все делать, как предписано, и в Йом Кипур, и на Суккот, и в Симхат Тора. Но с особым волнением я жду каждый раз Хануку, ее мерцающие вечерние свечи. Их огонек завораживает, дарует душе тишину и покой. Свеча тянется ввысь, к небу, как бы протягивая ниточку к Б-гу.

Однажды Ханука спасла мне жизнь.

Случилось это в декабре 1941 года. Я чуть ли не с первого дня войны ушла добровольцем на фронт. Мне еще не было семнадцати лет, и я попала в войска связи. Мы отступали от самой Одессы. Через города и деревни, степными проселками я прошла всю Украину. Я знала, что мама эвакуировалась со моими младшими сестренками в Алма-Ату. Папа, как и я, был на Южном фронте. Последнее письмо на мое имя он отправил из Одессы 8 октября, а 10-го Одессу сдали немцам. Всё. С тех пор от папы мы не имели больше никаких вестей. Наверное, это было самое трудное время во всей моей жизни. Но надо было сердце сжать в кулак и следовать маршрутом, который был ведом лишь одному Всевышнему.

Дороги были разбиты, в воронках от взрывов бомб и снарядов. Меня уже однажды контузило под бомбежкой. Один раз я два часа не могла говорить и ничего не слышала, второй раз я потеряла голос и слух на целые сутки... И вот ехали мы ночью на машине, фары зажигать нельзя (светомаскировка!). А вокруг тьма-тьмушная, снег, и холод стоит собачий. Помню, мы с подругой с двух сторон выглядывали из окошек машины и регулировали, куда и как рулить шоферу. И в темноте не заметили огромную воронку посреди дороги. Да и как заметить, если ее замело снегом? Машина ухнула в нее по самую маковку. Кого звать на помощь среди ночи в голой степи? Да и немцы могут засечь, накрыть минометным огнем. И сидели мы в той воронке всю ночь до утра. Я уже ни рук, ни ног не чувствую, и сердце превратилось с ледышку. Шофер чертыхается, подруга тихо плачет.

И, околевая от холода, я вдруг подумала: ведь сегодня - второй или третий день Хануки. Обычно в эти дни я гостила у бабушки. Мы ждали вечера, и когда в небе появлялись звезды, дедушка (его звали Евель) читал молитву и зажигал свечи на меноре. Он зажигал их от особой свечи. Она стояла чуть в стороне и называлась шамаш. А мы с бабушкой Малей стояли рядом и молча смотрели на огоньки свечей, и каждый думал о чем-то своем, потаенном. Было уютно и тепло. На столе горкой лежали вкусные сладкие пончики, пахло горячили оладьями. «Где-то у нас был волчок? - говорил дедушка. - Сейчас мы

его запустим. А ну иди сюда, внучка». Тянулись кверху огоньки свеч, крутился волчок, и я прижималась затылком к теплому бабушкиному плечу. И это было то, что называется счастьем...

Я и сама не заметила даже, как начала рассказывать все это вслух. Подруга приникла ко мне, слезы ушли. Приумолк и шофер. А я вспомнила, что у дедушки были талит и кипа, он молился утрами. И самое главное, у него дома был небольшой свиток Торы в блестящем синем чехле. Он стоял на самом видном месте - в буфете. По утрам дедушка бережно разворачивал его и читал очередную главу, которую было предписано читать в ту неделю.

Картины детства оживали в моей памяти, и холод уже был не таким свирепым. И казалось, что в машине, провалившейся в заснеженную воронку, теплятся огни ханукии - вот они, рядом. Стоит лишь руку протянуть. И хотя свечи эти не для будничных целей, ими можно только любоваться, но эти невидимые миру свечи согрели нас и помогли нам выжить до утра.

2000 г.

Горькое вино Победы

Три судьбы, три фронтовые дороги... Здесь мы хотим поведать вам всего о нескольких эпизодах из полных драматизма фронтовых буден наших ветеранов, наших фронтовиков. Их с каждым годом все меньше и меньше - закон жизни неумолим. Но... Дай Б-г Вам здоровья, дорогие ветераны-фронтовики. Живите долго, живите счастливо. Мы любим Вас. Вы нам нужны.

Гори, гори, моя звезда...

На фронт Борис Соломонович Абрамович ушел со школьной скамьи в декабре 1941 года, будучи десятиклассником 28-й алматинской школы. Он с упоением занимался в школьном драмкружке, которым руководил Михаил Борисович Азовский, и предполагалось, что участники кружка составят костяк будущего ТЮЗа. Но ТЮЗ, как мы знаем, возникнет в ноябре победного 1945-го, а дорога к нему из года 1941-го была длинной в вечность.

- За несколько ночей до того, как призвали меня в армию, - рассказывает он, - мама вывела меня во двор и говорит: "Видишь Полярную звезду - на ручке ковша Малой Медведицы? Когда будет тяжело, смотри на нее. Я тоже буду смотреть. Мы будем как бы рядом".

Их было три брата и сестра. Всех призвали в армию. И все они, пройдя дорогами войны, вопреки ранениям, смертям назло, вернулись домой, чтобы продолжить дело жизни. Это редкое везение они потом пытались осознать годы и годы. А там, на войне, о будущем как-то не думалось. Надо было просто каждодневно, ежечасно выживать. Опять же вопреки немыслимо нищенскому довольствию - сухарь в палец толщиной и банка в 400 граммов китового мяса на день. Заметьте, это на 16 человек – так было в эшелоне по пути на фронт. И амуниция, было дело, такая, что диву даешься, как от зимней стужи не околел и ног не отморозил. Хотя попервоначально от сухого плеврита едва не умер.

Был он топоразведчиком. Сталинград, Курская дуга, форсирование Днепра... Уже одного этого больше, чем достаточно. Закончил войну в сентябре 45-го на Дальнем Востоке.

К маминому совету прибегал не часто, но прибегал. На войне смертью не удивишь. Но шли они как-то через деревню, немцев только что выбили оттуда. И он случайно заглянул в коровник. По центру - длинный проход, по бокам - ясли-кормушки. Там в стойку вбит был металлический крюк для хомута и сбруи. И на тот крюк живьем насажен трехлетний ребенок.

После войны, было дело, ему задавали вопрос: что такое фашизм? Отвечать можно было подробно и долго. Но вместо ответа в памяти каждый раз вставало вот это: металлический крюк и трехлетний ребенок. Лицо фашизма.

Он брел потом через село вслед за артдивизионом по вечеряющей разбухшей от мартовской слякоти дороге, гнал прочь только что увиденное. Гнал, и не мог прогнать. Впору выгнуть шею и взвыть по-волчьи. Он вскинул голову, и в сумеречном небе увидел ту самую зябкую звездочку, на которую указывала мама. Хотелось прижаться к теплому маминому плечу, забыть все ужасы и страхи. И хотелось защитить маму от этой разбитой дороги, от сгоревших домов на обочине, от гавкающих пушек за черным леском. И от увиденного только что - там, за околицей, в коровнике.

Гибель друзей вызывала боль нестерпимую. На Кировоградчине с москвичом Димой Елькиным назначили их вдвоем в разведку, засечь окопавшуюся среди деревьев самоходку. И вот сидели они в засаде, бок о бок, и тихо, мирно шепотом вели беседу. Вдруг - выстрел, грохот. Дима осекся на полуслове, обмяк. Борис подхватил его на руки, чтобы помочь. А чем тут поможешь? Диме голову бревном размозжило...

И снова Борис в тоске искал в почерневшем от горя небе ту самую Полярную звезду, чтобы хоть как-то утешиться, забыться и обрести силы делать дальше кровавую работу войны.

Потом, когда в 43-м его контузило, 17 дней он пробыл в медсанбате с потерей зрения, слуха и речи. И лежа в бреду, мучимый жаждой, все тянулся губами к тому ковшу небесному, чтобы напиться, чтобы утихомирить тревогу и боль. Потому как от части отставать нельзя, дивизион свой потеряешь, и потеряешь друзей, с которыми сроднился и без которых на войне нельзя никак. И ведь встал на 17-й день, переборол контузию, сумел догнать своих.

- Но больше всего я натерпелся страха на Днепре, - рассказывает он. - Алматинец, плавать не умею. А при форсировании с помощью жердей связали пустые бочки из-под бензина, закатали на них орудия, комплект боеприпасов, да нас еще, отделение разведки, посадили туда. И - вперед. Ну, думаю, все - сейчас перевернемся, и я - топориком ко дну. Холодрыга жуткий, а меня пот прошибает. Случайно бросил взгляд по-над берегом, а дело было на рассвете. И что вы думаете? Увидел Полярную звезду. И сразу взял себя в руки.

Но и на войне случались радости. В сентябре 44-го, в Самарканде, где лежал в госпитале (обострение после контузии), Борис вдруг встретил старшего брата Григория - тот здесь же, в Самарканде, проходил переподготовку в училище связи. Вы можете представить себе ликование, сумасшедшую радость, которой нет границ и быть не может? Они ощупывали друг друга, словно бы желая удостовериться, что все это не сон, что все это наяву. Пусть встреча та была недолгой, но она поселила в душе веру, что все должно закончиться хорошо. И они уже вместе, плечом к плечу, нашли в ночном южном небе заветную Полярную звезду и загадали, что однажды найдут ее снова, стоя вот так же вместе, плечом к плечу, но уже у стен родного дома.

Первая награда

О Леониде Юозефовиче Гирше писать сложно. Потому что сам о себе он написал внушительных размеров книгу "Наедине с памятью". И первый из двух ее разделов "Огневая полоса" как раз и посвящен его ратным делам. Он участник Сталинградской битвы, Белгородско-Харьковской операции, форсировал Днепр, освобождал с боями Польшу, дошел до Берлина, войну закончил на подступах к Праге. Его книга - бесценные свидетельства участника войны, для которого она началась в 17 с половиной лет. Под Сталинградом в 30-градусный мороз во время наступления, когда в бою убило командира взвода, восемнадцатилетний помкомвзвода Леонид Гирш взял командование на себя.

книге А. Рязанского "В огне танковых сражений" об этом скупые впечатляющие строки: "Сержант Гирш после гибели лейтенанта А.В. Анучина вступил в командование взводом и повел воинов в атаку, проявив при этом мужество и отвагу. В числе первых воинов корпуса за подвиг в бою был награжден боевым орденом Красной Звезды". А вот фрагмент из книги Леонида Гирша:

"Наша бригада бросилась в лобовую атаку на село Пимен-Черни, чтобы выбить оттуда немцев. Ничего не вышло: атака захлебнулась... кровью, солдатской кровью. Командир бригады приказал танковому батальону вместе с приданной ротой автоматчиков, той самой, где я был помкомвзвода, обойти Пимен-Черни слева и нанести удар немцам в спину.

Морозные декабрьские предрассветные сумерки. Окраина села, к которому мы подбираемся скрытно, неясно чернеет впереди. За полкилометра до нее, десантники спрыгивают с бортов танковой брони и вслед за машинами, сторонясь снеговых струй, вылетающих из-под вращающихся танковых гусениц, идут навстречу врагу. Прошли по вязкой снежной целине метров 100-150, не больше. Окраинные деревенские дома стали видны отчетливее. мы даже различили одиночные вражеские траншеи. Заторопились, заспешили, но точас из этих траншей понеслись пулеметные очереди. Плотный огонь противника прижал нас к земле. Рота залегла в степных сугробах. Мы видели, как горят наши танки, подожженные немецкими артиллеристами.

Командир роты приказал окопаться, дозарядить автоматы, приготовить гранаты. Последовала команда: "Вперед!.." Младший лейтенант Анучин, командир нашего взвода, храбрый, отчаянный офицер, первым встал во весь рост и побежал к деревне. Встречная пулеметная очередь в ключья растерзала грудь отважного командира.

Я видел лежащего в снегу окровавленного и мертвого младшего лейтенанта, других убитых бойцов в простреленных шинелях. К запаху пороховых газов примешивался еле еле ощутимый запах горелого шинельного сукна. Понял, что пришел мой час. И точно. По цепочке старавшихся не поднимать головы автоматчиков передали новый приказ командира роты: помкомвзводу принять командование взводом, уничтожить две пулеметные немецкие точки и обеспечить продвижение роты.

Эти два пулемета словно кость в горле. Из-за них вся рота лежала в снегу и погибала вблизи деревни Пимен-Черни. Кричу, страшась потерять голос: "Командую взводом! Слушай мою команду!.." Третье отделение незаметно проползло по дну оврага к забору на деревенской околице. Вдоль него подобралась в предутреннем полумраке к немецким пулеметным гнездам. Остальные автоматчики ждали. Прошло долгих, нескончаемо долгих, восемь-десять минут, пока не загремели взрывы, и стрельба очередями оборвалась. Тишина. Обрадовано вскочили, ни о чем другом не думая, кроме как бежать вперед, во что бы то ни стало вперед, пока нет встречного немецкого огня. Мой друг Петя Чантурия клещами перекусывал колючую проволоку ограждения, разминировал проходы, чтобы никто из автоматчиков не подорвался на заминированном деревенском поле.

Потеряв злосчастные пулеметы, немцы спешно бежали. Рота открыла дорогу всей бригаде."

Это лишь один эпизод из ратных дел Леонида Гирша. Всего же в книге им посвящено 150 страниц. Но картина будет неполной, если мы не скажем о том, что у Леонида Гирша вышла книга стихов "Близко к сердцу":

Те бои - как мера нашей силы...
Потому она и дорога,
Память, прикипевшая к могилам, -
Огненная Курская дуга...(7703)

**Цена победы,
или долгая дорога к дому**

Беньямин Евсеевич Бабицкий - врач, в Алматы его знают и уважают как организатора первой в республике гелиолечебницы. Министр здравоохранения при встрече с ним заметил в раздумье: "Мне столько писем не пишут, сколько их приходит тебе".

Беньямину Евсеевичу сегодня 86-й год. А на войну он попал буквально на второй же день после ее начала, и стукнуло ему тогда - уму не постижимо! - 25. Был он уже человеком вполне образованным, по специальности - врач. В армию ушел по месту жительства, в Барановичах (Белоруссия), но вскоре его перебросили на 2-й Украинский фронт.

А начинал он службу командиром санитарной роты стрелкового полка. Работа страшная. Передний край, окопы, смерть и, как это ни парадоксально, - требования санитарии.

Он пробыл на войне, что говорится, "от" и "до". 9 мая победного 1945-го полковник медицинской службы Беньямин Бабицкий встретил в 30 километрах от Берлина, в селе Найдорф. Над селом пролетел У-2 и по радио объявил полям и весям: "Война кончилась". Год спустя, когда он демобилизовался, перед ним встал вопрос, на который, ему казалось, не было ответа: как жить дальше? Вся родня – родители, сестры, брат, их дети – все сгнули в лихолетье войны. Он точно знал: двух сестер расстреляли еще в 41-м. Вместе с мужьями и детьми. Третья сестра погибла под Керчью, в катакомбах. Он знал, что нет в живых отца.

Домой, на пепелище, он возвращаться не хотел. То было свыше его сил. А потому, едва демобилизовавшись, поехал, куда глаза глядят. В Москве ему дали направление в далекую неведомую Алма-Ату. Он, не раздумывая, двинулся в путь. В 30 лет надо было начинать жизнь сначала. Не все ли равно - где...

В тупиковых раздумьях о жизни он подсчитал свой скорбный мортиролог: погибло 26 человек. Из всей большой родни лишь он один остался в живых. Правда, невероятными усилиями ему удалось урезать этот скорбный список. Удалось найти маму, она была в эвакуации в Чувашии, и после войны вернулась домой. Знай он раньше об этом... Но в Алма-Ате он уже встретил свою судьбу, она тоже была фронтовичка, и они понимали друг друга с полуслова.

Потом пришла еще одна радость, которую пришлось записать валерьянкой: нашелся, казалось бы, канувший в безвестность, брат. Юрист. Он жил и работал в Минске.

Война мало-помалу разжимала тиски. Но лишь сейчас, 60 лет спустя, когда он приходит в синагогу, надевает кипу и соучаствует в молитве, в нем оживает то далекое, полузабытое, из детства, что внушил им отец, Евсей Вульфович, человек, быть может, не очень грамотный, но мудрый. Трепет перед Б-гом. Как бы ты ни был голоден, но, упаси Господь, чтобы в Песах ты съел кусочек хлеба. Здесь, в синагоге, приходит понимание, что вопреки всем бедам и катастрофам, еврей сохраняет память о заветах предков, и Тора в течение тысячелетий помогает ему, не смотря ни на что, оставаться самим собой.

2001 г.

По путям-дорогам фронтовым

Рассказывает Борис Леонтьевич Дубров, ветеран войны и труда

Кровавая память войны

...Не могу забыть: в наступление шла рота в 100 человек, а после наступления, глядишь, идет человек 14-15. И одеты - кто в чем: в пиджаках, брюках - нам задержали обмундирование, смену одежды при переходе на летнюю форму. Зимой-то мы были в шинелях, ватниках. А тут - кто какую одежду сумел раздобыть, в той и - вперед, в атаку! Да, так вот после наступления в роте порой оставалось 14-15 человек от ста, остальные полегли. Страшно! Такие потери были.

Дорога на фронт

Когда началась война, мне было неполных семнадцать. Я как раз окончил 7 классов музыкальной школы (скрипка) и 9 классов общеобразовательной. Было это в Ростове-на-Дону. Семья наша еврейская, отец еще до революции окончил хедер, бывший красный партизан, инвалид гражданской войны, работал фотографом. Эвакуировались мы по путевке облисполкома сначала в Махачкалу, а позже, когда уже был занят Грозный, мы поездом доехали до Баку, потом Каспийским морем на теплоходе - до Красноводска. Дорога была долгой, изматывающей и голодной. И вот я помню, мы прибыли на станцию Беловодское в Киргизии, и я направился в город Фрунзе пешком - там жили то ли наши знакомые, то ли родственники. Я у них прописался, и вскоре получил повестку в армию. Это был уже январь 1943 года. Вот отсюда и началась моя военная служба. Я был принят курсантом в Ташкентское военно-пехотное училище. Здесь я обучался около шести месяцев.

В 1943 году, если вы помните, была очень острая ситуация в направлении Курск-Орел-Белгород. В связи с этим я попал в так называемую курсантскую бригаду - своеобразное пополнение фронту, потом - в воздушно-десантную бригаду под Дмитровом близ Москвы, а оттуда ближе к сентябрю - в 7-й воздушно-десантный полк по подготовке младших командиров, который базировался под Звенигородом в поселке Савенка. Здесь я совершил первые парашютные прыжки.

Шагнуть в бездну

Первый прыжок совершаешь неосознанно. Нас трех курсантов подняли в корзине, прикрепленной к аэростату, с нами был инструктор, мы его называли «вышибала», на что он очень злился. Если ты замешкаешься, он тебе поможет выпрыгнуть быстрее. У десантников есть команда такая: «Пошёл!» - то есть прыгай. А ты смотришь вниз, от высоты жуть берет, и ты как бы должен шагнуть в бездну. В первый миг дыхание перехватывает. Потом - хлопок. Значит, парашют раскрылся, наполнился воздухом. Ну, а приземляться надо было, строго соблюдая инструкцию.

А вот перед вторым прыжком я боялся по-настоящему. За первый прыжок нам дали денежное вознаграждение, 25 рублей. За второй, хотя он страшнее, давали меньше. Помню, было неодолимое сопротивление, ноги, что говорится, не шли. «Вышибала» мне, правда, не понадобился, я не храбрец, но толчок в спину для меня страшнее самого прыжка. Ну, а дальше - прыжок за прыжком, были они не боевые - тренировочные, в том числе и ночные, осенью и зимой. Зимой, кстати, особенно важно было вовремя погасить парашют, не сделаешь этого при приземлении, купол наполнится воздухом, и тебя может унести, Б-г знает куда. Говорят, порой уносило за несколько десятков километров. Вообще, приземления мы боялись больше самого прыжка. При приземлении бывали очень серьезные травмы. А какое мы испытывали при этом нервное напряжение, может свиде-

тельствовать такой факт. У нас, как правило, в день прыжка вечером в клубе крутили кинокартины. Обязательно! И ты в этот день ничего особого не чувствуешь. А вот наутро голову повернуть не можешь, шага ступить не в силах. У меня на шее после прыжка был как бы ожог - стропа обожгла! По мере совершения прыжков втягиваешься, становится легче. Мне довелось в общей сложности совершить 41 прыжок...

Наш учебный полк располагался в бывшем Савенском монастыре, кельи были переоборудованы под жилье для курсантов. Мне было досрочно присвоено звание сержанта за успехи в боевой и политической подготовке, и в 44-м году тоже в августе-сентябре я был отправлен из этого учебного воздушно-десантного полка в город Киржач в 27-ю воздушно-десантную бригаду, чуть позже преобразованную в 356-й стрелковый полк, который входил в состав 107-й Гвардейской Первомайской, орденов Суворова и Кутузова Краснознаменной дивизии и командовал которой, как сейчас помню, генерал-майор Богданов.

Первый бой - он трудный самый

Вот с этой дивизией я и попал на Третий Украинский фронт под Будапештом. Здесь мы вступили в первый бой, это произошло под селением Мор. Было это на рассвете. Стояла середина марта. Мы пришли маршем от города Надькереш, хорошенький такой веселый городок. С вечера заняли рубежи и ждали команду: «В атаку!». А земля раскисшая, слякоть неимоверная! Помню рассветную дымку. Тишина такая, как будто само время остановилось.

А потом началось непостижимое что-то. Артподготовка. Земля дыбом встала. Бьют дальнобойные, «катюши» визжат через наши головы. Потом перенесли фронт огня вглубь позиций противника, тут-то мы и пошли в атаку. Забыть не могу первого убитого немца, не знаю, кто его убил, но до сих пор он стоит у меня перед глазами... Танки, которые были нам приданы, забуксовали в слякоти, они не столько помогли нам, сколько задержали продвижение пехоты вперед. К тому же вокруг сплошные перелески, танкам не развернуться.

Я не помню подробностей боя. Все слилось в сплошной гул, в суматошное и, как мне казалось, безрассудное движение, которое, наверное, подчинялось и командам сверху, и чьему-то тщательно продуманному плану. Во всяком случае, мы какое-то время двигались дальше почти безостановочно. Затем форсировали реку Раба, вели бои за города Секешфехервар, Папа. Помнится, еще в училище под Ташкентом я писал родителям: «Быстрее бы на фронт». Ночные тревоги и нескончаемые полевые учения под Ташкентом напрочь выматывали, казались бессмысленными, им не было видно конца и края. Теперь, когда мы были задействованы, хотя бы исчезло ощущение бессмысленности совершаемых усилий. И хотя мы мало что понимали в происходящем, но было ясно одно: мы делаем ту главную работу войны, к которой нас так долго и настойчиво готовили.

Учиться жить заново

13 апреля 1945 года мы освободили Венгрию, затем прошли часть Австрии (я награжден медалью «За взятие Вены») и вышли в Чехословакию. Наш рейд был на Мюнхен, но война кончилась, к счастью, раньше. Мы как раз прошли Брно, и в местечке Ческе-Будеёвице нас застало известие о Победе. Да, радость была, было ликование. Но, по правде сказать, мы не осознали толком, что произошло. За годы службы война подогнала нас под одну колодку, был выработан стереотип нашего поведения и нашего образа жизни. Мы привыкли к командам: «Становись! Р-равняйся! Смирно!» Мы не могли представить своей жизни без этого. Нам предстояло заново научиться жить.

Я с детства мечтал быть музыкантом. Скрипка. У меня такое ощущение, что я родился с нею в руках. До войны я окончил музыкальную школу по классу скрипки, поступил в музыкальное училище, но учиться в нем не пришлось. Там началась другая учеба: «Напра-во! Шагом марш! Левое плечо вперед!..» И вот теперь мы возвращались маршем, что говорится, восвояси. Ночь идем, день отдыхаем. Теперь уже в обратном порядке: Чехия, Австрия, Венгрия. Остановились мы в селении Фармош, километрах в семидесяти от

Будапешта. Июль 1945-го. Я передать вам не могу, как я ждал демобилизации. А со мной служили пожилые люди. Г-споди! Мне-то было еще неполных 20 лет. Увольнялись в запас старики, которым было под 60, они были старше моего отца. Два человека демобилизовывались, и грузовик был полностью загружен, разрешали везти все, что у тебя есть. Везли мешками. Что было в мешках, не знаю, но везли. Да и деньги давали по тем временам немалые. А меня, как старшего сержанта воздушно-десантных войск, задержали. Мой 1925 год увольнялся в запас то ли в 1947-м, то ли в 1948-м. А меня продержали в армии до 27 марта 1950-го!..

Я понимал, что рано или поздно демобилизуюсь, что надо загодя принаравливаться к мирной жизни, и попросил командование разрешить мне посещать вечернюю школу. К тому времени мы стояли уже в Никополе. Меня приняли в 10 класс условно, потому что у меня не было никаких справок, никаких документов, подтверждающих, что я окончил 9 классов. Директором вечерней школы был еврей, Наум Маркович. Он внял моей просьбе, хотя 10 класс был переполнен. Я его не подвел. Ночами не спал, всех дневальных заменял, но восстановил знания по математике, физике, химии.

И поэтому уже здесь, в Алматы, закончил школу рабочей молодежи без проблем.

А потом была жизнь

В 1951 я поступил в консерваторию, успешно закончил и ее. А дальше - симфонический оркестр. Один, другой. Потом оркестр театра оперы и балета. Параллельно - педагогическая работа. В консерватории, в музыкальной школе. И это вплоть до 1993-го, когда ушел на пенсию. Жена у меня тоже музыкант, дирижёр-хоровик, и дочь работает в консерватории концертмейстером, а внучка учится в классической гимназии, обучается игре на флейте. Такая вот у нас династия музыкантов.

Ну, а теперь 9 мая, прежде чем идти в парк Панфиловцев к вечному огню, надеваю парадный костюм с боевыми наградами. Сколько их у меня? Орден Отечественной войны II степени, медали «За боевые заслуги», «За взятие Вены», «За победу над Германией». Плюс награда за мирный труд на ниве просвещения - значок «Отличник народного образования Казахстана». Ранения? Ранений, слава Б-гу, не было - ушибы были (*смеется*).

А на волоске от гибели был я не раз. Но, как видите, слава Б-гу, дожил до нынешних лет. В прошлом году нас, старых вояк-евреев, собрали в ресторане «Брно» - чествовать. У меня снимок есть с этой встречи, там я при всех моих боевых регалиях. Фронтowych снимков осталось немного, и я их берегу как очень дорогую мне память.

2003 г.

Его нестерпимая боль. Юрий Герт

Хотим мы этого или нет, но мы родом из прошлого, и прошлое имеет над нами необоримую власть. И хоть живем мы уже в ином тысячелетии, в иной эпохе, но состав крови у нас едва ли изменился. А формировался он еще в послевоенные годы, когда страна цепенела под властью сталинизма, который мы потом почти по Чехову старались вытравить из себя как остатки дурмана. Но как избавиться от этого морока, если в нем погрязла в те поры вся система, а мы были ее неотъемлемой частью, и мы помалкивали, потому как наготове были и лагеря, и психушки.

А Юрий Герт не молчал. Он говорил об этом громко, во всеуслышание, и его роман «Кто, если не ты?» до сих пор в нашей памяти отзывается рудиментом давней нестерпимой боли. И хотя события романа переплавлены в тигле таланта и вы-

мысла, но в нем живет подлинное дыхание жизни, и то, о чем он повествует, автор сам пережил, сам испытал на собственной шкуре. И допросы в КГБ, и принародные судилища за то, что ты позволил себе смелость думать не по указке, и аресты родных и близких, и тупорылая «эмка», которая могла остановить тебя посреди улицы и увезти в КПЗ. Причем судил-то кто? Ближайшие друзья, которые вчера, казалось бы, дышали с тобой в унисон, а сегодня клеймят тебя как преступника. Да еще тебя же успокаивают после своих обличительных речей: ты, мол, не расстраивайся, все будет хорошо, но - так надо.

Нет, Юрий Герт не возводил баррикад и не лез на баррикады, он просто книгами своими старался говорить правду. И не эзоповым языком, в котором мы тогда все подна-торели и ловили намеки с полуслова, а говорить негромко и с достоинством все, как было и как есть. Человеческое достоинство было для него величайшей ценностью, и, в сущности, все его книги посвящены так или иначе защите этой единственной ценности, которой нас пытались правдами и неправдами лишить.

Не могу забыть своего впечатления от гертской повести «И пусть повезет гренадеру» - о поездке в Пушкиногорье, о ночи под открытым небом, проведенной в тех заповедных местах. Повествование было погружено в удивительную ауру ожидания необычного, что непременно должно произойти. Там был пьянящий романтический порыв, там было предчувствие легкости и свободы, но и звучала щемящая тревожная струна. С тех пор прошло почти полвека, но вот ведь не могу забыть того давнего ощущения от прочтения книги, но так бывает всегда, когда соприкасаешься с настоящей литературой.

А следом - рассказ «Политанский», почти фантазмагорическая фигура главного героя, в прямом смысле этого слова - героя нашего времени, то есть времени 60-х годов прошлого века. Человека жалкого в своем ничтожестве, но неутомимого в тех паскудных деяниях, что он совершает из чувства долга. Здесь гротеск у Герта достигает почти гоголевской силы.

Но, Бог ты мой, как он умел быть трогательно лиричным, и его повесть «Солнце и кошка» бесценным грузом легла в основание моей души. А бабушкино варенье из ренклодов (есть такой редкий сорт слив) словно пришло из моего собственного детства, как бы послушное воле великого Марселя Пруста, преуспевшего в своих поисках утраченного времени. Читая повесть Герта, ощущаешь и вкус того варенья, и неповторимые запахи детства, одно воспоминание о которых способно сделать тебя счастливым.

Мне, к сожалению, не довелось принять участие в проводах Герта в Америку, и облик его за давностью лет мог бы забыться. Но нет, такие люди не подвержены забвению. Невысокого росточка, почти изящный и почти невесомый, увенчанный огромной шевелюрой. «Юра, Юра, шевелюра! Юра, Юра - голова! - писал о нем Валерий Антонов. - Как мне дорог этот профиль, этот на сторону нос, и над чистым глазом брови грустно вскинутый вопрос». Это очень точно подмечено («грустно вскинутый вопрос»), в его глазах постоянно ощущалась напряженная работа интеллекта, «думать» для него было основным занятием и времяпровождением на земле. После редакции олжасовской книги «Аз и Я», травимый и загнанный в пятый угол, я часто искал душевной и духовной защиты рядом с Гертом. Кстати, именно тогда он без колебаний дал мне рекомендацию в Союз писателей. Он понимал меня, как никто, поскольку сам почти все время был травим и гоним. Он с превеликими трудами пробивал свои книги в печать. Роман «Лабиринт» ждал своего часа двадцать лет, повесть «Лгунья» - пятнадцать. Но стоило многострадальной книге выйти в свет, как начиналась травля и книги, и ее автора. Временщики, взлетевшие к престолу, особой изобретательности не проявляли (откуда ей у них взяться?), но были неутомимы в этой травле. А на лице Герта как бы таилась полуулыбка, и в его глазах светилось неистребимое упорство. Он вопреки всему продолжал работать над новыми книгами.

«Герт был человеком с чувством собственного достоинства, - вспоминает профессор Тамара Яковлевна Ильина. - Так называлась одна из его публицистических статей, а эпиграфом к ней было четверостишие Булата Окуджавы:

Чувство собственного достоинства...

Кроме этого ничего

Не придумало человечество

Для спасения своего.

Это чувство проявлялось у него во всем. Как-то летней ночью Юра провожал меня домой. Мы шли по безлюдному в это время проспекту и вдруг увидели впереди группу не вызывающих доверия молодых людей. Я предложила не подходить к ним и перейти на другую сторону улицы. Герт возразил:

- Зачем? Ведь нам надо идти прямо, - и мы пошли, не сворачивая».

Виктор Бадиков рассказывал, как однажды они с Гертом ехали в автобусе после военных сборов, и кто-то из пассажиров позволил себе сказать вслух антисемитское словечко. Герт тут же ринулся в его сторону. У меня все похолодело внутри, рассказывал Виктор. По весовым категориям Герт и не сдержанный на язык пассажир весьма различались. Герт что-то сказал пассажиру. Надо было видеть, как этот верзила покраснел и принес Герту свои извинения.

23 года проработал Юрий Герт в журнале «Простор». Он пришел еще в шуховский «Простор», в звездную пору журнала, когда его тираж взлетел до 160 тысяч экземпляров. Помните, тогда здесь был напечатан «Джан» Андрея Платонова, «Хранитель древностей» Юрия Домбровского... Здесь увидел свет и первый роман Юрия Герта.

А почти четверть века спустя было мучительное расставание с журналом, а потом и отъезд в США.

Из Алматы уезжать ему не хотелось. Здесь его знали, здесь был его читатель. Да, были злобные выпады против его книг в печати. Но была и поддержка читающей публики, был успех. А ехать было просто необходимо. Тяжело болел внук, вылечить его могли только в штатах. Да и дочь с зятем твердо решили связать свою судьбу с Америкой.

- Здесь я жил в полном смысле этого слова, - грустно говорил Юрий Михайлович, прощаясь с городом у подножия Ататау. - Туда мы едем с женой доживать.

Тем не менее, за десять лет проживания в Кливленде он написал и напечатал четыре книги - «Эллины и иудеи», «Северное сияние», «Лазарь и Вера» и, наконец, «Семейный архив», объемный многолетний труд. Впрочем, книги эти были задуманы и продуманы еще в Алматы. А с Америкой сердце его так и не срослось. Он тосковал по Алматы, по Казахстану, по алматинским друзьям...

Он ушел из жизни 29 июня 2003 года, как принято говорить в таких случаях, после тяжелой и продолжительной болезни. Говорят, он попросил пришедшую к нему медсестру выкатить его на балкон. Что он там увидел, что хотел увидеть в последние мгновения своей жизни? Может, далекие алматинские горы, парк возле его дома, заросший могучими тополями и кленом; друзей своих, молодых, шумных, которые оккупировали его шестиметровую кухню и не расходились, бывало, до утра... Через несколько минут медсестра по его знаку возвратила Герта в комнату, он лег в постель и умер.

А книги его продолжают жить, рассказывая уже новому поколению читателей про ту нестерпимую боль, которая приключилась с нашей страной и с нами в теперь уже минувшем XX веке. Эта летопись канувшей в прошлое жизни волнующа и правдива. Она переживет нас с вами и, быть может, аукнется в грядущих временах.

Юрий Михайлович Герт (1931-2003). Родился в Астрахани, служил на Кольском полуострове, окончил Вологодский пединститут. Работал в Караганде, потом в Алматы. Автор романов "Кто, если не ты?..", "Лабиринт", "Ночь предопределений", "Приговор", сборников рассказов и повестей "Первое апреля", "Солнце и кошка", "Листья и камни", книги публицистики "Раскрепощение" и др. Его книги всегда были связаны с острейшими проблемами, которыми жило общество: личность и государство, свобода и угнетающий человека режим.

2003 г.

Отцы и дети *Евреи Казахстана в США*

Миркин Вульф Аронович, 1931 года рождения, кандидат химических наук. Родился в Кокчетаве, всю жизнь (до отъезда в США) прожил в Казахстане. С 1935 по 1992 жил в Алматы. Окончил химфак КазГУ, был учеником Михаила Ильича Усановича, его дипломником, а потом у него же ещё 27 лет работал доцентом на кафедре.

Минувшим летом он приезжал в Алматы с частным визитом. Во-первых, исполнилось 110 лет со дня рождения Михаила Ильича, и верному ученику хотелось отдать дань памяти Учителю. Во-вторых, в Алматы осталось масса друзей, сослуживцев, людей близких по духу, которых всенепременно хотелось повидать. И вообще посмотреть, насколько изменился город и его обитатели, насколько изменилась в принципе жизнь на родине, по ней все эти годы разлуки подспудно ныло сердце и за неё болела душа.

В один из дней его визита мы встретились с ним, и он охотно, с предельной открытостью поведал о своём житье-бытье за океаном.

Дети

- Вначале - о детях, ибо главное происходит в их жизни, ради них я покинул в своё время Алматы. И потом: на момент отъезда я был уже пенсионером, жизнь клонилась к закату, а у детей всё было впереди.

Мой сын Михаил очень успешно прижился в Америке. Здесь, в Алматы, он кончил наш факультет, был моим студентом. Человек он очень широких интересов. В математической школе, где он учился, он участвовал в олимпиадах по физике, и небезуспешно. После КазГУ он здесь защитился, стал кандидатом наук, проработал здесь два года. Но ему очень не нравилась Советская власть, с ней он был не в ладах по многим позициям, в том числе и по идейным. И в 1989 году с молодой женой и сыном уехал в Штаты.

Было ещё одно обстоятельство, которое подталкивало его к этому: у моего внука было врождённое заболевание сердца, и операцию ему могли сделать только там, в США. Жена моего сына Марина - дочь писателя Юрия Герта, я живу в одном доме с вдовой Юрия Михайловича... Вскоре по приезде в США Сашка, внук, перенёс три операции на открытом сердце. Одну сразу после приезда, когда ему было пять лет, потом ещё две - по коррекции. Первая операция по коррекции была не очень удачной, забило кровеносный сосуд, пришлось пойти ещё на одно хирургическое вмешательство - менять сосуд на тифлоновый. Сейчас у внука всё нормально, он учится в университете.

А у сына всё сложилось таким образом: будучи студентом химфака, он одновременно (это была моя идея, и мы сумели договориться с его научным руководителем) учился на факультете прикладной математики, где тоже прослушал несколько курсов по углублённому изучению математики и программирования. И в результате сделал работу теоретического плана, работу весьма значимую.

В свою очередь у его жены Марины был довольно сносный английский, может, не очень высокого уровня, но всё же (она кончала английскую школу, то есть английский у неё был пассивный - чтение). И несколько первых месяцев им пришлось трудно, они осваивали English. Их приняла маленькая еврейская община в Бостоне, которой их данные показались очень привлекательными: два молодых образованных человека и очень большой ребёнок. Община согласилась принять ребят, оплатить стоимость операции, и ребята прожили там пять месяцев. А потом Михаил съездил в Нью-Йорк, там есть такой видный теоретик Фелберг. Он у Фелберга сделал доклад на английском, и хотя английский у него был ещё примитивный, но вполне достаточный для толкового доклада. Фелбергу он понравился, и Фелберг рекомендовал его ещё одному еврею, очень видному американскому химику, бывшему председателю американского химического общества профессору Барду. Бард приехал в Бостон на какую-то конференцию, переговорил с Ми-

хаилом и предложил ему пост-докторантскую позицию в Техасе, в Остинский университет. А через неделю Михаилу предложили такую же позицию в Массачусетском институте технологии (Бостон), но поскольку он уже дал слово, они перебрались в Техас, хотя в Бостоне им очень нравилось.

В Техасе жили на одну зарплату Михаила, жили скудно. Михаил очень много работал и очень много сделал. За три года он написал большую главу в книге, которая обещала быть трудом фундаментальным, сделал много экспериментальных работ и вырос в теоретика, приобретя также и экспериментальные навыки, научившись очень деликатной и очень тонкой технике, которую применяют в самых разных областях науки - в биологии, в частности. Он, например, изучает обменные процессы на нанометровом электроде. На таком электроде исследуется обмен ионами на границе раковой и нормальной клетки, что даёт возможность решать очень деликатные задачи. При всём при том Михаил теоретически обрабатывает всё это. Не случайно им написаны два раздела во второй большой книге, где они с профессором Бардом оба редакторы, раздел и теоретический, и экспериментальный.

И вот прошло три года. Марина - она психиатр и уже там, в США, окончила ещё и Психоаналитический институт - Марина к тому времени сдала экзамены, которые давали ей право работать врачом на резидентуре (то есть под наблюдением другого врача). Они выбирали, куда поехать дальше, и Марина выбрала Нью-Йорк, еврейский госпиталь на Лонг-Айленде. Перед этим она блестяще прошла интервью в одиннадцати госпиталях, случай очень редкий, и во все одиннадцать госпиталей получила приглашение на работу. Она объехала всё восточное побережье США (Чикаго, Филадельфия, Нью-Йорк и т.д.) и везде производила очень хорошее впечатление, и везде сразу после интервью получала приглашение. Английский у неё к этому времени она освоила в совершенстве.

В Нью-Йорке профессор Бард дал рекомендацию Михаилу, и Михаил получил место профессора в университете «Нью-Йорк Сити», это Городской университет Нью-Йорка. Там он и работает до сих пор, в этом году получил полного профессора, последнюю и самую высокую степень. Кроме своей основной работы в университете он обеспечивает теоретическую часть для японских исследователей, он работал с коллективом университета Саутгемптона (Англия), у него много сотрудников в других университетах, с которыми он делает проекты по совместным грантам. Сейчас у него и своих грантов появилось более или менее достаточно. В его распоряжении лаборатория с восемью сотрудниками. Ныне человек он популярный и очень уважаемый в научном мире, выступал на конференциях во всех концах света - в Италии, Норвегии, Дании, Чехии, Ирландии, Японии. В Японию он ездит регулярно, потому что руководит совместными работами. И к нему приезжают японские специалисты для консультаций и для проведения работ. Когда он объявил в Интернете, что у него есть пост-докторантская должность, то получил более ста резюме. Большинство его сотрудников - китайцы, но есть и француз, американец, венгр. Так что он работает, так сказать, в мировом масштабе.

Всё. За детей и внуков я спокоен.

Отцы

Теперь об отцах.

Мы с женой уехали в США через три года. Жена моя Нинель Львовна по университетскому образованию была журналисткой. Много лет она работала редактором научной литературы в издательстве «Кайнар». Редактором она была многоопытным, могла сделать книгу из «сырого» материала, это очень ценили авторы из Института экономики и развития сельского хозяйства. Они её переманили, она ушла в этот институт, сдала кандидатский минимум, защитила диссертацию, обосновав концепцию транспортировки сельхозпродуктов между югом и севером. Она доказала, что всё северное выгоднее возить на юг и наоборот. Может, в мировом масштабе это небольшое открытие (мы едим в США, скажем, яблоки из Новой Зеландии, виноград из Чили и Южной Африки), но в те годы для Казахстана это было довольно свежая идея. Она защитилась и стала заведовать секто-

ром института. И уже в конце перестройки успела поработать в Государственном Комитете статистики.

А я после КазГУ работал в Институте химических наук у Михаила Тихоновича Козловского, но вскоре меня пригласил в университет Михаил Ильич Усанович, и я уже в университете около тридцати лет работал на химфаке доцентом. Под моим руководством были защищены три диссертации. И, конечно же, то были годы интенсивной преподавательской работы.

Откровенно говоря, я поехал в Штаты не вслед за детьми, иначе, чего проще было бы уехать вместе с ними в 1989 году. Но тогда потенциал творческий и преподавательский я ощущал в себе далеко не исчерпанным. У меня были любимые ученики, я очень ценил свою работу, преподавательскую особенно, и научная работа шла довольно успешно. У нас были хорошие связи с ленинградцами, я часто ездил в Питер с докладами. Да и с советской властью, кстати сказать, находился в равновесии: она меня не трогала, а я на неё не обижался. Если что и было несправедливо, ну и пёс с ним, меня устраивало то, как я работал. Тем более что по натуре я человек не амбициозный. То, что у меня было, меня вполне устраивало, и я был счастлив.

Но в 1990 году, когда перестройка уже начала завершаться, у нас уменьшили набор на химфак, и я понял, что я первый кандидат на пенсию. А на пенсии я себя совершенно не видел, и, таким образом, жизнь для меня рушилась, поскольку все основы, которые меня к этой жизни привязывали, исчезали - причём, в течение ближайшего года.

К этому времени наши дети уже оформили вызов - нам и Гертам, родителям моей снохи. Именно в это время у Юрия Герта начались сложности и с «Простором», и с изданием книги «Эллины и иудеи». Более того, он считал, что книгу эту тогда издавать было небезопасно. Словом, и у него всё рушилось, и мы решили за благо уехать.

Дети наши тогда уже были в Техасе, жили очень стеснённо, к тому же собирались переезжать в Нью-Йорк, и наш приезд к ним непосредственно был бы им в тягость. Мы это прекрасно понимали. И мой старый друг, который жил в Кливленде, сказал: пожалуйста, мы вас примем. Кстати, если вы знаете, Кливленд был городом, где началась борьба за разрешение эмиграции советским евреям. Для нас была организована встреча с теми людьми, которые начинали всю эту кампанию. То были удивительные люди, и о них имеет смысл рассказать особо, уже вне рамок нашего интервью. Кливленд в 90-х годах был, пожалуй, единственный город, который брал советских евреев-эмигрантов на общинный гарант - евреев, у которых не было родственников в США.

Я понимал, что в силу своего возраста я не могу претендовать на научную или производственную карьеру, как оказалось позже, то были резонные соображения. Я ехал с тем, что буду заниматься любой работой и сумею прожить совсем другую жизнь, не связанную с наукой, хотя немножко попреподавать мне удалось и там.

Мы жили на пособие, потом стали получать пенсию. Юрий Герт стал сотрудничать в различных русскоязычных изданиях, писать свои книги. К тому же Герты довольно быстро получили пенсию по инвалидности. А я нашёл работу на один час в день в химической лаборатории, мой опыт был весьма ценен. Сейчас на базе этой лаборатории создана группа для подготовки лаборантов, я там читал небольшой курс лекций по химии, разумеется, на английском языке, по приезде буду читать ещё, у меня всё уже готово для этого.

Но жизнь есть жизнь, и возраст берёт своё. Три года назад ушла из жизни моя жена - рак. Полтора года назад скончался Юрий Михайлович Герт.

Что надо сказать, резюмируя вышеизложенное? Сегодня материальных проблем у нас нет, тем более что я работаю. Скромная нормальная жизнь. Много читаю. Сначала читал всё больше по-английски, сейчас вновь переключился на русские тексты. Кстати, возможность читать русскую литературу у нас получше, чем в республиках СНГ. Наша центральная библиотека получает из России все основные толстые литературные журналы, так что я в курсе всех литературных событий Москвы и Питера. Кроме того, библиотека покупает очень много русскоязычной литературы. А вот казахстанские издания до

нас практически не доходят, о чём приходится только сожалеть. К тому же Кливленд город очень музыкальный, есть консерватория, хороший оркестр. То есть у нас там очень насыщенная интеллектуальная жизнь. Хотя еврейская община Кливленда не такая интеллектуальная, как скажем еврейские общины Бостона и Нью-Йорка. Но это данность, которую надо просто принять к сведению. Сюда попали в эмиграцию в основном люди технических профессий, а община большая, тысяч 30-40. Юрий Герт был самой видной и самой популярной фигурой в кливлендской литературной среде.

С первых же дней я начал ходить в синагогу, и ходил практически ежедневно, пока не начал активно работать. Теперь, к огромному своему сожалению, я не могу столь часто бывать в синагоге, но в субботу и во все праздники бываю здесь непременно. Тем более прихожу на такие события, как обряд брит-мила. Для еврея это свято. Конечно, дома у меня есть и Тора, и Сидур на русском языке - еврея представить себе без этого просто невозможно. Иудаизм - это мои корни, мои предки. Движением жизни я был отлучён от них, и теперь я стараюсь наверстать упущенное.

2004 г.

Жизнь прожить – не поле перейти...

Давид Исаакович Абрамишвили, сын Рахели, родился 24 мая 1927 года в Тбилиси. В феврале 1950-го в числе сотен тысяч соотечественников насильственно выслан в Казахстан. Здесь он и остался потом жить. Он полюбил эту землю, она стала ему родной. Он был очень трудолюбивый человек, и трудолюбием своим снискал всеобщее уважение. По профессии он был сапожник, и сапожник очень хороший: ноги в его обуви, что говорится, сами шли. Трудился он, не покладая рук. Чуть ли не до самой кончины. Он умер 2 января 2002 года в Алматы - в городе, ставшем для него родным.

Он всем своим обликом нес традицию. И делал все, что в его силах, чтобы сохранить ее. Он читал Кадиш. При этом ему было известно, что надо точно знать и записать имя человека, которому Кадиш посвящен. Он приходил утром рано в синагогу, искал помощника раввина Боруха, чтобы с ним уточнить имя человека, которому в этот день поминальная молитва будет посвящена. Тут ошибки быть не могло. Видно было, что человек искренне переживает за это.

Иврита он не знал, но слова молитв читал наизусть.

Раввин Эльханан Коген.

Когда исполнилось семь дней со дня кончины, в синагоге состоялись поминки. Все было в соответствии с традицией, как оно и положено в таких случаях. Накрыты столы, поставлено кашерное угощение. Были сказаны речи о покойном. На русском, грузинском и арамейском языках - арамейский был родным языком Давида Абрамишвили.

О Давиде Исааковиче нам рассказала его троюродная сестра Ханна Харуни. То был светлый и горестный рассказ - о светлом человеке, благословенна его память, и его горькой судьбе, которую он разделил с сотнями тысяч своих соотечественников-евреев, насильственно депортированных "отцом народов" в Казахстан.

- Он был очень верующий человек, - рассказывает Ханна. - И из хорошей семьи. Родство у нас, может, и не такое уж близкое, но мы родственники сразу по трем линиям: и со стороны мамы, и со стороны папы - наши дедушки и бабушки были очень близкой родней.

Родился он 24 мая 1927 года в Тбилиси. Младший сын в семье. Ему было всего два месяца, когда умерла его мама. Ему было шесть лет, когда умер отец. Его воспитывала

мамина мама, моя двоюродная бабушка. Она семечки продавала, и этим жила, и еще внука растила.

У него был старший брат, сапожник. Когда Давиду исполнилось 11 лет, брат взял его к себе и обучил сапожному делу. Их было четверо братьев и две сестры, которые к тому времени уже вышли замуж и уехали - сначала в Иран, потом в Америку.

Было это давно, еще до войны, в 20-30 годы. Старший брат к тому времени уже умер, у него остались двое детей. Второй брат погиб в 1938 году - арестовали непонятно за что, и как в воду канул (*Ханна рассказывает все это сквозь слезы - даже за давностью времени боль не утихает*). Его жена осталась с дочерью-сиротой. Третий брат жил в Сухуми, там и умер, а через год умерла его жена. Давид остался один от всей их большой, дружной и красивой семьи. Как он мучился, с каким трудом ему доставался каждый кусок хлеба!.. Он рос в нищете и лишениях, но с малолетства был человеком на редкость честным и порядочным, и эту порядочность сумел пронести через всю жизнь.

В четырнадцать лет он пошел работать на авиационный завод и работал на нем до 1950 года - до того времени, пока нас не выслали. Сначала он делал что-то по металлу. Потом увидели, что он сапожник хороший, и там же, на авиазаводе, перевели его работать по сапожной части.

На первом месте у него была забота о бабушке. Ботинки, бывало, сделает, продаст и бабушке деньги несет. Она умерла уже здесь, в Иссыке, сразу же как мы сюда приехали. Не выдержала нервного перенапряжения. Да и мы-то, молодые - нам было тогда чуть за двадцать, - с трудом вынесли все это.

Уже здесь, в Алма-Ате, в 1954 году его поженили на моей двоюродной сестре. Он сам себе строил дом, своими руками. На деньги, заработанные своим честным трудом. Хороший дом построил. Трех детей вырастил. В 1955 году родилась у него первая дочь, год спустя - вторая. А потом Б-г дал и сына. И дети очень хорошие. Работящие, самостоятельные люди, все уважают их, кто с ними имеет дело по работе или просто так - по житейским проблемам.

Работал он сапожником в артели им. Шаумяна, а сапожник он был самого высокого класса. В 1987 году, когда ему исполнилось 60 лет, обувная фабрика им. Шаумяна наградила Давида "Почетной Грамотой" за добросовестный и долголетний труд. Причем, вот это выражение - "добросовестный и долголетний труд" - не дежурные слова, эти слова очень верные и точные по сути, если говорить о нашем Давиде Исааковиче.

В 1995 году ему вручили медаль в честь 50-летия Победы в Великой Отечественной войне - ведь он тринадцать лет проработал на авиазаводе!

И всю жизнь до болезни он трудился, не покладая рук. Разве что последние три-четыре месяца, когда болезнь лишила его сил, он позволил себе не работать. А так следил за обувью у всей родни: подправить, подлатать, продлить, по возможности, жизнь обувки - для него это было первое дело. Пять месяцев назад он мне три пары туфель отремонтировал. И ни копейки денег не взял! Да еще меня же и пристыдил, когда я хотела ему заплатить. Если что надо, говорит, всегда скажи - я сделаю.

В 1997 году умерла жена Давида. Он очень горевал, но горе его не сломило. Он ходил в синагогу, оставался поддержкой и опорой для дочерей и сына. И старался не быть для них обузой, сам себе заработать на кусок хлеба.

В доме дочери, где он жил в последние годы, остался его маленький рабочий столик с выдвижным шкафчиком, где он держал все инструменты: шила, молоток, ножи, дратва, а чтобы дратву просмолить, кусочек вара. И кажется порой: вот-вот подойдет неспешной походкой к сапожному столику его хозяин, поудобнее сядет на стул, разложит шильца, ножи, кусочки кожи, набойки и с усердием склонится над своей всегдашней работой, без которой он не мог себе представить свою жизнь.

Говорят, на таких людях, как Давид, держится земля. И благодаря таким людям евреям, не смотря на тысячелетия галута, остались евреями.

2002 г.

Остаться женщиной

Держу в руках книгу Тамары Ильиной «Были XX века», она необычного формата, как бы квадратная, она выбивается из общего ранжира всех прочих книг, равно как выделяется из череды наших жизней судьба женщины, написавшей это необычное повествование. Вновь и вновь листаю книгу, перечитываю отдельные страницы. Они поражают искренностью и человеческой болью, которой пропитана жизнь автора. Пытаюсь соотнести прочитанное с человеком, которого знаю уже несколько лет, знаю как личность незаурядную, редкостно разностороннюю, поражающую своим неистребимым оптимизмом.

Тамара Ильина - одна из ведущих врачей-фтизиатров страны, доктор медицинских наук, профессор. Уже 42 года работает в Алматинском институте усовершенствования врачей Министерства здравоохранения Республики Казахстан, 20 лет заведовала кафедрой фтизиатрии. Человек на редкость наблюдательный и, как выясняется, профессионально владеющий пером. Её книга - опыт общения с жизнью, которая в основе своей прошла на одной шестой части суши, именуемой СССР. А это значит строка из Осипа Мандельштама «мне на плечи кидается век-волкодав» имеет и к Тамаре Яковлевне самое непосредственное отношение. «Тамара Яковлевна пережила и прожила большую часть советской эпохи еще и в «роли» дочери «врагов народа»: отец был расстрелян в 1938-м, мать стала узницей АЛЖИРа, а потом ссыльной, - пишет в предисловии к книге профессор Виктор Бадиков. - Немало невзгод, лишений и страданий обрушил «век-волкодав» на плечи и душу этой жизнелюбивой, честной и обаятельно-красивой женщины. Она вынесла все, она выстояла и сохранила в сердце своем главное человеческое качество - веру в торжество жизни, правды и счастья». Она осталась женщиной.

Враги народа

Страницы из книги «Были XX века»

Словосочетание «враги народа» я услышала в 1935 году в городе Сумы. Туда папу как специалиста командировали на два года техническим директором Сумского компрессорного завода. В Сумах у папы появились друзья, в их числе и интеллигентная бездетная пара. Придя впервые к ним в гости, я залюбовалась маленькой чашкой, украшавшей горку (так тогда называлось подобие нынешних сервантов). Каковы же были мое удивление и радость, когда эта чашечка была мне тут же подарена.

И вот в очередной приезд я услышала, что хозяин дома оказался врагом народа и его арестовали. Понять это было трудно. Народ - это я и люди, меня окружающие. И вдруг хороший и добрый дядя, щедро одаривший меня, стал моим и всего народа врагом?

Потом оказалось, что врагов народа множество. Взрослые только о них и говорили. То того арестовали, то этого. Арестованные домой больше не возвращались. Некоторые из «врагов» выбрасывались из окон многоэтажных зданий и разбивались насмерть, другие стрелялись. Умер (застрелился) Серго Орджоникидзе. Папа имел какие-то контакты с ним по работе. Участвовал в похоронах, стоял в почетном карауле. У нас в семье об Орджоникидзе говорили с уважением и выделяли среди других вождей. Его странная смерть всех потрясла. Но все это было в стороне от моей жизни. А она шла своим чередом. Папу перевели на работу в Москву, в Главхиммаш - Главк химического машиностроения.

В один из ближайших праздников отец взял меня с собой на демонстрацию. Наша колонна проходила по Красной площади далеко от Мавзолея. Папа поднял меня на плечи, чтобы можно было лучше разглядеть трибуны. Видно все равно было плохо, но я знала: там, среди людей на Мавзолее, совсем недалеко от меня, стоит он, самый дорогой чело-

век, вождь всех народов, подаривший нам счастливое детство, Великий Сталин. И сердце мое радостно замирало.

Наш дом на Крымском валу только заселялся. Вскоре я познакомилась и подружилась с обитателями двора. Лето кончалось, и все чаще кто-то из ребят сообщал, что в такой-то и такой-то квартире ночью «забрали» очередного врага народа и увезли на «черном вороне». Наш дом превращался во вражеский стан.

Начались занятия в школе. Нас выстроили на линейку и, как всегда, прозвучало: «Юные пионеры... будьте готовы!» Мы бодро и дружно отвечали: «Всегда готовы!» Однако к тому, что многих из нас ждало, мы были совсем не готовы.

В Москве у родителей друзей было немного. Чаще других они общались с Кудряшовыми. Глава семейства (начальник Казанского вокзала) был крупным, представительным мужчиной. Кудрявый под стать фамилии, да и жил на Садово-Кудринской. Однажды за столом в присутствии Кудряшовых я включилась в разговор и повторила услышанную как-то в доме фразу: «Сейчас лучше всех живется сапожнику - вбивай гвозди в сапоги и ни о чем не задумывайся». Поразила меня папина реакция. Он был растерян, испуган и возмущен... Чувство страха витало над нашим домом. Тучи сгущались. «Врагов народа» становилось все больше. Вскоре им стал и Кудряшов.

Мы жили на шестом этаже. У нас был общий, разделенный металлической решеткой балкон с соседями из другого подъезда. Там, в семье Альбовых, жил мальчик Шура, старше меня на два года. Шурина мама не работала. До начала занятий она предлагала нам что-нибудь почитать. Мы уютно располагались на диване и с удовольствием слушали ее чтение. Сам Альбов, как почти все мужчины серого дома, в котором мы жили, появлялся поздно вечером или под утро и лишь иногда проводил с семьей выходной день. Известно, что Сталин страдал бессонницей и работал по ночам. Все мало-мальские начальники были готовы к ночным телефонным звонкам, вопросам, поручениям и распоряжениям «сверху».

Наступил декабрь 1937 года. Морозным утром собираюсь в школу. Неожиданно раздался стук в балконную дверь. Сквозь серое морозное облако я увидела Шуру с пачкой книг:

- Ночью арестовали отца. Был обыск. Комнаты опечатаны. Твои книги я сохранил. Возьми их.

И все... Я замерла у открытой двери с книгами в руках. Дверь закрылась. А я все стояла. Несчастье постучалось совсем рядом. Это уже были не абстрактные враги, а близкие, хорошо знакомые мне люди. Не может быть, чтобы они были врагами народа. Это ошибка. «Там» разберутся, и Шурино папу отпустят. Но «оттуда» никого не отпускали.

В те годы ходил анекдот: «Как живете? - Как в трамвае. Одни сидят, а другие трясутся в ожидании, когда сядут».

Казалось, что со мной ничего подобного никогда не случится.

Арест отца

...Прошло два дня, и ночью раздался громкий, настойчивый звонок в дверь. В квартиру вошли трое в штатском и понятые. Они расположились в родительской спальне, которая была одновременно и папиным кабинетом. Сидели за папиным столом и разбирали его содержимое...

Всю ночь длился обыск. Мама сидела онемевшая. Я молча бродила по квартире.

Под утро обыск закончился. Папе предложили одеться. Мама припала к нему. Ее вежливо отстранили:

- Не волнуйтесь. Это просто проверка. В НКВД разберутся, и ваш муж через пару дней будет дома.

К выходной двери я провожала папу одна.

- Доченька, я не знаю, что со мной будет. Но что бы ни случилось, помни, что перед тобой и перед страной я ни в чем не виноват.

Дверь за ним захлопнулась навсегда. Я подошла и прижалась к рыдающей маме.

- Как же мы будем теперь жить?..

...Через день после ареста мама пошла на работу в тубдиспансер, а я в школу. Было страшновато. Казалось, что все будут указывать на меня пальцем: «Вот она, дочь врага народа, нашего врага». В школе ничего такого не произошло. Я продолжала учиться, как обычно. Но как-то, выходя с мамой со двора, мы встретили мамину знакомую. Ничего не подозревая, она, улыбаясь, подходила к нам. Мама прошептала:

- Не останавливайтесь, я прокаженная.

Женщина все поняла и быстро прошла мимо. Мне было страшно. С близкими «врагов народа» даже общаться опасно.

Не прошло и двух недель, как маме предложили освободить квартиру. Нас подселили в квартиру, где после ареста мужа осталась женщина с ребенком...

Пришли за мамой

Нашу новую соседку звали Тая Емельянова. Участница гражданской войны, одна из первых кавалеров ордена Красного Знамени. Умный и отзывчивый человек. Своих детей у нее не было. Они с мужем усыновили детдомовца Лешу. Тая Емельянова страдала болезнью сердца и нигде не работала. Она неплохо шила и этим обеспечивала себя и сына. Мы с ней подружились.

...Однажды весенним днем я брела из школы домой. На улице меня остановила нищенка в заношенном тулупе, замотанная платком. На руках у нее был маленький, укутанный в лохмотья ребенок, а другого она держала за руку.

- Поддай копеечку детям на хлеб.

У меня было двадцать копеек, которые мама дала на мороженое. Мне жаль было с ними расстаться, и я прошла мимо. Тут же мне стало стыдно своей жадности, я вспомнила нянины слова: «За плохие поступки наказывает Б-г». Этой ночью в квартире снова раздался звонок.

Теперь я уже знала, что за ним следует. Наружную дверь открыл сосед. В квартире раздалась мужские голоса. Мы замерли в ожидании: куда пойдут ночные гости - к Тае или к нам? Шаги направились к Тае, и раздался стук в ее дверь. Мы облегченно вздохнули, на этот раз беда как будто нас миновала. Но прошло несколько минут, и постучали к нам.

Их было двое или трое в штатском и понятые. Маме предъявили ордер на арест и обыск...

В этот раз обыск длился недолго. Книг почти не было. Один из энкавэдэшников стал обследовать мой школьный портфель. Вывернул его содержимое и начал рассматривать тетрадки, дневник и все остальное, что было в нем. И тут меня словно прорвало. Случилась истерика без слез.

Я кричала, что никто не смеет рыться в моем портфеле... Что если б у нас и было что от них утаить, я бы так спрятала, что они никогда бы не нашли.

- А вашему Сталину передайте спасибо за мое счастливое детство!

От этих моих слов мама пришла в ужас:

- Ты не понимаешь, что говоришь. Успокойся, родная моя!..

И уже обращаясь к ним:

- Она так расстроена, что не дает отчета своим словам. Если можно, отправьте девочку к моей сестре.

- Согласно направлению, вашу дочь отвезут в детский приемник, - ответили ей.

Мамины вещи были собраны. На стуле мама развесила папин костюм и теплое белье. Рядом поставила его ботинки.

- Он ведь ничего с собой не взял. Теплые вещи ему, наверное, понадобятся. Пусть висят на видном месте.

Как выяснилось через много лет, папы уже в это время не было в живых.

У порога мама прижала меня к себе, несколько раз поцеловала. Держа в руке чемодан, она пятилась вниз по лестнице, не отрывая от меня глаз. Мне казалось, она сейчас упадет.

...Таю Емельянову вскоре тоже арестовали. По слухам, она умерла в тюрьме. Ее сын Леша снова стал детдомовцем. А милостыню, когда у меня просят, я всегда подаю.

В 1956 году, когда начались массовые реабилитации, мне понадобилась справка с последнего маминого места жительства. Я с трудом нашла дом на Донской (мы там прожили всего два с половиной месяца). Архивы во время войны были утеряны. Кто-то предложил позвать в свидетели бывшего дворника и его жену. Они жили в этом доме и могли что-то помнить. Вошедший пожилой мужчина, как ни странно, меня узнал.

- Ну как же, дочка, не узнать? Ты тогда очень кричала и все Сталина ругала. Аж слушать было страшно.

Покой нам только снится

Тамара Яковлевна Ильина потомственный врач-фтизиатр. Её мама тоже была крупнейшим фтизиатром. Мама продолжала работать врачом и в АЛЖИРе (Акмолинский лагерь жён изменников родины). Когда её освободили и определили местом жительства сначала Акмолинск, а потом Алма-Ату, она снова стала врачом номер один в тубдиспансерах этих городов. Всем тонкостям профессии она обучила свою дочь. Тамара Яковлевна ведёт курсы усовершенствования врачей практически во всех городах республики, часто бывает в командировках. В 9 утра её уже дома нет, она уже на работе, и в 9 вечера её тоже трудно застать дома. Она читает лекции, занимается научной работой, консультирует больных в Алматы и на выездах. Несмотря на далеко за пенсионный возраст, она активно живущий человек, живущий с каким-то молодым задором. Причём, никогда не ссылается на занятость. Она не может жить в полнакала.

2010 г.

На грани. «Отель двух миров». Игорь Гонопольский

В поисках здравого смысла и тайны бытия

В наши дни каждый по своему усмотрению выбирает себе бога и формы общения с ним, и есть подозрение, что вопреки развитию науки и скепсиса, число атеистов в XXI столетии поубавилось. Несмотря на оголтелый практицизм человек старается найти дорогу к собственной душе, а, найдя ее, уже не может просто плыть по течению.

Спектакль «Отель двух миров» по пьесе Эрика-Эммануэля Шмитта в Русском театре драмы имени Лермонтова поставил Игорь Гонопольский, и всё, о чем здесь будет идти речь, касается непосредственно его, режиссёра-постановщика. Ибо всё, происходящее на сцене, изначально пропущено через его душу, через его психофизику, через реалии его бытия, духовного и просто житейского.

Спектакль этот меньше всего обращен к религиозным чувствам зрителей. Просто место действия его заставляет нас вспомнить о существовании неких внеземных пределов, подобных аду, раю и чистилищу. Собственно, это даже не чистилище, а некий «предбанник» к нему, куда попадают души людей, находящихся в коме и ждущих своей участи: то ли врачи вернут их к жизни, то ли медицина окажется бессильной, и душе надлежит расстаться с бренным телом, подняться на судьбоносном лифте этажом выше и

предстать пред Богом. И каждому из персонажей, попавшему в это временное пристанище, в этот «отель двух миров», дается возможность вне суеты земной осмыслить прожитую жизнь и, может быть, произвести переоценку ценностей, служивших ему ориентирами. Хотя для каждого из персонажей само появление в отеле является шоком, и он не вдруг способен понять, куда попал и зачем. Как это и произошло с главным героем пьесы Жюльеном Порталем, типичным прожигателем жизни, давно и безнадежно слетевшим с катушек, махнувшим рукой на всякие там высшие смыслы и пустившемся во все тяжкие ради вполне доступных и таких понятных сиюминутных удовольствий.

Именно таким он предстает перед нами в исполнении Антона Митнёва. И даже не предстает, а кубарем вываливается из лифта чуть ли не на авансцену, в дымину пьяный и потерявший все ориентиры. Собственно, как и зритель в зале, Жюльен поначалу не может понять, что это за отель и почему его тут держат, требуя немедленно указать ему отсюда выход. Он мечется как зверь в клетке и не верит во все эти рассказы про душу и чистилище, пока ему наглядно не продемонстрируют на телеэкране его же собственное тело, изуродованное после автокатастрофы и в данную минуту распластанное на операционном столе в окружении медиков. Его сверх деятельная натура не в состоянии смириться с этим, и он впадает в некий ступор, в своеобразную теперь уже душевную кому. Но по каким-то едва заметным признакам и жестам мы догадываемся, что в оцепеневшей душе человека идет пока неясная нам тяжелая работа мысли и чувства, которая либо окончательно добьет его, либо и впрямь вернет к жизни. И этот контраст моторики и оцепенения настолько органичен в актере, что это состояние вот-вот передастся и нам. Там все же произойдут просветление и ренессанс, но об этом чуть позже.

А сейчас - о тех, кто поневоле рядом с ним все по той же причине, они между жизнью и смертью. Парадоксальный и эпатажный маг Раджакапур, в недавнем прошлом удачливый бизнесмен. Он так был увлечен работой, что не смог прийти на помощь своей единственной двадцатилетней дочери, скоропостижно скончавшейся в его отсутствие, чего он сам себе не может простить. Сергей Уфимцев в этой роли - некая смесь отчаянного бурлеска и угрызений совести, неизбывной скорби и почти безнадежных попыток обрести заново веру в жизнь. И мука эта длится у него уже полгода, потому как полгода он находится в коме и, как следствие, в «отеле двух миров», переосмысляя жизнь свою и жизнь окружающих, проникаясь их болью и пытаясь утешить. Как результат- самоотречение, он готов ценою собственной жизни спасти жизнь другого. И эта вызревающая от эпизода к эпизоду готовность к жертвенности дарует зрителю в финале тот самый божественный катарсис, ради которого и существует театр.

Но в силу разных причин не каждому дана эта способность к переосмыслению жизни. Отель стал на какое-то время местом обитания для простодушной и доброй Мари, отдавшей всю жизнь свою тем, кто оказался рядом: это не очень-то внимательный и не ласковый муж, дочери, которым она отдала свою душу, но не смогла, не сумела по-настоящему выразить свою любовь. При всем при том она работала, не покладая рук, надрывая жилы. Присутствие в отеле - минуты и часы отдохновения, хотя она и здесь пытается занять себя работой. Но самое главное, самое трудное - и это прекрасно показала в своей героине Наталья Долматова - ее простодушное недоумение перед собственным интеллектом, который оказался неспособным понять то главное, ради чего она жила на земле. После утонченной, рефлектирующей аристократки Раневской из «Вишневого сада» - простая уборщица, которая стесняется своих праздных рук и впадает в недоуменную печаль от неспособности думать. Те, кто ее окружает, умны и даже изощренны в умствованиях. Она же говорит предельно простые вещи, высокие материи не для нее, но она несет в себе ауру неистребимой доброты, в которую погружен стараниями актрисы весь первый акт. И когда Мари, эту бесхитростную, открытую душу призывает к себе Господь, к горлу подступает комок сочувствия и невосполнимой утраты, и там незримо присутствует невыразимое пушкинское «печаль моя светла».

Однако повторяем, не каждому дана эта способность к самообновлению, а тем более - скорбеть по поводу глухоты и слепоты своей души. Чему наглядное свидетельство еще один обитатель отеля - Президент трех фирм, у него даже имени нет, он как лицо нарицательное. Виталий Гришко являет нам само совершенство и торжество крайнего эгоизма и пошлого самодовольства. Он просто прекрасен в своей приверженности котировкам, ценным бумагам и неодолимому желанию срочно переписать завещание. У него нет и тени сомнения в том, что весь окружающий мир - лишь приложение к его драгоценной персоне. И даже намеки на противодействие ему, на несогласие с ним исторгают из него тираду возмущения, родственную пулеметной стрельбе: «что-что-что-что?!». Он не терпит инакомыслия и вгоняет весь мир в удобные ему, президенту трех фирм, параметры. Ему твердят, что он попал во временное пристанище душ между жизнью и смертью, что в любой момент он может быть призван на суд Божий. Полноте! Он убежден, что по ошибке попал в сумасшедший дом, и, сами понимаете, единственный разумный человек в этом обиталище - он, Президент. Даже здесь между жизнью и смертью он требует привилегий, готов на подкуп, и, дабы не сомневались в его значимости, он готов главе отеля, непогрешимому Доктору С. составить протекцию для вступления в некий элитный клуб бизнесменов.

Персонаж, исполненный Виталием Гришко, успевает осточертеть не только постояльцам отеля, но и зрителям, поскольку каждый из нас в жизни своей сталкивался с подобной человеческой сущностью. Однако же когда раздаются тревожные звуки лифта, прибывшего за Президентом, мы поневоле спохватываемся: а как же без него - возможно ли движение спектакля жизни? Он, как ни странно, стал нам дорог и необходим, хотя мы разделяем недоумение обитателей отеля. Ведь это же несправедливо: добрейшую, достойную сочувствия Мари отправили к праотцам, а президента, этого самодовольного зануду и в общем-то негодяя, вернули к жизни. «Его время еще не пришло, - пытается объяснить эту неловкость нам и самой себе Доктор С. - К тому же не забывайте: он попал всего лишь под велосипед», - что не может не привести к всплеску ироничного хохота в зрительном зале.

Но нас ждет компенсация за этот невольный урон. Ибо снизу, из нашей прискорбной земной юдоли, в отель прибывает юная Лора - Камилла Ермекова, сама воплощенная радость и свет. Там, на земле, обездвиженная, парализованная, обреченная стоически испытывать постоянную боль, она здесь, в «отеле двух миров», с самозабвением предается свободе движений и чувств. Не знаю, чем это объяснить, но с появлением на сцене героини Камиллы Ермековой испытываешь окрыленность, и всех в отеле - всех без исключения! - в том числе и Доктора С. (а это сама неприступность, суровость и аскеза) охватывает полузабытая эйфория.

Наверное, это секрет драматургии, но с появлением Лоры оттаивает оцепеневшая душа Жюльена, впавшая от горя и неизвестности в ступор. Они все здесь балансируют над краем бездны, ожидая в страхе, не призовут ли их этажом выше, и в мрачности своей пытаюсь понять: что есть смерть? И если они с тревогой пребывают в отеле, то Лора появляется, исполненная восторга и радости. Потому что она здесь не впервые. И еще потому что лишь здесь, в этом призрачном мире, она может танцевать, петь, любить. И словно ржавая дверь (да простит меня Лев Николаевич Толстой за невольное заимствование!) приоткрываются створки души Жюльена - души, осознавшей бесполезность прожитой жизни и всю ничтожную греховность поступков, содеянных им. Душа оживает, душа безрассудно бросается в бездну любви, ибо только любовь животворна. Господи, да что же это он, режиссер-постановщик, делает с нами, со зрителями, мы вдруг ощущаем себя сопричастными ко всему, что здесь, в отеле двух миров, происходит.

А дальше один за другим следуют акты жертвенности и самосожжения Лоры: она готова раствориться в нем, он готов на все, чтобы спасти ей жизнь. Его призывают к лифту, и судя по всему не к земной израненной плоти, но к Божьему суду, а он не может оторваться от любимой. И страсть его столь велика, что суровая, неприступная, но вдруг

опешившая Доктор С., вершитель судеб всех в отеле, выносит Жюльену вердикт: «Вы еще не готовы, ваш срок не пришел».

О, Доктор С.! Татьяна Банченко в этой роли - одна из главных удач спектакля. Доктор С. должна нести в себе неземную загадку. Ее аскеза столь велика, что вышеозначенный Президент, например, принимает ее за мужчину. Но вопреки внешней строгости вся стать ее взывает к жизни. А белый брючный костюм! Он лаконичен и прост, что лишь подчеркивает торжество женской сути этого персонажа. И как бы Доктор С. не выказывала свою отстраненность, свое призвание, предназначение - быть над схваткой, приемля равенство жизни и смерти, однако же при виде Камиллы Ермековой, то бишь Лоры, ее лицо вдруг озаряется улыбкой, и улыбку эту уже не скрыть. И даже в этом несущем холод вечности сердце мы начинаем ощущать теплые токи жизни. И чем сдержаннее, строже актриса в этой роли, тем с больше остротой ощущаешь всю животворность той сложной миссии, что выпала на долю ее персонажа. Это, знаете ли, как портрет Иоанна Крестителя у Леонардо да Винчи: в руках его крест, увитый терновой ветвью, а на устах лукавая улыбка, сулящая радости жизни. Да, да! Пророки и ангелы тоже не чужды высоких соблазнов любви. Мы увидели это, когда молчаливые и невозмутимые помощники Доктора С., Он и Она в белом (Илья Шилкин и Ирина Кельблер), не выдержав искушения от пылких объятий влюбленных Жюльена и Лоры, приникли друг к другу - ко всеобщему восторгу обитателей отеля и зрительного зала.

Вопреки тому, что в «отеле двух миров» находятся души тех, кто пребывает в пограничном состоянии, между жизнью и смертью, вопреки той боли, физической и душевной, в которую они погружены, спектакль излучает оптимизм, пронизан юмором, зрительских смех сопутствует всему происходящему на сцене. И при этом - восторг и слезы потрясения, сдержанность которые нелегко, да и надо ли сдерживать...

А между тем пьеса философична, глубока по содержанию. Герои рассуждают о самых высоких материях, о категориях добра и зла, о смысле жизни и тайне смерти. Рассуждают о том, о чем в обыденной жизни мы не очень-то склонны говорить. Даже у автора пьесы, как он признавался в одном из интервью, возникало опасение, что диалоги слишком серьезны и тяжеловесны для произнесения со сцены. Но, очевидно, перевод с французского Елены Наумовой столь хорош, что никакой тяжеловесности не ощущаешь. Вопреки всем сложностям суждений текст удивительным образом легок для восприятия и органичен как дыхание.

Нам, зрителям, не дано знать (и ни к чему нам это знание), какие трудности испытывал режиссер-постановщик в работе над спектаклем, но самоочевидно одно - заслуженный деятель РК Игорь Гонопольский удачно выбрал пьесу, в ней каждая роль - подарок для актера. А в конечном счете - подарок для всех для нас.

И в заключение не могу не сказать о том, что вместе с режиссером- постановщиком испытал почти шоковое состояние, открыв для себя неведомого мне властителя дум наших дней, франкоязычного писателя Эрика-Эммануэля Шмитта - самобытного философа, перwokлассного прозаика и драматурга. Уже посмотрев спектакль, я прочитал его пьесу. Читал, как бы заново вникая в сюжет, открывая характеры и судьбы, испытывая глубокую признательность театру, который помог мне и многим другим сделать эти открытия.

- Ну, я надеюсь, - сказал мне под занавес Игорь Гонопольский, - что теперь, по прочтении пьесы, вы понимаете, почему я прикипел душой именно к этому драматургическому материалу.

Игорь Марксович Гонопольский (род. 16 мая 1949) - советский и казахстанский режиссёр театра и кино. Заслуженный деятель искусств Республики Казахстан (2007). Родился в семье известного советского учёного, профессора Маркса Хаимовича Гонопольского. Окончил факультет журналистики Казахстанского государственного университета им. С. М. Кирова и режиссёрский факультет Института театра, музыки и кинематографии в Ленинграде. Работал фотокором газет. Режиссёр более шестидесяти доку-

ментальных фильмов. Член Союза кинематографистов Казахской ССР. В театре драмы имени Лермонтова поставил спектакли по пьесам «Пришёл мужчина к женщине» Семёна Злотникова, «Ищу партнёра для нечастых встреч» Рустама Ибрагимбекова, «Отель двух миров» Эрика-Эммануэля Шмитта.

2015 г.

Вторая жизнь Олега Эльштейна

Олег Эльштейн, 1957 года рождения, уроженец города Чимкента. По образованию техник-механик, окончил политехнический техникум. Работал монтажником, инженером-механиком, станочником. Уже восемь лет живет в Израиле в Бат-Яме, пригороде Тель-Авива. Гитарист, музыкант-любитель. По молодости лет участвовал в музыкальных ансамблях Чимкента. Много выступал на любительской сцене как исполнитель музыкальных произведений и как певец, аккомпанируя себе на гитаре.

Вообще без гитары он жизни своей представить не мог. Она была как бы продолжением его рук, голосом его сердца, она была, быть может, самой необходимой частью его жизни.

Специалистом он был, что говорится, широкого профиля и специалистом неплохим, нарасхват. Работал на заводе прессов-автоматов, на механическом и фосфорном заводах. Занимался монтажом строительного и производственного оборудования: мельниц, дробилок, сушилок, фильтров, насосов, вентиляторов и т.п., и т.д. - чего там только нет на производстве! Он за любую работу брался смело, и она спорилась в его руках. Случались и неудачи, но они его не обескураживали. Ну, произошел сбой, с кем не бывает. Он тут же брался за другое дело, был натурой увлекающейся, жил легко и весело, не очень-то вникая во всякие сложности жизни. Что бы там ни случилось в личной жизни, какие бы грозы не бушевали в мире окрест, но - в руках его была гитара, и стоило взять лишь первый аккорд, душа начинала петь, и всё вокруг преображалось. И если над головой было хмурое осеннее небо, оно под перебором струн гитарных обретало легкую лирическую грусть, и сердце замирало в предощущении нежности, дождь уже не казался тоскливым и холодным, и осень как бы ластилась к ногам доверчивым котенком. А если в мире царило лето и, казалось, не было спасения от зноя, переборы гитары лились, как струи фонтана, как ручеек в тенистой роще, сквозь ветви которой проглядывает бездонное небо, сулящее покой и счастье.

А, что там говорить! Гитара в его руках творила чудеса. И он как-то не задумывался о том, что это дар от Б-га, им нужно дорожить, благодарить судьбу и Всевышнего, что ему, Олегу, ниспослан талант, редкое счастье быть не просто музыкантом, быть волшебником, перебирая легкими перстами левой руки аккорды, а пальцами правой извлекая из послушливых струн гортанные звуки, которым отзывалось любое сердце, знающее, что такое печаль и радость в нашей юдоли земной. Наверное, он был счастлив, хотя не осознавал этого и об этом не задумывался. А что тут думать? Вышел на сцену, взял два-три аккорда, настроил гитару, а вместе с нею и зрительный зал на мажорный (или минорный) лад и - пусть душа поёт, резвится ретивое на просторе, и люди, затаив дыхание, внимают звукам музыки и голоса, а во всем твоём теле удивительная лёгкость, и это, наверное, сродни тому, что испытывает птица в полёте...

И вдруг всё резко оборвалось, и он рухнул с высоты поднебесной на грешную землю. Вспоминать о страшной беде своей не любит. Лишь здоровой рукой так легонько

махнет: что, мол, говорить об этом, беречь душу? Устоял ведь, не сгинул. И живу вполне сносно, не хуже других. Вот нынче сумел даже приехать в отпуск из Бат-Яма в родной свой Чимкент, помочь маме с ремонтом квартиры. Заплатил все её долги за коммунальные услуги, домкому вручил деньги авансом. Чтобы долгов впредь не возникало. Был рад встрече с отцом: он крупный специалист, инженер-конструктор, ему уже 75 лет, а он всё работает...

В Израиль Олег сначала уехал один. Через два года вызвал жену с сыновьями. Старший сын Даниил, ему уже 21 год, сейчас служит в Израильской армии, младший Игорь (ему 16) всерьёз занимается борьбой и не менее всерьёз думает о том, чтобы поступить в МГУ.

- Да, да, в МГУ. А почему бы и нет? Учиться он может в любой стране мира. А за его учебу мы с женой сумеем заплатить.

Жена, кстати, тоже работает в фирме «Пелефон», обеспечивающей сотовую связь. Сначала она устроилась уборщицей, потом по совместительству стала как бы сестрой-хозяйкой: в магазин сходить, кофе-чай приготовить. Причем, ее как работника в фирме очень ценят. А в Израиле, как вы знаете, главное найти работу. Постоянную. Тогда будет всё о'кеу.

Вообще, он никогда не думал, что однажды придется сорваться с якоря и уехать, что говорится, за тридевять земель, да ещё в Страну Обетованную. Когда случилась вся эта беда с рукой (она попала в металлорежущий станок, Олег фактически остался без пальцев на левой руке), пришлось уехать в Москву, где им занялись опытные врачи-хирурги. Жизнь потеряла всякий смысл, и он впервые понял, что с горя может попросту спиться, напрочь деградировать, лишиться самого себя. О гитаре он старался не думать. При мысли о ней душа начинала тоскливо ныть, как бесприютный осенний ветер. Нужно было найти какую-то опору в жизни. И он, бесцельно бродя по Москве, однажды очутился на Ваганьковском кладбище. Пришел на могилу Есенина, потом Высоцкого. И в душе его неожиданно-негаданно затеплились рифмованные строчки. Он еще не знал, что это стихи. Он просто записывал их, чтобы они не забылись, не канули в Лету. Показал их знакомому поэту Ивану Лыцкову, не надеясь на положительный отзыв. Но тот поддержал: «Пиши. Обязательно пиши». Друг Олега Саня Ткачев, бизнесмен, тоже поддержал. Он помог чуть позже (Олег уже был в Израиле) издать в Москве книжку стихов. В конце тоннеля забрезжил свет.

- Я трезво оценил ситуацию и понял, что если в корне, резко не изменю свою жизнь, мне каюк. А что если уехать на свою историческую родину, подумал я тогда. И подал документы в ОВИР. Так, на всякий случай. Не пустят, и ладно. События не торопил. Мои документы в ОВИРе изучали полгода, хотя всё могли бы сделать за месяц. Повторяю, я не торопил. Дальше всё делалось как бы само собой. В ноябре 1995-го я подал документы, а уехал в июле 1996-го.

Я решил для себя: если один, без поддержки, смогу там выжить, значит, я чего-нибудь стою. Было очень трудно. Без знания языка, без знания особенностей тамошней жизни. Не хочу описывать все сложности, с которыми я столкнулся, но я нигде не споткнулся, не оступился, сумел устоять на ногах. А через два года вызвал к себе жену с сыновьями.

Сначала у меня была, так называемая, продуктовая корзина, то есть мне выдавали деньги на прокорм. А через два года можешь уже добиваться, чтобы тебе помогли снять квартиру. Конечно, я не сидел, сложа руки: «работал» с двумя стариками, ухаживал за ними. Помочь помыться в душе, в квартире убрать. Если надо, сходить в магазин. У израильтян, в отличие от нас, немного другая логика. Я был уверен, что начну подрабатывать, мне урежут пособие. Так нет же, наоборот, увидев, что я не сдаюсь, что, несмотря на инвалидность, пытаюсь работать, мне даже чуть добавили пособие.

Советская власть нас, как ни странно, разбаловала, приучила к иждивенчеству, мы привыкли всё просить у государства. С таким настроением в Израиль ехать нельзя. Вирус

иждивенчества - вот как я назвал бы этот недуг. В Израиле ты сам в ответе за себя, ты самостоятелен. Этим там жизнь полностью отличается от нашей здешней.

Многих вновь приехавших израильский климат как бы размагничивает, они готовы целыми днями пропадать на море. А для меня - какое там море? Крутиться надо, выживать. Я один как перст, мне даже не к кому прийти поплакаться, не к кому прислониться, не у кого просить поддержки-помощи. Вот за это я и благодарен Израилю: я там почувствовал себя крепким человеком, убедился, что я могу выжить один на один с любыми трудностями. В конце концов, могу сам себя содержать.

Не всем дано приноровиться к непривычным израильским условиям. Мы приехали в Израиль вместе с Володицей Спиваковым из Ростова-на-Дону, вместе снимали квартиру. Так вот, он не выдержал, через три месяца вернулся назад. Не понравилось ему в Израиле, и всё тут. Хотя у него в Израиле все родственники, а я-то приехал, что говорится, на голое место. Но для Володи и овощи в Израиле невкусные, и климат не тот. Он даже «продуктовую корзину» не стал получать. Взял билет назад и уехал.

А вот другой мой знакомый, Эли Мур из Ташкента, он на год старше меня, окончил Бухарский университет, сумел в Тель-Авиве подтвердить свой диплом, стал работать в социальной службе Израиля. Прекрасно знает иврит. Вначале я был его подопечный, потом мы стали друзьями. После он на мои вечера поэтические ходил. Он говорит: «Я многим помогал, но не все, как ты, выбираются из трудностей. Иной человек начинает пить, балаганить - такому человеку не поможешь»...

Сегодня я счастлив, что сам могу обеспечивать свою семью. Кстати, я смотрю на своих сыновей и с радостью отмечаю, что это люди уже другой формации, самостоятельные, с малолетства привыкающие рассчитывать на собственные силы. Их и в школе к этому приучают. Там ребенок от учебы не отлынивает. Раз он пришел в школу учиться, значит, он должен делать это на совесть. Мы в семье много денег вкладываем в учебу младшего сына. Он хочет стать программистом, а потому индивидуально занимается английским и математикой, мы тратим на это не меньше пятисот долларов в месяц. И я вижу результаты налицо. Недавно на набережной встретили группу американцев, он вступил с ними в непринужденный диалог. Любо-дорого было слушать!

А моя дальнейшая жизнь в Израиле складывалась так. В 1999-м проходил я мимо магазина музыкальных товаров, в душе защемило, но я понимал: гитару в руки уже взять не смогу. С этой мыслью о невозможности вернуться к музыке я прожил еще два года. А в январе 2001-го все-таки невозможное совершил: гитара снова оказалась в моих руках. Правда, гриф ее пришлось взять в правую руку. Так никто не играет. И я не верил, что сумею научиться. Но - приноровился, сумел. К тому времени мне прижили к левой кисти палец с ноги, вот им я и бью по струнам. Так что это, если угодно, не шутка, а правда: я, можно сказать, играю левой ногой. Впрочем, слушатели замечают это далеко не сразу, им важна музыка, песня. А заметив мою травму, мой необычный способ игры на гитаре, лишь удивляются слегка: смотри-ка, да у него и пальцев почти что нет.

Конечно, я получаю пособие по инвалидности. А когда вышел играть на улицу, в переходы, в кафе, мне инвалидность повысили. Но сам-то себе я скидки не делаю и никак не хочу подчеркивать, что я, мол, инвалид. Вот начал играть, и душа как бы ожила. Да, я зарабатываю деньги, но не как калека, а как профессионал-музыкант. Про выпивку я забыл. Тут ведь одно из двух: или ты будешь работать, или ты будешь пить. Я выбрал работу. По основной своей профессии, механика-монтажника, я работать уже не мог. Оставалось одно - музыка. Да еще стихи. У меня вышло уже несколько сборников. Но стихи «не кормят», за счет стихов не выживешь. Меня «кормят» песни: сочиняю музыку на слова собственных стихов, и, конечно, в моем репертуаре наша советская классика. Люди любят песни прошлых лет, я вижу это по лицам, по глазам. Теперь, приезжая в Москву или в Чимкент, я первым делом иду по музыкальным магазинам в поисках нот. Одним пальцем ухитрюсь и солировать, и «подбасовывать», и надеюсь переборы брать. Уже три года с лишним снова играю на гитаре.

Мучает ли меня ностальгия? Конечно, мучает. Но даже ностальгию я поставил себе на службу: она питает и стихи мои, и песни. Хотя особенно ностальгировать некогда. Много приходится заниматься самоподготовкой: в конце концов, никому нет никакого дела, как я ухитрюсь играть. Но играть я должен классно. Мне ведь слушатели платят деньги за мой профессионализм, а значит, учитывая все мои трудности, надо больше работать над собой. На это у меня уходит каждый день по несколько часов. Я и курить бросил, чтобы голос был в форме: вижу - высокие ноты не идут... Гитара у меня канадская, концертная, я за нее отдал 400 долларов, так что можете себе представить, какой у нее звук. Иногда мы играем вдвоем с флейтистом. Что играем? Немного джаз и в стиле «кантри». Исполняем «Песняров», Макаревича. Исполняем всё, что захочет слушатель. В Израиле масса русских евреев, и то, что я играю, не может не согревать их души. Есть у меня песня и о Казахстане на мои же собственные слова.

За эти десять лет я сроднился с Израилем. Теракты? А что теракты - мы к ним привыкли. Раздастся взрыв на улице, все переживают, конечно. А через час, как ни в чем не бывало, здесь же работают кафе и магазины. Израильтяне мужественный народ.

2004 г.

Чёрный квадрат галерейного дела **Что подрывает веру в искусство Казахстана?**

Люди, возглавляющие наши художественные галереи, по сути своей - энтузиасты и оптимисты. Уже самим своим присутствием они способны зажечь в зрителе святой интерес к произведению искусства, и полотно художника от их слов начинает сиять как бы новыми красками. Они как некие авгурьы - всенепременные участники вернисажей, этих звёздных мгновений творца. Но в минуты всеобщего ликования они как бы и со всеми вместе, и чуть в стороне. Отчего-то нет на их лицах улыбок, что-то исподволь гнетёт их, не даёт им покоя. Что? Ведь не чужаки они на этом празднике муз, да и едва ли он был бы возможен без них. Они - организаторы празднеств, они - посредники между художником и зрителем. И сверх того - без них едва ли художник сумел бы продать своё полотно ценителю искусства, коллекционеру.

Наш собеседник - учредитель, директор и куратор художественной галереи «Ретро», искусствовед Надежда Полонская. Её галерея - одна из первых частных галерей Алматы (если не самая первая) - отметила своё 15-летие. «Ретро» чуть старше суверенного Казахстана, всего на восемь с половиной месяцев, и все перипетии судеб, выпавшие на долю нашей страны, галерея переживала вместе со страной.

- Вхождение в рынок было мучительно трудным, - вспоминает Надежда Анисимовна, - ведь по менталитету мы не были рыночниками. Галеристы, кроме всего прочего, являются экспертами по определению ценности той или иной картины. Работа это непростая, требует особых знаний, опыта. Так вот, мне было в высшей степени неловко сказать клиенту о том, что консультация платная. Сейчас, слава Богу, всё вошло в нормальное русло и стало самоочевидным, что интеллектуальный труд галериста, эксперта-искусствоведа должен тоже выражаться в некоем денежном эквиваленте.

Надо учитывать и то, что в Казахстане в силу существовавших исторических условий не было коллекционеров, они появились лишь сейчас, в эти последние 15 лет. Кроме того, существовало стойкое убеждение, что настоящее искусство, за которое не жалко заплатить деньги, где-то там, за пределами Казахстана, нет пророка в своём отечестве. Так

вот, благодаря усилиям галеристов, это убеждение удалось сломать, и сейчас ценители живописи охотно вкладывают деньги в картины наших художников, мы уже стали выходить на международные рынки. И мы с большим удовольствием отмечаем, что даже такая большая промышленная корпорация, как Astana Motors, девизом своей деятельности взяла лозунг: «Мы верим в искусство Казахстана». Чудесно, не правда ли? Это Нурлан Смагулов, он сам коллекционер, в своём офисе недавно открыл картинную галерею. А самое главное он - меценат, один из учредителей клуба меценатов и независимой премии «Гарлан». А это уже очень важно и обнадеживающе.

Вообще, когда мы начинали свою деятельность, организацией частных выставок художников, по сути дела, никто не занимался. Да, проходили официальные тематические выставки в государственных музеях и выставочных залах, похожие на сборную солянку под строгим идеологическим соусом. Проходили выставки и персональные, но опять же под строжайшим идеологическим контролем, мнение автора картин учитывалось в последнюю очередь. И лишь с появлением частных галерей стали возможны выставки, следующие авторской воле, художник мог, наконец, вступить в открытый и доверительный диалог со зрителем.

Да, мы занимаемся экспертизой, даём консультации, выступаем посредниками в продаже картин художника. Но это всё - во-вторых и в-третьих. А во-первых, мы занимаемся просветительством и, не побоюсь этого слова, пропагандой искусства живописи. Вход в галерею свободный. Меня безмерно радует, когда раздаётся телефонный звонок из школы: «Можно к вам привести учеников». Или: «А выставка такого-то художника не закончилась? Хотелось бы ещё раз посмотреть его полотна».

Верные своему названию «Ретро» мы устраиваем выставки художников-ветеранов, фронтовиков, людей, ушедших из жизни. Я не отказываюсь от молодых, я не против современного концептуального искусства, но я склонна поддерживать тех, кто работает в старых реалистических традициях. Тем более что большинство наших галерей предпочитают иметь дело с художниками «авангардных» направлений, а традиционалисты как бы обойдены вниманием. Де, мол, всё это пройденный этап и уже мало кому интересно. Я так не считаю. Более того, убеждена, что традиционное искусство по-прежнему несёт в себе нетленный свет духовности.

Я не буду здесь распинаться в том, что мы делаем очень нужное, созидательное дело. Так вот, главная трудность в том, что мы ощущаем полное равнодушие к нам со стороны государственных структур всех уровней. Нас как бы не существует. Нам не нужна материальная поддержка, мы сами держимся на плаву. Но хотя бы словом, взглядом, жестом поддержать нас - не было этого и нет. Нам не мешают - и то слава Богу! Но хотя бы раз кто-нибудь ласково похлопал меня по плечу и сказал: «Молодец...» Я говорю о департаменте культуры в акимате, это раз. О департаменте управления культуры Минкультуры и информации, это два. Мажилис, это три. Продолжать дальше?.. Возможно, их в какой-то мере заботят проблемы государственных музеев, я не знаю, но не проблемы наших галерей.

Дело не только в этом. У нас нет закона об антиквариате, у нас нет закона о галерейном бизнесе. Считается, что мы все работаем, как индивидуальные предприниматели в сфере малого бизнеса. Нас пытаются приравнять то к комиссионным магазинам, сравнение с которыми - нелепость вопиющая; то с некими кустарями, занимающимися народными промыслами. В патенте, который я покупаю ежегодно, записано, что мы занимаемся изготовлением и продажей картин. Но мы не изготавливаем картины и не продаём их. Мы, повторяю, занимаемся просветительской деятельностью, проводя выставки, и служим лишь посредниками между художником и ценителем живописи при продаже картины. То есть духовная сторона нашей работы никак не учитывается. А ведь наша работа является противоядием того негатива, который обрушивается на головы людей с экранов TV. «Бригада», «Сонька - золотая ручка» - что это? Романтизация воров и преступников, растление незрелых душ...

Нет закона о меценатстве - это уже просто недопустимо. Мецената надо поощрять в законодательном порядке, нужны, по крайней мере, налоговые льготы. Нужны они и нам, работникам галерейного дела. Я, конечно, не меценат, у меня попросту на это нет денег, но я по мере сил, как могу, стараюсь облегчить участь наших художников.

Да, в Парламенте давно рассматривается закон о культуре. Там есть, я надеюсь, пункт о наших государственных музеях. Но я никак не надеюсь на то, что там есть хотя бы словечко о нашем галерейном бизнесе. Порой у меня возникает ощущение, что мы, галеристы, находимся на полулегальном, почти подпольном положении. Нам, как воздух, нужна законодательная база.

2006 г.

Об Алматы с любовью - из Берлина

Он уехал в Германию и там продолжает писать историю Туркестана

Владимир Проскурин - фигура знаковая для Алматы. Один из крупнейших краеведов республики он располагает уникальным фотоархивом, в котором, в частности, запечатлена во всём многообразии история южной столицы едва ли не со дня её рождения. Он автор многих книг об Алматы. Истовый искатель по своей человеческой сути он неустанно раздобывает всё новые и новые материалы по истории нашего года, ведя переписку с потомственными алмаатинцами, которых беспокойный XX век разбросал по всем континентам земли. Человек он увлекающийся и умеющий увлекать других. Его рассказы о людях, которые оставили добрый след в культурной и духовной жизни города, слушаешь, затаив дыхание, как бесконечную историю «Тысячи и одной ночи», хотя Шахерезаду можно было бы отправить на выучку к Проскурину. Тем более, то, о чём он рассказывает, - это не вымысел, каждый факт биографии человека выверен строгими архивными документами.

Коренной алмаатинец, заслуженный работник культуры РК, кавалер ордена «Парасат», почётный гражданин Алматы, доктор исторических наук, профессор, он вдруг в 2000 году вместе с семьёй уезжает в Германию, устраивается жить в Берлине и, не тратя времени и сил на неизбежную в таких случаях ностальгию, включается в напряжённые краеведческие исследования по истории Казахстана и Средней Азии - теперь уже в архивах Германии.

- Вы даже не представляете, как я был счастлив, получив доступ к документам, о существовании которых мы могли только догадываться - документов, которые расширяют рамки наших знаний и позволяют увидеть привычное в совершенно новом свете, - говорит он. - А отъезд в Германию для меня, краеведа, был, по-существу, всего лишь сменной места обитания. Алматы и там, в Берлине, остался для меня по-прежнему городом родным и близким. Сейчас можно говорить открыто и практически обо всём. А вот при Советской власти приходилось соблюдать правила игры. Помню, по молодости лет я писал книгу о комсомольской организации Семиречья. И тогда я впервые задумался: а почему в домах - лучших домах города, где раньше жили купцы, духовенство, военное сословие, вдруг стали размещать советские и партийно-хозяйственные организации, выселив, изгнав исконных хозяев этих домов? И я занялся историей домов, где находились те самые организации: кто жил здесь раньше и почему собственно их выселили. Всё это читалось между строк. А дальше - дальше я стал интересоваться людьми, которые покинули нашу страну в 1917-м, оказались на Западе, и незабвенные могилы их мы обнаруживаем в Карелии, Африке, Канаде. Парадокс в том, что многих из них мы похоронили в том же 17-м, а они потом где-нибудь в США жили ещё долгие годы, становились знаменитыми

художниками, поэтами, инженерами, тоскуя по родной земле и не смея к ней даже приблизиться. Сейчас всё проще - мир открыл свои границы. Хотя не каждому по карману такая вот поездка из Германии к предгорьям Алатау.

Он сетует на непомерную дороговизну авиабилетов: поездка в Петербург и Москву стоит на порядок дешевле. «Вы не поверите, - говорит он, - но в Германии есть авиакомпания, которая организует поездку бывших россиян в Москву к своим родственникам за символическую сумму: авиабилет стоит всего 3 евро. Это в канун Нового года! А тут поездка в родной Алматы из Берлина для меня по стоимости подобна полёту на Марс».

Он с жадностью вглядывается в новый облик нашего города:

- Когда я из Интернета достал карту современной Алматы, я ахнул от удивления: город вырос до невообразимых размеров. Жизнь, конечно, не стоит на месте. Меняемся и мы сами. Мы начинаем носить другую одежду, другую причёску - мы даже мысли причёсываем по-другому. Но когда разрушаются памятники истории и культуры, я испытываю боль. Да, город должен расти, в нём надо строить новые здания. Но если вы сноситесь здание и на этом месте строите новое, то хотя бы сообразуйтесь со здравым смыслом. Каким должно быть это новое? Вспомним архитектора Щусева, который построил в Алматы здание Академии наук, тонко привнеся в его облик элементы казахского национального творчества. А что сейчас? Я специально проехал по городу, и, по существу, все новостройки, которые я увидел, это а ля Малайзия, а ля Сингапур, какие-то невразумительные архитектурные формы, которые режут глаз. И никакой системы, никакого архитектурного единства и стиля. При этом отсутствие некоего градообразующего фактора. Да, старая квартальная застройка стала тесной, она была характерна для одноэтажной Алматы. Ну так проявите творческую жилку, найдите новый способ компоновки города. К примеру, появилось высотное здание на месте старого ТЮЗа. Смотришь на него, и тебя обуревают очень разные чувства. Во-первых, отношение к старому ТЮЗу, который неотделим от истории города, который стал частью нашей исторической памяти. Во-вторых, почему такое здание должны были построить в центре города - здание, которое, извините за тавтологию, ни к селу ни к городу? Оно кричаще нарушает архитектурное пространство стоящих рядом домов. В этом неуважение к своему прошлому, неуважение к архитекторам, которые строили бывший проспект Коммунистический в 50-е годы. Должна быть ансамблевая застройка, а её нет.

Если брать шире, то принцип застройки Алматы в сторону гор я считаю неправильным. Я был знаком с одним архитектором, который предлагал поэтажную застройку Алматы - с тем, чтобы Заилийский Алатау как главное богатство Алматы украшал бы город, т.е. этажность должна уменьшаться в сторону гор, а не расти. К сожалению, этого не произошло. В архитектурно-художественном хозяйстве Алматы я не увидел цельности.

Да, мы многое обрели за 15 лет независимости, но кое-что, увы, утратили. Архивы перестали получать документы, которые в них поступали в плановом порядке. Например, «Казахфильм» поставлял в архивы кино и фотодокументы. Сейчас этого нет. В Пушкинской библиотеке прекратилось всякое библиографирование даже наших трудов. Раньше велась картотека газетно-журнальных публикаций по всем отраслям знаний, сейчас эта работа не ведётся. В архивах нет даже комплектов газет. В Национальной библиотеке вы не найдете подшивок «Вечёрки» за последние годы. В библиотеке Академии наук нет подшивок областных газет, т.е. мы не знаем, чем и как жили наши регионы в минувшее десятилетие. Эти 15 лет независимости оказались как бы вычеркнутыми из фондовых образчиков библиотек, музеев и архивов. Это большая беда, это надо восстанавливать уже сегодня, пока не поздно...

Но прервём горестный монолог неравнодушного человека. И в заключение - о его днях и трудах вдали от Родины. Там, в Берлине, он нашёл одно из трёх мусульманских кладбищ - два сгинули под руинами Отечественной войны. Он составил список всех, похороненных здесь людей, и список этот хочет обнародовать. Он нашёл могилу Мустафы Шокая, написал о нём статью, она ждёт своей публикации. Он намеревается обследовать

все фотоархивы Германии в поисках документов по истории Казахстана и Средней Азии. На основании зарубежных архивов Владимир Проскурин готовит книгу новых материалов из истории Туркестана.

2005 г.

Томов премногих тяжелей

Что роднит кобыз, гитару и скрипку?

Эту книгу мечтали издать и в Петербурге, и в Москве, и в Киве, но в силу превратностей судьбы новейшего времени она увидела свет в Алматы. И стала явлением в духовной жизни не только нашей южной столицы, но и во всём мировом музыкальном сообществе. Её автор Игорь Владимирович Мациевский - композитор и музыкальный этнограф, глава петербургской и евразийской школы современного инструментоведения, доктор искусствоведения, академик Российской Академии естественных наук. Он подготовил 5 докторов и 22 кандидата наук, в том числе 12 исследователей казахской, узбекской, киргизской, уйгурской, татарской, азербайджанской, тувинской и других тюркских музыкальных культур.

Он автор нескольких десятков крупных симфонических, камерных, хоровых циклов и более 150 научных работ, посвященных проблемам пограничных этнических культур Европы и Азии. Его имя широко известно в России, Прибалтике, в странах Закавказья, Центральной и Западной Европы, в США. В Казахстане работают его ученики - этноинструментоведы.

Монография называется своеобразно - «Народная инструментальная музыка как феномен культуры». У специалистов-музыковедов она вызывает трепетный восторг. В книгу с жадностью вникают композиторы, этнографы, историки, философы, преподаватели, студенты и самый широкий круг читателей. Потому что эта монография - первый в мировой науке опыт обобщающего исследования народной инструментальной музыки и музыкальных инструментов как особого культурно-исторического явления. Причём, в сопоставлении с другими видами искусства и архитектурой. Охват материала просто огромен, ибо исследуется традиционная музыкальная культура славянских, тюркских, балтийских, романских, иранских и финно-угорских народов за несколько столетий.

- Таких обобщающих работ по инструментальной музыке у нас мало, - говорит научный редактор издания кандидат искусствоведения, доцент Казахской национальной консерватории им. Курмангазы Сауле Утегалиева. - Первое и единственное подобное исследование о музыкальных инструментах и мелодиях, извлекаемых из них, было издано в 15 веке (!), а затем в течение нескольких веков шёл процесс собирания фактов. В монографии основательно и широко использован тюркский элемент, в особенности казахские музыкальные инструменты и исполнительская практика на них. Автор монографии - человек очень разносторонний, вникающий в исполнительское мастерство многих народов мира, и тюркская музыкальная культура в его интерпретации становится неотъемлемой частью мирового процесса развития музыки. Совершенно очевидна органичная взаимосвязь музыкальных культур России и Казахстана. Мы можем говорить о государственных и языковых границах наших народов, но в музыке эти границы либо условны, либо отсутствуют вовсе. Тут много, так сказать, кочующих элементов - виды, типы музыкальных инструментов, их звучание. К тому же у Игоря Владимировича Мациевского много учеников, в том числе из Казахстана. Естественно, он опирается и на их творческую лабораторию, вовлекая их опыт в свою исследовательскую работу.

Вместе со своими учениками ездил он в фольклорные экспедиции, записывал народные произведения в исполнении самобытных музыкантов в Киргизии и Узбекистане. Всё это стало сутью его книги.

Представляется очень важным то, что именно наша консерватория выступила инициатором издания этого уникального исследования. Вообще предполагалось, что книга выйдет в Петербурге, в Москве или в Киеве, но книга была написана 15 лет назад в довольно сложную эпоху экономических перемен и финансовых потрясений, а монография объёмная, издание её требовало немалых затрат. Их взял на себя один из аспирантов Игоря Владимировича Булат Казгулов, он в настоящее время возглавляет издательство «Дайк-Пресс» в нашей южной столице. Кстати, за последние годы этим издательством выпущен в свет целый ряд очень ценных востоковедческих работ. И в частности - древнетюркский словарь Махмуда Кашгари.

- Мне как научному редактору уже приходилось выпускать подобные книги, - говорит Сауле Утегалиева. - Например, «Музыка Азии. Проблемы и материалы». Книга имела международное звучание, поскольку в ней были опубликованы работы музыковедов из Японии, России и Казахстана.

2006 г.

Настоящий еврей

У него была типично еврейская внешность, что никак не сказывалось ни на его актерской карьере, ни на его пристрастиях в драматургии. Играл он русскую и зарубежную классику, исполнял роли в пьесах местных авторов, мог как бы шутя сотворить любой сказочный персонаж – от кактуса до принца. Кстати, именно в роли принца в "Золушке" он и запомнился автору этих строк, попавшему в зрительный зал ТЮЗа в начале 50-х. Принц, как оно и положено принцу, был красив и галантен. Разве что порой, поворачиваясь к зрителю боком, обнаруживал чересчур изящный еврейский профиль, что, смею вас заверить, ничуть не искажало сценический образ. Напротив, придавало ему дополнительный шарм.

- Выпускник Ташкентского театрально института Лев Эльевич Боксерман - молодой, красивый, с великолепными сценическими данными, с профессиональным творческим азартом, сразу занял ведущее положение в составе русской труппы, - вспоминает о нем **Галина Юрьевна Рутковская**, заслуженный работник культуры РК (в те годы она заведовала педагогической частью ТЮЗа). - Вообще работать в детском театре - испытание повышенной сложности для молодого актера, которое выдерживает далеко не каждый. Ведь это театр особого душевного настроения. Актер должен чутко улавливать живую атмосферу зрительного зала, не терять с ним контакта, владеть искусством импровизации, не утрачивать чувства юмора, быть предельно находчивым, а главное - добрым. Без этих качеств невозможно завоевать любовь и доверие детского зрителя, чуткого ко всякого рода фальши, искреннего и ранимого. У Льва Боксермана все это было. Маг-волшебник – да-да, маг-волшебник, и в этом нет никакого преувеличения.

14 лет он отдал ТЮЗу. И все эти годы тюзовский зритель, от малышей-детсадовцев до "юношей, обдумывающих житье", ловил каждое слово актера, покоренный его талантом, безраздельно веря каждому движению души его сценических героев. Все роли, сыгранные им за эти годы, не перечислить. Их было много, положительных и не очень, смешных и серьезных, добрых и злых, разных по характеру, национальности, духовному багажу, нравственно-этическим поступкам.

Был такой фильм в 50-е годы "Аттестат зрелости". В нем дебютировал в роли Валентина Листовского никому дотоле неизвестный Василий Лановой, будущая знаменитость нашего кино. То были годы безудержной лакировки действительности, когда в искусстве допускался лишь один вид конфликта: бескомпромиссная борьба очень хорошего с просто хорошим. Почти по Гоголю: дама просто приятная и дама приятная во всех отношениях. Действительность предполагалось воспринимать лишь в розовато-сером варианте. А Валентин Листовский путал карты. С одной стороны он был эгоист, а значит достоин всяческого осуждения. Но с другой - он был так ярок, так красив и даже заразителен в своем эгоизме, что зрительские симпатии были как бы и на его стороне.

Подростки тех послевоенных неласковых и дуболомных лет фильм этот помнят. И Ланового они запомнили с той роли раз и навсегда. Так вот: из кинотеатра зритель бежал в ТЮЗ, чтобы увидеть еще одного Листовского - уже в спектакле "Аттестат зрелости", уже в исполнении Льва Боксермана. Чтобы сравнить, чтобы лучше понять и разобраться. Потому что Листовский Боксермана поражал не только своей молодостью и душевной чистотой, но и неординарностью мышления. Он был неудобен, не умещался в общепринятые рамки, но завораживал, притягивал к себе своей особой статью и недюжинной силой.

Вообще актерская судьба Льва Эльевича дает богатый материал для искусствоведческого анализа. Потому что, к примеру, параллельно с "Аттестатом зрелости" на сцене ТЮЗа шла сатирическая комедия Маяковского "Клоп", где у Боксермана была просто убойная роль учителя танцев, этакого "лже интеллигента". Тусклые маловыразительные глаза, самозабвенная тупость мысли и чувства. Другая пластика, другой жанр. И - словно бы другой актер. Ан нет, актер все тот же, но - грань таланта другая.

А потом - вновь открытие. Павел Когоут "Такая любовь" в постановке Абрама Львовича Мадиевского - о, эта особая судьба, особая история. Тем более, что здесь в дуэте с Львом Боксерманом играла (и как играла!) Виктория Тикке, жена Мадиевского. А в роли судьи выступал народный артист Яков Муратов. И это актерское трио вдруг возрождало на сцене великое чудо трагедии...

Но вернемся к началу нашего рассказа: у него была типично еврейская внешность. А быть евреем в Советском Союзе - это уже, знаете ли, пятый пункт. Он нависал дамочным мечом над судьбой человека. Конечно, можно было уклониться. Вступить в партию, например. И когда по разнарядке райкома ТЮЗу спущена была команда рекомендовать в члены партии одного из актеров, Лев Эльевич подал заявление. Партбюро театра утвердило его кандидатом в члены КПСС. Но райком был начеку: "не пущать!" Причина? Еврей!.. Тем более, что в памяти партийных бонз еще живо было "дело врачей". А между тем актер - человек повышенной ранимости. Ему и без того подобное решение далось ценой немалых душевных усилий. И вот тебе объявляют, что ты человек второго сорта, что ты подозрителен и неблагонадежен лишь потому, что - еврей.

Было обидно и больно. И вся эта история казалась игрой слепых и косных сил. Когда б не вполне конкретные люди, которые вроде бы знают тебя и у которых лично к тебе причин для недоверия нет...

Борис Соломонович АБРАМОВИЧ, член Союза кинематографистов: *"Рекомендацию в члены партии давал ему я - как фронтовик. Ему и Галине Юрьевне. Их не приняли. Значит и мне отказали?.. Но я хочу сказать о другом. Многие тогда по вполне понятным причинам скрывали свое еврейство. Так вот, когда я узнал Льва Эльевича, я понял, что впервые встретил еврея, который не только не скрывал свое еврейство, а всячески старался ему соответствовать. Будучи блистательным знатоком русского языка, он хорошо знал идиш и уже тогда, в 50-е годы, начал изучать иврит. И все проводил параллели, как то или иное слово звучит на идиш и на иврите.*

Насколько я помню, он родился под Винницей на Украине в патриархальной еврейской семье. Отец его был местечковым умельцем, мастером на все руки, работал маляром. В Ташкент они попали во время эвакуации. Кстати, в театральном институте

Боксерман учился вместе с Леонидом Броневым, и часто с теплотой вспоминал об этом, хотя слава Броневого была еще далеко впереди.

Вспоминается такой случай. Из Москвы приехал певец Эппельбаум, и с ним - конференсье, который в совершенстве знал идиш. Во время концерта он это свое знание продемонстрировал во всей красе. В зрительном зале было очень много евреев. Хохот стоял гомерический. Я все допытывался у Льва: "Что он сказал?" А тот, до слез укатываясь со смеху, лишь повторял: "Сейчас, сейчас..." А потом, отсмеявшись, развел руками: "Да это и не переведешь".

А смеялся он заразительно, был душой компании, и все тянулись к нему, как бы хотели получить частичку его душевного тепла."

Последние 15 лет он работал в Академическом русском театре драмы. И здесь им создана целая галерея незабываемых актерских работ.

Скончался он от скоротечного рака крови в августе 1979 года, 52 лет от роду, из которых почти 30 лет отдано сцене. Его любили актеры и зрители. И хотя прошли уже годы и годы, но Льва Боксермана актеры и зрители помнят. Да и возможно ли представить историю театра Алматы без этого светлого, на редкость талантливого человека?..

Мне же, пишущему эти строки, хочется, пользуясь случаем, сказать запоздалые слова благодарности - при жизни актера сделать этого не удалось. Мы не были знакомы лично, а так вот запросто подойти и сказать "спасибо" было просто неловко.

Лев Боксерман, как, впрочем, многие актеры, "подрабатывал" на радио. И вот как-то мне довелось заинтересовать редакцию литдрамы отрывком из романа, которому чиновники от литературы не давали ходу. Героєм отрывка был человек из народа, его непутевая судьба не совмещалась с эпохой и всеобщим движением жизни. Был он косноязычен и неловок, но искренен и честен перед Б-гом и людьми. И я панически боялся, что текст будет читать опытный декламатор, и мои простые слова и сокровенные смыслы утонут в потоке трескучих интонаций.

В назначенный день и час я включил репродуктор, и те полчаса, пока длилось чтение, не мог угадать, кто читает: и актеров, и дикторов я вроде бы знал по голосам. Голос был простой, даже простецкий, он доверительно рассказывал историю бестолковой жизни непутевого человека, но столько в голосе том было участия, тепла, сердечной боли, что я и сам как бы увидел заново придуманного мной героя и разглядел в нем глубину, о которой не смел и догадываться.

И еще больше я подивился, когда в конце было сказано, что читал заслуженный артист республики Лев Боксерман. Как, откуда в этом утонченном, даже рафинированном, интеллигенте такое сердечное проникновение в простой характер человека из народа? Я был благодарен ему до слез. И все думал о том, что если мне доведется написать еще что-нибудь стоящее, я буду просить, чтобы текст этот читал на радио всенепременно Лев Боксерман. Да видно не судьба...

2004 г

Суламифь

Жизнь пролетела стремительно. Как скорый поезд, как ночной экспресс, что, сияя огнями и подчиняясь безудержной скорости, подхватил тебя на далекой станции детства и умчал в неведомую даль. Жизнь прошла как в вагоне курьерского поезда - в неостановимом движении, в промельке лиц и событий, в работе, лишениях, редких минутах счастья, горьких часах беды. Что там еще дарует эпоха, в которую выпало жить?..

Жизнь пролетела, оставив на лице Суламифи недоуменное удивление тем, как она скоротечна! Казалось бы, еще вчера ее, пятилетнюю девочку, окликнул мамин

голос: «А где Шаламинька наша?» Она и ответить не успела, а уж минуло - сколько? Восемьдесят с лишним лет.

Пролететь-то она пролетела как миг единый, но сколько же в ней уместилось всего!.. Вспомнишь невзначай давний случай из детства или юности, и память начинает безостановочно прятать канву событий прожитой жизни, и такие там возникают узоры, такие повороты судьбы, что и впрямь удивишься: да полноте, со мною ли все это было?.. А как глянешь чуть глубже, поймешь: все, что случилось, не зря, словно бы Всевышний незримо вел тебя по жизни, чтобы помочь любимым и близким, чтобы оградить их от страшной беды.

Чуя беду неминуемую

- Моя девичья фамилия Гуслицер, - вспоминает Суламифь Абрамовна Коноваленко. - Родилась я в Херсоне в 1915 году, выросла в Крыму. А в конце 30-х после техникума *вдруг* уехала в Алма-Ату. Именно - *вдруг*. Мама сказала: «Не отпущу». Меня уж так угораздило остаться в Крыму. Ехала я через Москву, меня и там на работу устраивали. А я - ни в какую! Потом через год, в самый раз перед войной, всю родню из Крыма в Алма-Ату переманила. И лишь благодаря этому остались живы. А иначе... Сколько сгинуло евреев, попав в оккупацию, - уму непостижимо!

Мой папа Абрам Яковлевич был рабочий по металлу, причем высокой квалификации: он и слесарь, и литейщик - словом, умелец на все руки. А мама Родя Яковлевна - портниха. Вот сколько живу, такого имени, как у мамы, не встречала ни разу.

В Херсоне у нас был большой дом, папа построил. Родители у меня небогатые, но у мамы братья были очень состоятельные люди. У ее брата Йосефа были свои баржи на Днепре. Он и дал отцу несколько барж, чтобы тот дом построил. С просторным подворьем, ворота по обе стороны двора. Папа поставил пилораму, а это в начале двадцатых был очень серьезный механизм. К нам люди ездили распиливать лес на доски или просто на дрова. Это давало неплохой доход, и мы жили хорошо.

Шел 1921 год, шла гражданская война. Сегодня в Херсоне красные, завтра - белые, и ничего в том хорошего не было.

История некупленной мельницы

И вот в какой-то час недобрый пришел к нам человек - состоятельный, видно. Он мельницу хотел купить, но ему нужен был толковый специалист, чтобы на мельнице той было исправное оборудование. Вот ему и порекомендовали нашего отца. Что уж там отец ему присоветовал, не знаю, но помню, что у отца был приступ малярии (малярией тогда болели все через одного). Слабость невероятная. А дело к вечеру. Он и говорит моей старшей сестре: иди, запри ворота. Она собралась было подпереть жердью калитку, глядь, а через забор люди лезут. Никак воры!..

Оказалось, это были беляки. Что-то они пронюхали про нас: тот покупатель богатый побывал здесь, а значит, часть денег оставил. И потом - такой дом, как наш, мог построить человек состоятельный. Значит, тем более, у нас должны быть деньги.

А у отца озноб, он под шубой лежит. Да, говорит, приходил покупатель, просил помочь ему, и я пообещал, когда лихорадка отпустит. Они гнут свое: «Деньги где, что он оставил?» - «Помилуй Б-г, какие деньги?» И тут к нему подступает офицер, вылощенный, в блестящих сапогах: «Вы не волнуйтесь, мы вашего ничего не возьмем. Мы ищем того толстосума. И если вы нас обманываете...» А народу с ним явилось - весь двор заполнили. И как ищейки лезут во все щели.

А у нас хозяйство свое было. Я помню коров, породистых, ладных - мама любила красивых коров. Стояло на лавке ведро молока, теплого, парного, после вечерней дойки. Один из «гостей» приложился было к ведру, стал пить. А потом вдруг вскинулся: «Оно не отравленное?» Мать за словом в карман не полезет: «Знала бы, что такие гости явятся, отравила бы...» Всю ночь они искали деньги, все вверх дном вывернули. Ничего не нашли, но кое-что присмотрели. Посуды у нас было много красивой, одежда справная. Вот они и

решили: денег нет - прихватим то, что есть. Запрягли нашу лошадь в телегу и давай грузить на нее все подряд. Вороха белья, одежду. Нас к стенке лицом поставили - молчать! Все подчистую забрали: «Жаловаться будете - расстреляем». С рассветом уехали. И остались мы нищие, даже голову повязать было нечем. Мама кричала, плакала. Слезами горю не поможешь.

Золото из старого ботинка

Пришел мамин брат, тот самый Йосеф, глянул на весь этот разор. Поезжайте-ка вы ко мне в Лепетиху, говорит (это на Днепру под Херсоном), там у меня мельница, маслобойка. Ну, приехали в Лепетиху. Да, мельница есть, а что с нее толку? Стоит без движения - нет зерна. Рабочие все сусеки вымели, всю мучную пыль собрали. Пришли к маме: «Пеки, говорят, нам хлеб». Было б из чего... Она печку истопила, то, что они принесли, испекла, а оно черное, как сажа, есть невозможно. Это не мука, это и впрямь была пыль.

Все так. Но у мамы были кое-какие запасы. Время беспокойное, и она, бывало, на ночь глядя, соберет, что есть ценного в доме: серьги, кольца, брошки золотые, цепочки, вилки- ложки, засунет все это в старый ботинок и забросит за дом, в бурьян. Когда бандиты ушли, она этот ботинок нашла. И уже в Лепетихе мы все это выменивали на хлеб. Но в те годы даже на золото хлеб было выменять трудно.

Мама смотрит, уже и золота из старого ботинка нет, а нищета не отступает. И тогда она решила: пока дети не опухли от голода, надо идти в Симферополь. Там ее брат Илья, тоже богатый, там бабушка Двойра, они помогут. Сосед-крестьянин говорит родителям: двигайте-ка вы сами, а за детьми вашими я присмотрю. Он и вправду приносил нам то крынку молока, то овощей. А мы лежали целыми днями на песке у Днепра и ждали.

И вот мама с отцом взяли хорошие палки и пешком отправились в Симферополь. Они шли через Запорожье, через Каховку. Шли через страну, разоренную войной и распрями. Б-г ведь, сколько они шли, но добрались. Им помогли, чем смогли. Папа мастерила зажигалки, так он на все деньги купил камешки к ним. Он потом их очень даже выгодно продал и купил на эти деньги лошадь.

Но это потом. А вначале надо было пешком проделать обратный путь. Я каждый день плакала, их ожидая. Маленькая была. Стояла у калитки и все глядела в ту сторону, куда они ушли. И, наконец, увидела их. Идут. С палками. И нет бы радоваться, а мне стало страшно. Бегом в дом, под лавку забила и - молчок. Ну вот, они входят в дом, и мама (тоже соскучилась) в первую очередь обо мне: «А где Шаламинька наша?» Она даже всплакнула: «Надо же, до чего я дожила: меня родная доченька испугалась».

Сады Семирамиды

Тут Суламифь Абрамовна делает паузу: слишком чувствительный эпизод, чтобы так вот продолжать рассказывать дальше. И если это лето или осень, поведет собеседника в свой сад-огород. О, дворик ее дома похож на царские чертоги. Какой здесь цветник под окнами! А какие вишни-сливы, яблони-груши, смородина-малина во глубине двора!..

- И вот, смотрите: посадила я цветную капусту, она лопушится все лето, а кочанов нет как нет. Ну, думаю, все - повыдергаю, чтоб не мозолила глаза. Глядь, а на ней завязи появились. Только бы осень теплой была, чтобы капуста моя вызрела к холоду... Это меня муж научил огородному делу. Он у меня был хороший мужик, с Кубани. Сирота, родители умерли в одночасье - то ли холера у них там была, то ли чума. Осталось их пять сынов и одна дочка. Он даже в школе толком не учился. А когда старшая сестра замуж вышла, она забрала всех братьев к себе. Вот тогда он и пошел учиться на рабфак. В 16 лет его закончил и подал заявление в Краснодарский сельхозинститут. В Алма-Ате он стажировался на табачной фабрике. А потом, как и я, получил сюда направление. Тут мы и встретились. Судьба...

Ну, а если собеседника нет, если зима на дворе, все одно - она выйдет в свой сад-огород, попроведать заснеженные кустики-деревья. В Алматы благодатные зимы, ни вет-

ров, ни метелей... О, в какую пургу попали мать с отцом, когда ехали на подводе, запряженной парой купленных коней. Заблудились в снегу. Лошади ржут, идти не хотят. А мороз до костей пробирает. Вдруг мама говорит: «Абрам, дымом пахнет». Прислушались: собаки вроде лают. И въехали в село, где уже два раза останавливались. Мама говорит: «Разувайся, у тебя ноги заледенели, буду их растирать». В общем, ноги он отморозил. Не ноги, а сплошные раны, не дай Б-г никому такое. И лежал он влежку с этими ногами не месяц и не два.

Мама была типичная еврейская женщина. Энергия - через край! По пятницам в Симферополе она ходила в синагогу и познакомилась там с женщиной по фамилии Балкинд. Рассказала ей все о себе. Та говорит: «Муж у меня тоже слесарь, что-нибудь придумаем». Все же евреи - народ отзывчивый... Та женщина и на квартиру нас устроила, и машинку швейную помогла раздобыть. Отец у мамы был портной, и мама все умела шить. Причем, шила быстро и хорошо. Так вот, мама со старшей моей сестрой Раисой шила детские пальто. Шили чуть ли не круглые сутки. И хоть платили мало, но отца мама на ноги поставила. Устроился он на работу. В мастерскую. Там штамповали кружки. Отец в первый же день спрашивает хозяина (его звали Мирон, тоже еврей): «А что это у вас за станок?» - «Да он неисправный». Ладно, говорит отец, займусь им в свободное время. Станок он отремонтировал. Потом что-то еще наладил. Хозяин видит: да это же технарь высокой пробы! Дело и вовсе пошло на поправку. И зарабатывать он стал неплохо.

Путевка в жизнь

А потом у дяди Ильи один из домов освободился. «Родичка,- говорит он маме,- поезжайте ко мне, а то от людей неудобно. В синагоге стыдно: сестра родная с детьми живет, Б-г знает где, а брат и помочь не может». Мама - ни в какую. Мне и здесь, говорит, хорошо. Пришла бабушка Двойра: «Родя, переходи, детонька. Я с тобой буду жить». Мама у нее одна дочка была, а то все сыновья. Но при одном условии, говорит мама: платить я буду за квартиру - червонец... И прожила я в том доме до техникума. Тут старшая сестра моя Раиса вышла замуж. За еврея. Яков был такой высокий, видный. И с высшим образованием. А назначение он получил в Ялту, директором на табачный завод. В Крыму знаете какие табачки растут? О! Высочайших сортов. И родился у них ребенок. А я как раз закончила семь классов еврейской школы - бабушка Двойра настояла: учите детей по-еврейски! Ну вот, и поехала я к ней в Ялту нянчить ребенка. А подошла осень, Яков (он был лучше брата родного!) говорит: понянчила, покупалась на море, теперь надо дальше учиться. А куда я поступлю после еврейской школы? Он говорит: «Погоди, погоди!»- и позвонил директору табачного техникума, а тот: «Какой разговор! Если понравится ей у нас, пусть учится на здоровье».

А техникум был союзного значения. И на последней преддипломной практике я была в Киргизии в Таласском табаксовхозе. Практика длилась полгода. Мне так понравилась там, что я уезжать не хотела. Но при распределении в Киргизии места не оказалось, место было только здесь, в Алматы. Вся родня поднялась на дыбы: куда ты едешь, у тебя там будет зоб. И мама плакала, не пускала. Но я хотела самостоятельности, и удержать меня никто не мог. А потом эта моя самостоятельность оказалась всем нужной. Началась война. И куда было бежать всей родне? Конечно, ко мне, в Алматы. Меня Всевышний привел в этот город. И здесь я прожила всю жизнь. Построила вот этот дом. Рядом с фабрикой. Поселок так и называется Табачка. Это сразу же за Саксаульной базой и за железной дорогой. Поезда всю жизнь шли мимо, тут минута ходьбы до железной дороги.

Возвращение с Маарива

Она умолкает. Думает о муже, которого уже четверть века нет в живых. Он был хорошим мужем и хорошим отцом сыновьям Артуру и Толику. Она думает о внуках. Внук Саша получил высший балл в 11-м классе и поехал в Израиль поступать в институт. Он

там уже и паспорт получил. Ему должны дать отсрочку от армии для учебы в институте. Дадут - будет учиться, не дадут - пойдет служить на два года.

В синих сумерках вечера она выйдет во двор, выглянет из калитки на улицу, поджидая из синагоги сына Анатолия. Он работает в хэсede, помогает больным. В центре «Хабад Любавич» является членом группы «Хевра Кадиша». А в синагоге три раза в неделю читает Тору для колеля.

Ей вспомнилась бабушка Двойра. Она бы одобрила все, что делает Анатолий. Бабушка была очень строга в соблюдении традиций. А поскольку мы жили с ней, то и мама с папой подчинялись бабушкиному уставу. Бывало, сидит она за столом и не ест. Вы почему не кушаете? Да как же я буду кушать, если Раиса этим вот ножиком масло мазала, а теперь колбасу отрезает! Ну-ка дайте нож сюда. И воткнет его в стену. Завтра к вечеру им можно будет пользоваться, не раньше. Он сейчас не кашерный.

И еще с детства запомнился ей обряд капарот. Курицу крутили над головой и говорили при этом молитву.

И тут Суламифь явственно услышала - кто-то окликнул ее: «Шаламинька!» Окликнул, как окликали когда-то, давным-давно, в детстве. Она оглянулась. Никого. Лишь заснеженные кусты и деревья, тишина морозного вечера и далекий перестук стальных колес уходящего поезда.

2003 г.

Секрет иврита

Наваждение

Якову Лазаревичу Бронштейну исполнилось 80 лет. И вдруг он ощутил, что события далекого, полузабытого детства придвинулись почти вплотную. Вчера, когда он объявил, что урок иврита закончен, и ученицы, почтенные дамы, не спеша потянулись во двор синагоги, он замешкался на какое-то время. Сидел, полуприкрыв глаза, и как бы ни о чем не думал, предаваясь неспешному течению дня и вслушиваясь в чуткую тишину под гулким сводом зала для молитв. И тут он услышал мамины шаги. Она неспешно подошла к книжному шкафу, достала Сидур. У них дома было несколько молитвенников, и все очень старинные, им уже *тогда* было лет двести, не меньше. В семье очень дорожили ими.

Сидур в маминых руках словно бы вздохнул, когда его раскрыли. Было слышно, как мама задумчиво листает страницы в поисках нужного места, и Яков Лазаревич затаился, боясь спугнуть наваждение, чтобы еще чуть-чуть, хоть несколько мгновений побыть там, в своем невозвратном детстве, рядом с мамой, она погибла в оккупации в 41-м году... Сейчас придет из гимназии сестра и привнесет в дом то непредсказуемое беспокойство, что столь свойственно девочкам в ее возрасте. Теребя локон, тоже будет листать книгу, напевать что-то вполголоса и рассказывать маме о том, что они сегодня проходили в тарбуце - так называлась ивритская гимназия, где она училась...

Он тоже учился в такой же гимназии, хотя чуть позже удостоился чести быть принятым в гимназию польскую (а попасть в нее еврею было не так-то просто!), что в городе Острог, это в трех километрах от их родного Межиреча, но это было еще до Советской власти. Он помнит, как 17 сентября 1939 года все проснулись от страшного грохота. Через Межиреч, лязгая гусеницами и попирая земную твердь, шли советские танки, артиллерия. Цокая подковами копыт, спешно следовали кавалерийские полки. Все это длилось непрерывно в течение трех дней и ночей.

- Западная Украина, таким образом, отошла к Советскому Союзу, и мы стали гражданами не Польши, а СССР, - вспоминает он. - Мне было тогда 17 лет. Мы до конца не понимали масштабов происходящего. Польское правительство клятвенно заверяло нас, что пяди земли не отдаст. Но продержалось после этого лишь две недели. Когда мы узнали, насколько стремительно немцы ломают на Восток, страх был огромный. Но с приходом советских войск все мы почувствовали облегчение. Собственно, это нас, польских евреев, спасло тогда от мгновенной гибели.

Нашу гимназию превратили в советскую школу, добавили нам еще два года учебы, и я окончил ее как раз к 20 июня 1941-го. Задержался на несколько дней для получения Аттестата зрелости, а 26-го немцы уже бомбили Острог. Они наступали стремительно, советские войска столь же стремительно отступали. Меня подхватило этим потоком и тоже понесло на Восток. Как это ни горько звучит, но это спасло мне жизнь. Межиреч был всего в трех километрах, но я попасть домой уже не мог - немцы забросили в Межиреч десант и отрезали его от Острога. Вся наша семья: отец, мама, сестра, дяди, тети - погибли все. Но я узнаю об этом лишь после войны.

Детство

Мы двигались, где пешком, где на телеге, до самого Киева. Потом уже на поезде нас повезли в Узбекистан, в Янги-Юль, это под Ташкентом. То была дорога в неизвестность, и чтобы не пасть духом, чтобы не отчаяться, я думал о маме, об отце, о сестренке, я мгновение за мгновением как бы заново проживал свое детство.

Отец мой был купцом в Межирече, содержал небольшой магазин. Дед Фроим-Зейлик и бабушка Ента тоже купеческого звания. Дед был хасидом и очень набожным евреем. Все время ходил в ермолке, три раза в день молился. Когда мне исполнилось 13 лет и я отпраздновал бар-мицву, дед взял меня под строгий контроль: он следил, чтобы я каждый день надевал тфилин. Поскольку вся наша семья жила с этим дедушкой, дома очень строго соблюдались все еврейские законы: кашрут, традиции и праздники. Причем, в дни праздников он молился с утра до вечера и меня заставлял. Конечно, посты он соблюдал все до единого.

В Шабат зажигали свечи. Причем, свечи зажигали все женщины дома: мама, бабушка и моя младшая сестра. Каждая зажигала свою свечу и ставила ее в свой серебряный подсвечник. На Шабат были все традиционные еврейские блюда: цимес, кугель. Что такое цимес, вы знаете. А что такое кугель? Это бабка печеная, из лапши - она выдерживалась на пару в русской печи. Запах - необыкновенный. А вкус!.. Все это готовили в пятницу и всю Субботу до вечера держали в русской печи, чтобы оно было теплым. Разумеется, был тшолент.

На Песах посуда ставилась особая. Она хранилась в отдельном ящике на чердаке, ее доставали оттуда раз в год. Всю остальную посуду тогда, понятное дело, убирали. О, эта посуда была красивой! Серебряные ложки, фаянс. Семья-то зажиточная... Кстати, когда бабушки наши отправлялись в синагогу, они надевали парик. А как же! Все должно быть по высшему разряду.

Я сначала учился в еврейском начальном хедере, посещал гани-ладим, то есть детский сад, где разговаривали только на иврите. Кроме того, ко мне ходил учитель иврита, я до сих пор помню его имя - Мотл Каплан. Очень был строгий. Вообще учителя у нас были суровые. Подзатыльники они нам не давали, но за малейшую провинность - линейкой по руке, а это, знаете ли, весьма неприятная штука. Но обиды не осталось. Какая может быть обида, если Мотл учил меня и языку, и еврейской истории, и литературе. Я получил не только религиозное (что само по себе первостепенно!), но и всестороннее еврейское образование. На иврите я в те годы перечитал всю литературу, которую дети читают в юношеском возрасте - Майн-Рид, Жюль Верн, рассказы Конан Дойла о Шерлоке Холмсе. Подчеркиваю, я прочитал все это на иврите. У нас в городе была огромная библиотека на иврите, и я там был завсегдаем, не успокоился, пока не перечитал большую часть книг.

Надо сказать, что Острог - известный еврейский город, там был ребе Маршу, один из основателей хасидизма, у него была масса учеников, и мой дедушка - один из его почитателей, а моя мама дружила с его дочерью.

Одно из моих ранних воспоминаний - хасидская свадьба. Ребе выдавал замуж свою дочь, а поскольку моя мама была подружкой невесты, меня, пятилетнего, привели туда, и я сидел под столом и смотрел, как хасиды танцуют. Тогда я понял, что хасиды очень веселые люди. Они были в черных капотах и в белых чулках, на голове - меховая шапка штраймол... Все погибли в пожаре шоа. Вы знаете, что означает на иврите это слово? То же, что и холокост.

Война

В декабре 1941 г. меня уже в Узбекистане мобилизовали в армию. Я попал в пехотное училище, и через два-три месяца нас, младших лейтенантов, должны были отправить на фронт.

Но пришел приказ Сталина: бывшим гражданам Польши доверия нет, и меня из военного училища отправили в стройбат. А стройбат - это холод, голод и бесправие. Мне вовек не забыть станцию Уржумка на Урале, между Златоустом и Челябинском. Это в самый раз граница между Европой и Азией, там стоит памятный столб. Мы строили железнодорожную ветку на артиллерийский завод. То была настоящая каторга, о которой я до сих пор вспоминаю с ужасом. Жили по 20 человек в палатках, это в метель, в морозы под 35 градусов. За две зимы, что мы там простояли, от всего стройбата осталось 5 человек. Ночами разгружали вагоны, днем махали кайлом. Ходили опухшие от голода в деревянных башмаках, обмотанных тряпками. Телогрейка, подпоясанная веревкой, на веревке - котелок из консервной банки. Вот как показывают в кинохронике немецких военнопленных, у нас был точь-в-точь такой вид. Мы все просились на фронт, но наши просьбы в расчет не брали. Те, кто постарше, погибли, не вынесли этой каторги. Я был молодой, организм выносливый. Выжил. Особенно много погибло узбеков. Морозы не по ним, они гибли как мухи.

Мои университеты

В 44-м году я подумал: ну все, пришел конец моим силам. И вот в один из выходных дней оказался в Челябинске, брел по городу без цели. Вижу - вывеска: Челябинский механико-машиностроительный институт танковой промышленности. Каким-то чудом у меня в кармане оказался аттестат об окончании средней школы, причем с отличием. Именно, чудом, потому что я, когда бежал из дому, то даже не захватил фотографии родителей. А вот аттестат был при мне. Зашел в учебную часть. Они посмотрели на меня в деревянных башмаках, на мою прожженную телогрейку (мы грелись у костра в морозы). По-видимому, я внушал жалость. Меня приняли в институт с условием: сдашь первую сессию, оставим в студентах, нет - выгоним. Вот тебе общежитие, а в стройбат не возвращайся, поскольку институт танковой промышленности, мы имеем бронь, ты только сдай хотя бы первый экзамен. Они раздобыли мне где-то ботинки, одежду, привели в нормальный вид. Словом, учись.

Сам не знаю, как это произошло, но после пяти лет нечеловеческих испытаний, первую сессию я сдал на отлично, а это как-никак высшая математика, физика - труднейшие предметы!..

Институт я закончил с отличием. Дальше жизнь снова преподнесла сюрприз. Тема дипломной работы была «Трансмиссия танка», выполнял ее на Челябинском танковом заводе, и сам директор завода отобрал меня для своего конструкторского бюро. Но шел 1949 год. Антисемитизм крепчал. А фамилия у директора, между прочим, генерал-лейтенанта, была Зальцман. И его с треском сняли с работы. Устроили общезаводской митинг: мол, он такой-сякой. А этот Зальцман обеспечивал весь фронт танками Т-34. Словом, я вновь попал в черный список. На завод меня, естественно, не взяли. А отправили в Забайкалье, в Читин-

ский леспромхоз. Причем, диплом у меня опять-таки был с отличием. А чтобы я не сбежал, диплом мне на руки не выдали, а направили его по месту работы.

Дело для меня абсолютно незнакомое - эксплуатация механизмов, о которых я никакого представления не имел. Но мы и это дело одолели, разобрались. Я отработал там три года и снова вернулся в Челябинск.

Близился 1953-й год. Полным ходом раскручивалось дело врачей. И я в течение полугода не мог найти работу. Пресловутый пятый пункт! Но - везение: мне удалось выйти на человека по фамилии Гинзбург, он был директором института по проектированию металлургических заводов. С большим риском для себя он зачислил меня в штат.

Еврей-первоцелинник

Не проработал я и года, как началась, так называемая, целинная эпопея. На целину надо было послать добровольцев. А где вы еще найдете такого добровольца, как я? Меня никто ни о чем не спрашивал: забрали мою трудовую книжку и отправили ее в село Федоровка Павлодарской области. Езжай, говорят, вдогонку.

И вот 3 января 1954 г. я оказался в Казахстане главным инженером целинной МТС. Опять - землянка, опять морозы и пурга. Все как бы повторилось сначала. Пять лет я там был козлом отпущения. Среди «добровольцев» были выпущенные из тюрем уголовники - мне и эту публику пришлось приобщать к общественно-полезному труду. И лишь с ликвидацией МТС в 1959 году удалось вырваться оттуда. В Алма-Ату. Переводом в Институт механизации сельского хозяйства, где я и проработал до выхода на пенсию в 1991 году.

Имея богатый опыт трудоустройства в связи с пятым пунктом, в этом институте я уже держался, что говорится, до победного конца. Трижды пытался поступать в аспирантуру. Меня не брали. Тем не менее, защитил кандидатскую диссертацию - правда, не здесь, в Москве, но - защитил.

В Алматы я прожил большую часть своей жизни. Возможно, в связи с тем, что здесь в 30-е годы бывал в ссылке Троцкий-Бронштейн, меня часто спрашивают, не родственник ли я ему. Нет, мы просто однофамильцы. Но даже быть однофамильцем с Троцким было небезопасно.

В связи с вышеизложенным личная жизнь складывалась непросто. Женился поздно, детей Б-г не дал. В позапрошлом году не стало и жены.

Восхождение к ивриту

Преподаю иврит. О, иврит - это особая история. Он был для меня, можно сказать, родным языком. Мои занятия ивритом прервались в 1939 году - заниматься ивритом вообще было запрещено. Идиш - куда ни шло, но только не иврит.

В 48-м году, когда было создано государство Израиль, ко мне подошел человек 8 студентов: мол, мы хотим ехать в Израиль, помоги нам с языком. И я без всяких учебников, по памяти начал давать основы. Мы собирались у кого-то на квартире и занимались месяца два.

И вдруг меня вызывает к себе ректор, у него сидит какой-то тип, видимо, из органов. Поступили сведения, что ты занимаешься антисоветской деятельностью. И хоть ты отличник, но если немедленно не прекратишь это дело, то можешь оказаться в местах весьма отдаленных. Вот такой у меня был не совсем удачный дебют в преподавании иврита. Потом вновь перерыв лет на 10-20. Я уже многое стал забывать, но поставил перед собой задачу вспомнить. Как?

До сих пор помню: в 60-е годы в библиотеку Академии наук у нас в Алматы каким-то чудом попал журнал на иврите «Алмазы» (как вы знаете, Израиль занимает ведущее место в мире по обработке алмазов). Журнал-то я брал на прочтение, но знал при этом, что соответствующими органами ведется строгий учет тех, кто его читает.

В то время книги на иврите были только в библиотеке им. Ленина в Москве, причем в отдел этот нужен был специальный доступ. Как туда пробраться? Там постоянно дежу-

рил милиционер. Над диссертацией я работал в Ленинке и, ломая голову над «Автоматизацией сельскохозяйственных процессов» (так называлось мое исследование), я попутно пытался решать и эту задачу. Это уж после защиты в 1964 г. я взял письмо от института, что мне необходим доступ в тот самый заветный отдел. Можете себе представить, с кем я там сидел рядом, заново вникая в тонкости иврита!.. Я, конечно, очень рисковал, но знание языка восстановить удалось.

Занятия ивритом для меня - огромное удовольствие. Я живу в мире этого языка, в мире истории еврейского народа, его обычаев, праздников. Это возвращение к молодости. И главное - ощущение того, что ты нужен людям, что ты приносишь им пользу. У меня есть ученики, которые преподают уже сами.

Когда началась массовая эмиграция, знание языка было востребовано к жизни, и ко мне стали обращаться люди с просьбой помочь им в изучении иврита. Потом стали открываться курсы иврита, школы по изучению языка. За эти годы я обучил не менее четырехсот человек, большая часть их в Израиле. Я три раза бывал там, и все три раза жил у своих учеников.

Сейчас я преподаю в трех местах - в Синагоге, Консульстве и хэседе. Тут важно сделать первый шаг: решить для себя, что сверх своих обычных занятий ты будешь регулярно, быть может, каждый день определенное время уделять ивриту. Многие из моих нынешних учеников - а это люди разных возрастов! - знают язык уже вполне прилично. Причем, я чувствую, что это моя заслуга. Понимаете, они начали с алфавита, а теперь могут самостоятельно читать газеты!..

Яков Лазаревич Бронштейн говорит с увлечением, глаза из-под кустистых седых бровей смотрят остро и молодо. Ему пошел уже девятый десяток. Но не зря говорят, что возраст человека определяется не количеством прожитых лет, а состоянием его души. А в душе он молод. Может здесь кроется какой-то секрет самого иврита?..

2005 г.

Расим Михаэли, художник:

«Где бы я ни был, Израиль всегда в моем сердце»

В нашей «третьяковке» - в Государственном музее им. А. Кастеева - открылась выставка работ Расима Михаэли, художника-израильтянина из Барселоны. Художник молод, ему всего 35 лет, но тот факт, что ему предоставлен выставочный зал главной картинной галереи Казахстана, говорит сам за себя.

Родом он из Баку, но десять лет назад переехал на постоянное место жительства в Израиль. С 2000 года живет в Барселоне (оставаясь гражданином Израиля), где и получил образование, причем, очень основательное. То была Академия искусств «Пуэрта Ферриса» и одновременно школа-модерн АРТ «Массана». Как написано в буклете, приглашающем на вернисаж, художник «в своих работах затрагивает темы жизненных контрастов - от борьбы за выживание, до триумфа победы и цвета». Здесь же сказано о том, что он участвовал в целом ряде коллективных выставок - как в Израиле, так и в Испании, был призером конкурсов.

Алматы занимает особое место в его судьбе. Он давно и восторженно любит этот город, небо над ним, его горы и реки. Он любит воздух Алматы и ту удивительную палитру красок, которая сообщает городу неповторимость. В этой атмосфере легко дышать и работать. К тому же здесь живут две его старшие сестры с семьями

и брат. В Алматы в свое время он два года служил в армии на семидесятом разьезде. И вот теперь здесь, в южной столице, открыта его первая персональная выставка.

Поскольку художник приехал из Испании, разговор у нас начался с чисто испанских реалий: «Как вы относитесь к корриде?»

- Мероприятие это зрелищное, даже яркое, но я не являюсь его поклонником. Почему? Потому что я люблю животных, и мне претит, когда на потеху людям проливается кровь братьев наших меньших. Я думаю, это грех, а я человек глубоко верующий, хотя, к сожалению, не все заповеди выполняю своевременно, и даже тфилин надеваю от случая к случаю. Это плохо, и я раскаиваюсь в этом. Понимаете, я постоянно в работе, я так ею увлечен, что забываю обо всем на свете. Но перед мольбертом, когда я держу кисть в руке или углем набрасываю эскиз на ватмане, я ощущаю явственно, что я не один, что за моей спиной стоит ангел-хранитель, и я знаю, что в сердце моем Б-г, что я выполняю Его волю, что Он водит мою рукой.

Мне было 23 года, когда мы уехали в Израиль из Баку. Почему уехали? Из религиозных соображений. Мои родители, да и вся наша большая семья (а нас в семье десять детей) большое значение придавали соблюдению традиций, дома отмечались все праздники, законы кашрута ставились превыше всего. И потом: с детства Израиль для меня был святой землей, землей предков. Меня тянуло туда как магнитом. Для еврея, по моему, это вполне естественно. Ну, а когда почти вся наша семья переехала в Израиль, я не мог и не хотел оставаться один. Если учесть, к тому же, что я в семье самый младший, и я очень привязан к родителям, братьям и сестрам.

Детство мое прошло в Баку, здесь я окончил школу, а впечатления детства и юности врезаются в душу, они незабываемы. Мне запомнился наш огромный двор в этом многолюдном городе. И двор наш был как город: в нем жили азербайджанцы, армяне, русские, евреи. Жили дружно, уважительно относясь к обычаям и традициям другого народа. Школа была такой же пестрой по национальному составу. В результате кроме языка наших горских евреев я совершенно свободно владею азербайджанским и русским языками. Дома мы говорили на джюри (это язык горских евреев), в школе - на русском, на улице и во дворе - на азербайджанском. Многоязычие, к которому я привык с детства, позволило мне безо всяких усилий освоить испанский язык. Основы английского я изучил в школе, он для меня привычен, как и все другие языки, которыми я владею. Ивритом я тоже специально не занимался, он как бы сам собой вошел в мою душу, у меня было такое ощущение, что я на этом языке разговаривал всегда. Может, это генетическая память - может, это в крови?

Да, так вот - о детстве. Я чуть ли не с младенчества помню вкус мацы на Песах. Не помню, когда меня впервые привели в синагогу, но с детских лет я знаю и помню все еврейские праздники. И хоть по детскому легкомыслию я не придавал тогда этому особое значение, но, понимаете, оно тоже вошло в состав моей крови.

Меня часто спрашивают: когда я почувствовал призвание художника? Не знаю. Как только я взял в руки бумагу и карандаш, так и начал рисовать. Это было моим любимым занятием. А потом - у меня двоюродный брат художник. Его пример был заразителен. Он тогда учился в Баку. Я был еще совсем маленький, но когда смотрел на его работы, то просто впитывал глазами краски, линии. Мне хотелось самому переложить все это на бумагу и холст, и я во всем старался подражать своему брату. Однажды я смотрел, смотрел на то, как он работает, потом приподнял угол клеенки на столе и на обратной стороне ее тоже начал рисовать. Рисовал все подряд: людей, животных, стол, дерево - все, что видел, и все, что в голову придет. А уж когда в школе учился, я начал рисовать разноцветными фломастерами. О-о, это было просто наслаждение - меня оторвать не могли от рисования! Конечно, я был первым художником в классе. Конечно, я был членом редколлегии стенгазеты - и в классе, и в школе. Очень любил рисовать стенгазету. Никаких кружков рисования или изостудий я не посещал. Я же говорю: моей рукой все время кто-то словно бы водил. Это я после понял - Кто.

Что меня поразило в Израиле? С детства в моем воображении рисовалось нечто сказочное, величавое, исполинское. А Израиль оказался по-домашнему уютным, компактным, даже маленьким - мы в Советском Союзе привыкли к совершенно бескрайним просторам, когда проехать от западной границы до восточной, до кромки земли у океана - это надо неделю потратить, а то и больше. А здесь от Хайфы до Эйлата - семь часов езды. Правда, когда я побывал в Иерусалиме, у Стены Плача, я вдруг ощутил дыхание веков, величие истории. Я понял, что земля эта действительно дарована Всевышним нашим предкам, и наша ответственность перед Б-гом эту древнюю землю сберечь. Тут даже молчание пустыни наполнено высоким Б-жественным смыслом.

В Израиле мы поселились в Хайфе, это север Израиля. Не знаю, чем это объяснить, но в Хайфе мне было почему-то неуютно. Я переехал сначала в Ашкелон, а через год в Эйлат - это самая южная точка Израиля, на берегу Красного моря. Здесь я начал работать в полную силу, меня ничто не сдерживало, здесь мне было хорошо. Я прожил в Эйлате до 2000 года. Я много писал, причем в любой технике: масло, акварель, пастель, уголь, карандаш... Портреты, пейзажи, жанровые зарисовки. Я продавал свои картины (их покупали охотно) и этим жил. А потом уехал из Эйлата: город маленький, я уже знал в лицо почти всех его жителей, всю его подноготную. Мне стало тесно. Но и не только поэтому, а главное потому, что почувствовал: мне нужна хорошая школа художественного мастерства. Все, чего я мог достичь самостоятельно, я достиг. Мне нужен был наставник, мастер. Его в Израиле я найти не смог. А Испания славится своей художественной школой. И вот уже почти четыре года, оставаясь душой и сердцем в Израиле, я живу в Барселоне.

Да, я люблю писать портреты - это один из любимых моих жанров, но именно - один из. Вообще-то одна из основных моих тем - контрасты в жизни человека. Человек в движении. Человек в переломные моменты своей судьбы. Сложности жизни. Например, Исход - причем, Исход во что-то светлое, дарующее надежду. Или репатриация. Мгновения бытия, казалось бы, не броские, обыденные, но заставляющие задуматься о сути жизни, попытаться переосмыслить ее. Контрасты черного и белого, контрасты теплых и холодных тонов. И все это - природа, земля и небо, сам воздух между небом и землей. И человек во всем этом, его непростая судьба.

Разумеется, очень много картин и на религиозные сюжеты. Все та же тема Исхода. Или портреты раввина, сойферта. Да просто ребенок у ханукии: сколько здесь тепла и высокого, от Всевышнего, света!

Конечно, я посещал синагогу и в Хайфе, и в Ашкелоне, и, тем более, в Эйлате. Есть синагоги и в Барселоне, причем, синагоги старинные. Кстати, в Мадриде я обнаружил самую большую синагогу в Европе - это было приятное открытие. Будем помнить, что Испания для евреев - страна желанная, здесь они жили столетиями, приумножая богатства этой страны, материальные и духовные. Испания дала миру великих еврейских мыслителей, и среди них такую гигантскую фигуру, как Рамбам. Отсюда лет восемьсот назад они, к великому прискорбию, были изгнаны. И, в сущности, сефарды, - это те же испанские евреи, прошедшие за столетия путь через весь Ближний Восток от Гибралтара через Египет, Ирак, Иран на Кавказ и в Среднюю Азию. Опять-таки, Испания генетически нам страна не чужая...

Как устроена моя жизнь? Я еще не женат. Я так был занят работой, поисками своего художественного начала, что мне просто некогда решать эту проблему. Конечно, я женюсь - быть может, в скором времени пойду под хулу. И, конечно, я женюсь на еврейке - это однозначно. Просто я самый младший, поэтому не тороплюсь обзаводиться семьей. Кроме двух сестер и брата, которые здесь, в Алматы, все остальные мои братья и сестры живут в Израиле. А родители, к сожалению, три года назад ушли в мир иной, да пребудет душа их в Ган Эдене.

Вообще, младший в семье имеет некоторое преимущество: он может учиться на ошибках старших, творчески усваивать их жизненный и житейский опыт. Что я и делаю. Я сравниваю призвание художника с участью еврея вообще: поиски самого себя, поиски

путей к Б-гу. А потом -бескорыстное служение Ему, не ожидая от этого особой выгоды, каких-то почестей и наград. Уже само по себе то, что ты обрел Высшее Начало в своей судьбе, и является самой большой наградой.

Не знаю, как долго я проживу в Барселоне. Возможно, останусь там жить. Тем более, что еврейская община в Барселоне крепкая, со многими людьми я успел познакомиться и близко сойтись. Повторяю - и это очень важно! - здесь есть и синагоги, а значит - можно соблюдать все наши законы и традиции. А границы в Европе прозрачны, и в любой момент без особого труда я могу приехать в Израиль, чтобы вновь соприкоснуться с этой святой землей, подышать ее воздухом, ощутить величие истории, постоять у Западной Стены, вознося молитву Всевышнему. И, как бы обретя новое дыхание, жить дальше.

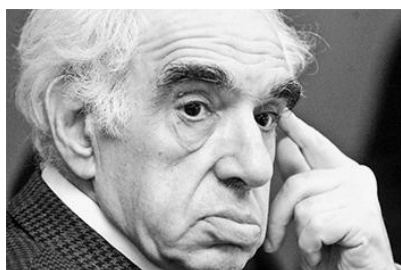
Потом он открыл свою заветную рабочую папку сиреневого цвета, слегка потертую от долгих странствий, но непременно спутницу всех его поездок. И мы углубились в созерцание листов, на которых запечатлена сама жизнь - такой, какой ее видит художник. То были сюжеты из еврейской истории: «Этот рисунок один из одиннадцати, которые я выставлял два года назад в Барселоне». Рисунки вызвали не просто живой интерес, но и массу вопросов по истории еврейского народа, его традиции. Почти все они были тотчас же проданы. Как, впрочем, и другие работы художника: будучи выставленными, они, за редким исключением, уходят в частные коллекции, либо их приобретают обычные любители живописи.

Вот сойферт, склонившийся над свитком Торы. А вот портрет хасида (уголь, бумага): «Это оригинал. Я буду выставлять его в Алматы». Репатрианты: пирс, на нем огромное количество багажа, и люди с их непростыми судьбами...

2005 г.

Евгений Рейн

Бахыт Кенжеев: «Хорошо, что на свете есть такие поэты»

Сегодня многие говорят о засилье на наших книжных прилавках коммерческой литературы - боевиков, детективов, фэнтези, любовных романов и прочее, как российских, так и зарубежных писателей. Казахстанские читатели далеко не всегда могут приобрести книги серьезных авторов - поэтов и прозаиков - в наших магазинах, а также лично пообщаться с ведущими мастерами современной литературы. Дабы облегчить эту задачу, создан проект «Алматинские литературные чтения».

Он возник как альтернатива продвижению коммерческой литературы в Казахстане, его цели носят ярко выраженный просветительский характер. В рамках проекта задумана серия визитов в Алматы наиболее известных, «культовых» писателей и поэтов разных стран мира, издание сборников их произведений с расчетом на казахстанского читателя, а также создание цикла документальных фильмов по материалам визитов.

В оргкомитет проекта входят бизнесмен Арнур Нуркатов (финансовая поддержка), Лиля Калаус (главный редактор журнала «Книголюб») и Александр Алексеев (директор издательства «Искандер»).

Открывает серию «Алматинские поэтические чтения» книга «Стихи, проза, эссе» Евгения Рейна, проживающего ныне в Санкт-Петербурге и приехавшего в нашу южную столицу на презентацию этого сборника, выпущенного издательством «Искандер». Прибыл он не один: сопровождали этого «непутёвого странника», по меткому выражению Бахыта Кенжеева, супруга Евгения Борисовича Надежда Рейн (к слову сказать, она зани-

мается всеми издательскими проектами мужа) и его близкий друг, автор того самого меткого выражения, большой, самобытный поэт Бахыт Кенжеев.

- Для меня большая честь и удовольствие представить вам Евгения Борисовича Рейна, за плечами у которого полвека с лишним упорных поэтических трудов и к которому вполне приложимо определение «легендарный», - сказал он, открывая встречу журналистов с писателями в Пресс-клубе. - Долгое время он был подпольным поэтом, известным по самиздату, а сегодня его имя знакомо любому поклоннику российской словесности. Я стал его почитателем лет 35 назад, еще в незапамятные времена машинописных листочков, бережно переплетённых в малиновый канцелярский коленкор. Уже тогда я пришёл в изумление от того, что есть такие поэты, столь хорошо владеющие языком, владеющие магией слова. Сколь радостно, что те стихи, признанные только узким кружком энтузиастов (среди которых, впрочем, были и Ахматова, и Бродский), нисколько не потускнели с годами - от них, воспроизведенных в десятках переизданий, захватывает сердце ничуть не меньше, чем тогда, в эпоху зрелого социализма и казенных баталий между физиками и лириками...

К ранним стихам за эти полвека добавились тома столь же блестящих; поэт неизменно следовал своему назначению «непутевого странника», тонкого летописца эпохи и блужданий своей неприкаянной души.

Уходит всё, что кажется современникам столь насущным, - тиранические режимы, политические дразги. Остается только «пространство, звёзды и певец». Высшая доблесть певца - в том, чтобы на волне своих лирических метаний и терзаний донести до читателя, нынешнего и будущего, истинный воздух времени.

Когда-то я уже писал о кажущейся «прозаичности» стихов Рейна («элегий», по справедливому выражению Бродского), о двойном зрении поэта, который не скрывает своего наслаждения осязаемостью, предметностью окружающего мира, оставаясь при этом чистой воды лириком, глубоко вздыхающим о невозвратности бытия. Драгоценный сплав, позволяющий поэту воплощать не только движения собственного сердца в его стремлении к гармонии, но и свои времена - не те, что прозябают потом на пожелтевших страницах газет, а времена подлинные. Его стихи порою напоминают чеховские новеллы, но окрашенные блоковской (пускай и чуть притушенной) страстью.

Поэзия Рейна основательна и всегда твердо стоит на земле, зато он умеет возвышать эту землю до небесного состояния. Она легко читается, но, как доброе вино, перекачивается потом на языке неожиданными оттенками вкуса: то горечью морёного дуба, то коктебельским персиком, то истлевающей, подсушенной подмосковной кленовой листвой, бесконечно печальным запахом увядающего подорожника на обочине тропы, раскисшей под октябрьскими дождями.

Всё это есть и в его новом сборнике. Особняком стоит разве что поэма «Батум» (впрочем, тоже новая), в которой испытанная манера Рейна обогащается неожиданной прививкой чертовщинки, гофмановского абсурда.

Я думаю, проза и мемуарные очерки говорят сами за себя и моего комментария не требуют... Хорошо, что на свете есть такие поэты.

- В Алматы я уже бывал в 1983 году, правда, короткое время - переводил большую поэму Мухтара Шаханова «Холокост». Длилось это примерно месяца полтора. Я бы хотел повидать Мухтара Шаханова или хотя бы передать ему привет. На мой взгляд, он хороший человек и очень хороший поэт, - сказал, предваряя вопросы журналистов, Евгений Рейн. - Я уроженец Ленинграда, моя первая книга вышла в 1984 году. Иногда пишу прозу, писал и киносценарии. Всего вышло книг 12. За своим письменным столом дожил до 70 лет и продолжаю свою скромную литературную жизнь. («Эта скромная литературная жизнь, - пояснил Бахыт Кенжеев, - включает в себя недавнюю поездку в США, где Евгений Борисович выступил с триумфальным успехом. Я уже не говорю о его многочисленных поездках в другие страны»). Я очень поздно начал выезжать, с 1988 года, мне уже было за 50. Других особенных триумфов не вижу. Говорят, я стал знаменитым благодаря «самиздату». Это не совсем так. Я тогда занимался кинематографом, выпускал детские книги, моё уча-

стие в «самиздате» крайне преувеличено. По образованию я инженер-механик и первое время работал по специальности, но, видимо, я был гуманитарием по человеческим и божьим качествам, а потому поэзия и стала моей судьбой.

На вопросы он отвечал предельно кратко и ёмко.

- *Как вы относитесь к тому, что во многих республиках бывшего Советского Союза русский язык потерял права гражданства и предается забвению?*

- Я считаю, что русский язык - великий язык, который связывает культурное пространство, представляет русскую и мировую классику. Его умаление - это умаление, по сути дела, мировой культуры, и оно очень печально.

- С колониальных времен Индия унаследовала английский язык. И можно представить себе, где бы оказалась Индия, если бы в ней забыли английский, - подал реплику Бахыт Кенжеев. - Она была бы разорвана на сотни народностей, её населяющих, и в ней не могло бы случиться того экономического чуда, которое происходит только благодаря английскому языку.

- *Говорят, Вы учитель Бродского. Расскажите о Ваших учителях?*

- Стихи я начал писать рано и прошёл через некую иерархию. Это были наши классики, и в большой степени великий русский поэт Некрасов. Затем поэзия XX века - Анненский, Маяковский, Блок, Пастернак, и личное участие нашего великого поэта Анны Ахматовой. Тут есть такая тонкость: любое стихотворение, которое ложится тебе на душу, уже учителем служит.

- *Положение писателя при советской власти было незавидным, неслучайно тогда родилась фраза: «Поэт в России больше чем поэт». В наше время что изменилось в этом плане?*

- Эта фраза всегда казалась мне несколько странноватой, хотя она вписывалась в своё время. Я занят своими определёнными творческими планами и не могу солидаризироваться с Евтушенко, хотя понимаю и до некоторой степени уважаю гражданскую позицию. На мой взгляд поэт - представитель той территории, которая называется «Поэзия», и сегодня он просто отступил в пределы этой территории.

- *С Иосифом Бродским Вы были достаточно дружны. Известно, что Анатолий Собчак, мэр Петербурга, приглашал его в Питер, и вроде бы Бродский принял это приглашение. Но поездка так и не состоялась. Почему?*

- Знаю лишь одно: Бродский написал Собчаку письмо, в котором выразил опасение, что остерегается стать жертвой активного общественного внимания. У него было большое сердце, были ещё какие-то свои резоны. Но он собирался в эту поездку. Возможно, ранняя смерть его и есть всему причина. Может быть, у него были какие-то болезненные воспоминания, боязнь чрезмерной шумихи. К тому же он был человек и противоречивый, и внезапный одновременно.

- *Вопрос Бахыту Кенжееву, «русскому сыну казахского народа»: есть ли место в современной русской литературе для писателей других национальностей, другой культуры, владеющих русским языком?*

- Если учесть, что одним из ведущих прозаиков XX века в русской литературе является Фазиль Искандер, а одним из крупнейших русских поэтов - Осип Мандельштам, ответ самоочевиден, вопреки всей ксенофобии, процент которой достаточно высок, к моему великому прискорбию. Национальные корни всегда обогащают и увеличивают эстетические и этические богатства автора. И это в высокой степени благодарная почва. Только что открылся проект под названием «Русская премия», премия эта присуждается авторам из национальных республик Средней Азии и Кавказа. Являясь членом жюри, я прочёл 19 книг этих авторов из Армении, Грузии, Азербайджана, Казахстана и Киргизии. Этнических русских среди них меньше одной трети, остальные - представители местных национальностей. Это всё ищущая и очень разнообразная литература, и это всё очень интересно. Это русский язык, это проблемы общего пространства, но реалии остаются местными, у

некоторых авторов они подняты на соответствующий уровень философского и литературного осмысления, что должно приковать внимание читателей.

- *Вопрос Евгению Рейну: сегодня соцреализм предан забвению. Справедливо ли это? И каким видится вам дальнейший путь развития литературы?*

- Будущее закрыто, но, я думаю, существует искусство предшествующих веков - реалистическое, модернистское, авангардное. Какую они дадут мутацию, сказать очень сложно. Я не совсем понимаю, что это такое - «соцреализм», то было некое условное наименование, и я его сейчас толкую как историческую реальность, но сегодня каких-либо эстетических проблем он не может породить. Владимиру Войновичу принадлежит определение «соцреализма»: воспевание начальства в доступной его пониманию форме.

- *Ваше отношение к «публикациям» в Интернете?*

- Я вырос в гуттенберговском понимании задач литератора. Для меня книга, публикация в прессе или в журнале наиболее естественный литературный фактор. Поздно уже перестраиваться, я принадлежу к письменной, старой формации писателя, да и читателя тоже.

Бахыт Кенжеев:

- Я совершенно согласен с Евгением Борисовичем. Книга есть полиграфический процесс материализации твоего творчества. А главное книга всегда с тобой, ты можешь положить её в карман, открыть, когда захочешь, по мере необходимости. На мой взгляд Интернетом для публикации пользуются в основном поэты-непрофессионалы. Он может быть, конечно, дополнением к книге, которая напечатана.

- *Кто приходит в поэзии на смену старшему поколению? Как вы их оцениваете?*

- Поколение всегда преемственно и противоположно. И в каждом поколении есть талантливые люди...

А завершить наш рассказ об этом интереснейшем разговоре с Евгением Рейном хотелось бы словами Иосифа Бродского, которые весьма уместно тоже прозвучали во время этой встречи: «Рейн не только радикально раздвинул поэтический словарь и звуковую палитру русской поэзии - причем (поскольку у нас любят приоритеты) сделал это гораздо раньше тех, кому расширение это официально приписывается; он расширил - раскачал - также и психологическую амплитуду русской лирики. Здесь с приоритетом, надо полагать, все в порядке, ибо оспаривать глубину отчаяния, чернеющую в этих стихах, и степень усталости от него мало кому из соотечественников - падких до любых лавров - придет в голову...

На мой взгляд, Рейн - наиболее значительный поэт нашего поколения, то есть поколения, к которому я принадлежу... Рейн - элегик, но элегик трагический. Главная его тема - конец вещей, конец, говоря шире, дорогого для него - или, по крайней мере, приемлемого - миропорядка... Стихи Рейна замечательны именно этим поразительным для всех органов восприятия моментальным соединением - реакцией, если угодно (и если иметь в виду его диплом инженера-химика), зрения, слуха и сознания и способностью взглянуть на полученное извне, забормотать результат реакции - результат опыта, поставленного над собой или над миром».

2015 г.

Орбита Дахшлейгера

Научная и лекторская деятельность Григория Фёдоровича Дахшлейгера, связанная с Академией наук, КазГУ, МГУ и другими университетами, была для него самой главной, но все же лишь частью жизни. Другой же частью было то, что мы называем духовной стороной бытия. Он поддерживал тесную связь со многими представителями еврейской общины Алматы. В нее входили не только крупные ученые, но и ведущие деятели культуры - писатели, артисты, режиссеры, музыканты, художники, редактора издательств. Григорий Федорович, вопреки кажущемуся академизму, был человеком увлеченным и увлекающимся. Он был страстным меломаном, любил театр. А находясь в командировках, в том числе зарубежных, старался попасть в музеи.

Особо отметим такой факт. В Алматы в те годы практически не было синагоги. О своих духовных исканиях Григорий Федорович никому не говорил. Но когда выезжал в крупнейшие города мира, всенепременно находил возможность побывать в синагоге.

Нам он об этом рассказывал вскользь, вспоминает вдова ученого Маргарита Григорьевна, а вот маме свой Марье Павловне, я думаю, сообщал об этом много подробнее. Вообще, в соблюдении еврейских традиций мама задавала тон. Она знала все еврейские праздники и старалась их отмечать. В те годы делать это было непросто, тем более афишировать подобное было небезопасно. Но мама, когда надо, зажигала свечи. Созванивалась с Полиной Исааковной Копыленко, чтобы уточнить какие-то детали кашерного угощения в праздники. Или вдруг по телефону поступал сигнал: надо ехать за мацой в синагогу на Ташкентскую.

- Мама выжидательно и молча смотрела на меня, - говорит Маргарита Григорьевна, - и я также молча отправлялась в путь. Не могла же я перепоручить это Грише!.. А там, в старенькой синагоге, нас уже поджидал пожилой человек, вручал самое главное для пасхального седера и вполголоса, доверительно говорил: "Скажите нашим евреям, что уже есть маца и надо за ней спешить. Пусть приходят, мы напекли для всех".

Вообще-то Гришину маму звали не Марья Павловна, у нее было и еврейское имя Миндля Пинхусовна Зигельман, также как и Гришиного отца звали не Федор Соломонович, а Файвель, но этот страх перед Советской властью так въелся в душу, что люди опасались даже собственных имен. Я до сих пор храню подарок, который был сделан кем-то Гришиному папе еще в 1920 году, такой красивый маленький кошелек. Так вот на нем золотыми буквами вышито "Феде". Уже тогда не решались называть его Файвелем.

Кстати, я помню, как впервые увидела свою будущую свекровь. Я не удержалась и сказала ей: "Что-то вы неважно выглядите. Наверно, не в форме сегодня". Она мне ответила: "Я жду первой звезды, жду, когда солнце сядет. У меня сегодня пост". Было это, как я теперь понимаю, на Йом-Кипур. И сыну своему она сумела привить уважение к еврейским обычаям. Он, кстати, выезжал за рубеж на различные симпозиумы, но, несмотря на занятость, я это знаю точно, он выкраивал время для посещения синагоги. Он побывал в синагогах Парижа, Нью-Йорка, Чикаго. Он одним из первых алматинских ученых выезжал на Запад Америки, в Сан-Франциско и Лос-Анжелес. И там он тоже посещал синагогу. Но распространяться об этом не любил, да и небезопасно это было для ученого его ранга.

О чудесах, явленных Всевышним в мире

У нас так было заведено: когда он собирается куда-то в дальнее зарубежье, мы всей семьей читали справочную литературу о тех местах, куда он едет: рассказы бывалых людей, познавательные брошюры в мягких обложках. У нас до сих пор на верхней полке библиотеки выставлена вся эта кавалькада книг по странам мира. Понимаете, такие по-

ездки в те времена бывали чрезвычайной редкостью. Зато потом, после его поездки, мы бывали сполна вознаграждены за наши старания.

Помню, он прилетел из США в 6 утра, мы сели всей семьей за столик, и он начал нам рассказывать, где бывал и что видел - причем, во всех подробностях, живых и порой очень забавных. Соседи, что жили этажом выше нас, часам к девяти спускаются к нам: "Мы поняли, что приехал Федор Григорьевич" - потому что мы так смеялись и оживленно сопереживали рассказу, что, очевидно, не услышать было невозможно. Следом пришла некая дама из санэпидстанции, чтобы он сдал анализы после поездки в зарубежье. Он отшучивается: "Помилуй Б-г, какие там анализы! Я же побывал не в забытых Б-гом местах, а в США". Так и эта дама, забыла, зачем пришла, заслушавшись его рассказов. И вдруг он говорит: "Что-то есть хочется". Мы глянули на часы и обомлели: седьмой час вечера! Мы даже не заметили, как пролетел за его рассказами весь день. Мы неотрывно слушали его 12 часов, забыв обо все на свете!

Япония, Чехословакия, Польша, Франция - он везде побывал. Наконец, поездка в Индию. Ну, о ней, казалось бы, все известно, чем там его удивить? И я помню его первый телефонный звонок по приезду, из Москвы: "Ну как там?" - спрашиваю. И в ответ слышу классическую фразу: "Индия - страна чудес". Это, значит, мы снова всей семьей будем сидеть день-деньской как замороженные, слушая его впечатления.

Туристические поездки он не любил. А вот за свой счет поехать на какой-нибудь симпозиум и, руководя тематической секцией, урвать часок-другой для ознакомления с местными достопримечательностями и красотами, - это он любил.

О чем он искренне сожалел (да и все мы сожалели!), что ему не удалось побывать в Израиле, вспоминает Маргарита Григорьевна. "С фамилией Дахшлейгер это исключено", - говорил он не без горечи. СССР цепко держал евреев в своих объятиях. Можно подумать, что все они располагали сведениями о какой-то важной государственной тайне. Такое было время.

Театр одного актера

Исаак Иванович Попов в 60-70 гг. работал в Министерстве культуры. Он как бы взял над нами шефство, вспоминает Маргарита Григорьевна, и буквально на все театральные премьеры присылал билеты. Кроме того, мы жили по соседству с народным артистом республики Юрием Померанцевым, наши дома стояли рядом, и мы не то чтобы дружили, но соблюдали близкие приятельские отношения. К тому же я окончила 51-ю школу, а папа супруги Юрия Борисовича преподавал у нас математику. Так что нас еще связывала с Померанцевыми и трогательная память об этом. К сожалению, у нас не было и нет фотографий с Померанцевым. Григорий Федорович вообще был крайне скромным человеком и фотографироваться не любил. А вот сам фотографировал с удовольствием, хотя в силу рассеянности и крайней увлеченности мог на один и тот же ролик заснять два видеоряда, наложив их друг на друга.

Все премьеры театра им. Лермонтова Григорий Федорович посещал неукоснительно. Это были еще спектакли Якова Соломоновича Штейна, которые составляют золотой фонд истории театра. Не пропускал он и все сколько-нибудь важные гастрольные выступления столичных театров. Ну, а бывая в командировке в Москве, ухитрялся раздобыть билеты даже в Большой театр, к великому удивлению его московских коллег. В семье Дахшлейгеров хранят программки всех спектаклей, которые довелось посмотреть.

Кстати, о нашем свадебном путешествии, говорит Маргарита Григорьевна. Мы поехали в Москву и с утра до вечера просиживали в библиотеке. А вечером шли в театр. Пересмотрели абсолютно все. Нет, но билеты достать даже с рук было невозможно. Человек 500 стоит с надеждой попасть в театр. Я бы повернулась и ушла, а он мне: "Постой здесь минуту". И вижу, идет к человеку по внешнему виду совершенно не театральному. Но именно у этого человека есть два билета, которые нам нужны. Во втором ряду партера!..

Увлечение театром началось у него со школьных лет. Его дядя, профессор географии МГУ Дахшлейгер, пригласил после девятого класса племянника в Москву. Так племянник за месяц ухитрился просмотреть все легендарно знаменитые спектакли МХАТа. Качалов, Москвин, Тарасова... Вы даже не представляете себе, годы, десятилетия спустя он каждый спектакль мог пересказать, словно бы он видел его вчера. Ты как бы сам присутствовал в зрительном зале, настолько точно он умел передать то, что происходило на сцене.

В 1974 году ему надо было швы снимать после серьезной глазной операции по отслойке сетчатки, и его в это время очень кстати пригласил МГУ для чтения лекций. В течение полумесяца по 8 часов в день он читал лекции, консультировал, а вечером отправлялся в театр. Это был человек, которому необычайно везло с покупкой билетов. Не было такого спектакля, самого "дефицитного", на который он не сумел бы достать с рук тот самый "лишний" билетик. За эти 15 дней он попал в Малый театр на спектакль "Царь Федор Иоаннович" со Смоктуновским в главной роли - спектакль невозможный для попадания. Он попал в "Современник" - "Восхождение на Фудзияму". И во МХАТ - то был спектакль-легенда "Соло для часов с боем". Когда он вернулся домой, мы сели за этим столом всей нашей компанией в 10-12 человек, и он пересказывал этот спектакль. Можете верить, можете - нет, но мы плакали, настолько сильным было впечатление. И когда этот спектакль через 20 лет стали показывать в записи по телевидению, уже Гриши давно нет в живых, но у каждого из нас было стойкое ощущение, что мы спектакль этот видели на сцене.

Совсем не смешная история

Кстати, говорит Маргарита Григорьевна, я до сих пор храню эту справку: после войны он преподавал историю в театральной студии в Одессе. Судьба...

Когда он демобилизовался после войны и пришел в свой родной Одесский университет, ректор сказал ему: "Все знаю. До войны ты был сталинским стипендиатом, твой портрет висел на "Доске почета". Знаю, что ты освобождал Одессу, но... С твоим пятым пунктом что делать? Не будет тебе аспирантуры, не быть тебе кандидатом наук".

А в это время его мама пытается добиться, чтобы их квартиру освободил директор Одесской оперы. Ну не хочет он ее освобождать, понравилась она ему!.. А она перевезла в Одессу прах своего сына, который здесь, в Алма-Ате, скончался. Представляете, в вагоне-леднике везла через весь Советский Союз, потому что, умирая, Эдик все время говорил: "Я умру, вы оставьте меня здесь, а сами уедете". Все получилось наоборот...

Отец (его звали Файвель Шлема Ноевич) приехал и видит, что это не та Одесса, из которой сын его ушел на фронт в 41-м. "Нет, - сказал он, - мне это не подходит. Возвращаемся назад, в Алма-Ату".

Все было правильно и мудро. Здесь, в Алматы состоялась судьба его сына-фронтовика. Здесь он стал крупнейшим историком современности.

И несколько слов в заключение

Федор Григорьевич поддерживал тесные связи с еврейской общиной Алматы. Среди тех, с кем, как уже сказано выше, Григорий Федорович часто встречался и дискутировал по многим вопросам, была большая группа ярких, неординарных личностей. Из их числа хотелось бы выделить ученых-юристов Я.М. Бельсона, Ю.Г. Басина, М.А. Биндера, В.Е. Розенцвайга, филологов и лингвистов М.М. Копыленко, А.А. Жовтиса, И.Л. Смирину, М.А. Черкасского, Д.Я. Цукемана, В.М. Шварцмана, философа В.А. Черняк, горного инженера М.Е. Медведева, историка и журналиста И.И. Маляра, экономистов М.А. Амстиковицкого, И.Я. Двоскина, врача-кардиолога Л.С. Каневскую, первого заместителя министра культуры И.И. Попова, директора издательства "Наука" Б.Я. Нинбурга, пропагандиста кино Б.С. Абрамовича. Иных уж нет, а те далече. Но каждый из них оставил свой неизгладимый след в духовной жизни нашего города и шире - нашей эпохи.

2004 г.

В плену эпохи

Все мы - выходцы из советской эпохи, из уже несуществующей страны по имени Советский Союз, построенном на зыбком фундаменте марксистских идеологем, в течение семидесяти лет казавшихся несокрушимыми и рухнувшими в одночасье под грузом собственной несостоятельности. А теперь скажите, что было делать талантливому человеку, родившемуся в ту эпоху? В эпоху, стремившуюся всех и вся подогнать под одну колодку, подмять под себя, обезличить. Но вот не умещались в её прокрустово ложе люди, подобные Каньшу Сатпаеву, Бауржану Момыш-улы и просто яркие индивидуальности, щедро одарённые талантами.

Або Аркадьевич Лозинский (1903-1959) - лектор-международник, талантливый преподаватель истории, что говорится, от Бога, человек редкого ораторского дара. Его знала и любила вся Алма-Ата пятидесятих годов прошлого века. Фронтовик, награжден орденами «Отечественной войны» II степени и Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За победу над Германией». Член партии с 1923 года, он свято верил в идеалы коммунизма. Но истерия послевоенных лет по борьбе «с безродными космополитами» заставила его усомниться в верности этим идеалам. А поскольку личностью он был неординарной, яркой, само его присутствие не могло не раздражать борцов с космополитизмом. И незадолго до смерти Сталина его фактически сослали на два года в Восточный Казахстан, что, быть может, спасло ему жизнь (хотя и укоротило годы), а после возвращения из ссылки подарило нам, алмаатинцам, в течение ещё нескольких лет «роскошь общения» с этим щедрым талантом.

Рассказывает старшая дочь Або Лозинского Роза Абовна:

- Меня как наваждение преследует один и тот же эпизод. Отец сидит на низеньком стульчике у печи, дверца топки открыта, по лицу папы, вспыхивая и угасая, пробегают отблески пламени. Он сосредоточенно смотрит в топку, терпеливо ждет, когда прогорит очередная стопка машинописных листов, и старательно засовывает в пламя очередную стопку. Бумага загорается нехотя, из дверцы поверх печи сочится едкий дымок. В комнате пахнет гарью, и я открываю форточку, чтобы не наглотаться дыма.

Не помню, о чем мы с ним тогда говорили. Пожалуй, не говорили вовсе, он неохотно пускал в свои дела нас, домашних, а мы не считали возможным вторгаться в них. Но помимо всяких слов я знала, что он сжигает свою кандидатскую диссертацию, результат последних пяти лет напряженной работы. Он написал ее о Бекмаханове, а Бекмаханова стали поносить как националиста, объявили чуть ли не врагом народа. И когда диссертация была готова - а это случилось в самый раз в разгар травли космополитов, а заодно и националистов (в общем, всех, кто хотя бы на йоту мыслит не так, как велит наша родная и непогрешимая), отцу, чтобы не попасть в лапы КГБ, пришлось диссертацию сжечь.

Печь была обыкновенная, топка в ней не такая уж большая, а диссертация была довольно объемистая, к тому же в нескольких экземплярах, так что сжечь ее было непросто. Он долго сидел на маленьком стульчике перед топкой и всё бросал и бросал в огонь листы с машинописным текстом пачками. Всё сжечь не удалось, потому что какой-то экземпляр диссертации остался у кого-то на руках, и этот «кто-то» потом, когда наступили другие времена, по ее материалам защитился, стал кандидатом, а может, и доктором наук...

Потом были два года разлуки с семьей, разлуки почти насильственной. По большим праздникам папа, правда, приезжал на два-три дня из Усть-Каменогорска, и по тому, как

у него осунулось лицо, было видно, что он очень переживает. Мама тоже осунулась. У отца была застарелая язва, ему надо было соблюдать диету, режим, лекарственную терапию. Он, как мог, один справлялся с этим. Боюсь, что именно эти два года вконец подорвали его здоровье, ускорили и без того раннюю смерть.

Вообще, отец был очень занятой человек. Ещё до войны он ушел из партшколы на преподавательскую работу в университете. Одновременно он был лектором при горкоме партии. Потом - годы войны, и хотя у него была бронь, он добился отправки в действующую армию. Там он был старшим инструктором сначала стрелковой бригады, а после второго ранения - танковой.

О войне он говорил очень неохотно. Мне запомнился один его рассказ, может, других рассказов и не было, но рассказ этот обнажает суть войны. Речь шла об огневой точке, которую они подавить не могли и которая не давала им возможности сдвинуться с места. И вот один из бойцов обвязался гранатами, дополз до дота и бросился на него всем своим телом. Отец был тому свидетелем, и по лицу его было видно, что он не может этот эпизод забыть. Хотя таких эпизодов там, наверное, было немало.

А папа войну прошел, что говорится, от звонка до звонка. Ушел в 41-м, вернулся в апреле 46-го (я как раз училась в 10 классе). Он сразу пошел работать лектором в горком и преподавателем в КазГУ, был какое-то время завкафедрой, деканом и даже проректором.

Как раз в 46-м я закончила школу, и он спросил: «Ты куда хочешь поступать?» Я говорю: «В университет. На физмат». - «На меня не рассчитывай. Будешь поступать сама». Я сама и поступила. Кто-то из преподавателей поинтересовался у меня: «Вот у нас преподает Лозинский...» - «Это мой однофамилец», - ответила я. Отец был человеком принципиальным и чрезвычайно честным. И весь этот всплеск послевоенного антисемитизма нанес ему незаживающую травму. Он был оскорблен, и кровная обида на Советскую власть осталась в нем навсегда...

По натуре он был добытчик. Всегда приносил домой продукты, умел хорошо готовить. Маме дали путевку на курорт, он остался один. Я была уже замужем, и вот заглядываю к нему, а он варит вишневое варенье. Он умел готовить даже фаршированную рыбу, а это, как вы знаете, сложная операция. Покупал щуку, сдирал с нее целиком шкуру и всё остальное делал тоже - со знанием всех тонкостей. А как он готовил холодец! А какие закуски всегда у нас были на столе, если приходили гости! И нас он научил готовить. Бывало, в обеденный перерыв прибежит домой, а я наладилась готовить плов. Он деловито и четко даст инструкцию: порезать так-то, положить то-то и тогда-то, - и умчится на работу в свой политпрос. Еде он придавал огромное значение. С утра мы разбегались по своим делам в разные смены, а вот вечером должны были всенепременно собраться за столом. И еда должна была способствовать тому, чтобы в доме царил добрая аура.

Человек он был очень гостеприимный и хлебосольный. Каждый раз по большим праздникам к нам приходили гости, и папа искренне бывал рад встрече с ними. Сам он рюмки чурался (язва желудка), но любил угощать.

Человек он был очень талантливый. Он слушал по радио последние известия, по диагонали просматривал газеты. Конспектов лекций, специальных текстов он никогда не писал - мы этого не видели. Возможно, в политпросвете читал какие-то брошюры, возможно. Основная работа совершалась подспудно, в результате постоянного обдумывания реалий бытия.

Лекции он читал везде: в консерватории, на заводе, в художественном училище. Куда его приглашали, туда он и шел, и зал был всегда битком набит людьми. Оратор он был блистательный, аудиторию умел завораживать уже одним своим голосом.

Рассказывает Светлана Абовна Лозинская:

- Книги папа приносил домой стопками. Мама тоже любила книги, но для нее была проблема из проблема: в доме надо побелить, а книги просто невозможно перетаскивать из комнаты в комнату. И вот как-то папа приходит домой с очередной стопкой книг. Ма-

ма встала в дверях: не пуцу! Он говорит: ну, хорошо - ты только послушай, о чём эта книга. Она говорит: ладно, с этой проходи, остальные - не надо. Хорошо, говорит он, а теперь послушай о чем эта книга. И каждый раз получалось так, что без этих книг жить просто невозможно, и все их надо как-то пристроить у нас дома.

У него была абсолютная память. Книги он читал в магазине во время их покупки. Ему достаточно было книгу бегло пролистать, и он мог пересказать ее содержание во всех подробностях. Во время войны он прошел Польшу - он говорил по-польски, он побывал в Германии - он знал немецкий. С казаками он разговаривал на казахском. Знал он и татарский язык. Всё это было для него очень просто, возможно и естественно. Он, например, мог помнить в каком номере той или иной газеты ещё до войны была напечатана интересующая его статья. Текста лекций он никогда не имел, ну разве что - два-три тезиса, две-три строки. Публикой он владел феноменально, никогда ни до, ни после я не встречала ничего подобного. Причем, если он чувствует, что количеством своих знаний, своей эрудиции он публику утомил, тут же расскажет по этому поводу анекдот, вызовет оживление в зале, поможет людям стряхнуть оцепенение. Публика встрепенется, и можно дальше продолжить разговор всерьёз.

Когда на заводе им. Кирова его приглашали читать лекцию, то обязательно просили: прочтите ее дважды - для одной и для другой смены, чтобы не сорвать работу. Люди попросту сбегали с рабочих мест, чтобы послушать Лозинского. Удержать их на рабочих местах можно было, лишь пообещав, что через два-три часа лекция будет прочитана вновь уже для них. Хотя, казалось бы, - о чем идет речь? О международном положении. Оно было, конечно, непростым, но, очевидно, он владел каким-то секретом, умел о сложных и довольно скучных материях говорить настолько ясно и увлекательно, что буквально завораживал аудиторию.

Существовавшая практика обязывала лекторов определенное количество выступлений делать бесплатно. А кому охота работать «за так»? Многие уваливали от этого, находя благовидный предлог. Папа всякий раз шутил: ну конечно, у такого-то опять жену увезли в роддом и заболела тёща - придется выручать беднягу. Он безропотно шёл на выступление, к вящему восторгу слушателей, будь то продавцы из магазина, школьники, научные сотрудники или рабочие.

Перед войной ему дали прекрасную трехкомнатную квартиру. Но затем возникла необходимость использовать этот дом для каких-то особых, сверх важных целей. Жильцов попросили временно переехать в здание гостиничного типа, нам дали там две комнаты и сказали, после войны вы вернетесь в свою законную квартиру. Через какое-то время все вернулись в свои квартиры, а нашу сумел захватить некий начальствующий субъект. Папа вернулся с фронта, а мы живем на птичьих правах в гостинице. Мама говорит: иди, хлопочи - квартира-то твоя, законная. А он ей: другие вообще без квартиры. Он так и умер в этой квартире гостиничного типа. А был он сам председателем профкома, распределял квартиры другим, но только не себе. Каждый раз он обнаруживал, что у кого-то условия много хуже, чем у него. Он был человеком высоко совестливым. А ведь нас три дочери в доме, каждой надо место, чтобы где-то делать уроки. У него у самого в доме не было рабочего стола - такой стол у него был в политпросе. В десять вечера он приходил домой, маме подавал чашечку чая и отправлял спать, а сам до двух часов ночи каждый день сидел за книгами.

Когда папу хоронили, кто-то из высоких чинов ужаснулся: Або Лозинский жил в таких условиях! Подошел к маме и сказал: я вам клянусь, первая же квартира при распределении будет ваша. Ну а какое-то время спустя, извинился: все бумаги оформил, всё сделал, как надо, но в последнюю минуту квартиру «увели».

Рассказывает Людмила Абовна:

- С четырех лет папа обладал уникальной способностью: он знал, кто и когда умрет. В четыре года он играл, прыгал на одной ножке и вдруг сказал: «Сегодня деда умрет».

Его отчитали, засунули в чулан. А дед в пять вечера упал и умер. Папу вытащили из чулана: откуда ты знал? Он пожимает плечами: знал - и всё тут.

На фронте это знание для него было тяжелее всего: он знал, кто из солдат, которых отправляют на задание, не вернется, но отменить распоряжения не мог. Потому что он знал сверх того, что вот этого солдата посылать не имеет смысла - он не справится с заданием, а вот этот справится, но погибнет. С ужасом этого знания он и вернулся с фронта. С тех пор он не мог бывать на кладбище, он не объяснял нам, почему, но он там ни разу не был.

У него было обостренное чувство беды, которая может случиться с человеком. Однажды наша старшая сестра Роза опрокинула на ноги кастрюлю с кипятком. Мы с сестрой, ничтоже сумняшеся, содрали с нее чулки - вместе с кожей. А дальше не знаем, что делать. Я стою и обмахиваю ей ноги журналом, чтобы ей не было так горячо. И тут открывается дверь, в дом входит папа. Он прервал лекцию: с дочерью, говорит, случилась беда. Он сразу вызвал скорую, и помощь была оказана во время, и все эти проблемы удалось решить.

Второй случай - я была в пионерлагере. У меня вдруг вспыхнуло воспаление легких. И папа ночью выскочил из дому, взял машину, поехал за город, забрал меня и - в больницу. Врачи говорят: если бы не он, крупозное воспаление легких мне было бы обеспечено, и я бы попросту умерла.

Знал он заранее и о своей смерти. Ему было 25 лет, когда у него открылась язва желудка. Врач сказал: операцию делать не надо. Маму предупредил: он безнадежен. Можете себе представить, что она пережила. И вот однажды приходит она в больницу, а он не серый, как всегда, у него вполне нормальный вид. Врач говорит: не знаю, в чем дело, но не трогайте его. Оказалось, язва зарубцевалась, но желудок прирос в этом месте к спине. С тех пор он спал только на спине. На боку он лежать не мог - больно.

И вот когда ему было 56 лет, понадобилось сделать в общем-то несложную операцию - удалить полип в желудке. Но неожиданно операция оказалась очень тяжелой: оттого, что в прошлом было уже прободение язвы, обнаружили сплошные спайки. Три часа боролись только с этими спайками. Тем не менее, операция прошла благополучно, вышел он из неё нормально. А через 10 дней умер.

Когда я везла его на операцию в троллейбусе, он со знакомым разговорился (а у него полон город знакомых!) и вдруг объявляет: вот еду под нож хирурга и знаю, что в живых не останусь. Тот ему: да что это вы говорите такое! А он: знаю, вот и говорю... Знакомый опять: ну, зачем такие грустные мысли? Отец улыбается: грустить мне и впрямь не придется - я точно знаю, что рядом со мной на кладбище будет петь казахские песни певица, ох и голосистая!

И что вы думаете? Город выделил ему могилу рядом с Куляш Байсеитовой. Она там по соседству поёт ему теперь своим соловьиным голосом.

В те годы уже были запрещены похоронные процессии в городе. А тут шла толпа, колонна людей, как на первомайской демонстрации. «По пути на кладбище я ничего этого не видела, - говорит Людмила Абовна. - А когда подошли к кладбищу, я оглянулась, глазам своим не поверила. Это же ведь от парка панфиловцев до Центрального кладбища надо было пройти пешком. Но в то время не было в городе человека, который бы не знал папу». И погода была противная, дождь со снегом, это случилось 17 ноября, а люди шли и шли за гробом, провожая в последний путь человека-легенду.

2003 г.

Корни и крона **Сага о Серовайских**

В Алматы есть уникальная династия историков-учёных Серовайских, которые вносили и вносят свой интеллектуальный вклад в духовную жизнь нашей республики - Яков Давидович, его супруга Лия Семёновна Фришман и дочь Юлия Яковлевна Серовайская. Цельность натур, пытливость и преданность науке - черты, присущие каждому из них, при всём при том что у каждого - свои пристрастия в истории, своё видение частностей и целого. Из этого стройного ряда выпадало одно немаловажное звено. Профессор Семён Яковлевич Серовайский, вопреки семейной традиции, стал математиком. Причём (теперь это уже можно смело сказать), математиком маститым, имеющем своих учеников, имеющим в своём научном багаже серьёзные, оригинальные разработки и солидные публикации.

Профессор, сын профессора

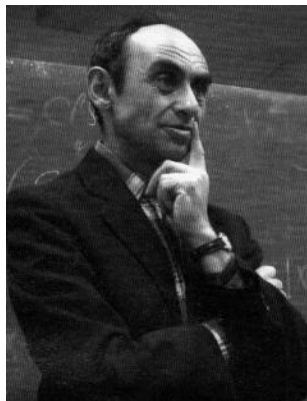
Каждый день он встаёт в полседьмого утра. Это не привычка даже, что вырабатывается в течение десятилетий, а твёрдое правило, неколебимое, подобное Эвклидовым постулатам. Впрочем, как выясняется, постулаты Эвклида никак не безгрешны, однако ж есть некие часы - там, в глубине сознания, они изо дня в день дают сигнал к пробуждению именно в это время с погрешностью до нескольких секунд.

Он встаёт в незамутнённой тишине ещё спящего мира, и у него есть уникальная возможность соприкоснуться с тем, что почти недоступно среди ясного дня. Осенью в этот час можно послушать вкрадчивый шёпот дождя или самому, коли ненастья нет, пошептаться с озябшей ноябрьской звездой, что с рассветом взошла над землёю. Зимой, запахнувшись в пальто потеплее, выйти в сад и ощутить скрип снега под ногами и вдруг увидеть царственность деревьев в морозном зимнем колдовстве. Весной соприкоснуться и душой, и кожей с неопытным, едва родившимся цветком и в половодье всеобщего цветения слушать, как соловей в переизбытке сил и щёлкает, и свищет, даруя всей округе радость. Летом поверх зреющих яблок на отяжелевших ветвях увидеть спелый благодатный звездопад. И в любое время года ты чувствуешь, как с близких гор стекает чистый воздух, наполняя лёгкие колкой свежестью с ледников, что лежат в поднебесье.

Сад рядом с домом как некая данность. Нет, про него не скажешь «старый сад», он не старый, он был всегда, он вечный, сад возник ещё за пределами моей жизни. В нём временами обновлялись некие деревья, чтобы с годами заматереть и плодоносить, и меня всегда поражал отец, умевший видеть в хилом саженце его конечный результат. Видеть вот эту мощную крону, готовую прикрыть собой и дом, и всю округу, и всех накормить, всех одарить своим урожаем. Отец в глубине души был агроном, да и по первой своей специальности он был агрономом, в конце двадцатых прошлого столетия поднимал сельское хозяйство в Крыму. Да, он стал профессором истории, науке он отдал весь свой интеллект. Но сердце его пребывало здесь, и в эту яблоньку, в эту черешенку он вкладывал тепло своих рук, и сейчас, прикасаясь к шершавой коже ствола, словно бы ощущаешь то давнее сердцебиение.

Отец был то, что называется личностью, вспоминает Семён Яковлевич. Личностью крупной и незаурядной. В нём чувствовались сила, интеллект. Ему была присуща внутренняя культура - не благоприобретённая, не та, что наживается с годами, а та, что с рождения, в крови. Нет-нет, он не учил детей своих чему-то в особицу, но само его присутствие в их жизни значило очень многое. И вот что интересно: несмотря на свою масштабность и самобытность, ни он, ни мама не подавляли и не навязывали своей воли. «Иначе я

тоже стал бы историком, - говорит Семён Яковлевич, - а мне хотелось двигаться в своём направлении. Тем более что в нашей 25-й школе преподаватели естественных наук были сильнее. Да и компания друзей у меня подобралась такая же. Математика нас завораживала. И физика тоже. Очень сильный был класс, и я из этого класса далеко не первым защитил кандидатскую, а потом стал и доктором».

Семён Яковлевич Серовайский, 51 год. Доктор физико-математических наук, профессор. В 1976 году окончил КазГУ по специальности «прикладная математика» и с тех пор работает здесь - сначала в должности младшего научного сотрудника, потом - ведущего инженера проблемной лаборатории математического моделирования, старшего преподавателя и заведующего кафедрой прикладной математики, и, наконец, три года спустя после защиты докторской диссертации в 1994 году он - профессор кафедры вычислительной математики.

Круг научных интересов С.Я. Серовайского едва ли будет понятен неспециалистам, и всё же рискнём кое-что назвать: теория оптимального управления, математическое моделирование, информационные технологии, основания математики. Здесь названо далеко не всё.

Скажем также и о том, что им получены важнейшие научные результаты по целому ряду актуальных проблем теоретической математики и математической физики. Им опубликовано около двухсот научных работ, в том числе несколько монографий на русском, казахском и английском. В течение ряда лет он был членом и заместителем председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РК по математике и информатике. Он был руководителем семи диссертаций на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук, все они успешно защищены. Под его руководством было разработано около десяти обучающих программ.

Последние два-три года он был руководителем международного образовательного проекта по программе Европейского Союза TEMPUS от Казахского национального университета им. аль-Фараби, и ему пришлось выезжать в заграникомандировки - дважды в Англию, а затем и в Испанию. Заграница всякий раз будоражила новизной ощущений, переизбытком информации, ощущением некоей полётности, когда ты осознаёшь себя не просто жителем определённой местности, страны, но - обитателем планеты Земля. И всякий раз там, в далёком и прекрасном зарубежье, в нём день ото дня исподволь подспудно вызревало одно неистребимое желание - вернуться домой, в Алма-Ату, город родной и желанный до сердцебиения, вернуться в этот сад, вернуться в этот дом.

Дом тоже построил отец. Дом просторный, удобный, в нём дышится привольно и легко. В конце войны папа побывал в Европе, увидел, как *там* живут. Не в бараках и не в тесноте коммуналок, а в добротных домах, где жизнь человеку не в тягость, где не он подчинён среде обитания, а среда обитания устроена так, чтобы человек в ней чувствовал себя *человеком*. Дом строился по нетиповому проекту отца. Естественно, многое сделано здесь его руками. В дом этот он, без преувеличения, вложил свою душу. И, если угодно, дом стал образом жизни, самой жизнью.

И всякий раз, переступая порог родного дома после дальней поездки, он невольно думает о тех, кто завещал нам эту жизнь в наследство, кто до нас прошёл эту юдоль земную, одолевая все катаклизмы эпохи.

О своем младшем брате рассказывает его сестра Юлия Яковлевна Серовайская:

- Он, конечно, интеллектуал. Математика - его жизнь. К пятидесяти годам он многого достиг в науке, взял очень серьёзные вершины. У него есть двухтомник «Архитектура математики», а архитектура предполагает, что человек знает всё здание науки в целом. Вообще, в математике, как в любой отрасли наук, существует узкая специализация. Так вот, он не ограничивается этой узкой специализацией, он мыслит широко, работает на стыке с теоретической физикой, его отличает философское понимание науки как таковой.

Кроме того, он многоопытный педагог. Под его редакцией издано более двадцати книг учебно-методического характера. Он очень дорожит своими учениками и не жалеет ни времени, ни сил на общение с ними. Кроме кандидатских диссертаций под его руководством защищена докторская.

Человек он очень начитанный, весьма сведущ в истории и даже консультирует историков. Мама, будучи сама крупнейшим специалистом в истории, тем не менее, часто обращается к нему за помощью. Он собрал прекрасную библиотеку, начиная с античных времён и кончая современными авторами.

Он сохранил дружбу со всеми своими одноклассниками. Куда бы их ни забросила судьба, но, бывая в Алматы, они обязательно приходят к нам на огонёк. Дважды приезжал из Москвы Симаранов. Большой друг Сени Саша Романовский живёт в Великобритании в Нью-Касле, тоже приезжал к нам несколько раз. И в таких случаях они обязательно идут к своей школьной учительнице Галине Нестеровне.

А как он любит горы и знает их! Он прирождённый турист, а туризм требует особого склада души, человек должен быть компанейским, доброжелательным, открытым миру. Здесь неуместен эгоизм, здесь крайне важно чувство локтя, готовность к взаимовыручке, готовность в любой момент прийти на помощь, подставить своё плечо тому, кто в этом нуждается. Между прочим, он сам занимается составлением горных карт, разработкой маршрутов по Заилийскому Алатау. Причём, в ранее существовавшие карты внёс важные уточнения. Он и здесь является консультантом. В туристических походах в горах он заводила компании, её душа. При нём всегда цифровой фотоаппарат, и после походов все эти компании туристов собираются у нас дома и просматривают на мониторе компьютера отснятый материал.

А какие у него изумительные пейзажи! Глаз не оторвать. Воистину каждый из них - гимн красоте и природе. Когда смотришь их, осознаешь, что всё это не могло возникнуть само по себе, что всё это - творение Б-га.

Да, он любит горы. Там, в горах, приходит ясность мысли, ни с чем не сравнимая. Можно проснуться среди ночи и, затаившись в уютной, теплой оболочке спальника, внимать ночной прохладе гор и тишине, почти абсолютной. Смотреть на звёзды, что в тёмном бархате неба сияют неистовым светом, - они рядом, у самых глаз, лишь руку протяни и дотронуться можно, обжечься. Смотреть на дремлющие в ночном оцепенении вершины, пропитанные светом звёзд, мерцающим и зыбким. Собственно, так - и только так - надо жить, чтобы грандиозные Б-жьи творения, подобные горам и небу, видеть лицом к лицу.

2006 г.

Концерт для одинокого рояля

Преподавателю Алматинской государственной Консерватории Эмилю Абрамовичу Росману исполнилось 75. Но шла экзаменационная сессия со всеми её тревожностями, было не до юбилейных торжеств, и лишь две недели спустя в Камерном зале состоялся грандиозный концерт в честь юбиляра. Да, да - грандиозный, безо всякого преувеличения. Зал был переполнен сверх меры, так что пришлось в срочном порядке нести стулья из аудиторий. Публика - а это были ученики Эмиля Абрамовича и горячие поклонники музыки - принимала на «бис» все выступления. Выступавшие - среди них опять же ученики Эмиля Абрамовича и ученики учеников - были в ударе. И те, кому повезло присутствовать на том концерте, могли лишь сетовать о том, что подобные концерты недоступны широкой публике, что весь этот фейерверк талантов сосредоточен не на исполнительской деятельности, а на преподавательской работе.

Самого юбиляра на концерте - увы! - не было. Живёт он далеко-далече от Алматы - в Израиле, в Ришон Ле-Ционе, и прибыть на торжества не мог. Но торжества снимались на видеокамеру, и эта прямая трансляция с места событий будет чуть позже Эмилю Абрамовичу вручена.

Из Алматы он уехал 14 лет назад, тотчас по достижении пенсионного возраста, уехал по настоянию сына и невестки: их неодолимо звала к себе Земля Обетованная, и зову этому противостоять было невозможно. Эмиль Абрамович понимал, что в силу возраста он как музыкант едва ли будет востребован в Израиле (туда репатриировалось 250 тысяч музыкантов со всего мира), и воспринимал это как личную катастрофу. Алматинской консерватории было отдано 32 года - да что там говорить: всё, всё было связано с Алматой и консерваторией. А что такое подобный переезд? Предстояло обнажить всю корневую основу жизни, перенести её в другую страну (да, желанную, но малознаемую!) и заново укорениться в иной системе координат. Оставить привычный уклад жизни, друзей-соратников, учеников, одержимых, как и он, музыкой. Бессонными ночами перед ним проходили чередой лица дорогих и ставших бесконечно близкими людей. Он как-то начал подсчитывать, сколько же учеников им подготовлено за это время. Вспоминались обстоятельства, при которых он встретил их впервые, вспоминалось, как складывалась их дальнейшая жизнь. Получалось, что учеников у него не менее ста. А ведь музыкант, как в ювелирном искусстве, изделие штучное.

В те три зимние месяца, пока велось оформление документов и шли сборы, он изболелся, похудел. Ему никогда не забыть день отъезда. Стояла слякотная мартовская погода, но небо уже наполнилось нестерпимой весенней синевой, и желанные алматинские горы как бы стояли на страже зачинающейся весны. Казалось, вся консерватория пришла на проводы. Он очень старался улыбаться, но сдержать слёз не мог...

Он очень рано понял, что жизнь по сути своей трагична. Истина была самоочевидной, но, будучи неисправимым оптимистом, Эмиль Абрамович умел перешагивать через этот горький постулат и более того - внушать и возвращать оптимизм в учениках. Ему это удавалось без труда, поскольку был он человек вулканической энергии, дело жизни своей любил превыше всего на свете и, опять же своей увлечённостью, умел зажечь молодёжь.

Учеников он пестовал и лелеял. И если юное создание попадало ему в руки, его собственная жизнь как бы отступала на второй план, а главным было то, что происходит с его учениками здесь, в классе. И вне класса тоже. Упаси Б-г, если кто-то заболел! Эмиль Абрамович готов был поднять на ноги всю медицину, дабы поставлен был точный

диагноз, прописаны, а затем и раздобыты нужные (пусть даже самые дефицитные!) лекарства. Человек рядом с ним не мог пасть духом. Голосом своим, манерой поведения, одержимостью к музыке Эмиль Абрамович умел вывести человека из любой хвори, из любого уныния. И вот уже, не смотря на высокую температуру, человек улыбается. Да и кто вам сказал, что температура высокая? Поставьте градусник снова. Вот видите, а что я вам говорил? Температура нормальная, и в самый раз поговорить о педализации полифонических произведений Баха, а ещё точнее: о левой педали фортепиано... И лишь в последние годы, уже *там*, вдали от Алматы, в Ришон Ле-Цоне, его оптимизм пошёл на убыль, потому что он привык энергию свою отдавать ученикам и, лишившись такой возможности, был как бы обречён на самосожжение.

Он присматривался к новым людям и обстоятельствам, пытался вобрать их в своё сердце, быстрее свыкнуться с ними. Узнав, что он играет всего Моцарта, пожилого профессора пригласили на виллу близ Телль-Авива, и он исполнил фортепианный концерт великого музыканта, предварительно прочитал о нём интереснейшую лекцию. Были ещё приглашения. Он сыграл два органых концерта, выступал как концертмейстер, аккомпанируя вокалистам.

Ему пытались помочь в поисках работы. Иметь постоянное место работы весьма важное обстоятельство, потому что в Израиле талантливым творческим людям присуждается стипендия Шапиро, это три тысячи шекелей, но... Но необходимо эту стипендию «прикрепить» к определённому рабочему месту. Он искал его несколько лет. Он давал благотворительные концерты в Телль-Авиве, в Бар-Эланском университете. Однажды его пригласили в кибуц (это нечто вроде сельхозкоммуны). Концерт проходил под открытым небом. На траву выкатили рояль, и зазвучала столь вдохновенная музыка, что эти малознакомые люди не хотели его отпускать до полуночи. Но постоянного места работы не было.

Разумеется, он писал письма в Алматы, десятки писем. На какое-то время письма эти спасали его от нестерпимой тоски. В конце концов, можно сесть к роялю и отвести душу в чудовищно многоголосом Бахе или в искристой безмятежности Моцарта. Он поднимал крышку рояля, мысленно сосредоточивался на первых тактах, руки уже готовы были коснуться клавиш. Но не касались их. Он мысленно проигрывал всю пьесу, сидел какое-то время молча, тихо вставал и прикрывал клавиатуру. Потом он впал в депрессию, ему даже какое-то время пришлось отлежать в больнице. Его поставили на ноги, но к роялю он не подходил года два или три. Потом уже и там, в Израиле, у него появились ученики, мир снова обрёл и полнозвучие, и смысл.

Дети обустроились, укоренились. У сына свой бизнес. И у внуков всё тоже о'кей: внука Оля второй год служит в Израильской армии, внук Илья учится. Они, можно сказать, коренные израильтяне. И можно бы радоваться жизни, но в сердце нет-нет, а и зазвучит неизбывная нота боли и тоски по Алматы.

Он часто ловит на себе всепонимающий и всепрощающий взгляд жены. О, эти синие глаза, струящие такую безмятежность, такую неохватную доброту, их можно сравнить только с небом, но это сравнение мало что говорит душе и сердцу. Ибо когда бок о бок прожита вся жизнь, когда тебя понимают с полуслова и ценят в тебе то главное, чему ты посвятил себя всего без остатка, до святой и неуничтожимой косточки луз, когда... тогда не годятся никакие сравнения. Ибо небо переменчиво и может обрести иные оттенки и качества, порой весьма далёкие от ясной безмятежности, а истинные доброта и талант понимания - они принадлежат к иным категориям, всеохватным и вечным.

Да, над головой пронесли десятилетия - да какие! Они даже в этих глазах с их несокрушимым оптимизмом породили - как бы это сказать точнее? - усталость. Эпоха оказалась безмятежной, скорой на перемены. Но - он знает, он верит - правнуки! В их лучистых, желанных глазах синева вспыхнет с новой силой.

В день рождения они собрались, как оно и положено, всей семьёй за столом. Был именинный пирог, и были сказаны заветные и нужные слова. А под конец, и это быть может самое главное, раздался звонок из Алматы, звонок долгожданный, но каждый раз он раздаётся, как неожиданность. И голоса учеников, вопреки расстояниям и годам, всё так же узнаваемы и дороги, и пожелания их, идущие от сердца, пожалуй, дороже самых дорогих подарков. Сегодня экзамены, говорили они, мы не можем собраться в консерватории, чтобы чествовать вас мы соберёмся в Камерном зале и дадим в вашу честь большой торжественный концерт и скажем всё, что мы должны вам сказать.

- Не стоит,- сказал он устало. И после паузы: - Я вас благодарю за всё...

А двумя неделями позже без пяти пять вечера по алматинскому времени (в Ришон Ле-Ционе было без пяти минут два часа пополудни) Эмиль Абрамович в белом костюме при бабочке, как оно и положено юбиляру, вышел из дому.

- Я ненадолго. Прогуляюсь, - сказал он жене. В общем-то, удовольствие весьма сомнительное - в такую жару. Но не мог он сидеть на месте - в такой-то час, в такую звёздную минуту жизни.

14 лет назад, когда они прибыли сюда, город был пугающе незнакомым. Предстояло научиться в нём жить, предстояло сродниться с этими улицами, скверами и закоулками, как некогда сроднился с Алматой. С её удивительно правильной геометрией улиц, с понятиями «вверх» (значит, в сторону гор) и «вниз»; с этой благодатно шумящей листвой деревьев, окаймлявших улицы, с узенькими арыками, их русло раз в десять лет обновляли, укладывая плотно, один к одному, булыжники и галечник. Ручьи и на полуденный зной и на прохладу ночи отзывались неумолчным журчанием и звоном.

Система координат как бы сместилась, он словно бы стоял у входа в консерваторию. Пирамидальные тополя торжественно и строго устремлялись кронами в небо, и явственно слышался лепет воды. Эмиль Абрамович как замороженный двинулся в сторону лепета и тотчас обнаружил фонтанчик. Да, да - фонтанчик. Не для услады слуха и не для красоты, а скорее для пассивного полива травки на газоне. Струйка воды была безумолчной, она взахлёб разговаривала с окружающим миром, выбалтывая свои полудетские тайны.

И тут откуда-то, как бы с небес, грянул торжественный, блистательный полонез Шопена. Эмиль Абрамович вдруг отчётливо и ясно представил себе Камерный зал Консерватории, и многолюдье зрительного зала, и задник сцены с огромной цифрой 75, окаймлённой рисованными листьями лавра. Рояль с приподнятым чёрным крылом. На журавлиной ноге - микрофон, ловящий звуки, взыскующий приветственных речей. О, да, конечно же, шопеновская россыпь полонеза откроет этот концерт, этот вечер. И нет тут никакой мистики в том, что за тысячу километров от Алматы седой усталый музыкант услышал в свою честь бравурные звуки фортепиано. Они звучали в его сердце, в его душе.

А, может, и впрямь он слышал эти поразительные теплые речи, исполненные любви к нему, к Учителю, Соротнику и Музыканту.

Яков Фудиман, профессор Государственной национальной Консерватории им. Курмангазы: «Эмиля Абрамовича знаю с 1948 года, когда учился в школе, а он её заканчивал. Чудесный пианист! В Киеве в возрасте шести лет он играл с симфоническим оркестром концерт Моцарта. Человек кипучей, вулканической энергии, энциклопедических знаний, тонкий психолог, он именно как педагог раскрылся во всей полноте своих дарований. Кстати, уехав в Алматы, он сумел сделать всё возможное, чтобы за ним следом приехала целая группа выпускников Свердловской консерватории: Анна Львовна Барак, З.А. Визель, И.П. Харитоновна - ну, и, разумеется, ваш покорный слуга. Он сумел сделать так, что Алматинская консерватория стала нашей судьбой».

Ермек Серкебаев, народный артист СССР: «Благодаря неустанной работе Эмиля Абрамовича наши исполнители являются лауреатами международных конкурсов, многие

стали известными педагогами. Его невозможно не уважать за энтузиазм, вечно молодую душу, обаяние и высокий профессионализм. Культура Казахстана, его искусство благодарны Эмилю Абрамовичу за большой вклад в развитие фортепианной школы нашей страны».

Лариса Шелякина, педагог: «Он шёл по жизни как проповедник, щедро одаривая нас знаниями, призывая осваивать высоты духа. Это не просто красивые слова, это принцип его жизни, форма его существования - иначе он не мог. Я у него училась сначала в музыкальной школе, потом - в консерватории. Приехал он к нам совсем молодым, ему было 28 лет. Причём, на наших глазах он продолжал расти, совершенствоваться. Личностью он был масштабной, но удивительно - он не подавлял своим присутствием, напротив, как бы шёл навстречу каждому человеку, помогая ему раскрыться во всей полноте дарований. Мне думается, он совсем иначе мог бы выстроить свою жизнь, безоглядно сосредоточившись на собственном таланте, но не сделал этого, полностью отдав себя нам, своим ученикам. А педагогом он был блистательным, увлечённым, и это заставляло нас тянуться к тем высотам знаний, которые он нам предлагал. Всякий раз, когда я подходила к его классу, меня охватывало волнение. Всё суетное, мелочное уходило прочь. Однажды он меня взял буквально за руку, повёл в театральную библиотеку и заставил прочитать Паустовского. У него был безукоризненный вкус в литературе, живописи, архитектуре, и он старался воспитать его в каждом из нас. Разумеется, как музыкант, как пианист он был профессионалом высочайшей пробы. Человек, уезжая жить в другую страну, берёт с собой самое необходимое, без чего жизнь его немислима. Так вот, он увёз с собой огромную фонотеку. А здесь он оставил целую плеяду учеников - они работают во всех музыкальных заведениях Казахстана. И не только Казахстана: его ученики - в Испании, в Москве, Киеве. А главное - он оставил неизгладимый след в культуре Казахстана. Он очень много играл: исполнил все концерты Баха и Моцарта, был пропагандистом современной музыки»...

Размеры газетного материала не позволяют здесь привести интереснейшие рассказы его учениц Иды Дубровой-Утегалиевой, Гульнары Жакеевой. О том, к примеру, каким был гостеприимным дом Росманов. «Вы голодны?» - это первый вопрос, которым здесь встречали гостя. А студент - когда он бывал сытым? Пока не накормят, никаких занятий! О, какие изумительные блюда готовила хозяйка дома; а каким увлекательным рассказчиком был Росман-старший, папа Эмиля Абрамовича! Увы, и мама его (тоже преподаватель музыки) Розалия Лазаревна, и папа давно уже покоятся на кладбище в Алматы... Рассказ, конечно, многое теряет и от того, что мы не можем подробно рассказать о концерте, посвященном юбилею. На нём царила музыка, на нём царило вдохновение и в полной мере проявилось исполнительское мастерство питомцев Росмана.

В тот вечер он долго стоял у окна своей квартиры в Ришон Ле-Ционе. Он уже свыкся с этим маленьким, зелёным и уютным городом. Наискосок от их дома, через дорогу - удивительное соседство! - старое кладбище. Аскетичные каменные надгробия словно светятся в сумерках, остывая после палящего дневного зноя. Он думает о маме, она покоится на кладбище в Алматы. Там вечерами за стеной живой зелени, наверное, так же светятся тихим сокровенным светом остывающие камни надгробий. А ему сегодня отчего-то вспомнилась мама совсем молодой. Она как бы стоит за его спиной, он у рояля, и говорит тихо, ласково и терпеливо: «Ещё одно усилие, мой маленький». И как тут не поверить в то, что день настанет, Б-г разомкнёт уста, душа воспрянет к жизни, он снова сядет к роялю, и польются аккорды Баха, славящие Небеса, и мелодии Моцарта, на Небесах живущего. И глянут молодо глаза на этот мир, дарованный нам Б-гом. Мир, исполненный полнозвучной полифонии, противоречивой и прекрасной в своих контрастах. Мир, ниспосланный человеку в награду за его неустанное стремление к Б-гу и совершенству.

2006 г.

Загадка черного короля

Не так давно в 2020-м году, исполнилось 120 лет со дня рождения Александра Иосифовича Гербстмана - видного ученого, блестящего педагога, талантливого писателя и шахматиста. Наш филфак КазГУ 50-х годов невозможно представить себе без этой яркой личности. Все, кто прошел «школу» А.И. Гербстмана, с благодарностью вспоминают о нем.

В "Шахматном словаре" (изд-во "Физкультура и спорт", 1964) о нем есть небольшая статья. Вот она:

"Родился в 1900 г. Мастер спорта СССР (1935). Международный мастер и международный арбитр по шахматной композиции с момента учреждения звания. Доктор филологических наук.

С 1924 г. опубликовал около 300 этюдов, а также задач-шуток, из этого числа свыше 130 отмечены отличиями, в том числе 20 - первыми призами. Финалист первенств СССР (кроме II, где входил в судейскую коллегию, в I занял 5-е место, в IV - 3, в V - 5-6. Разрабатывал темы замуровывания, связки, позиций ничьей и особенно ложного следа, а также заданные темы в этюде.

Гербстман широко известен как активный популяризатор этюдной композиции. Его перу принадлежат книги и многочисленные статьи, сыгравшие большую роль в развитии жанра в СССР".

Нам удалось по крупицам собрать кое-какой дополнительный материал. Исходя из него, попытаемся несколько расширить информацию об этой удивительно многогранной личности.

Родился А.И. Гербстман в Ростове-на-Дону в семье известного врача. Здесь же в год, когда большевики пришли к власти, с отличием закончил классическую гимназию, которая, как известно, давала обширные и глубокие знания. В 1918-1922 гг. учился на литературных факультетах Ростовского и Тифлисского университетов. Чуть позже окончил высший литературно-художественный институт им. Валерия Брюсова в Москве. Затем - аспирантура при Госакадемии искусств в Ленинграде (1934) и защита диссертации (1938) на тему "Драматургия Бальзака" (по некоторым сведениям - "Драматургия Дидро", но так или иначе то была первая в СССР научная работа, посвященная французской драматургии XVIII-XIX вв.) В том же году ему была присвоена ученая степень кандидата филологических наук. Четверть века спустя там же, в Ленинграде, он защитил докторскую диссертацию - "Пушкин - основоположник критического реализма XIX века".

Трудовая жизнь, как пишет он в автобиографии, началась в 15 лет - юноша давал уроки, был репетитором. А к 1921 г. относится начало активной писательско-журналистской работы. Дебютировал он в Российском телеграфном агентстве, в Тифлисе. Одновременно сотрудничал в литературно-критических отделах целого ряда газет и журналов, от одного перечисления которых рябит в глазах ("Лавра", "Комсомолия", "Октябрь", "Звезда", "Новый мир", "На подъеме" и т.д., и т.п.) А в 1925-1930 был сотрудником Азовско-Черноморского радиоцентра, где впервые проявился его незаурядный дар блистательного лектора: здесь он вел радиоуниверситет.

Собственно педагогическая работа началась в 1931-ом и уже не прерывалась до конца жизни.

Особое место в его судьба занял наш город, Алматы. Приехал он сюда, что говорится, не по доброй воли. Случилось это в 1952-м, в разгар устроенной вождем всех времен и народов зловещей компании против "безродных космополитов" - читай евреев. Но здесь, в Алматы, как и во всем Казахстане, государственный антисемитизм, насаждаемый из Кремля, был не столь чувствителен. Потому-то многие евреи из России, Белоруссии, Украины переезжали сюда в надежде отдать все свои силы и знания любимому делу.

Да, евреев изгоняли отовсюду - в том числе и из высшей школы. Кабардинский пединститут, где преподавал Александр Иосифович, не был исключением. Гербстману пришлось его покинуть. Как раз был объявлен конкурс по замещению вакантной должности завкафедрой русской и зарубежной литературы в КазГУ. На участие в нем и подал заявление Александр Иосифович. Но даже такой интеллигент и интернационалист, каким был ректор университета Тулеген Тажибаев, известный своими либеральными взглядами, побоялся избрания еврея Гербстмана на эту должность. Лишь после смерти Сталина, в годы хрущевской "оттепели" Александр Иосифович стал заведовать кафедрой.

Восемь лет работы в нашем университете были наиболее плодотворными в его жизни. Здесь он живо и интересно ведет лекционные курсы по литературе, русской и зарубежной. Причем, среди его слушателей были не только студенты и аспиранты, но и преподаватели. Особенно мастерски он вел спецкурс по "Евгению Онегину". Как свидетельствует бывшая студентка филфака, а ныне преподаватель русского языка Университета международных отношений и мировых языков М. Дахшлейгер, это был грандиозный, как принято нынче говорить, проект, который читался в течение двух семестров.

А вот лично мои впечатления от общения с этим удивительным человеком. Каждый раз, когда я слышу эту царственную строку "Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына", я думаю не о Гомере, не о Гнедиче. Я вспоминаю человека, который открыл нам, филологам-первокурсникам, торжественную красоту гомеровских поэм, даровал удивительный мир легенд и мифов древней Греции. Рассказчик он был изумительный, и его лекций мы ждали как праздника. Какие там конспекты и прочие школярские заботы! И вообще 45+45 минут пролетали столь стремительно, что звонок с лекции, обычно столь желанный, звучал как досадная нелепость и оскорбление.

Есть преподаватели, готовые содрать шкуру со студента за малейшее незнание их предмета. Александр Иосифович к этой нашей слабости относился снисходительно. Он был из тех преподавателей, которых - нет, не боялись, перед ним благоговели. Сам он знал поразительно много, но на экзамене не стращал нас нашим незнанием и даже не упрекал в нем, а просто деликатно указывал на него. На экзамене по античной литературе у меня произошел досадный казус: не мог я вспомнить, за что же Посейдон так невзлюбил Одиссея. То ли я впопыхах не прочитал соответствующую песнь поэмы, то ли попросту случился ступор. Я уже приготовился к худшему. Александр Иосифович склонился своей огромной слегка подрагивающей головой над моей зачеткой и не дрогнувшей рукой вывел "отл." Я потрясенный смотрел на оценку и даже пытался защититься от такой несправедливости:

- Я же не знал...
- Но ведь будете знать.

Не могу забыть, как однажды мы всей аудиторией ринулись в полемику с профессором. Интерпретируя лирику Сафо и Катулла, он высказал мысль, что древние греки относились к любви не так, как мы, что у них вообще было иное понимание этой философско-нравственной категории "любовь". Мы были обижены и даже оскорблены за древних греков, мы защищали их со всей страстью молодого безрассудства. Гербстман был опытным полемистом. И он был мудрым педагогом. Истину в пылу полемики мы нашли едва ли, а вот столь нужные нам знания любовной лирики Катулла и Сафо обрели.

В день 60-летия Гербстмана ректорат КазГУ преподнес ему поздравительный адрес. Вот он, этот бесхитрый документ: "Уже много лет энергично работаете Вы в области литературоведения. Ваши труды по сложным вопросам науки о литературе, особенно по творчеству Бальзака и Пушкина, уже давно получили широкое признание. Неоспоримы Ваши заслуги в деле подготовки высококвалифицированных кадров филологов. Ваши ученики работают в самых разных уголках республики и нашей необъятной Родины".

Имя профессора не случайно помещено в "Шахматном словаре". Он был блистательным пропагандистом этой мудрой увлекательной игры. В Алматы им написаны и изданы три книги веселых шахматных новелл - "Падение черного короля" (1958), "Рассказы о белом слоне" (1959) и "Шахматы из березовой коры" (1960). Они сразу же стали биб-

лиографической редкостью. Не вдаваясь в их содержание, отметим, что к первой из них написал предисловие ближайший друг автора, недавно ушедший из жизни А.Л. Жовтис, человек тоже яркой индивидуальности и примечательной судьбы. Он же был и редактором книги. И в дарственной надписи автора на сигнальном экземпляре книги не было никаких преувеличений: "Дорогому Александру Лазаревичу Жовтису, поэту, литературоведу, переводчику, редактору и вообще талантливому человеку, главному виновнику рождения этой книги в знак глубокой благодарности от автора".

С Алматой связано еще одно очень важное событие в биографии Гербстмана. В год своего 60-летия он сыграл здесь скромную свадьбу с грузинской еврейкой по имени Тата, которую по понятным причинам (она была вдвое моложе его) долго выдавал за свою племянницу. Вскоре они уехали в Ленинград, где у них родилась необычайной красоты дочь Мария. Здесь, на берегу Невы, Александр Иосифович какое-то время работал на кафедре зарубежного искусства академии художеств.

Но вернемся к алматинскому периоду его жизни.

Рассказывает профессор КазГУ М.В. Мадзигон:

- Александр Иосифович был жизнелюб и женолоб. Но сохранял при этом редкостное целомудрие, которое, кстати, пытался привить и студентам. У нас с ним постоянно возникала полемика относительно "Декамерона" (мы параллельно читали один и тот же курс лекций). Для меня самоочевидно, что "Декамерон" написан в пику ханжеской церковной морали, и суть его в том пристальном внимании, которое Боккаччо уделяет плотским радостям человеческого бытия. Александр же Иосифович фривольные фрагменты книги пытался всячески сгладить (а без них "Декамерон" попросту лишается смысла!), завуалировать, дабы - упаси Б-г!-- не возбудить в неопытных студенческих душах неуместной эротики.

- Вчера студентка взяла билет, - рассказывал он мне, - в котором значился вопрос о новелле "Бочка". Ну, суть новеллы, сами понимаете, в высшей мере гривуазна. Я ее спрашиваю: "Вы читали новеллу?" В ответ она покраснела. "Все, - сказал я, - спасибо". И поставил ей зачет.

*Между тем гривуазности сопутствовали ему всю жизнь. Взять хотя бы историю его знакомства с Маяковским, которую он любил рассказывать. Дело было в 20-х годах. Александр Иосифович, тогда еще весьма и весьма молодой, был с девушкой в театре. Во время спектакля она передала ему какой-то миниатюрный сверток: "Положи в карман. Вернешь после театра". А после театра он направился в кафе выпить фужер вина. И когда он стал доставать из кармана бумажник, чтобы расплатиться, он нащупал рукой что-то непонятное. Он стал доставать из кармана **это**, оно растягивалось, как гармошка. И тут раздался гомерический хохот - в дверях кафе стоял Маяковский. А наши незадачливый театрал в недоумении держал в руках девичий бюстгальтер. Ну пуговица оторвалась у девушки, и, дабы не оконфузиться вконец, она во время спектакля потихоньку сняла с себя интимную часть туалета, передав ее на сохранение кавалеру.*

А на другой день Маяковский выступал в Политехническом музее. Недоброжелатели его, хлопая сиденьями кресел, стали демонстративно покидать зал. Вдогонку им, как оплеуха, раздался раскатистый бас поэта: "Кто там шумит? А ну, потише вы, из ряда вон выходящие!.."

Александр Иосифович был знаком с Брюсовым, Есениным, Багрицким. В тех же 20-х годах у Гербстмана вышел стихотворный сборник, названный вполне в духе времени - "Волчьи норы". Он мне показывал его. К сожалению, стихов я не запомнил. А вот его книга о шахматах "Падение черного короля" мне хорошо запомнилась. Она была построена по принципу Декамерона: группа молодых людей в Крыму коротают вечера и ночи за рассказами об удивительных случаях из жизни шахмат и шахматистов. Кстати, сам автор книги поведал о том, как он восстановил, реанимировал партию, сыгранную Ленским и Ольгой в "Евгении Онегине".

Видите ли, мне в жизни приходилось много общаться с людьми в высшей степени эрудированными - такими как Виктор Владимирович Виноградов, Виктор Максимович

Жирмунский. Александр Иосифович был из того же ряда. Он первым прочитал мою кандидатскую диссертацию, сделав целый ряд карандашных пометок. Если бы я все их принял к сведению, мне пришлось бы писать работу заново. Но замечания эти помогли мне во время защиты преодолеть многие подвохи оппонентов.

Рассказывает Абрум Ульман, историк:

- В архиве КазГУ сохранилась переписка ректората с Гербстманом. Руководство вуза, понимая значение его энциклопедических знаний и педагогического мастерства, пыталось вернуть профессора в "альма матер". Вот телеграмма от 10 сентября 1963 г. за подписью ректора: "Оформляем избрание конкурсу. Прошу приехать для занятия квартиры двух комнат, отдельной кухней". Эта приписка будет понятна, если учесть, что в одном из своих писем на имя ректора А.З. Закаринна Гербстман писал: "Вы знаете, что единственная причина моего отъезда из Алматы заключалась в том, что мне не была предоставлена после 8 лет работы в КазГУ и жизни в антисанитарных условиях в общежитии в одной комнате приемлемая жилая площадь. В Ленинграде, сейчас же по приезду, мы получили прекрасную трехкомнатную квартиру в чудесном месте со всеми удобствами. Это произошло по персональному решению Исполкома Ленсовета благодаря тому, что я в 1958 г. первый в СССР получил звание международного мастера по спорту".

Здесь нельзя не упомянуть, что чуть позже, в 1966 г., ему было присвоено высокое звание Заслуженного мастера спорта СССР. И это не случайно, ибо еще в 30-е годы он напечатал несколько серьезных исследований ("Шахматная партия и композиция", "Шахматный этюд в СССР", "Современный шахматный этюд"), которые позднее были переведены на многие языки и изданы за рубежом. Кстати, "Шахматный этюд в СССР" (М., 1934) четвертый чемпион мира А.А. Алехин называл своей "настольной книгой".

И последнее. Умер он в начале 80-х в Стокгольме. Дочь его, которая к тому времени жила в США, пригласила отца на свадьбу (жених ее был миллионером). По дороге на это радостное событие он сделал короткую остановку в Стокгольме, которая - увы! - оказалась бессрочной. Здесь и покоится его прах.

2001- 2020 гг.

Людмила Варшавская

Эта книга давно ожидаема. И в то же время она неожиданность, чудо. Ожидаема, потому что никто с такой полнотой, силой, с такой пристрастностью и так талантливо не писал о евреях Казахстана как Людмила Варшавская. Впрочем, не только о евреях, и не только Казахстана. А неожиданна потому что, казалось бы, известные люди открываются в ней как бы внове. Даже зная ее фантастическую продуктивность, я не подозревал, что она сумеет так много и о многих написать. Мы несколько лет работали с ней бок о бок, она редактором газеты «Давар», которую выпускал наш хэсэд «Полина», а я редактировал газету «Шалом», опекаемую синагогой и лично Александром Антоновичем Машкевичем. Пути наши с Варшавской, естественно, пересекались. Её очерки появлялись в «Шаломе», мои - в «Даваре».

Это было счастливое сотрудничество. Порой мы «обменивались» героями. Чаще всего она мне подсказывала, о ком просто необходимо написать, отрывая от своей плоти то, что выношено под сердцем, что вот-вот должно было выплеснуться на бумагу.

Меня поражали ее плодовитость и бескорыстие. Гонорар её как бы и не интересовал, ей главное было опубликовать материал, как можно быстрее сделать его достоянием широкого круга читателей. Одарить всех нас постижением ещё одной человеческой судьбы, неповторимой, талантливой, порой трагической. Эта высокая трагедия еврейского народа пульсировала в каждой её строке. Это было в очерках Варшавской и при её предшественнике Юрии Каштелюке, и при Исааке Дворкине, заступившем ей на смену. Теперь приходится лишь сожалеть, что сама она так мало времени возглавляла «Давар», но случилось это на излёте её жизни, которая - увы! - так рано прервалась.

Она была, вопреки всем превратностям судьбы, счастливым человеком. Ей довелось расти в семье, как бы погруженной в ауру культуры. Это во-первых. И во-вторых. И в-третьих. Здесь всё зиждилось на высочайших духовных ценностях. Готовясь писать это предисловие, я прочёл её очерк о Льве Игнатьевиче Варшавском, и меня не мог не порадовать, извините за сухость стиля, высочайший культурный контекст, в который была погружена повседневная жизнь этой семьи. Их дом был открыт для всех, а все - это Иткинд, Айманов, Домбровский, Харламова, Диордиев, Черкасский, Сац, Галич, Уланова, Померанцев... Перечисление этих имён может быть бесконечным. И бытовое общение (иначе не скажешь) с такими людьми было фундаментом той глубочайшей культуры, которая стала сутью всей жизни Людмилы Варшавской. Невольно удивляешься прозорливости Александра Иосифовича Барона, сумевшего «заманить» Людмилу в «Давар». Причем откуда заманить! Из еженедельника «АиФ» и газеты «Известия», попасть в штат редакции таких изданий - мечта (чаще несбыточная) журналистов самого высокого ранга. Но вот удалось же это хитроумному Барону! А результат - вот он, перед вами, изумительная по своей цельности и таланту книга.

Предисловие к ней надо было написать срочно. Производственная необходимость. Я был уверен, что все эти очерки мне знакомы. Не тут-то было! Большая часть их оказалась для меня внове. Ну хорошо, думал я, просмотрю их по диагонали и... Опять-таки - не тут-то было! Тексты завораживали, с первых же строк они брали тебя в полон и не отпускали. Я и не ожидал, что Людмила сумела написать так подробно, так проникновенно о своём отце, о Льве Игнатьевиче Варшавском. Я начал читать в спешке, торопя чтение, но, войдя в ауру событий, стал невольно медлить, смаковать каждую подробность. И спешить уже не мог, хотелось, чтобы чтение длилось как можно дольше. Я успел прочитать всего несколько очерков, и, грешным делом, подумал, что если бы Всевышний дал мне ещё одну жизнь, я посвятил бы её чтению этой книги. Я просто утонул в ней. Парадокс заключался в том, что почти всех, о ком писала Варшавская, я вроде бы знал накоротке. Я писал о них. Но теперь мне казалось, что, читая о них, я вижу их впервые, слышу их дыхание, осязаю теплоту их прикосновений. А самое удивительное, я как бы не знал их до сих пор, они были для меня внове.

А ведь мною прочитана лишь малая часть книги. Меня ещё ждёт постижение новых судеб, постижение удивительное и неповторимое. И от этого чтение обретало особый смысл, в нём было предощущение большого праздника.

2019 г.

В 2023-м исполнится 120 лет со дня рождения автора повести-сказки «Старик Хоттабыч». И 85 лет со дня ее первой публикации

Тайна одного псевдонима

Про старика Хоттабыча и писателя Лазаря Лагина, который его придумал

При повальном увлечении Гарри Поттером наших детей и внуков, мы, думается, все же не забыли про нашего старого и доброго знакомого чародея Гассана Абдуррахмана ибн Хоттаба, веселого и могучего джинна, друга шестиклассника Вольки Костылькова. Если вы помните (а не помните, мы вам напомним) несчастный джинн ослушался Сулеймана ибн Дауда, который заточил бедолагу в глиняном кувшине и бросил его в реку, на дне которой бедный джинн провел несколько тысяч лет. И вот однажды, уже совсем в недавние времена, Волька Костыльков (а он лучше всех мальчишек нырял в воду) нырнул до самого дна реки, случайно вытащил оттуда тот самый глиняный кувшин с джинном и вызволил волшебника и чародея из плена. Представляете? Шестиклассник Волька становится повелителем джинна, самого настоящего, всемогущего джинна! И происходит это не где-нибудь, а в центре Москвы, причем совсем недавно, где-то в середине прошлого века.

Что было дальше? О, что было дальше! Об этом написана целая книга - повесть-сказка «Старик Хоттабыч». Стоит ее открыть и пробежать глазами две-три страницы - оторваться от книги будет невозможно. Это говорю вам я, написавший то, что вы читаете вот в эту самую минуту: на днях я за полночь открыл эту книгу и - все, до утра уснуть не мог, пока не дочитал до последней страницы. И это вопреки тому, что я читал уже эту книгу когда-то и видел фильм про старика Хоттабыча, и даже смотрел одноименный балет. И все же, все же, подумалось мне, старика-то Хоттабыча мы знаем и помним, а вот о том, кто написал эту сказку, имеем весьма смутное представление.

Земляк Марка Шагала

Начнем с того, что писатель Лазарь Лагин (1903-1979) - земляк знаменитого Марка Шагала, он родом из Витебска. И тогда подозрительное соседство еврейского имени Лазарь рядом с русской фамилией Лагин (впрочем, тоже не менее подозрительной по звучанию) станет более или менее понятной. Все встанет на свои места, когда мы сообщим вам, что это и не фамилия вовсе, а псевдоним писателя Гинзбурга. Но почему именно Лагин?..

Еврейская энциклопедия посвятила ему несколько строк, из которых, собственно, и следует, что он родился в Витебске, но вот о детстве писателя и о самом витебском периоде жизни я нигде никаких сведений раздобыть не смог.

И вдруг - удача! В «Литературной газете» удалось обнаружить заметку «А Хоттабыч-то из Витебска!» Уже в заголовке сквозит недоуменное удивление: оказывается, в самом Витебске совсем недавно узнали о земляке, которому в самый раз исполнилось бы сто лет. Во всяком случае, путеводитель по Витебску за 2003 год ни словом о Лагине не обмолвился. Да и то: дом, в котором обитала нищая многодетная семья Гинзбургов и где старший сын Лазарь прожил первые пять лет своей жизни, не сохранился. А затем семья переехала в Минск. Здесь сразу же после гражданской войны Лазарь Иосифович учился на вокальном отделении консерватории. Правда, через год сбежал - не поладил с теоретическими дисциплинами, но на всю жизнь сохранился мягкий, красивый лирический баритон. Да и любовь к музыке, как мы увидим чуть ниже, тоже осталась неизбывной.

Ах, до чего же скудны эти сведения! И я в свое время при личной встрече с писателем не догадался расспросить его о Витебске. Жаль.

Чудеса в декабре

А встреча эта произошла более чем полвека назад в Москве, на квартире Лазаря Иосифовича, в писательском доме, что по улице Черняховского, 4 (это рядом со станцией метро «Аэропорт»). У меня в записной книжке сохранился даже номер его телефона - 151-53-74. Может, он изменился с тех пор, я не знаю. Ведь было это 20 декабря 1969 года.

Причем, я был здесь специально в командировке от газеты «Дружные ребята». Старшее поколение казахстанцев хорошо знают и помнят эту газету, потому что почти все были ее читателями. «Дружные ребята» здравствуют и поныне, о чем я рад вам сообщить, при желании вы можете приобщить к ней и детей своих, и внуков. А командирован в Москву я был, чтобы встретиться с известным писателем Львом Кассилем («Швамбранию» помните?) и попросить у него для нашей газеты отрывок из новой книги. Я позвонил Льву Абрамовичу, но он посетовал, что не здоров, что не может встретиться со мной для разговора. Вот, разве что, через неделю другую, когда он выздоровеет... И чтобы вконец меня не расстраивать, он и дал мне тот самый заветный телефон писателя Лагина. (А с Кассилем мы так и не встретились, потому что через две недели он умер).

И вот я в гостях у писателя-сказочника. О хозяине я скажу чуть позже, потому что с первой же минуты хозяин дома ушел как бы на второй план. Диктофонов тогда не было, у меня сохранились в записной книжке лишь беглые записи. И первая из них - «Книжные полки. Куклы».

Книжные полки были во всю стену. И примерно половина из них заполнена изданиями повести-сказки «Старик Хоттабыч». Ладно, что на русском языке она издавалась десятки раз. Но здесь же стояли издания «Старика Хоттабыча» на английском, немецком, венгерском, румынском, болгарском, польском, словацком, чешском, албанском, сербохорватском, японском, испанском... Вы не устали от перечисления? Тогда продолжим: казахский, украинский, белорусский, таджикский... Если вы помните, в СССР было 15 республик, и на языке каждой из них была издана эта книга - причем издана неоднократно. Да, назовем еще языки Индии. А их там знаете сколько? О, я тоже не знал: хинди и урду (это Дели), маратхи (это Бомбей), а еще тамильский и бенгальский. Попутно я узнал, что в Абиссинии говорят на амхарском языке. И на всех этих языках творил свои чудеса Старик Хоттабыч.

Кроме книг были радиопостановки - на португальском и шведском. Был снят кинофильм - и не один (это там Хоттабыч говорит свое знаменитое заклинание «Трах-тибидух-тах-тах!») - поставлен балет, свидетельством чему фотографии - тут же, на книжных полках. И - куклы, целая галерея кукол. Волька, повелитель Хоттабыча. Сам Хоттабыч, творивший многочисленные чудеса. Хоттабыч, возникающий из кувшина. Хоттабыч рядом с кувшином. Хоттабыч на экзамене по географии, на футбольном матче - и т.д., и т.п. У меня зарябило в глазах.

А виновник всего этого писатель Лагин, довольный произведенным впечатлением, поглаживал подбородок и поправлял очки. Из-под очков смотрели немного усталые глаза, и добрейшая немного виноватая улыбка светилась на его лице.

А что на дне кувшина?

- Вот бы заглянуть на дно того кувшина, из которого вышел джинн, - говорю я мечтательно.

- Ну, это невозможно, - откликается тотчас писатель. - Даже Вольке это сделать не удалось. Кувшин тот, как вы помните, старик Хоттабыч разбил в ярости и растоптал - сразу же после того, как вышел из него. Хотя, вы правы, на дне того кувшина и таился сюжет сказки.

Он задумчиво рассматривает цветную открытку - кадр из фильма: старик Хоттабыч с Волькой на ковре-самолете.

- Книга написана в 1938 году и в том же году напечатана в журнале «Пионер», я тогда редактировал «Крокодил», - вспоминает Лазарь Иосифович. - Писал повесть и печатал ее главами, порой теряясь в догадках: что же произойдет с Волькой и Хоттабычем

дальше? Занятость была невероятная! А повесть писалась трудно, медленно, хотя события теснили меня, и надо было не забыть: что же там случилось с Волькой, какое еще волшебство-каверзу совершил Хоттабыч? Есть такая закономерность: страницу читают 2-3 минуты, а пишут ее 2-3 дня. Единственный раз в жизни я пытался диктовать - первую главу Хоттабыча. Это ужасно! Но в спешке появилось не Хоттабович, а Хоттабыч.

Лазарь Иосифович показывает письмо от английского писателя Джека Линдсея, тот с восторгом отзывается о сказке - он три раза кряду читал ее сыну.

А вот фото автора тех лет, когда была написана книга. Густая волнистая шевелюра, открытая улыбка, ворот белой рубахи распахнут - он похож на Джека Лондона.

Еще одна тайна

Но главное-то, главное он от меня тогда утаил. Впрочем, я не в обиде. Ведь было это в 1969 году. Не обо всем в то время можно было говорить и рассказывать.

И вот треть века спустя уже из заметки в «Литературной газете» я узнаю, что историю о Хоттабыче и Вольке Лазарь Иосифович задумал и начал сочинять на промерзшем Шпицбергене. Спасительная командировка (помог Александр Фадеев) оказалась как нельзя кстати. Шел 1937 год. Велика была вероятность оказаться там же, но в другом качестве. И, надо полагать, Лазарю Иосифовичу на заснеженном острове вспоминалось солнечное детство на берегу Западной Двины. И не с ее ли дна поднимала детская рука таинственный сосуд? И не с соседского ли старика писался образ джинна, заключенного на века за неповиновение?..

Но вернемся в год 1969-й к нашей памятной встрече.

- Потом была война, - голос писателя негромок и раздумчив. - Служил во флоте в Севастополе. Был батальонным комиссаром... Кстати, Вольке сейчас 54 года, он стал инженером. А я с детства мечтал о писательстве, хотя мама была уверена, что я буду врачом. Между тем я окончил институт народного хозяйства, экономист, но... в детстве я столько книжек прочитал (причем читал их фантастически быстро, хотя убежден - читать надо медленно), что от писательства уже уйти не мог.

Вообще-то автор повести-сказки написал много книг и для взрослых - фантастические романы-детективы «Остров разочарования», «Патент АВ», «Атавия Проксима», «Съеденный архипелаг», «Белокурая бестия», воспоминания о Маяковском «Жизнь тому назад», «Обидные сказки».

- Я бы очень хотел написать повесть «Антимаугли», - говорит он. - Люди, попавшие в детстве к животным, не могут стать людьми, обрести человеческий облик. Вот смотрите: фотография человека, который вырос у волков. Ужасно, правда? Человек существо социальное.

И снова - о Хоттабыче:

- У нас в журнале «Крокодил» был художник Константин Павлович Ротов, он первым нарисовал Хоттабыча. Это был художник гениальный, с великой фантазией.

На рабочем столе писателя - бюст Бетховена и гантели. С книжными стеллажами соседствует пианино. На нем - фото Сергея Прокофьева. На стене - «Подсолнухи» Ван-Гога и «Парижанки» Ренуара. Рядом - фотопортреты Уэллса, Эйнштейна, Аркадия Светлова, Льва Кассиля и Степана Писахова, сказочника из Архангельска, к книгам которого Лазарь Иосифович относится с безмерной нежностью.

И еще: хозяин дома любит путешествовать и фотографировать. Фотографий много. Париж, Амстердам, Венеция. Монмартр ранним утром, каштаны. Узкие каналы-улучки Венеции. Неоглядная ширь среднерусской равнины. Здесь же, как трофей прожитой жизни, - кобура пистолета. И рядом с ней - фронтовой снимок младшего брата. В шинели, в пилотке, в очках. Сколько их, таких вот снимков, пронизанных горестной памятью о не вернувшихся с войны, хранится в наших домашних альбомах...

И сейчас, полвека спустя, разглядывая эти раритетные фотопейзажи писателя, я снова подумал: и все же - почему именно Лагин? Почему писатель Гинзбург избрал такой псевдоним?

И тут меня осенило. Все просто: Лагин - это первый слог его имени - Лазарь и первый слог фамилии - Гинзбург.

...Да, дом в Витебске, где прошли детские годы писателя, не сохранился. На этом месте - сквер. Но уже известно, что в ближайшие годы здесь собираются поставить памятник литературному герою. Вы догадываетесь - кому? Конечно, старику Хоттабычу.

Алма-Ата - Москва - Алматы
1969-2021

С чего оно всё начиналось

Адольф Арцишевский

НАШ ХАИМ

Рассказ

Он вышел на первую вахту в галошах.

- Ты прихватил бы ещё зонтик. И арифмоментр,- сказал Санька Рыжий.

Хаим растерялся:

- Зачем арифмоментр?

- А чтобы видели все: на вахте главбух первого ранга.

Хаим смутился. Хаим стал протирать очки:

- Я, правда, не главбух. Но мне показалось, что будет дождь.

И тогда Санька вручил ему швабру: «В ружьё!»- и кивнул на затоптанную палубу:

- Надо пересчитать все доски. С помощью тряпки.

Хаим внимательно приглядывался к швабре. Хаим соображал, каким концом её держать.

- Не так. Тряпкой книзу,- подсказывал Санька.

И Хаим пока что неуверенно поставил свой первый росчерк. Он трудился пять минут. Десять. Пятнадцать. С тонкого носа на острый подбородок падали капли пота. По мокрой палубе катались солнечные блики. И такие же блики играли на вспотевшей лысине Хаима.

Через пятнадцать минут он сказал:

- О Боже ж мой! У меня такое чувство, Саня, будто я сдал два годовых отчёта.

Санька окинул рыжим оком палубу.

- Нет, Хаим. Это всего лишь квартальный баланс.

- И каждый день такое?

- Да, Хаим. Каждый день по два годовых отчёта.

И снова с тонкого носа на острый подбородок падали капли пота. По мокрой палубе катались блики солнца, и палубе не было видно конца.

Вечером он стоял на корме. Тельняшка была ему велика и висела на нём словно тога. Полосатые плечи Хаима вздрагивали. Он что - озяб или?..

- Тебя кто-то обидел, Хаим?

Тога пришла в волнение:

- Кто может меня обидеть? Кто, если не я сам?- лн и не замечал, что из глаз его кажутся слёзы, по лабиринту морщин скатываясь к подбородку.- Я прожил на земле полжизни. Но, Боже ж мой, я и не знал, что бывает такое!

Он смотрел на закат- туда, где горело солнце, горели облака, и волны тоже горели. Глазам было больно от света. И сердце Хаима не выдержало. Он протянул к солнцу руки и опустил на колени, рискуя свалиться за борт.

- Он что - молится?

Вездесущий Рыжий был, конечно же, здесь со своими дурацкими вопросами. Хотелось турнуть его, прогнать прочь, чтобы не видеть этой ухмыляющейся рожи. Но в глазах Саньки было такое удивление, такой мучительный вопрос, что мне стало жаль его.

- Дурак ты, Рыжий. Красоты не понимаешь.

Что я мог сказать ещё, если сам до конца не понимал того, что происходит?

Ночные вахты, ночные бдения. Приглушённый плеск за бортом. И небо. Оно колыхается как старый чёрный парус в заплатах золотых созвездий.

- Поговорим за жизнь,- сказал Хаим. Ему не спится. Он заново рождает собственную судьбу, пытаюсь переломить её, переиначить. Он размахивает давно погасшей папирасой. Он похож на маленького колдуна, зачем-то обрядившегося в тельняшку.

- И спросил я себя: что есть моя жизнь? Большая конторская книга. Есть в ней дебет и кредит, но нет ни единого шанса. Вы скажете: Маара и дети. Но, Боже ж мой, в 45 лет иметь жену - не такое уж крупное достижение. А дети... Послушайте, мальчики, что вам скажет Хаим: прежде чем делать детей, сделайте что-нибудь посущественней.

На лысине Хаима- тусклая звезда. И как её угораздило бросить свой луч на эту лысину?

-...И взял я зубную щётку, галоши и пару кальсон. И пришёл к капитану. Ты знаешь меня, капитан, сказал я ему. Я знаю тебя, Хаим, ответил он, с тех пор как. Так вот, сказал я ему, ты можешь узнать меня лучше. У него выпала трубка из рук. Он запачкал пеплом белый китель. Но я уже не мог остановиться: «Мне нужна тельняшка, как капитан, и всё остальное». Он не решался поднять трубку: «Я дам тебе три тельняшки. Но не надо, Хаим, всего остального». Я поднял трубку капитана. Я отряхнул с его кителя пепел. Володя, сказал я капитану, сколько раз била вас мама по голому задку за то, что вы, сопливый мальчишка, на вашем дырявом шлюпе выходили в море?..

Капитан молчал, но я молчать не мог.

- Вспомните, Володя, как вы тонули у самого берега, потому что вашу посудину перевернуло волной. Кто вытащил вас из воды?

Капитан молчал, но я молчать не мог..

- Мой дед, мой старый Моня, вот кто вытащил вас из воды.

Капитан молчал, ему нечего было сказать.

- Вы помните, что вам сказала ваша мама? Она ничего не сказала. Она показала в сторону моря кукиш. И такой же кукиш она показала и вам.

И что капитан? Он отвернулся, ему стало не по себе. Он вспомнил маму, которую забыл. Не судите, мальчики, строго. Мы часто забываем живых матерей, не говоря об умерших. И я сказал ему:

- Не надо слёз, капитан.

И ещё я сказал ему?

- Капитан, вы стали капитаном.

Капитан сосал пустую трубку. Капитан молчал, а мне было что сказать.

- Я тоже тонул. И Мме показали кукиш. Я стал бухгалтером. Но море и для меня осталось морем.

Хаим похож на маленького колдуна. Его лысина хранит отблеск случайной звезды..

А небо колыхается как старый чёрный парус. Веками колыхается над морем. И в нём видны прорехи звёзд.

Что такое аврал?

Это раннее утро, когда небо подёрнуто дымкой, и море гасит отражения звёзд.

Что такое аврал?

Это самые лучшие сны, которые не удалось досмотреть. Это крутое, необычайной силы слово, которое кипит под сердцем, готовое обрушиться на окаянную голову того, кто тянет с тебя одеяло.

Что такое аврал?..

- Это внезапная ревизия, - сказал Хаим, натягивая робу.

Ещё до рассвета мы прибыли в порт назначения. Уязвлённые сном, мы загружали трюм. Мы подставляли спины под громоздкие тюки и неотёсанные доски ящиков. Согнувшись пополам, мы шли по трапу вверх, осторожно неся в себе дремоту и сердце, для которого становилась вдруг тесной грудь..

Потом был перекур. В глазах Хаима голубела усталость.

- Трудно, старик?

- А что вы хотите? - махнул он рукой. - Внезапные ревизии всегда трудны.

Он неумело затянулся папиросой. «О, кадохес!» Он бросил папиросу и направился в сторону груза. Мы посторонились, мы дали ему дорогу. Мы знали, как посторониться, он очутился рядом с тюком, что поменьше.

- О Боже ж мой!- сказал Хаим. И потеснил Саню в сторону. И кивнул на самый крупный ящик, и подставил свою острую спину.

Ящик был тяжёлый, трап - длинный и крутой. Хаим шёл медленно, как слепой ощупывая ногами каждую ступень. Мы понимали: человек испытывает себя на прочность. И дело тут не в физической силе.

Он покачнулся. И мы все покачнулись. И сердце наше упало вниз.

Он устоял. И двинулся дальше. А трап был длинный и крутой. И мы не смели шелохнуться, пока Хаим не скрылся в кабине лифта.

А потом Санька повернулся к нам и каждому глянул в глаза. Мы молчали, слова здесь были ни к чему. Мы принялись за работу. Среди наших ладных спин по-прежнему мелькала острая спина Хаима.

Так рождается братство. И ещё так рождается то, что мы порядком уже подзабыли,- мужская дружба.

Мы грузили ящики в трюм, а Саньки какое-то время не было среди нас. Он убежал. Нервишки слали.

Это случилось в обратном рейсе. Капитан осторожно спросил:

- Может быть, ты передумал?

Я никогда не видел графа Монте-Кристо. Но в ту минуту я увидел его.

- О цорес! О кадохес! - сказал он. - Не говорите мне за это. Если я дал слово, не щупайте его - оно может быть только твёрдым.

И произнёс свой знаменитый монолог:

- Однажды старый Соломон, отец Мары, не поверил мне на слово. Мара будет моей женой, сказал я. Нет, сказал Соломон, Мара не будет твоей женой.

Тогда я взял камень. Как дам, так рама. Как дам, так рама. Когда я разбил стекло, я сказал:

- Соломон, тебе не жалко твоего окна? Тебе не жалко малых детей, которым будет холодно. Поимей же совесть, Соломон, или я побью все твои окна.

- Ладно, - сказал Соломон. - Вставь стекло и бери Мару.

- Нет, - сказал я. - Сначала Мару, потом стекло.

А вы хотите, чтобы я отказался от слова. Что скажет Мара?..

Мара ничего не сказала. Мы увидели её сразу же, едва теплоход подошёл к причалу. У неё были большие как на иконе и скорбные глаза. И мы не знали, чем всё это кончится. А Хаим долго закреплял трос на кнехте. Хаим не смотрел на берег.

- Хаим, - сказала Мара.

И он как мальчишка перепрыгнул через планширь и сбежал вниз по трапу, и обнял её, и не знал, что сказать.

- Что же это будет, Хаим?

- Это будет хорошо.

Он, кажется, улыбался.

- Лучше поздно, Мара, но лучше.

А на палубе стояла вся команда и смотрела, как жена посвящает мужа в матросы.

Декабрь, 1964.

P.S.

Именно с этим рассказом почти 60 лет назад я впервые пришёл в журнал «Простор».

- Вот вы показали своего героя во весь рост. Я вижу еврея. А хотел бы видеть человека,- сказал Юрий Михайлович Герт по прочтении рукописи. А что он ещё мог сказать? Рассказ был непроходным. По многим причинам. И прежде всего потому, что отделом прозы заведовал человек, который ну очень не любил евреев и был уверен, что от них все наши беды.

Я отдал на прочтение свой опус Владимиру Ермаченкову. Тогда он только-только начинал работать во Всесоюзном Госкомиздате и лишь осваивал роль одного из главных литературных экзекуторов. Рукопись мою он посмотрел не по долгу службы. А скорее как давний университетский сотоварищ. Наверное, этим объясняется немногочисленность пометок на полях (обычно рукопись- люблю!- он разрисовывал так, что авторский текст терялся в его непререкаемых комментариях). Тем не менее вот его безапелляционное резюме: «Все еврейские рассказы похожи на ворованные».

А я и не скрывал своей приверженности Бабелю, равно как и Чехову, до сих пор мечтаю написать нечто подобное «Скрипке Ротшильда». Главное, я хорошо знал то, о чём пишу. Потому что целую навигацию ходил матросом, правда, не от Одессы до Керчи и не по Чёрному морю, а от Красноярска до Диксона по Енисею.

А дальше... дальше мы прожили жизнь. Остались книги - у кого похуже, у кого лучше, у кого больше, у кого меньше, кому как повезло. И кто как сумел распорядиться своим талантом и своей судьбой.

Поступь судьбы

Александр Барон: «Еврей, отдохни! Здесь твой дом»...

Говорят, над входом в кибуцы, своеобразные коммуны в Израиле, где какое-то время живут многие из прибывших репатриантов, висит врачующий сердце усталого путника лозунг или, если хотите, призыв: «Еврей, отдохни! Здесь твой дом». Но далеко не каждому еврею суждено добраться до Земли Обетованной.

Волею злого рока евреев разметало по городам и весям разных стран. И в силу тысячелетних гонений, но и поразительной стойкости, в силу генетического жизнелюбия они укореняются там, куда их забросило судьбой и где они являют приютившему их народу свои таланты и умения, приумножая духовные и материальные богатства страны, даровавшей им кров. Но стараясь не забыть при этом своих преданий и легенд, своих обычаев, своего языка и молитв, которые упрямо шептали их далекие предки...

Александр Барон - коренной алмаатинец. Как там сказано у замечательного русского поэта Осипа Мандельштама: «...мой город, знакомый до слёз, до прожилок, до детских припухлых желёз».

С чего начинается Родина?

Он родился и вырос в доме на пересечении улиц, носящих имя двух великих людей - Курмангазы и Пушкина. Кстати, в самый раз в дальнем углу огорода за их домом, там, где находились заветные грядки с редиской и луком, где застенчивый крыжовник прятал среди свирепых колючек до одури вкусные ягоды, похожие на земной шар в миниатюре... Так вот, именно там сейчас высится бюст великому кудеснику слова - Пушкину, кучерявым затылком к Академии наук, а вдохновенным ликом к дубам и серебристому тополю-исполину, что некогда осеняли кронами отчий дом Александра Барона. Огород упирался в неприступный забор, обрамленный колючей проволокой, за ним была зона, где пленные японцы строили монументальное здание Академии наук. Улицы еще не были заасфальтированы, там была булыжная мостовая. А в двух кварталах от дома шумела Малая

Алмаатинка. Знойным полднем пацаны голопузой гурьбой мчались к речке. Там и воды-то было чуть выше колена, но течение сумасшедшее, сбивающее с ног. Мальчишки, цепляясь друг за друга, ухая от ужаса и студеной воды, отчаянно лезли в речку, делали запруды. А вода мчалась с тающих горных ледников, в ней больше минуты не выдержишь. И, покрывшись гусиной кожей, одолевая жуткий озноб, когда зубы выплясывают чечетку, они взбирались на прибрежные валуны, пропитанные солнцем, и, растянувшись на них, замирали в блаженстве. Такое было возможно только в детстве и только в Алма-Ате.

Как все пацаны, он играл в войнушку, гонял многострадальный мяч, но мечтал стать - вы не поверите! - ни моряком, ни танкистом, ни даже космонавтом, а врачом. Влияние папы? Но папа был по базовому образованию юристом, а потом стал заместителем директора строящегося ядерного института. И вообще папа представлял собою некое масштабное и всеобъемлющее явление, тут надо говорить не о сыновней любви, а о трепетном обожании человека, который для подрастающего сына был примером во всем. Влияние мамы? Бог знает. Она, конечно, была медсестрой, профессиональной и многоопытной, но прежде всего она была отменным кулинаром, дом под ее доглядом был уютным и теплым, и чтобы его сделать таким, надо было обладать недюжинным талантом. Уют и тепло отчего дома останутся в душе навеки, защищая сердце от житейских невзгод.

А то, что еще в детстве он решил стать врачом, сам Александр Иосифович объясняет просто:

- Мне биология нравилась больше всех других школьных предметов, это вылилось в приверженность медицине.

Делать жизнь с кого?

Из школьных учителей ему запомнились не затурканные жизнью училки, а двое преподавателей мужчин: учитель физкультуры Иван Иванович Гаврилов и преподаватель истории Евгений Иосифович Динерштейн. А запомнились они и не могли не запомниться, потому что были настоящими педагогами и очень яркими личностями. В подростковом возрасте это крайне важное обстоятельство. Как это ни банально звучит, но в период взросления перед тобой стоит вопрос вопросов: делать жизнь с кого? А эти двое вопреки всей несхожести отличались от всех остальных повадкой и статью, мужской надежностью и силой незримого духа.

А в институте это была Екатерина Георгиевна Скипина, профессор, преподаватель биофизики. Несла она в себе не то чтобы одержимость предметом, но человеческую цельность, и это завораживало и заставляло пристальнее вглядываться в самого себя.

Студенты вообще народ необязательный, на занятия их порой калачом не заманишь. Но был один педагог, на лекции которого наблюдалось паломничество. Это Илья Григорьевич Зальцман, он преподавал медицинскую психологию и психиатрию. И сам предмет был крайне интересен, и блистательно было искусство лектора.

И наконец после института были поиски специализации. Вначале педиатрия, она заняла около года. Потом настал черед увлечения анестезиологией и реаниматологией, увлечение это оказалось всерьез и надолго, оно длилось до завершения его врачебной практики, хотя в принципе он не оставил ее до сих пор.

Есть расхожее мнение: реанимация - это там, где умирают. Александр Иосифович с этим категорически не согласен. Ничего подобного! Смертность в реанимации как раз самая низкая, считает он. Что можно сказать о профессии реаниматолога? Это хорошая спокойная работа, отшучивается он.

И еще: рассказ о медицинских пристрастиях Александра Иосифовича будет неполон, если мы не скажем о том, что он искусный иглотерапевт. Его наставником и Учителем (именно так - с большой буквы! - Учителем) был Александр Дивинский.

- Я считаю, что Александр Борисович был гениальный человек. Универсальные знания, всеохватное мировидение, глубинное понимание человеческой сущности, уни-

кальная методология - всё было в нем просто потрясающе. Он видел и понимал то, что 99,9 процента населения даже близко увидеть не может. Это одна из самых ярких личностей в моей жизни.

И всё. Больше об Учителе и друге - ни слова. Прошло треть века со дня его ухода из жизни, но, видно, утрата до сих пор невосполнима и бередит сердце...

Что нам стоит дом построить?

А теперь - о главном. О том, из чего сегодня состоят труды и дни Александра Барона, на что устремлены все помыслы его ума и сердца.

- *Вопрос вопросов: почему, как вы возглавили одну из ведущих общественных структур Казахстана, став президентом Ассоциации еврейских национальных организаций РК «Мицва»?*

В нашей беседе повисает долгая пауза. А затем уклончивый ответ:

- Так получилось.

- *И все же: груз на себя вы взвалили нелегкий, возглавив ассоциацию. Кто-то вас подвигнул на это?*

Снова пауза. И все тот же ответ:

- Так получилось. Я начал заниматься этим в конце 1991 года. Вначале как волонтер. Мое волонтерство длилось 10 лет. А уже с 2002 года я занимаюсь общинным строительством профессионально. Моими наставниками в этом непростом деле были Стенли Абрамович и Макс Визель, граждане Израиля, работники «Джойнта», многогранно образованные люди, которые в своем интеллектуальном багаже имели опыт создания не только еврейских общин. В принципе, строить русскую, украинскую или чеченскую общину - это одно и то же. Структура, построение, иерархия ценностей одинаковы. Поэтому опыт, который они привнесли, был неоценим. С ними у меня шла хорошая, очень плотная работа.

- *Создание общинных центров - это веяние новейшей эпохи?*

- Не совсем. Первые национальные культурные центры были созданы решением Политбюро ЦК КПСС в 1988 году в рамках общей демократизации. Решение это было спущено в республиканский ЦК, и тогда в Алма-Ате в 1989 году одним постановлением было зарегистрировано четыре культурных центра, в том числе и еврейский. В течение 10 лет я совмещал работу врача иглотерапевта и дежурство в реанимации с волонтерством. В мае 1992 года был создан республиканский еврейский культурный центр - ассоциация «Мицва». Целью ее создания было открытие в каждом городе центра еврейской культуры, чтобы евреи могли вернуться и к знаниям истории своего народа, и к изучению иврита, и к возрождению обычаев и традиций своего народа. Сегодня во всех городах Казахстана есть национальные еврейские центры, где проводятся очень важные мероприятия, где сформированы библиотеки, где люди могут найти соответствующую информацию и общаться.

Страна государственного антисемитизма

- *Жизнь еврея в течение многих десятилетий осложнялась антисемитизмом. Вы в своей жизни его ощущали?*

- Мне очень повезло. У меня было интересное окружение, я встречался со многими интеллигентными людьми, и это меня как бы защищало. К тому же я простой рядовой врач, думаю, не самый плохой, ко мне обращались люди разных национальностей, хотя того, о чем вы говорите, вокруг было очень много. Хотим мы того или не хотим, но Советский Союз был страной государственного антисемитизма. Для евреев были ограничения для поступления в вузы, их не везде брали на работу...

- *Но как с этим жить?*

- Каждый занимал свою нишу и это помогали ему защищаться. У меня это получалось.

- Это вырабатывало стойкость, воспитывало бойцовские качества. У вас какой любимый вид спорта?

- У меня? Мне нравится смотреть по телевизору почти все виды спорта. Хотя в молодости я обошел с друзьями все близлежащие горы, подняться на Мынжилки нам ничего не стоило...

Идея и сверхидея

- Вот уже 20 с лишним лет вы занимаетесь общинным строительством. Вы создали для евреев Казахстана большой теплый дом. Кроме того вы являетесь членом Ассамблеи народа Казахстана, в настоящее время вы заместитель председателя этой уникальной организации, хотя кое-кто считает, что она носит несколько декоративный характер. Так ли это?

- Ассамблея народа Казахстана существует с 1995 года, я в совете Ассамблеи с первого дня. Мне кажется, что Ассамблея сыграла и еще сыграет очень большую роль в межнациональном спокойствии. Это ведь так важно, что национальные лидеры сидят за одним столом. Я думаю, что это достижение номер один. Мы можем встретиться и переговорить о наблевшем. О том, что есть национальные амбиции, но есть и сверхидея - межнациональный мир, потому что если полыхнет, то никому мало не покажется, и мы все это прекрасно понимаем. Организация эта, быть может, и не уникальная. Ассамблея народов есть в Кыргызстане, в Украине несколько таких организаций, в России, но их авторитет значительно ниже, чем у нашей Ассамблеи. Авторитет нашей Ассамблеи и ее действенность весьма значимы за счет того, что у нас председателем ее является сам президент Казахстана. Все наши усилия направлены на то, чтобы сделать Казахстан зоной мира. В этом большая заслуга Ассамблеи. Мы много достигли в совершенно разных направлениях. Это наше участие в строительстве государства, в восстановлении национальных культур, языков, в воспитании детей и в воспитании молодых семей.

Я занимаюсь этим делом более 20 лет, и за это время никто не пришел к нам из администрации, чтобы дать указания, чтобы нас в чем-то поправить, с чем-то не согласиться из того, что мы делаем. Логика проста. Мы не нарушаем закон? Ни в коем случае! Мы законопослушные люди, а значит, можем спокойно заниматься своим делом. Я хочу провести конференцию или семинар - я их провожу, никто мне не диктует свою волю, не говорит: это можно, а это нельзя. Тем более это важно понимать, если посмотреть на Казахстан из заграницы. Сейчас Казахстан во многих отношениях занимает первое место среди стран постсоветского пространства, и особенно в той сфере, в которой я нахожусь, т.е. в сфере межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений, в развитии межнациональной общности, а это залог завтрашнего дня.

Дети знакомятся с родителями, а родители - с детьми

- Теперь о самом главном: расскажите о той работе, которая проводится в стенах этого уютного, доброго еврейского дома?

- Это очень просто, потому что мы с самого начала стали строить свою работу по целевым группам. Мы отдельно (условно отдельно) работаем с детьми, с тинейджерами, со студентами, зрелыми людьми, стараемся удовлетворить потребности каждой из этих групп именно в национальном аспекте. Вот, допустим, однажды летом мы провели совершенно фантастический лагерь «Молодая семья». Это родители до 35 лет вместе с детьми. Было отдано очень много сил подготовке этого мероприятия. На берегу Капчагая на 6 дней мы собрали 58 семей, около ста семидесяти человек, разделив их на 4 группы. И было очень интересно наблюдать за ними. Ведь в повседневной жизни родители и дети между собой общаются очень мало. А тут вдруг семья стала командой, когда дети и родители не просто вместе, они друг за друга. Удивительно то, что родители начинают знакомиться со своими детьми, а дети узнают, что папа может быть не только в шляпе и с

портфелем, но он и в футбол играет лихо, а мама так хорошо поет и танцует. Это дало очень много для укрепления семьи. И лозунг очень простой: «Хорошая, крепкая семья - хорошее, крепкое государство». Для нас это крайне важно - воспитание семейных ценностей. Причем, лагерь этот был международный, потому что мы собрали не только семьи из Казахстана, к нам приехали семьи из России и Кыргызстана. По большому счету Казахстан становится осью притяжения Центральной Азии в культуре, искусстве, литературе и в межнациональном общении.

- *Кстати, у вас несколько подразделений: хэсэд, ассоциация еврейских общин и еврейский центр «Римон». Какая между ними разница?*

- Все просто. В Алматы есть национальный культурный центр (он еще называется этнообъединение), где выбирается лидер, который представляет общину в органах власти. А хэсэд - это профессиональная структура, это организация, которая занимается благотворительностью: помощь слабым, одиноким, больным. Кроме того есть «Римон» - культурологическая профессиональная организация, которая строит свою работу вокруг культуры. Здесь у нас есть небольшая картинная галерея, библиотека, кружки по интересам, где дети учатся рисовать, петь, танцевать...

Дотянуться до своих корней

- *У меня такое ощущение, что Александр Барон до потери пульса предан делу, что личной жизни у него нет. Здесь, в ассоциации «Мицва», у него проходит вся жизнь. Здесь он готов находиться круглые сутки...*

- Категорически с этим не согласен! Я жизнелюб, и смею вас заверить, у меня есть дом и хорошая домашняя жизнь. Ландау был прав: если вы в 7 вечера еще не дома, значит, вы не смогли организовать свой рабочий день.

- *Тем не менее, вашими усилиями евреи Казахстана как бы обрели второе дыхание. Оно и впрямь, не каждый из них может уехать в Израиль. Но у меня такое ощущение, что чем больше их уезжает на Землю Обетованную, тем больше их обнаруживается здесь?*

- Существуют люди, которые вне своих национальных корней. Такие люди есть среди русских, украинцев, белорусов и т.д. Есть они и среди евреев. Советская власть немало в этом преуспела, пытаясь всех стричь под одну гребенку. Дескать, я по национальности советский - и всё тут! Убить национальное в человеке советской власти удалось. Ребятам из Казахстана посылали служить на Дальний Восток, а из Сибири - в Молдавию. Потерять свои корни легко, уже третье поколение может забыть о своих корнях. Нам надо учиться у казахов, потому что по законам степняков ты должен знать своих предков до седьмого колена. И каждый уважающий себя казах неукоснительно следует этому правилу.

А под занавес, итога сказанное, чтобы все было предельно ясно, резюме.

Александр Иосифович Барон - заместитель руководителя Ассамблеи народа Республики Казахстан, председатель совета республиканского общественного благотворительного объединения «Центр Забота - Хэсэд Полина». Родился в Алматы в 1948 году. Окончил факультет педиатрии Алматинского государственного медицинского института. Врач-педиатр, анестезиолог-ревматолог, иглотерапевт. Инициатор возрождения и развития еврейской диаспоры в Казахстане (1991). Член Президиума Всемирного конгресса русскоязычного еврейства и член Генерального совета Евро-Азиатского еврейского конгресса. Член Национального совета РК. Член комиссии по работе с молодежью Ассамблеи народа Казахстана. С 1992 года президент Ассоциации еврейских национальных организаций Республики Казахстан «Мицва».

2020 г.

"Подробности судеб тех, о ком
довелось мне писать, я пропускал
через душу свою и свой кровоток,
согревая дыханием и осенней турьюсь
ручей мыслью. Жизнь разгоря-
лась в глубинах газетных полос,
даруя им сокровенную неповтори-
мость.

И вот - опять восторг с любовью,
ставшими некогда друзьями и
близкими. Теперь уже не в ко-
лонках газетного текста, обжи-
гающих руки горячей повседнев-
ностью, а на страницах книги,
проекты в бескрайнюю ве-
нсеть."

Александр Аронович.

Данный сборник издается в рамках общинного проекта
ОЮЛ Ассоциации «Мицва» Республики Казахстан
«История. Память. Люди.»

Руководитель проекта: Александр Барон

Алматы
2021

